

*Не оставляй
меня одну*

Зоя Солнечная

Annotation

Изнасилование, боль утраты, одиночество — прошлое преследует ее даже сейчас, когда она наконец начала жить обычной мирной жизнью. Прошлое вернулось, забрав у нее покой. И опять двое, каждого из которых она любит, заставляют ее метаться между тьмой и светом, как когда-то давно.

Часть 1. Тогда и сейчас. // СЕЙЧАС. Обычная жизнь

Он грубо сжимает мою шею, прижимая к себе спиной, заставляя смотреть в зеркало. Странные мысли приходят в голову в такие моменты. За странные вещи цепляется внимание. Мои черные волнистые локоны растрепаны. В синих глазах горит страх. Темно. Его лицо позади меня, но я не различаю черт. Страх сжимает мое горло его пальцами.

— Смотри. Кого ты видишь?.. Отвечай! — пальцы сжались сильнее.

Я снова дернулась в сторону, но он лишь крепче сжал мою шею и запястья, скрученные веревкой за спиной.

— Я вижу там шлюху! — рыкнул он.

Он грубо швырнул меня на пол лицом вниз. Челюсть и плечо стукнулись о ковер. Обнаженное тело проехало по ворсинкам. Немного больно и очень неприятно. Он буквально вытащил меня из-под моего почти мужа, и вот я лежу здесь совершенно без одежды со связанными руками. За странные вещи цепляется внимание. Я часто дышу. Ковер пахнет пылью. Перед глазами — ножка комода. Вокруг мрак. Я уже не дергаюсь, бесполезно, просто лежу на животе, как бросили. Запястья, неаккуратно и сильно скрученные веревкой, ноют.

Я услышала, как расстегивается ремень, и чуть не рассмеялась в истерике. Он собрался меня выпороть как ребенка за то, что я собиралась заняться любовью с тем, кто мне нравился? Это похоже на глупую шутку. Не задушит же он меня этим ремнем в самом деле. И я, собравшись с силами, повернулась, чтобы бросить ему это в лицо и бесстрашно рассмеяться. Как раз к этому моменту его штаны упали. Отброшенный в сторону ремень звякнул бляшкой о пол. Он стоял надо мной, и злые глаза сверкали в темноте. От осознания того, что он собирается сделать, перехватило дыхание, словно он снова вцепился мне в шею. Он не станет меня пороть. Изнасилует. Мысль была настолько неожиданной, что я не сразу поверила в нее, ведь я так давно его знала. Он не может так со мной поступить.

Он свалился на колени и схватил меня за бедра, поднимая до своего уровня, раздвинул коленями мои ноги. Кричать бесполезно: моего благоверного он убил, а больше здесь никого нет. Только сейчас до меня дошел весь ужас ситуации, и я в приступе нерациональной паники рванулась в сторону, но пальцы сжали бедра до синяков, не оставляя мне шансов..

— Нет. Не надо... Не надо, пожалуйста!

Он остался глух к моим мольбам. Он вошел, и я захлебнулась своим криком. Вскочила на кровати, села, сбросив одеяло. Пальцы дрожали.

— Дорогая? — раздался сонный голос мужа рядом.

Сон. Всего лишь сон. Почему он снова стал сниться мне?

— Опять кошмар? — сочувственно спросил Николай.

Его рука легла мне на бедро поверх ночной рубашки и стала успокаивающе поглаживать. Я, все еще под влиянием остатков сна, еле сдержалась, чтобы не сбросить его руку, и лишь кивнула в ответ на его слова.

— Да. Опять.

Он обнял меня немного неуклюже сбоку, подбородок поставил на плечо. Темные короткие волосы обрамляли его суховатое вытянутое лицо. Глаза смотрели обеспокоенно. Он не был уродцем, но и красивым я бы его не назвала. Обычный человек со своими плюсами и минусами.

— Что тебе снится?

— Чудовище, — не было никакого желания объяснять.

— Ну, Вероника, — он расстроено скривился, — ты всегда так отвечаешь. Я спрашиваю не из праздного любопытства. Слышал, что если поделиться тем, что на душе, станет легче. А там, глядишь, и кошмар тебя мучить перестанет.

Я сидела в его руках не шевелясь, словно каменная. После этого сна я всегда долго приходила в себя.

— Мне снится безликое чудовище, — ответила я и добавила про себя...из моего прошлого. — Я пойду выпью кофе. Тебе налить чашку?

— Не нужно, спасибо, лучше чай, — он вздохнул и разжал объятия, устало откинулся назад на подушку. — Мне скоро на работу вставать. Буду собираться. Постарайся сегодня развлечься и выкинуть этот кошмар из головы.

— Хорошо, — покорно согласилась я и, накинув поверх рубашки халат, направилась на кухню.

Муж ничего не знал о моем прошлом, и знать ему не стоило. Николай был неплохим человеком и очень меня любил. Был честен. Не изменял. Но не могла же я ему сказать, что хоть и выгляжу, будто мне еще и тридцати нет, на самом деле мне сорок семь, и я заслуженный агент Отдела, обладающий сверхспособностями и отправленный в отставку почти десять лет назад. Николай считал, что я ничего не умею, кроме как играть на пианино. Отчасти так оно и было. Даже шитье мне не давалось, я умела только убивать. А еще, узнай он, очень бы удивился, насколько хорошим актером могла быть его жена. Но он не знал ничего.

Я поставила на огонь тяжелый чайник. Мысли сами текли в голове. Лениво, неторопливо. Все эти годы я жила будто в тумане. Пальцы сами открыли коробочку, взяли чайную ложку и насыпали кофе в чашку. Следом полетел кубик рафинада. Я села за стол в ожидании, пока согреется вода в чайнике. Стены небольшой кухни давили. После кошмара всегда казалось, будто воздуха — меньше, а помещения — теснее. Я опустила чайную ложку в чашку, и та звякнула о дно и край. Рядом начинала шуметь нагревающаяся вода. Мой взгляд бесцельно блуждал по белой тканевой скатерти чистого стола. Иногда в такие моменты мне казалось, что я медленно гнию заживо в этой такой нормальной жизни. Но я знала: это пройдет. К середине дня приду в себя. Прогуляюсь в парке под солнцем. Или пройду с подругами по магазинам и выберу себе новую шляпку. Жизнь текла размеренно и спокойно — так же, как и все последние годы. И мне это нравилось. Несмотря на такие дни, как сегодня, в остальные я даже искренне бывала рада. Сегодня же надо было лишь дотерпеть до полудня, когда мы с подругами встретимся и пойдем гулять. Снова пообсуждаем вышивку, скабрзные книжонки и мужчин.

Николай появился в дверном проеме, заправляя белую рубашку в черные штаны и застегивая темную жилетку.

— У меня сегодня много работы, клиент попался сложный. Надо перерыть несколько разделов законов, поискать лазейку, иначе могу снова проиграть дело, — сообщил он со вздохом, усаживаясь за стол рядом со мной.

— Ничего, не переживай. Ты справишься, — машинально ответила я, поднимая на него взгляд.

Засвистел чайник, заставляя меня подняться и достать еще одну чашку и вазочку с печеньем для мужа. Работал он адвокатом, и дела в последнее время шли не очень хорошо.

За спиной три проигранных дела подряд, что создавало ему не лучшую репутацию.

— Опять сегодня на прогулку со Светланой и Еленой? — поинтересовался он, наливая свой чай в блюдце, чтобы остудить.

— Да, — я кивнула, продолжая помешивать ложечкой.

Он всегда пытается со мной поговорить, интересуется делами. Ему не особенно интересны наши женские сплетни, но Николай изо всех сил старается быть хорошим мужем, и я это ценю.

— Скажи, Вероника... — он немного замялся, чем заставил меня посмотреть на него пристальнее из опасения, что что-то случилось, — а не могла бы ты поговорить со Светланой обо мне? Вы там по-женски это умеете.

О, ну конечно. Светлана была женой его начальника, через руки которого проходили судебные дела, и он мог предложить моему мужу дело попроще, что помогло бы сгладить нынешнюю весьма сложную ситуацию. Вот только проблема: у этой женщины не все было так хорошо с мужем, как у меня. Николай считал, что жена мужем может крутить как хочет, и я действительно могла, но она не я. Ее муж дурно с ней обращался, порой даже бил. Так что нам она вряд ли чем-то могла помочь, ей и самой-то помочь было некому.

— Я поговорю с ней. Но я ведь тебе уже говорила, какие отношения у Светланы с мужем. Помнишь?

— Помню, — муж вздохнул и немного сник. — Ладно, мне, пожалуй, пора. Приятного дня, дорогая.

Он допил чай, поцеловал меня на прощание и покинул дом. Я же еще долго сидела за столом с чашкой в ладонях и смотрела перед собой. Когда оставалась одна, я часто так делала, и каждый раз все пыталась найти внутри себя хоть какой-то отклик из пустоты в душе. На людях я это, конечно скрывала, но иногда Николай замечал меня в таком состоянии. Ему казалось, я грущу, и он никак не мог понять почему, но старался мне помочь как мог. И тогда я натягивала на себя улыбчивую маску и благодарила. Но сейчас я была одна, и не было нужды заставлять себя это делать. Оцепенение и пустота. Я жила мирной жизнью уже десять лет, и с каждым годом эта пустота росла. Может оттого, что я потеряла всё и всех — брата, любимого, подругу, сверхспособности — и вместе с ними себя. А может такая жизнь не по мне. Я пыталась жить, как нормальный человек, и зачастую у меня это получалось. Но сегодня, после этого сна, я как никогда остро ощутила разницу между той жизнью, что осталась позади, и спокойной, которой жила уже столько времени, и к которой после каждого такого сна приходилось так мучительно привыкать.

Поднесла чашку к губам. Кофе остыл. Я перевела взгляд на время. Оказывается, сижу тут уже два часа... Надо собираться, прогуляюсь до места встречи пешком.

Наше время — время новых технологий. В домах важных персон уже даже стоят телефоны. А мне все сложнее привыкнуть к такому. Изобретений становится все больше. Механизмы заполняют нашу жизнь. Велосипеды. Поезда. Паровые двигатели. Электричество! Все это удивительно и увлекательно. Даже сейчас, когда работа на Отдел закончена, я все еще интересуюсь новейшими достижениями физики, математики, даже немного биологии и химии в память о брате. Впрочем, общественности доступно не так уж много, вот в Отделе с этим было проще. Если, конечно, есть доступ соответствующего

уровня секретности.

Я шла по улице и разглядывала окружающие строения. Так сложно заметить изменения, если они происходят плавно. Вот к примеру здания. Десять лет назад все это было так похоже на то, что есть сейчас, но в то же время совсем другое. По стилю оформления, по внутреннему устройству. Архитектура не стоит на месте. И все же некоторые вещи не меняются. Например, извозчики. Так и норовят заехать колесом в лужу и обрызгать мое недавно выстиранное платье. Проще говоря, меняются технологии, но не люди.

Прямо рядом со мной остановилась повозка, отвлекая от размышлений.

— Вероника! — из повозки замахала рукой моя подруга Елена — Чего ты пешком идешь? Садись, доедем.

— Прогуляться решила, — я улыбнулась ей и направилась к повозке. — Смотри какая погода хорошая.

— Успеем еще сегодня нагуляться, — отмахнулась та и подвинулась, освобождая место рядом.

Когда я села, повозка тронулась, и Елена с улыбкой обратилась ко мне:

— На завтра все в силе? А то ты последние недели стала отлынивать от тенниса. Нехорошо, Вероника, — она шутливо погрозила пальцем.

Я любила теннис. Он позволял не терять форму. Отдел наложил свой отпечаток на всю мою жизнь, и я не мыслила ее себе без физических нагрузок. Но последние недели пустота в душе заставляла все чаще забываться, чаще сидеть часами, уставившись перед собой, тщетно ища хоть какие-то мысли в своей голове.

— Да, завтра я точно приду. Ох, Елена, какая у тебя шляпка сегодня!

Вообще-то мне было все равно, но я делала вид, что увлекаюсь шляпками, заодно это была та самая тема, на которую болтушка-Елена всегда легко и с удовольствием переключалась. Подруга зарделась от похвалы и воодушевленно защебетала о том, как она выбрала именно эту светлую розовую шляпку, как чудесно она подходит к золотистым волосам и узорам на ее таком же светло-розовом платье, как эта шляпка подошла бы мне, и прочую чушь. Я слушала ее, очень естественно улыбалась и даже что-то отвечала, несмотря на то, что на самом деле ничего не чувствовала. Елена отвлекала меня от пустоты в душе, и я радовалась этому. Да, в мирной жизни определенно полно преимуществ. Меня не пытаются убить на каждом шагу. У меня не отнимают близких. Я могу спокойно обустроить свой личный уголок, свой дом, свою жизнь...

— Приехали! — радостно воскликнула Елена.

Встретиться мы все должны были здесь, у входа в небольшой скверик. Собирались погулять, затем пройтись по магазинам. Может прикупить пару новых платьев. Свои деньги я тратить не собиралась из-за ситуации на работе у мужа, но составить компанию подругам была не прочь.

Светлана уже ждала нас. Одевалась она, как обычно, в темно-зеленое платье, которое неплохо подходило к ее каштановым волосам. На встречу она пришла с дочерью. Машутке, как мы ее все называли, было всего пять лет, и она была милостивой и очень живой девочкой, так что мы ее просто обожали. Машутка была наряжена в светло-зеленое платьице, узкополую соломенную шляпку, как у матери, и держала тюльпан в руке. Девочка обожала цветы.

Сегодня вместе со Светланой стояла еще одна незнакомка — брюнетка в синем платье — и держала за руку мальчика лет семи, тоже темненького в самых обычных темных штанах,

светлой рубашке и темной жилетке.

— Кто это? — на ухо спросила у меня Елена, когда повозка остановилась.

— Не знаю, — так же тихо ответила я ей.

— Светлана! — радостно защебетала Елена, выходя из экипажа. — Здравствуй!

— Добрый день, — с улыбкой поздоровалась я сразу с обеими дамами.

— Здравствуйте, — Светлана улыбнулась и указала ладонью на незнакомку. — А это Кристина Серова, мы познакомились на последнем приеме у моего мужа.

Она представила женщине нас, и, обменявшись любезностями, мы направились по магазинам. Что ж, похоже, в нашей компании теперь будет на одну даму больше, и я ничего не имела против.

Сегодня наш путь лежал через нитки и ленты. Елена хотела смастерить себе особый цветочек для шляпки и быстро взяла нашу новую знакомую в оборот. Они нашли много общего на почве рукоделия, поэтому так получилось, что мы разделились на две пары. Я стояла рядом со Светланой, которая держала за руки обоих детей, включая Григория, сына Кристины. А его мать и Елена активно обсуждали ленты, перед которыми стояли. Отличная возможность поговорить.

— Как у тебя дела с мужем? — негромко спросила я, решив зайти издалека.

Светлана погрустнела.

— Никаких изменений. Не думай об этом, Вероника, — она покосилась на общающихся девушек. — О, смотри-ка, а вон та лента и правда неплоха. Побудь с детьми, я тоже взгляну.

Да, видимо, дела совсем плохи. Кто знает, возможно, у нее и сейчас под платьем синяки. Как-то раз я помогала ей с выбором наряда и заметила их. Светлана этого очень стеснялась, да и боялась гнева мужа, поэтому Елене мы так ничего и не сказали. Что ж, в чем-то я ее понимала. Но иногда хотелось наплевать на все, проявить свои умения, обретенные в Отделе, и избить ее мужа, а лучше попросту убить, но я сдерживалась.

— Тетя Лазарева, — Машутка требовательно потянула меня за рукав, а затем протянула ладошку.

Ну да, действительно, я и забыла про них. Я взяла их за руки и окинула детей взглядом. Маше пять лет, а Григорию семь. Столько же было нам с братом, когда мы попали в Отдел...

Мы находились на втором этаже нашего родового поместья. Мы — Князевы Владислав и Вероника. Брат всегда проводил со мной много времени и очень любил меня. Вот и сейчас, поздним вечером, мы сидели в моей любимой комнате перед камином, и он читал мне книгу на ночь. Мы сидели в разных креслах, а на столике между нами стоял мой любимый яблочный сок. На мне уже была ночная сорочка, скоро наступит время ложиться спать. Мне нравилось слушать его чтение, всегда было так уютно и хорошо, что сон потом очень быстро приходил. Внезапно снизу раздался громкий хлопок. Я не поняла, что случилось, а вот Влад, бросив книгу на кресло и сказав мне сиди здесь, быстро выбежал из комнаты. Даже закладку не заложил, чему я удивилась. В моей пятилетней голове не укладывалось, что могло случиться что-то страшное, ведь мир интересен и так же добр, как мои родители и брат. Так что поведение Влада вызвало лишь любопытство, и я сползла с кровати. До выхода из комнаты дойти не успела. Влад ворвался внутрь и схватил меня за руку:

— Беги за мной, не отставай!

Он потащил меня по второму этажу к узкой лестнице для слуг, ведущей в кухню. Снизу раздавался какой-то треск и грохот, словно там ломались диваны и кресла.

— Что случилось?! — я все-таки забеспокоилась.

— Тише. И не смей реветь.

— И не собиралась! — обиделась я.

— Тише!

Он сердился, и я решила замолчать, чтобы не расстраивать брата. Влад втоптал меня в кухню и попутно схватил со стола нож, а меня подтащил к погребу.

— Спрячешься тут и будешь сидеть тихо. Тебя не найдут. А потом я или родители вернемся за тобой. И сиди тихо, как мышка, что бы ты ни услышала, поняла?

Я кивнула. Он оттащил в сторону ящик, который прикрывал и без того не слишком заметный вход в погреб и схватился за тяжелую крышку в попытке открыть, но не успел. В комнату вошел мужчина и следом за ним, покачиваясь, еще один. Второй выглядел странно. Одет в лохмотья, цвет кожи какой-то серый, а глаза вместо радужек затянуты белесой пеленой, будто он слеп. Он стоял, слегка покачиваясь, и... не дышал. Словно передо мной был труп. Мертвец. Первый мужчина выглядел более пристойно, хотя оттенок его кожи тоже был бледноват. Увидев нас, он широко улыбнулся.

— Вот вы где, детишки. Не умеете в прятки играть.

— Вероника, беги!

Влад пихнул меня в сторону маленького кухонного окошка, а сам бросился на мужчину с ножом. Маленький семилетний ребенок решил пожертвовать жизнью ради спасения своей сестры. Ради меня. Я же, растерявшись и испугавшись, заревела навзрыд и осталась стоять рядом с окном. Мужчина легко перехватил руку Влада, вырвал у него нож и одним ударом сломал нос, вырубив его этим из сознания, а затем бросил тело на пол.

— Да, девочка, бойся меня, — он глубоко вдохнул воздух с ухмылкой маньяка. — Твой страх так сладок. Он придает мне сил.

Я затихла, глядя на неподвижное тело брата. Любимого брата, проводившего со мной

времени больше, чем родная мать. Кажется, именно в тот момент я повзрослела. Во мне загорелась жажда мести, и я со злостью бросилась на мужчину, стала бить кулачками по его груди, только туда и дотягивалась.

— Больше не боишься, — разочарованно протянул он.

Мужчина схватил меня за ночную рубашку, скомкав ее в кулаке, и поднял меня. Я воспользовалась тем, что он приблизил меня к лицу, и попыталась вцепиться ему в глаз. Мужчина успел отдернуть голову и скривился в недовольной гримасе. Его рука с ножом, отнятым у Влада, замахнулась, но удара не последовало. Раздался еще один громкий хлопок, какой я уже слышала, когда все началось. Выстрел. Горячая кровь с его головы брызнула на меня.

Белая ночнушка. Черные растрепанные волосы. Свежая кровь на лице. Яркие синие глаза. Наверное, пятилетняя девочка в таком виде представляла собой жуткое зрелище, потому что появившийся рядом мужчина в синей форме, сотрудник Отдела, отшатнулся от меня и выругался. Потом, впрочем, быстро взял себя в руки и гаркнул, обернувшись к себе за спину:

— Эй, есть выжившая!

В тот день у меня не осталось семьи, кроме брата. Влада сразу отправили в больницу и быстро поставили на ноги. Нас обоих отправили учиться, как и подобает отпрыскам великого рода Князевых, не забывая при этом готовить и к службе в Отделе.

Как мне позднее стало известно, наш предок много поколений назад был одним из основателей Отдела и отличился в борьбе с чудовищами того времени, после чего многие поколения его потомков работали на эту организацию. Однако начиная с нашего деда, традиция прервалась. Дед и отец с Отделом уже не сотрудничали, а мы с братом и вовсе в курсе не были. И вот теперь, благодаря такому стечению обстоятельств, Отдел снова получил в свое распоряжение нас, Князевых.

Весь день мы с подругами гуляли и развлекались. Новая знакомая оказалась весьма живой и интересной собеседницей. Лично мне в ней что-то не нравилось, но это вполне могла быть обычная неприязнь, которую я всегда испытываю к новым людям, которые попадают в мой круг общения. Под вечер мы с Еленой съездили в теннисный клуб и здорово поиграли, что сильно подняло мне настроение. Несколько раз, как и всегда, мне пришлось незаметно поддаться подруге, чтобы та не чувствовала себя ущемлено и не бросила это занятие. Я не смогла бы остаться одна, устала от одиночества. Расстались мы с ней на веселой ноте и разъехались по домам, но прежде было надо заехать в Отдел.

Каждый месяц нужно было являться к ним на короткую процедуру. Мне вводили инъекцию, блокирующую способности. Это, а также запрет на выезд из страны, были обязательными условиями моей нормальной жизни. Первые пару лет отставки за мной следили, я часто замечала хвост: по сравнению со мной они новички, что с них взять, я знала в лицо слишком многих, даже тех, с кем не была знакома лично. А после все плавно сошло на нет. Следить за мной перестали, к ним я заезжала регулярно и без возмущений, и в конце концов от меня отстали. Впрочем, я не сомневалась, что если не явлюсь вовремя хотя бы раз, меня притащат силой, и все возобновится.

Величественные своды здания Отдела мне всегда нравились. Позолота и белый мрамор поражали воображение. Помню, когда первый раз увидела это великолепие, когда ступила на мягкий бордовый ковер под ногами, я была воодушевлена не меньше брата. Тогда здесь царила суета. Сегодня, как и последние несколько лет, здесь как будто стало тише. Впрочем, кто знает, возможно, так лишь кажется, и вся суета переместилась за те двери, которые ныне закрыты для меня. Я кивнула охранникам, с которыми мы давно знали друг друга в лицо, подобрала края своего бежевого платья и села в общей приемной. Соломенную шляпку сняла и опустила на колени, а пальцами встряхнула волосы, они после такого всегда сами правильно укладывались. Попутно я поймала со стороны охранников пару взглядов чисто мужского интереса. Впрочем, это неудивительно. Подходя сюда, я всегда немного расшнуровывала платье, оно как будто душило меня в мирной жизни. Здесь я ощущала себя свободнее и легче и могла позволить себе небольшие вольности. В конце концов, я работала на Отдел больше десяти лет, и это место для меня такое же родное, как и дом.

Я ждала и ждала. Очень долго. Даже взгляды охранников уже утомили. Стрелки на часах ползли медленно, будто тянули за душу. Странно, обычно Евгений появляется вовремя. Он должен был сопроводить меня в специальное помещение, путь в который я знала чуть ли не лучше него и вполне могла дойти сама. Но таковы правила, он обязан меня сопровождать. Евгений — врач, химик. Я в своем роде уникальна: только я прихожу за инъекцией, и делает ее мне всегда он. Почему только я? Потому что больше союзных Отделу сотрудников вроде меня, в живых не осталось. Евгения я знала еще ребенком, ему сейчас около тридцати пяти лет. Он один из немногих, кто еще помнит меня как действующего агента. В свое время он даже был моим поклонником.

— Госпожа Лазарева! — а вот и он. — Извините, что заставил ждать.

Седоватый сухонький мужчина стоял, нервно потирая руки. Белый халат растрепанно болтался, измазанный в буро-черной грязи, смутно похожей на засохшую кровь. Впрочем,

если так оно и было, я бы не удивилась.

— Рад вас видеть в добром здравии. Чудесно выглядите, как всегда, — он действительно обычно был рад меня видеть. — Прошу, идемте.

Я встала и последовала за ним.

— Какие-то проблемы? — поинтересовалась я больше из учтивости, нежели из интереса, впрочем, и не без последнего.

— Ох, при всем уважении, не могу сказать, — он развел руки в стороны, извиняясь. — Секретность, сами понимаете.

Я понимала. И донимать его вопросами дальше не стала. Каждый раз мы шли одним и тем же маршрутом — по лестнице вниз, затем по коридору налево, но сегодня мы свернули в другой коридор, и мне это не понравилось. Подозрительность, давно задремавшая от размеренной мирной жизни, ныне подняла голову.

— Куда мы идем? — напряженно спросила я.

— О, не беспокойтесь. В общем смысле вы правы, у нас небольшие проблемы, и вам придется подождать еще минут двадцать-тридцать, у меня безотлагательно срочное дело, уж простите, пожалуйста. Но по правилам я не могу оставлять вас ждать в рабочей приемной, — мы остановились у двери одной из больничных палат. — Прошу вас, подождите внутри. Я буду вынужден закрыть дверь, но это ради вашей же безопасности.

— Я и так просидела здесь чертову уйму времени, а теперь вы хотите запереть меня, — я скрестила руки на груди и нахмурилась. — Скоро муж домой вернется, и мне бы не хотелось объяснять, где я пропадала. Или, может, вы лично хотите писать объяснительную, почему Отделу придется придумывать для меня способы сохранить тайну?

Он занервничал сильнее. Неудивительно, моя репутация опасной стервы все еще работает на меня.

— Но вы ведь и без инъекции уйти не можете. Христом-богом вас прошу, госпожа, время. Я и так между молотом и наковальней. Заходите скорее.

Мне крайне не нравилось происходящее, но выбора у меня в любом случае не было. Пришлось зайти.

— Я постараюсь быстрее, — уверил меня Евгений, запирая дверь.

Я осмотрелась. Белоснежная небольшая комнатка. Чистая койка аккуратно заправлена. Тумбочка у кровати. Ковер под ногами. Все это заставило меня поежиться. Я прекрасно знала, что изнутри эта комната не запирается, только снаружи. Я уже была в такой, когда мне было восемнадцать, и никогда ее не забуду...

— Я принял важное решение.

Влад стоял перед мольбертом с палитрой и кистью в руках. Он делал мой набросок как обычно увлеченно, не замечая, что вся его белая рубашка уже давно покрылась цветными пятнами, и не только она. Краска была везде: на молодом двадцатилетнем лице, на черных вьющихся, как у меня, густых волосах, собранных в небольшой хвост и даже на штанах.

— Какое решение? — не поняла я. — Женишься?

Я лениво развалилась в кресле в длинном домашнем халате, поджав под себя ноги, опираясь на подлокотник боком. Мне всегда нравилось позировать ему, и это совсем не было скучно. Наблюдение за тем, как самозабвенно он отдается тому, чем занимается, приносило массу удовольствия. Если братец женится, то я лишусь своего любимого занятия. Очень жаль.

— Нет, — он общался, не отрываясь от работы, его взгляд то и дело бегал между мной и мольбертом. — Помнишь, Отдел искал добровольцев для их новой экспериментальной инъекции?

Он что, собрался согласиться? Несколько месяцев назад химики Отдела разработали инъекцию вещества, которое неофициально уже успели назвать черной кровью. Основная ее составляющая — вещество черного цвета, которое обнаружили в крови наших главных врагов, культистов бога Гхатота, коих мы сокращенно звали гхаттитами. На людях инъекция еще не тестировалась, и химики честно предупредили, что с большим шансом возможен летальный исход, однако если все пройдет успешно, у испытуемого откроются невероятные нечеловеческие способности. Несмотря на такой лакомый кусочек, желающих рискнуть жизнью пока не находилось.

— Нет! Ты не имеешь права так поступить. Я против. Ты можешь погибнуть! — возмутилась я, нервно заерзав в кресле.

— Не шевелись! — недовольно рыкнул брат. — Я сказал, что уже принял решение. Я не спрашиваю разрешения, а ставлю тебя в известность. И это не для того, чтобы ты меня отговаривала.

У меня все внутри перевернулось. Это конец. Судя по тону голоса, он не отступится. А мне ведь казалось, что он никогда не бросит меня. Да всю жизнь так было! Он всегда был рядом, помогал, заботился. Всегда был больше, чем просто братом. Он был моей семьей. Всем для меня.

— А обо мне ты подумал?! — я вскочила с кресла в ярости. — Что мне делать, если ты умрешь?!

— Будешь жить! — он опустил кисть и пристально посмотрел на меня. — Ты уже не маленькая, выживешь без меня.

— Да при чем тут выживание? Мне это не требовалось с тех пор, как Отдел взял над нами опеку! Мне нужен ты! Живой и невредимый! Неужели это так сложно понять?

— Я — агент Отдела уже два года в отличие от глупой тебя, которая стала им всего месяц назад, он указал кистью в мою сторону. — Ты еще не понимаешь, но агенты своей смертью не умирают никогда, они погибают в бою! Не хочу кончить, как все, это бессмысленно. А с этой инъекцией у меня есть шанс получить силу. Огромную силу! И я

смогу отомстить этим тварям за наших родителей.

— Да никому ты не сможешь отомстить, ты умрешь! Умрешь, даже не сражаясь! И это будет еще более бессмысленно!

— Ты ни черта не понимаешь! Сядь обратно и не дергайся, — последняя фраза была сказана тем спокойным твердым тоном, которым он обычно заканчивает разговор.

Во мне кипели гнев, обида и боль — взрывоопасное сочетание. Я буквально подлетела к мольберту и, выплескивая эмоции, отшвырнула его в сторону. Ножки сложились, а тонкое дерево еле слышно треснуло.

— Зачем мне эта картина, если ты решил бросить меня?!

— Я никогда тебя не брошу, — он зло уставился мне в глаза. — И не смей говорить обо мне так, будто я уже мертв.

От злости и избытка эмоций уже наворачивались слезы. Я ударила его по руке, выбивая палитру, второй шлепнула по щеке. Он попытался меня схватить, но кисть в руках помешала, я смогла вывернуться, убежала в свою комнату и заперлась. Прислонившись спиной к двери, я наконец дала волю слезам.

На моей ладони отпечаталась черная краска с палитры, словно черная кровь. Я стала яростно тереть ее, пытаясь избавиться, но добилась лишь того, что чернота расползлась мне по обеим рукам, будто захватила новую территорию. Черная кровь прилипла ко мне и не желала отпустить. Именно в этот момент, глядя сквозь слезы на черные ладони, я приняла свое решение.

— Вероника! — брат ударил в дверь ладонью. — Открой немедленно!

Я провела ладонями по лицу, стирая слезы, и только после этого распахнула дверь.

— Ну чего тебе?! — рявкнула я на него.

Он окинул меня внимательным взглядом и резко шагнул вперед. Я рефлекторно отшатнулась, а он схватил меня и прижал к себе, сдавил в объятиях:

— Я не умру, Вероника, потому что мне есть ради кого жить. Я получу силу и уничтожу гхаттитов и всех темных тварей. Верь в меня.

Он погладил меня по волосам, и от этого стало так тепло на душе, что я снова всхлипнула и, обняв его в ответ, пробормотала:

— Я очень боюсь тебя потерять...

Именно сейчас, сказав мысль вслух, я осознала, насколько сильно боюсь, и слезы снова потекли в два ручья. Я оплакивала то, что еще не случилось, и наслаждалась заботой и чувством защищенности, которые он мне давал. Я не мыслила своей жизни без него. Он еще долго стоял так со мной и гладил по голове, ожидая, пока я выплесну эмоции и приду в себя. Когда рыдания стихли, он отстранил меня и большим пальцем провел по влажной щеке.

— У тебя по всему лицу черная краска, — сказал он, словно извиняясь за это, и улыбнулся.

Он редко улыбался, и всегда только мне. И я улыбнулась в ответ. Я посмотрела на его лицо в красной краске и провела влажными от слез пальцами, оставляя на щеке темно-красные разводы:

— У тебя тоже. Только красная. А теперь еще и черная.

Он усмехнулся и тыльной стороной руки провел себе по щеке, посмотрел на руку и, убедившись в моей правоте, покосился на меня:

— Все из-за тебя.

А я не выдержала и рассмеялась, отпуская скопившееся напряжение. Я тоже люблю

тебя, Влад, и не пушу по этому пути одного. Ты узнаешь об этом, но не сейчас. Мы с тобой оба получим эту силу. И снова все станет как прежде, мы будем вместе. Мы оба станем лучшими агентами в истории Отдела. Вот мое решение.

Боль. Тупая боль рвала голову. Я металась по кровати в полубреду и стонала, не в силах сдерживаться. Запястья ради моей же безопасности удерживались плотными кожаными ремнями, прикрепленными к койке на коротких цепях. Белый потолок белоснежной комнаты. Белые простыни и подушка. Тумбочка у кровати. Ковер на полу. Даже больничная сорочка на мне белая. И тупая боль в висках. Ненавижу эту комнату. Это длилось уже три дня, и мне яростно хотелось выбросить из себя эту боль, выплеснуть куда угодно, лишь бы избавиться от нее.

Мы оба сделали это месяц назад. Он тогда не сказал мне ничего, но я и так поняла, слишком хорошо его знала, слишком внимательно следила. На следующий же день это сделала и я. Моим единственным условием согласия на эксперимент было сокрытие этого факта от брата, по крайней мере до того, как все случится. Мы были единственными подопытными, поэтому выбора у руководства не осталось, и они согласились на мои условия. Поначалу после инъекции никаких изменений не наблюдалось. Все началось лишь через три недели. Брату стали сниться кошмары. Я слышала, как он стонал во сне по ночам и приходила к нему, чтобы разбудить и успокоить, но он неизменно прогонял меня, не любил выглядеть уязвимым. А потом у него стала темнеть кровь. Все вены, артерии и даже капилляры стали отлично видны сквозь кожу, которая приобрела бледный, как у гхаттитов, оттенок. И тогда химики посоветовали Отделу забрать его из дома под их постоянный надзор.

Со мной ничего подобного не происходило, и я даже решила, что на меня черная кровь не сработала, пока однажды через пару дней после госпитализации Влада не свалилась без сознания прямо в здании Отдела. Моя кровь потемнела, а кожа побледнела за считанные минуты, процессы хоть и начались позже, но шли значительно быстрее, чем у брата. В больничную койку меня отправили сразу.

С момента прихода в сознание я все время испытывала боль в голове. Она то накатывала волнами, то ненадолго успокаивалась, но лишь для того, чтобы ударить по мне с новой силой, и никакие обезболивающие не помогали. Я так устала от этой боли, что начала кусать себе руки, лишь бы приглушить одну боль другой. На все увещания со стороны наблюдавших меня врачей и химиков я наплевала, поэтому они приняли решение приковать меня к кровати этими кожаными наручниками.

Боль в очередной раз стихла, и я перестала стонать, расслабилась, в ужасе ожидая новую волну. Я не могла больше это выносить. Не могла и не хотела. Уж лучше наложить на себя руки.

— Отпустите меня! — закричала я, срываясь на хрип, голосовые связки не выдерживали постоянных криков. — Я хочу уйти! Отпустите!

Никакого ответа не последовало. Мир вокруг будто вымер. И вновь накатила волна боли.

Нет-нет-нет, только не опять! Не надо! МНЕ БОЛЬНО!

Кажется, я прокричала это. А может и нет, потому что мое горло не издало ни звука. Но

я уверена, что прокричала.

Боль бьет в виски тупым молотком. Внимание цепляется за странные вещи. Белый потолок. Белые стены. Тумбочка у кровати. Ковер на полу. Статическое электричество потрескивает рядом с ухом.

Внезапно пришло осознание, что меня услышали. Пять человек, все в разных местах. Один — около моей комнаты, но снаружи. Охранник. Еще двое — поодаль, их головы забиты формулами и спором, желанием отстоять свою точку зрения. Химики? Еще один охранник около другой комнаты. И брат. Мой брат был совсем рядом, через одну комнату от меня. Я не слышала его и не могла слышать, звукоизоляция здесь отменная, но я уверена, что он близко, и он слышал меня.

ВЛАД!

Я звала его так сильно, как не звала никогда. Хотелось, как в детстве, свернуться калачиком у него в руках, слушая сказку, и спокойно уснуть под его голос. Хотелось так сильно, что из глаз потекли слезы. Черные слезы. Боль снова ненадолго отступила, оставив меня бессильно шевелить скованными конечностями. Снаружи донесся шум и грохот.

— Прочь с дороги! — я услышала грозный рев своего брата.

Настоящий рык зверя, способного на все. Он рядом. Он стремится ко мне. Он идет. И сметет все преграды на своем пути. Кому-то он причинил боль. Кого-то лишил сознания. Я знала это. Ощущала. И наконец дверь распахнулась. Он ворвался внутрь в такой же, как у меня, белой больничной сорочке. Встретившись со мной взглядом, он на мгновение замер. У нас одинаковые глаза — некогда синие, но теперь черные,

испещренные проступившими черными капиллярами. На его лице кровь. Кровь тех, кто пытался его остановить. Красная кровь, так похожая на краску.

— Вероника!

Он был невероятно зол, что я тоже тоже рискнула жизнью и приняла черную кровь. Потому что боялся за меня. А еще я ощущала, как его раздирает физическая боль, которую он, словно берсерк, в данный момент игнорирует. А вот моя рядом с ним утихла. Или мне так показалось.

Влад бросился к моей койке и в пару рывков оторвал наручники, словно они крепились тонкими нитками, а не металлом. Вокруг его рук витал черный дым, но я не обратила внимания. Брат поднял меня на руки и прижал к себе. Я обняла его и всхлипнула, уткнувшись в шею.

— Почему ты здесь? — спросил он обеспокоенно, а затем повторил свой вопрос зло. — Почему ты здесь?! Отвечай!

— Я не брошу тебя, — прохрипела я шепотом сорванного голоса. — Не брошу. Что бы ты ни сделал. Куда бы ни пошел. Я буду с тобой. Я не брошу.

Мои черные слезы намочили его белую в брызгах крови сорочку. Он устало сел на кровать, продолжая прижимать меня к себе. Опустил губы мне в волосы. Я ощутила, как боль, что раздирала его тело, стихает, и улыбнулась этому. Мне тоже было хорошо и спокойно рядом с ним, и никакой боли. Он, продолжая одной рукой обнимать меня, второй приподнял подбородок и заглянул в глаза.

— Выпороть бы тебя, как неразумного ребенка, кем ты и являешься.

Я ощущала во Владе огромную усталость и моральную боль за меня. Он не хотел, чтобы я сделала то, что сделала, и злился на меня за это, но сейчас было не время об этом говорить. И он не стал.

— Ты сказал, что я уже взрослая. И я приняла решение. Мы либо вместе получим силу, либо оба умрем, — прохрипела я.

Он усмехнулся и провел мне большим пальцем по щеке, стирая слезы:

— У тебя по всему лицу черная краска.

И я не смогла не улыбнуться. Я посмотрела на его лицо в крови и провела влажными от слез пальцами, оставляя на его щеке темно-красные разводы:

— У тебя тоже. Только красная. А теперь еще и черная.

— Все из-за тебя.

И я рассмеялась от переживаний и поднимавшегося во мне ликования. Я знала: он был готов убить их всех, лишь бы добраться до меня. И знала, что будь я на его месте, поступила бы так же.

Из-за двери раздался громкий вой, выдернув меня из воспоминаний и заставив вздрогнуть. Я все еще стояла посередине этой небольшой белой комнатки, утопая туфельками в ковре. Снаружи донесся новый вой, переросший на этот раз в хрип и затем стихший. Я подошла к двери и прислушалась, любопытство невовремя высунуло свой нос. Помнится, пару недель назад ночью меня разбудил очень похожий звук. Муж, конечно, уверил, что это дикая собака, и спорить я тогда не стала, вот только я знала, как воют собаки и даже волки. Этот звук был другим. Человеческим.

Уже через пару минут зашел Евгений. Я еле успела отпрянуть от двери и принять невозмутимое выражение лица. Он успел надеть чистый белый халат и теперь выглядел вполне пристойно

— У вас тут, будто в лесу, — я не удержалась от ехидства.

— Простите? — он растерянно посмотрел на меня.

— Говорю, волки воют. Как в лесу.

— А... да, конечно... — он замялся, но быстро взял себя в руки и достал из кармана шприц, снял крышечку, в левой руке он уже держал вату. — Если вы не против, я бы хотел поскорее закончить с вашими делами на сегодня и отправить вас домой.

— Делайте свое дело, — я отодвинула рукав платья и протянула руку.

Домой я возвращалась в смешанных чувствах. С одной стороны, хотелось понять, что же случилось, а с другой — меня это все уже не касается. Немного поразмыслив, я решила, что мирная жизнь мне нравится и лезть в дела Отдела нет никакого резона, так что остальной путь я обдумывала, как объяснить мужу, почему меня так долго не было. Пожалуй, скажу, что решила прогуляться и шла пешком. Натянуто, конечно, но он не должен ничего заподозрить, я действительно иногда так поступаю.

Добравшись до дома, я выяснила, что опасалась зря. На столе лежала записка от моего благоверного с его росписью в конце: Забегал домой днем. Сегодня вечером у нас собрание по случаю дня рождения одного из моих коллег, поэтому сегодня вернусь поздно. Целую, не скучай, дорогая. Что ж, оно и к лучшему. Спокойно вздохнув, я легла спать в одиночестве.

Мы с Еленой ждали на месте встречи вот уже пятнадцать лишних минут, но ни Светланы, ни Кристины не было.

— Ну как можно быть такими безалаберными! — распиналась Елена, ожидание и бездействие всегда раздражали ее. — Неужели нельзя было выйти из дома пораньше, чтобы не опаздывать? Надеюсь, у них уважительная причина, например, колесо у экипажа отвалилось или конь сдох, иначе какой пример они показывают детям!

— Кстати, как у тебя с этим? — я решила сменить тему, потому что ее недовольное нытье мне за эти пятнадцать минут уже надоело.

— С чем? — она легко отвлеклась, как и всегда.

— С детьми. Скоро нам ждать твоего первенца? — я улыбнулась, перестав выискивать взглядом экипаж с подругами, и пристально посмотрела на Елену.

— Ах, ну что ты о таких вещах спрашиваешь... — она смутилась и, раскрыв веер, стала быстро нервно им обмахиваться. — Стыдно же.

— Ничего не стыдно, — возразила я и, улыбнувшись еще шире, сделала к ней шаг поближе, начав говорить тише. — Расскажи, мы же подруги. Пробуете детишек-то сделать?

— Ну... — она отвела смущенный взгляд в сторону и заметно покраснела. — Пробуем, конечно, чего б не попробовать. Да только все пока никак.

Она помолчала секунду, а потом перевела взгляд на меня и, прикрывая рот веером, спросила совсем тихо, почти шепотом:

— А у тебя как? Ты-то замужем уже три года, подольше, чем я.

Пришла очередь мне смущенно отводить глаза в сторону. На самом деле я не смущалась ни капельки, но ситуация требовала создать видимость обратного.

— Мы пробуем. Тоже пока не получается. Но мы не так давно пробуем.

— Грустно, наверное, твоему мужу без наследника-то? — сочувственно спросила Елена, а веер снова нервно задвигался в ее руках, создавая потоки воздуха. — Смотри, как бы не бросил. Или любовницу не завел.

— Что ты, он меня любит. Да и какой наследник от любовницы?

— Тоже верно... О, а вот и они! — Елена сложила веер и, подняв руку высоко вверх, помахала кому-то за моей спиной.

Я обернулась. Повозка подъехала и остановилась, но из нее вышла только Кристина с сыном.

— Здравствуй. А где Светлана? — спросила я, нутром почуяв неладное.

— Да, где она? — привычно влезла в разговор Елена.

— Я заезжала к ней, но она даже не вышла. Через слуг передала извинения и сказала, что сегодня остается дома. Весьма некультурно с ее стороны, могла бы извиниться и лично, — Кристина недовольно скривилась, но потом улыбнулась. — Но достаточно о ней, у нас еще осталось несколько магазинов с лентами, предлагаю пройтись по ним.

Елена согласно закивала и обратилась ко мне:

— Знаешь, я думаю, Светлана и правда поступила нехорошо, так что не будет ничего страшного, если сегодня мы обойдемся без нее.

А я стояла и думала, что это совсем не в стиле Светланы. Она не такой человек. В людях я разбиралась очень неплохо, в конце концов некогда моей основной способностью было копаться в чужих головах и знать чужие мысли. И вот сейчас мне даже способности были не нужны, чтобы понять, что что-то не так.

— Вы идите, — отозвалась я. — Я как-то дурно себя чувствую.

— Ну же, не отрывайся от общей компании! — возмутилась Елена, конечно же понявшая, что дурно я себя не чувствую. — Ничего с твоей Светланой не случится, не переживай ты так. У тебя на лице все написано.

— Я должна проверить, — твердо сказала я Елене.

— Ах так! — взвилась та. — Ну и езжай к своей Светлане, а мы с Кристиной и без вас найдем чем заняться и о чем поговорить. Правда?

Последнее адресовывалось уже Кристине, и та поддакнула в ответ. Неужели Елена ревнует? Впрочем, пусть. Это не мое дело. За секунду растеряв весь интерес к собеседнице, я развернулась к дороге и подняла руку:

— Извозчик!

— Ну и черт с тобой! — возмутилась Елена и, схватив под руку Кристину, потащила ее в

сторону ближайшего магазинчика.

Камердинер Светланы стоял в дверном проеме и впускать меня внутрь не собирался:

— Госпожа изволит отдохнуть, — сообщил он мне извиняющимся тоном с небольшим поклоном. — Ей нездоровится. Она крайне извиняется и со всем уважением просит ее не беспокоить.

— Она просила меня лично зайти к ней, — искренне солгала я и направилась прямо на него, рассчитывая, что под моим напором и уверенностью он отступит.

Иногда такие вещи срабатывали, но увы, не в его случае, мужчина не двинулся с места, продолжая закрывать собой проход:

— Прошу простить, но насчет вас у меня не было указаний.

— Ну так идите и уточните! — грозно возмутилась я. — Это личная просьба Светланы, так что сами и будете объяснять ей, почему не пустили меня!

Все-таки камердинер немного поддался и согласно склонил голову в полупоклоне-полукивке:

— Прошу вас, проходите. Подождите, пожалуйста, здесь, в гостиной, а я уточню у госпожи распоряжения насчет вас.

— Уж будьте любезны, — недовольно отозвалась я, входя в дом.

Он поднялся на второй этаж, а я тихо и незаметно проследовала за ним. Он остановился у двери спальни Светланы и постучался:

— Госпожа, к вам прибыла госпожа Лазарева. Пустить ее?

Не дожидаясь ответа, я выскочила на коверную дорожку и полубегом бросилась к ее двери. Камердинер сразу встал у меня на пути, но прикоснуться в силу правил приличия не решился, а я не стала распускать руки, хотя легко могла скрутить его так, что он и пискнуть бы не успел.

— Светлана! Открой немедленно! — громко закричала я. — Я не уйду, пока мы не поговорим, даже если ради этого мне придется залезть к тебе через окно! И поверь, я точно упаду и сломаю шею! И все из-за тебя!

— Госпожа Лазарева, я настаиваю, чтобы вы ушли! — грозно сказал камердинер. — Госпоже нездоровится, не тревожьте ее, пожалуйста, иначе я, при всем уважении к вашей персоне, буду вынужден принять соответствующие меры.

— Светлана! — снова крикнула я.

Дверь ее комнаты приоткрылась.

— Пропусти ее, — изнутри раздался ее тихий голос.

— Прошу вас, — тот моментально сменил гнев на милость и даже слегка поклонился мне, как того требовали приличия.

— Вот то-то же, — я вздернула подбородок и подошла к оставшейся приоткрытой двери.

Света внутри не было. Тяжелые шторы, закрывавшие окно, создавали в комнате мрак, в который я собиралась сейчас вступить. Но мне ли бояться тьмы. Я шагнула внутрь, снедаемая беспокойством за подругу. Ее голос был слишком тих и печален, и не надо было читать мысли, чтобы предположить случившееся. Впрочем, все это лишь теории, стоило убедиться в своих догадках, прежде чем делать выводы.

— Светлана, что случилось? — я прикрыла за собой дверь, и в комнате стало совсем темно.

Подруга стояла перед кроватью в дальней части спальни спиной ко мне. На ней была надета ночная сорочка, а рядом с кроватью на стуле стоял маленький тазик с водой и мокрым полотенцем для компресса. Ко мне она не повернулась, закрыла лицо ладонями и еле слышно всхлипнула.

— Светлана... — я подошла ближе, не зная, что сказать и как утешить, положила пальцы ей на плечи, успокаивающе провела до локтей, смягчила голос. — Ты можешь мне все рассказать. Правда. Я ведь твоя подруга.

— Вероника! — она резко обернулась ко мне и с рыданиями бросилась в объятия, пряча лицо в мои волосы. — Я так больше не могу. Не могу так больше! Я же ради дочери все это делаю. Не могу уйти от него. Мне все равно, о чем кумушки по углам будут судачить, но он же Машутку мне не отдаст! А я ни за что не оставлю девочку ему. Но я так больше не могу!

Я мягко обняла ее и стала поглаживать по спине, ничего не отвечая. Не думаю, что ей сейчас нужны мои слова, пусть просто выговорится.

— Он пришел ко мне этой ночью пьяный. Потребовал второго ребенка, он всегда хотел мальчика, — она всхлипывала через слово, голос дрожал. — Сказал, что если я не забеременею снова и не рожу ему наследника, он убьет и меня, и мою дочь. А я не могу, не получается. Мы уже год пробуем, не получается. Не понимаю, за что господь так меня невзлюбил, муж ведь убьет меня. И Машутку. Он может. Я уверена. Он может...

К последним словам она совсем обмякла у меня в руках от избытка эмоций и истерики.

— Присядь, — ласково проговорила я, словно ребенку, и мягко потянула ее вниз, на кровать. — Давай, садись.

Всхлипывая, она подчинилась и закрыла лицо в ладонями. Я опустила ладонь ей на волосы и погладила. Каждому из нас иногда нужна материнская забота, сколько бы нам ни было лет. Мой брат это понимал, и иногда я получала ее от него, даже когда повзрослела, и я это ценила.

— Знаешь, у меня есть для тебя предложение, — негромко произнесла я, раздумывая, стоит ей об этом говорить или нет. — Я знаю, как решить твою проблему.

— Правда? — она недоверчиво подняла лицо.

Лучи солнца, проникавшие из-за краев штор наконец позволили мне увидеть причину, по которой она не покидала комнату. Эти синяки на лице она при всем желании не смогла бы скрыть. Да уж, муженек ее вчера постарался. Глядя на это, у меня задрожали пальцы от желания отомстить за подругу, и я решилась сказать:

— Мое предложение — крысиный яд.

— Не понимаю тебя... — она недоумевающе смотрела на меня.

— Подсыпь ему в еду крысиный яд. Если подобрать дозу, он закончит свои дни как и положено крысе, а ты получишь его состояние, и твоя дочь будет в порядке да еще и с приданным на будущее. Не говоря уже о том, что он тебя больше и пальцем не тронет: мертвецу это сложно сделать.

— Да что ты такое говоришь?! — Светлана вскочила с кровати. — Побойся бога, Вероника! Как ты можешь мне такое предлагать?!

— У тебя нет другого выхода! Если ты не сживешь его со свету, это сделает с тобой он. И если на себя тебе наплевать, подумай о дочери. Ты сама говоришь, он хочет сына, ему не нужна дочь!

— Уходи из моего дома! — у Светланы задрожали губы, словно она вот-вот снова впадет в истерику. — Немедленно убирайся вон! И не приходи больше!

Глупая девчонка. Я бы на твоём месте уже давно убила бы его. Но слова так и остались невысказанными. Я молча покинула её дом.

ТОГДА. Крысиный яд

Мне было шестнадцать, когда я впервые влюбилась. Леонид — темноволосый обаятельный красавчик, по которому сохли многие мои подруги. Помню, как подошла к нему и, жутко краснея, предложила стать парой. Думала, откажется, ведь мой поступок выходил за рамки всех приличий, девушке не пристало быть инициатором отношений, но он согласился. И вот мы уже два месяца как вместе и сегодня это случилось! Я впервые в жизни занималась любовью. Было странно и очень необычно, но мне понравилось! Все прошло отлично, и он почти прямо сообщил, что хотел бы разделить со мной будущую жизнь, намекал на помолвку. Вряд ли брат будет доволен, что я потеряла невинность до свадьбы, но я уверена, что скоро Леонид придет к нему просить моей руки, вот тогда ему все и скажу.

Я стояла спиной к дверям своего дома, повернувшись к Леониду. Я ожидала от него приятного прощания, поцелуя, ведь мы уже почти муж и жена. Леонид сделал шаг ближе, приобнял за пояс. Сердце бешено заколотилось в приступе восторга. В такие моменты я всегда ощущала все более остро, замечала даже мельчайшие детали. Его пальцы напряглись на моей талии. Лицо приблизилось. Дыхание скользнуло по губам. Теплые губы коснулись моих. Радостно чирикали птицы. Сердце колотилось в ребра. Его пальцы скользнули мне за спину, прошуршали по одежде. Ощущения от поцелуя почти как с братом, но все же брат целовался лучше. Скользнуло воспоминание, как я прошу его научить меня целоваться, а он смеется надо мной, за что получает обиженную пощечину. Это ж надо было мне так нахамить. Но потом он извинился и научил. И благодаря ему я не ощущала себя неумехой, что не могло не радовать. Но конечно же я никому и никогда не расскажу об этом маленьком интимном кусочке своей жизни.

Леонид отстранился, провел мне по плечам:

— Я зайду завтра? Провожу до занятий.

— Заходи, — я разулыбалась так, что готова была затмить солнце.

Он кивнул и пошел прочь, а я быстро нырнула в дом и только после этого, прислонившись к двери спиной, схватилась за пылающие щеки. Он любит меня! Нет, правда! Любит! Нет ничего более прекрасного, чем взаимная любовь! От счастья хотелось петь и танцевать.

Брат вышел из комнаты, остановился в гостиной и окинул меня внимательным взглядом:

— Выглядишь так, будто влюбилась.

— А может и влюбилась, тебе что? — я смутилась, глупая улыбка не желала уходить.

— Мы картину вчера не закончили.

— Завтра, — отказалась я и, не дожидаясь новых комментариев, шмыгнула в комнату.

Следующее утро прошло в тумане удовольствия. Я сияла от счастья и гордости, пока Леонид меня сопровождал. Я входила в учебное заведение под руку с ним, ощущая себя королевой. На занятия нам пришлось разойтись по разным помещениям, но эйфория счастья все равно витала со мной. В какой момент ко мне подседа однокурсница, я не заметила, но это было и не важно. Несмотря на наши далеко не лучшие взаимоотношения, сегодня мне не было до нее дела.

— Вероника, добрый день, — произнесла она противным приторным голосом. —

Смотрю, ты очень довольна.

— Пришла побрызгать ядом? Так сегодня, моя дорогая змейка, у тебя ничего не выйдет. Я люблю весь мир, и даже тебя, — я улыбнулась ей не менее ехидно, чем она мне, и подалась в ее сторону, снижая громкость голоса и с трудом сдерживая злорадное ликование. — Я знаю, ты давно пыталась наложить лапу на Леонида, да он все нос воротил, и знаешь, есть от чего. Одним словом, завидуй молча, будь добра. Он мой.

— О, позволяю тебе витать в твоих грезах, слепая курица. Днем он делал вид, что твой, а ночью снова пришел в мою постель. Леонид любит развлекаться с простушками вроде тебя, девственницы — его хобби. Да вот только возвращается он всегда ко мне. Так что, дорогая моя, твой первый мужчина тебя попросту поимел и теперь выбросит на помойку, где тебе самое место.

Я уставилась на нее. Нет, не может такого быть! Он же встречается со мной! Мы почти помолвлены! Он мой!

— Мда, с фантазией у тебя сложности, — я отвернулась от нее, с трудом сохраняя самообладание. — Хочешь задеть меня — придумай ложь поубедительнее.

— Более всего задевает правда, — она усмехнулась. — Впрочем, не хочешь верить — твое дело. Вот только враги обычно честнее друзей.

Этим же вечером я проследила за ним. Больно было видеть, как он идет к дому этой шлюхи. Как целует ее прямо на пороге. Как прижимает к стене. Как они оба вваливаются внутрь, когда их страсть разгорается все сильнее и сильнее. Дальше смотреть не стала. Достаточно. И тогда в моей голове родился план. Крысиный яд.

На ближайшем празднике через неделю я засыпала эту отраву в ее любимую фляжку с ромом, которую она прятала в своей сумке. И она, не заметив привкуса в крепком спиртном, выпила все. На следующее утро ее отправили в больницу с отравлением. С Леонидом к тому моменту я конечно уже рассталась.

Спустя пару дней я сидела на подоконнике боком к стеклу, обняв ноги. Щека — на коленке, взгляд направлен в никуда. К этому моменту боль и обида поутихли, и мне стало стыдно, что я отравила ее. В ней столько яда, что она и без меня вполне спокойно захлебнется им.

Брат сосредоточенно рисовал. Эта картина была особенно сложной, поскольку она должна была быть в сумерках, но сумерки — время, которое очень быстро превращается в темноту ночи, поэтому Влад корпел над ней далеко не один вечер.

— Что с тобой? — спросил он, продолжая наносить штрихи. — Ты в последние дни слишком тихая. А ведь всего пару недель назад ходила радостная. Дела в учебе под откос пошли?

— Я ее чуть не убила... — я нервно прикусила нижнюю губу.

— Кого? Ты с кем-то подралась? — он уточнил это так спокойно, словно я каждый день сообщаю такие новости.

— Однокурсница, — я покусала нижнюю губу, и только потом продолжила. — Я ей крысиного яда подсыпала, и она чуть не умерла.

Услышав это, Влад перестал рисовать, опустил кисть и внимательно посмотрел на меня. Я подняла на него глаза и сразу опустила. Было стыдно так искренне желать чьей-то смерти. Никто не знал, что это сделала я, и тяжесть вины давила. Было жизненно необходимо поделиться этим, и теперь, когда я это сделала, стало легче. И уже неважно, как он теперь

поступит и что скажет: отругает, осудит, сдаст Отделу как преступницу — лучше так, чем молчать или лгать. Я снова подняла на брата глаза в ожидании приговора.

— За что? — спросил он.

— За Леонида...

Я снова прикусила губу и опустила взгляд. Обида и боль были все еще свежи в памяти, и я чуть не разревелась. Выговориться хотелось, да и брату мне еще нужно было кое-что рассказать. Ох, что сейчас будет...

— Мы переспали... — я покосилась на Влада, но тот молчал, продолжая внимательно слушать. — Леонид днем делил постель со мной, обещал быть только моим, а потом каждую ночь проводил с ней, и она смела тыкать мне этим в лицо. Я не стала терпеть обиду и отомстила.

— Хорошо, — ответил Влад и снова вернул взгляд и внимание к мольберту.

— Хорошо? И это все, что ты скажешь? — моему удивлению не было предела.

— Да. И опусти щеку обратно на коленку, я рисую, — он сделал еще пару мазков, вздохнул и опустил кисть. — Ладно, к черту. Солнце уже почти село. Ложись спать.

— Спать? Время детское, — возмутилась я.

— Потому и говорю, иди спать, — брат шутил с абсолютно серьезным лицом.

— Дразнишься! — я прыгнула с подоконника. — Сейчас подушкой в тебя запущу!

Он усмехнулся, складывая мольберт и краски:

— Лучше положи ее себе под голову. Это будет полезнее. И да, сегодня ночью меня не будет.

— Опять по чужим постелям шататься пойдешь? — я уселась на кровать и усмехнулась, как обычно делал он.

— Мала еще про такие вещи думать, — в шутку хмыкнул Влад. — Спокойной ночи.

С этими словами он привычно потрепал меня по голове и ушел. Братец у меня знатный ловелас, так и норовит побольше дамочек в постель затащить. И у него получается! Не понимаю, что они все в нем находят.

Как он вернулся, я услышала лишь под утро. Негромко хлопнула дверь, и я не посчитала нужным просыпаться. В конце концов, Влад уже закончил обучение, и сейчас пара месяцев передышки, прежде чем его официально примут в Отдел, а мне еще два года учиться и потому рано вставать. Но все же это показалось странным, обычно он не возвращался так рано. Причину я поняла лишь днем, когда за ним явились люди из Отдела:

— Владислав Князев, вы обвиняетесь в нападении на студента Леонида Карамазова и нанесении ему тяжких телесных повреждений, которые могли повлечь летальный исход...

Следующие три дня я провела в одиночестве, пережевывая свою обиду и коря жизнь за несправедливость. Все подруги на меня обиделись: одна — за предложение отравить ее мужа, остальные две — за то, что не поддержала их бойкот в отношении третьей. Елена и Кристина были неправы в отношении Светланы, просто не знали об этом. Светлане же я от чистого сердца предложила решение ее проблем, а в итоге оказалась крайней везде. Моими единственными занятиями стали чтение книг и вышивание, и на третий вечер я поняла, что вот-вот свихнусь, и с этим надо что-то делать. Например, помириться с подругами, и плевать на гордость.

Сегодня у нас с Еленой должна была состояться игра в теннис, и я решила воспользоваться этим. В помещение клуба я вошла с твердым намерением восстановить хорошие отношения хотя бы с ней. С подругой я встретилась перед входом в раздевалку.

— А, Вероника. Здравствуй, — сухо произнесла она. — Как жизнь?

— Елена, извини.

— О, не за что извиняться. Все хорошо. С тобой было приятно проводить время, пока я не поняла, какая ты на самом деле. Это ж надо додуматься — яд предложить!.. — она запнулась. — А впрочем, что я перед тобой распинаюсь? Всего хорошего.

Светлана рассказала им о моем предложении с крысиным ядом... И конечно умолчала о причине — своем муже и его побоях. У меня опустились руки. Я ведь ей по-секрету, чисто по-женски доверилась, а она разболтала. И теперь я потеряла их всех. Да и слухи наверняка поползут... Кошмар.

— О, Кристина! Ну наконец-то! Опаздываешь!

С этими словами бывшая подруга нырнула в раздевалку, а Кристина даже не взглянула в мою сторону. Она заняла мое место в жизни Елены. Вот так легко. Еще одна капля несправедливости упала в мою чашу терпения. Однажды она переполнится, и тогда я сама не знаю, что натворю. Я растерянно постояла еще немного, решая, как поступить, но ничего не придумала и уже развернулась уходить, как почти уперлась носом в мужчину — симпатичного, светловолосого, лет двадцати-двадцати пяти. Он был одет в длинный коричневый плащ, такого же цвета штаны и бежевую рубашку — самые обычные и ничем не примечательные. Одежда сидела небрежно, словно он одевался впопыхах. В руках мужчина держал сумку с одеждой для тенниса.

— Я тут стал невольным свидетелем вашей ссоры, госпожа... — он замолчал, ожидая от меня подсказку.

— Вероника Лазарева.

Я ответила машинально, даже не задумавшись, потому что, откровенно говоря, мне было все равно. Навалилась апатия, и мне хотелось лишь одного — поскорее остаться в тишине и покое, чтобы хоть как-то пережить очередную несправедливость жизни.

— Никита Кузнецов. Ну так вот. Я сегодня тоже один, как перст, госпожа Вероника. Мой друг бросил меня сегодня ради женщины. И я подумал, может скрасим друг другу этот не самый лучший вечер за партией в теннис, раз уж мы все равно сюда пришли? — в его глазах светились смешинки.

Он буквально сиял жизнью, а в глазах светился азарт охотника, почувшего добычу. Я

даже мысленно усмехнулась. Эта добыча тебе не по зубам, малыш, но поиграть я с тобой не прочь.

— Может, — я согласно улыбнулась.

Отличный шанс, было бы глупо упустить его, несмотря на то, что предложили мне не самую пристойную вещь. Правила приличия позволяли мне играть в теннис только против женщин, а ему — только против мужчин.

— В таком случае жду вас на поле номер два после того, как переоденетесь, — он закинул сумку за спину, подмигнул мне и направился в сторону своей раздевалки.

Я собрала волосы в пышный черный хвост и нацепила обтягивающую мужскую одежду — штаны, футболку. На теннис я предпочитала одеваться так, хотя Елена всегда неодобрительно на это косилась — неприлично, надо в юбке. Никогда не понимала, какая может быть юбка, если предстоит прыгать и бегать. Впрочем с Еленой это требовалось редко, она не самый умелый игрок, и мне часто приходилось играть далеко не в полную силу, иначе у нее не было ни шанса на победу.

Когда я вышла на теннисное поле, Никита уже стоял там и ловко подбрасывал мячик ракеткой, не давая ему упасть. Заметив меня, он остановился, отсалютовал мне ракеткой и направился на свою сторону поля.

— Обещаю не ставить вас в неловкое положение, госпожа Вероника, — произнес он, отдаляясь. — Играть в полную силу было бы нехорошо с моей стороны.

И почему он так фамильярно обращается, по имени? Я же называла ему свою фамилию.

— А вы попробуйте, господин Никита, — в тон ему отозвалась я.

Во мне разыгрался азарт. Этот малявка считает, что играет лучше меня. А может быть своими словами он и пытался вызвать у меня именно это чувство? Что ж, будем считать, что на провокацию я поддаюсь.

— Я уважаю вас, — громко ответил он с другой стороны поля и с усмешкой закинул ракетку на плечо. — Поэтому не могу принять ваше предложение.

Какое же у него высокое самомнение. Захотелось стереть эту усмешку с его лица и объяснить, что если он мужчина, это не значит, что он по умолчанию побеждает.

— В таком случае вы проиграете этот матч, так и не получив всей полноты ощущений от сражения с достойным соперником, — на этот раз усмехнулась я. — Даю вам три матча, чтобы серьезность моих намерений стала очевидна даже для вас. А после играем до конца отведенного времени. Победитель получает желание, исполняемое побежденным. Что скажете, господин Никита?

— Просто Никита, — отозвался тот со своей стороны. — И ваше предложение крайне заманчиво. Заметьте, вас за язык никто не тянул.

Какие мы самоуверенные. Я чуть глаза не закатила. Сделала подачу. Мой соперник, действительно серьезно взялся за дело, отбил подачу и пришлось даже постараться, чтобы пробить его защиту и выиграть.

— Неплохо! — отозвался он со своей стороны, помахав ракеткой.

— Тогда может начнем прямо сейчас? Зачем время терять? — крикнула ему я.

— Нет-нет, еще два матча! Разогреемся! А может, вы сами после них признаете поражение и захотите сдаться мне на милость, — он решился на откровенный флирт.

— Я не сдаюсь на милость слабакам, — сама не знаю, зачем решила так открыто оскорбить его, наверное задел профессиональную гордость.

Он ничего не ответил, и на этот раз мы забили по очереди: сначала он, потом я. Общий

счет стал два-один в мою пользу, и надеюсь, мой новый знакомый наконец признал, что противник ему попался серьезный.

— Вы меня удивляете, Вероника! — крикнул он со своей стороны, раскручивая ракетку так, словно та была мечом.

— А вы меня нет. Старайтесь лучше! — следом за этой словесной подачей полетел и мячик.

Вот теперь игра пошла. Весь час мы бились не на шутку, а почти насмерть. Мое тело приятно ныло, наконец получив то, чего так хотело — приятную физическую нагрузку. Я смогла сбросить моральное напряжение и полностью отдалась игре, забывшись на этот час. Гоняла по полю ловко и быстро, применяя полученные в Отделе навыки, совершенно забыв, что женщине так не положено и даже почти грешно. Никита не отставал, тоже носился, будто сумасшедший, перестав со мной общаться и сосредоточенно гоняя мяч. Когда прозвенел звонок, возвещающий об окончании времени, мы оба еле стояли на ногах. Счет был в мою пользу.

Никита, уставший, взлохмаченный и взмокший, как и я, устало плюхнулся на пол рядом со мной. Я к этому моменту уже сидела, опираясь на ракетку.

— Обалдеть, — произнес Никита, оперся ладонями по бокам от себя, а затем и вовсе откинулся на спину, тяжело дыша.

— Согласна, — я так же устало плюхнулась на спину рядом, пытаюсь привести дыхание в норму, а затем негромко рассмеялась.

Меня переполняло удовольствие и восторг. Давненько такого не было. Приятная истома растекалась по телу, словно у меня только что была отличная ночь. Я отдыхала как физически, так и морально. Отпустили все тревоги и апатия. Хотелось смеяться и танцевать. В кои-то веки я радовалась жизни, и вместе с этим пришло нездоровое чувство юмора.

— Ты проиграл мне желание. Готов его выполнить? — я с ухмылкой повернула лицо в его сторону.

— Для вас, Вероника — все, что угодно, — Никита повернулся ко мне, глядя прямо в глаза, и расплылся в улыбке.

— Совсем все?

— Ага.

— Ты точно уверен? Мое желание будет весьма необычным.

— Звучит интригующе с каждым новым вопросом. Рассказывайте уже, госпожа Вероника, не томите.

И я, ухмыляясь, рассказала.

Жизнь на улице перед теннисным клубом текла своим чередом. По дороге гоняли извозчики, стучали копытами лошади. Люди прогуливались по тротуарам. Небольшая стайка из голубей и воробьев клевала крошки хлеба, которые подбрасывала им пожилая пара. Внезапно все птицы взметнулись в воздух, когда через них промчался совершенно обнаженный мужчина.

— Да! Да! Черт подери, да! — восторженно вопил Никита.

Пожилая пара сопровождала его изумленным взглядом. Прохожие стали оборачиваться на шум и останавливаться в шоке. Какая-то женщина, охнув, закрыла глаза дочери. Никита,

пользуясь всеобщим замешательством и, как следствие, отсутствием помех, подскочил к ближайшей паре незнакомых дам, схватил одну из них за щеки и впился в губы. Через несколько секунд он отпустил несчастную, и продолжая вопить да! нырнул обратно в помещение клуба. Женщина изумленно проводила его взглядом, а затем, осознав случившееся, наконец упала в обморок.

Сказать, что я была удивлена, значило сильно преуменьшить. Своей выходкой он просто поверг меня в шок. Радостный до чертиков, Никита влетел обратно в помещение раздевалки и стал быстро натягивать одежду:

— Да! Я это сделал, мать его!

— Я же сказала перед выходом, что можно этого не делать!

Он с улыбкой покосился на меня, стоя в одних штанах и держа в руках рубашку, словно красовался своим телом. Меня на такие простые уловки не возьмешь, впрочем, надо признать, там в самом деле было на что посмотреть. Парень натренирован — никакого лишнего жира. Мышцы пресса приятно проглядывали, и мои ногти буквально заныли от желания добраться до них. Широкий разворот плеч и прямая натренированная спина привлекали точно так же, наверняка ему будет меня совсем легко поднять. Я бы обняла его ногами, а он бы прижал меня спиной к стене и...

— Да я подумал, будет прикольно, — его голос вырвал меня из грез, и Никита улыбнулся, то ли догадываясь о моих мыслях, то ли ровно наоборот, совершенно не подозревая о них.

О чем это он? Я отвлеклась и совсем забыла предмет разговора. Ах, ну да, он же выбежал голым на улицу, выполняя проигранное мне желание.

— Идиот... — произнесла я, а на губах расплылась улыбка.

Я вдруг поняла, что мне легко рядом с ним. Так легко мне бывало только с Михаилом. Стирая улыбку с лица, тяжелым комом навалились воспоминания.

С тех пор, как мы с братом получили инъекцию, прошло четыре месяца, мне как раз исполнилось девятнадцать. Каждый из нас получил дар, и свой я назвала эмпатией, потому что постоянно ощущала настроение окружающих. Как я уже успела выяснить, дар весьма обширен и включает в себя не только это. Еще я могла мысленно общаться с другими людьми, управлять их действиями, видеть их глазами, но для всего этого требовалось прикосновение. Я раз за разом испытывала свои силы, ища границы возможностей, пробовала все, что только взбредает в голову, и открывала все новое и новое. Удивительное ощущение всемогущества.

Влад свои способности называл темным шаманизмом, а впоследствии для простоты некромантией. Его спектр возможностей тоже был весьма широк: поднять мертвеца, упокоить, проклясть человека или снять проклятие, вызвать духа. Его навыки Отделу были более полезны, потому что очень походили на возможности нашего главного врага — гхаттитов, а Влад мог не только накладывать подобные заклинания, но и нейтрализовывать их эффект. А вот чем в этом смысле могла помочь я — оставалось вопросом. Но я не сдавалась, ища новые и новые применения своему дару.

Сегодня в Отделе было тихо, но тишина была мрачной, давящей. Поскольку мы с братом выжили и ничего страшного не случилось, инъекцию посчитали более или менее удачной, и сверху спустили решение массово распространить ее среди агентов Отдела. Дело в том, что в последнее время чудовища начали вылезать из своих щелей, а гхаттиты становились все сильнее. Сил агентов — обычных смертных людей — не хватало, они погибали на заданиях, а вот дар черной крови давал значительно больше шансов на успешное выполнение. Тем более, что всякое сверхъестественное было не единственной нашей целью, ведь мы — государственная организация, и иногда к нам приходили задачи самого разного рода, в том числе вполне обычные вроде задержания крайне опасных преступников или быстрых заданий под прикрытием. Всем агентам предложили крупную денежную компенсацию в счет будущих болезненных ощущений, но обязали всех принять эту инъекцию.

Несколько человек отказались и перешли из Отдела в военные государственные органы, но таких были единицы. Остальные согласились, и это стало их ошибкой. Печальный результат этого решения не распространяли даже среди сотрудников Отдела, но с моим даром скрыть от меня такие яркие мысли было попросту невозможно.

В течение последнего месяца все агенты получили инъекцию. И вот теперь стали привозить первых людей, у которых начались болевые приступы и знакомые симптомы — бледная кожа и почерневшая кровь. Из первого десятка погибло уже трое, я слышала, как громко думают об этом наши химики. Они не понимали, что происходит, ведь мы с братом выжили. В итоге пришли к выводу, что выборка была недостаточной, но дело уже было сделано. Все, получившие инъекцию, умирали. А ведь многих из них я знала. Так или иначе мы сталкивались в стенах учебного заведения, многие будущие агенты учились там. Мне было морально больно находиться в здании Отдела, потому что эмоции химиков и врачей были очень тревожными и нервными, они все думали о смерти своих подопечных, а я — о тех, кого помнила и кого больше никогда не увижу. Я не навещала никого из них, к ним попросту не пускали, но даже если бы это было не так — я не пошла бы. Всегда больно

терять знакомых людей, даже если они не близкие друзья. Я ощущала бесконечное одиночество, и только брат меня поддерживал. Он уже не умрет, он справился, выжил. Его я уже не потеряю.

Химики день и ночь проводили на своих местах без сна и отдыха, потому что счет шел на часы, людей надо было спасать. Вот только все потуги оставались тщетными, никакого нейтрализатора попросту не существовало. Тогда я не знала, что все это было не случайно, и нас всех попросту хотели убить, а Отдел тем самым очернить и закрыть.

Я шла по коридору с кипой бумаг в руках. Отчеты, отчеты, отчеты. За последние дни мне пришлось заполнять столько документов, сколько не заполняла за всю свою жизнь. Канцелярская крыса, а не боец и сыщик, вот кем я себя ощущала. Тащиться с этими бумагами через весь второй этаж было неудобно, и я решила срезать путь по первому. Ошибочность этого решения стала очевидна, когда путь мой пошел мимо белых комнат, в одной из которых не так давно была и я. Сейчас там находились другие люди. Много людей. Охраны у белых дверей не было, только один человек мрачно болтался по коридору туда-сюда, готовый в любой момент вызвать подкрепление, если что-то пойдет не так, но все знали, что все пройдет как надо: те, что находятся в этих комнатах, обречены. Я уже неплохо управлялась с даром, поэтому не слышала их эмоции, закрывалась, они для меня были шепотом на границе сознания. И все же один такой голос привлек мое внимание. Михаил. Я узнала его.

Мы учились в одном учебном заведении, и подруги нашептали, что парень в меня влюблен. Было это два года назад, когда мне было почти семнадцать, а ему — восемнадцать. Я решила это проверить, и стала уделять ему больше внимания, больше общаться с ним, и в конце концов Михаил и сам признался. Я тогда все еще была не в себе после содеянного Леонидом, поэтому так вежливо, как только могла, отказалась и предложила стать просто друзьями. Он расстроился, но согласился. Дружбы не получилось, мы мало общались, а через пару месяцев у него уже был выпуск, и учебу он покинул, став агентом Отдела, как и мой брат. Михаил был старше меня на год и младше Влада на столько же. В стенах Отдела мы с ним пересекались редко и ограничивались лишь кивками, совместных заданий у нас не было.

Я остановилась напротив его двери. Он ведь умирает там. Умирает, как и все они. Михаил мне в общем-то нравился, приятный парень, умный, веселый, хотя и несколько нерешительный. Я прикусила губу, чтобы на глаза не навернулись слезы. Захотелось зайти к нему, чтобы хотя бы попрощаться, да так сильно захотелось, что я махнула рукой на правила и покосилась на охранника. Тот, заметив мой взгляд, кивнул. В лицо меня и брата знали уже давно как первых прошедших через инъекцию.

— Госпожа Князева, — поздоровался он, глядя, как я к нему подхожу.

— Послушайте, тут такое дело... — я немного замялась, а затем быстро умоляюще зашептала. — Здесь в палате лежит мой друг. Вы не могли бы впустить меня? Я понимаю, что не по правилам, но прошу вас, он ведь умрет, вы ведь знаете, что они умирают, вы видите, как выносят их трупы. Позвольте мне попрощаться с ним. Я обещаю, никто не узнает!

— Ох, госпожа Князева... — охранник озадаченно почесал затылок. — Мне нельзя, вы же понимаете.

— Я найду, как отблагодарить вас! Это очень важно для меня. Ну пожалуйста!

— Простите, госпожа...

Он собрался отказаться. Ну и к черту! Я перехватила бумаги одной рукой, а второй схватила его за руку, мысленно приказав замереть. Парализация — одно из последних моих изобретений, причем крайне полезное. Я прикрыла глаза и сосредоточилась. Через десяток секунд охранник без сознания свалился на пол. Я не могла делать это быстро, требовалась концентрация, и парализация помогала обездвижить жертву, чтобы та не мешала. Я оставила рядом с телом бумаги, пошарилась по карманам охранника и вытащила связку ключей. Нужный искать не пришлось, на всех ключах были номера комнат.

Я вошла к Михаилу. Белая комната. Ненавижу белые комнаты. Как и я несколько месяцев назад, Михаил лежал на койке под белым одеялом, скованный ремнями за запястья. Закрыв глаза, он тяжело дышал и стискивал зубы, чтобы не поддаваться боли, но получалось с трудом, и в дыхании сквозили еле сдерживаемые стоны. Мое сердце болезненно ныло, когда я смотрела на все это, и я успела уже несколько раз пожалеть, что пришла. Я прекрасно понимала, что он чувствует, и ничем не могла ему помочь. Ненавижу бессилие больше всего на свете.

Я присела на койку рядом с Михаилом и сдвинула светлые волосы со лба, коснувшись его. Холодный, влажный. Парень устало приоткрыл глаза. Это зрелище я уже видела: черные венки прорезали белки глаз, сходясь к черной радужке. Когда-то его глаза были рыже-коричневые. Я запомнила их цвет, потому что он отлично сочетался с цветом его волос. Михаил вымученно улыбнулся мне, и я его понимала, мне тоже было тяжело улыбаться в те дни.

— Вероника...

Его рука шевельнулась в попытке подняться, но звяканье цепочки напомнило о наручниках. Тогда он просто приподнял пальцы и положил мне на колено поверх темно-синих штанов — стандартной формы агента Отдела. Его глаза успокоенно закрылись:

— Не уходи, Ника. Пожалуйста. Рядом с тобой хорошо.

Никой я позволяла себя называть только брату, но сейчас все возражения застряли в горле.

— Я здесь, здесь, — поспешила успокоить его я и положила ладонь ему на лоб.

Он тихо глубоко вздохнул и окончательно расслабился. Но он не умер, я касалась его и ощущала, что он жив, просто уснул. В этот момент в комнату ворвалось три человека: два охранника и один из наших химиков.

— Госпожа Князева! — начал химик с порога. — Что вы себе позволяете?

Его взгляд упал на спящего Михаила, и он смягчился, решив, что Михаил мертв.

— Госпожа Князева, он был вам близок, полагаю. Но негоже сейчас...

— Он не был, — перебила я его. — Он жив, просто уснул.

— У вас шок, — начал заговаривать зубы химик, пока охранники медленно обходили меня с обеих сторон. — Послушайте меня. Свой здравый смысл послушайте.

Их мысли и опасения в головах были настолько явными, что даже если бы химик вслух приказал им окружить меня, я бы обратила на это меньше внимания. Я резко встала, и для охранников это послужило сигналом к действию. Они бросились на меня и быстро схватили под плечи и за запястья. Это было ошибкой: они коснулись моей кожи.

— Выведите ее отсюда! — повысил голос химик.

— Замрите! — рывкнула я вслух, отправляя приказ в их головы, а затем обратилась к химику. — Я вам серьезно говорю, он не мертв, проверьте пульс.

Химик как-то заторможенно посмотрел на меня, а затем моргнул и произнес:

— Не уходи, Ника.

Я обалдело уставилась на него, затем бросила быстрый взгляд через плечо на Михаила, но тот лежал в прежнем положении. Химик сделал шаг в мою сторону, но его ноги заплелись, и он упал носом в ковер, потеряв сознание.

— Помогите ему, — сказала я тем двоим, что держали меня, и позволила им шевелиться.

Не зная, что делать, они в нерешительности замерли на секунду, а потом отпрянули от меня в стороны.

— Ну что встали! — разозлилась я. — Поднимите человека. Никуда я не сбегу и ничего вам не сделаю.

Один из них все-таки бросился на помощь химику, подавая пример второму, а я повернулась к Михаилу и села назад на койку, положила ему руку на лоб.

— Все хорошо. Я не ухожу.

Михаил в итоге выжил. Он получил дар управлять своим духом, покидать свое тело и вселяться в чужие. Кроме того, все случившееся натолкнуло наших ученых на интересные рассуждения. Когда мы с Владом оказались вместе в белой комнате, наша боль тоже утихла. Тогда химики сошлись на том, что это совпадение, просто у нас закончился болезненный период перестройки организма. Но сейчас, в ситуации с Михаилом, вопрос возник снова. Я могла уменьшить страдания агентов? Помочь справиться с последствиями инъекции?

Меня пробовали отправлять к другим агентам. Меня просили, умоляли повторить это, и я честно пыталась. Я даже пробовала залезать в их головы, что заставляло меня снова и снова переживать эту боль, но ничего не выходило. В конце концов Влад выдвинул теорию о том, что дары агентов с черной кровью могут влиять друг на друга, и предложил дать возможность людям из белых комнат встретиться. Основным признаком сочетания даров предполагалось исчезновение болезненных ощущений, возникающих после инъекции. Выбора, кроме как проверить его теорию, не было, и это сработало, но к сожалению, не для всех. Погибло в среднем четыре человека из пяти, и в живых в итоге осталась лишь дюжина агентов, распределившихся в группы по два-три человека по признаку совместимости даров. Так Михаил оказался в нашей с Владом команде, а мой брат получил личную благодарность государя.

СЕЙЧАС. Я так хочу сына...

Я сидела в домашнем халате на кровати в нашей с мужем спальне, поджав под себя ноги. На улице вечерело, и в доме царил полумрак. В прихожей открылась дверь, это Николай вернулся с работы. Я сидела с пальцами: решила расшить бисером один из наших носовых платков, чтобы занять чем-то руки и голову и не сидеть часами, глядя в одну точку. Я уже неделю не выходила из дома безо всякого желания встретаться с подругами. У меня больше нет подруг. И знать, что там кто обо мне говорит теперь, тоже не хочу. А идти на теннис я попросту боялась. Никита погружал меня в воспоминания о Михаиле, об Отделе, и это больно. Эта рана затянулась, не хочу ее беречь. И вот я сижу и вышиваю из бисера морду лошади на носовом платке. Он, конечно, после этого станет непригодным для своего основного назначения, зато будет красивым. Мелькнула тень воспоминания: Влад никогда не тренировал свое умение рисовать на животных или растениях, обычно только на мне. В его комнате и подвале дома было полно моих картин.

— Дорогая, я вернулся! — раздался голос Николая из прихожей.

— Я в спальне! — привычно отозвалась я.

— Почему сидишь в темноте? — обеспокоенно спросил он, заходя и включая свет.

— Заработалась и не заметила, что уже вечер. Вот, смотри, — я улыбнулась, как обычно, скрывая свое душевное состояние, и протянула ему пальцы. — Почти закончила.

— Я всегда говорил, что у тебя хорошо получается, — он бросил взгляд на мою работу и стал расстегивать жилетку. — А у меня хорошие новости. На этот раз дело, кажется, все-таки выгорит. Я нашел возможность выгадать своего клиента из той пропасти, в которую он себя загнал.

— Молодец, — машинально ответила я, опуская взгляд обратно к пальцам. — Я всегда знала, что ты хороший адвокат.

Муж сел рядом со мной на кровать, расстегивая рубашку. Помолчал какое-то время, изредка косясь на меня. Знаю я этот взгляд. Сейчас опять о детях ныть начнет. Ну не могу я иметь детей! Не могу! Черная кровь изменила меня! Только знать тебе об этом нельзя.

— Дорогая... — начал он еще жалобнее, чем обычно, и попытался заглянуть мне в глаза.

Каждый раз по одной и той же схеме. Я мысленно вздохнула, но снова включилась в эту игру, в которую мы играли каждую неделю, и, подчиняясь уже привычным правилам, наивно подняла на него глаза, словно не знала, о чем он сейчас спросит:

— Да? Что-то случилось? — каждый раз почти одни и те же слова.

— Может, мы сегодня снова попробуем?

Ему всегда было неловко в этот момент, и я не собиралась упрощать ему жизнь. Меня раздражало однообразие, и это было моей маленькой мстостью.

— Ну, ты понимаешь, я так хочу сына... — промямлил он.

— Конечно попробуем, — я снова натянула на губы улыбку. — Не переживай, однажды мы сможем.

— Конечно сможем! — он целомудренно поцеловал меня в лоб.

Николай нерешительно поднялся с кровати, будто не знал, что делать с женщиной, которая согласна разделить с ним ложе. Он всегда вел себя так, словно был крайне

неопытен. Возможно, кому-то это понравилось бы, но с учетом моего прошлого с мужем было настолько скучно, что хотелось выть и лезть на стенку. Я могла бы прямо сейчас отложить пальцы и снять этот халатик с себя так, чтобы он забыл обо всем на свете, кроме того, как сильно хочет меня поиметь. Но тогда у него сразу возникли бы вопросы, откуда я все это знаю и умею.

Ему я сказала, что была жената до него всего один раз, и то недолго, якобы мы с прошлым мужем так и не успели завести ребенка за полгода совместной жизни, а потом он погиб от болезни, и я осталась вдовой. Николай поверил, ведь поддельные документы, выданные мне Отделом, это подтверждали. Помню, однажды я пришла к нему и предложила попробовать сделать это не на кровати. Для начала. Он жутко смутился, сказал, что это не по-христиански и спросил, откуда у меня вся эта дурь в голове. Пришлось наврать, что я вычитала это в одной из дамских книжек. Он потребовал от меня больше такого не читать и уж тем более к нему с такими предложениями не приходиться. С тех пор я больше не пыталась ничего предлагать. Итак, сегодня у меня опять день, когда придется имитировать оргазм.

Я воткнула иголку в пальцы и, наклонившись вперед, сунула их под кровать, таким образом почти полностью открыв ему на обозрение грудь в большом вырезе халата. Затем выпрямилась и, опираясь рукой на кровать, села, изящно и как будто незаметно выпустив ножки из-под халата. Мне не нравилось заниматься с ним сексом из-за скуки и однообразия, но приходилось, муж все-таки. Да и с точки зрения физических ощущений было в целом приятно, просто скучно. И я пыталась получить от этого все удовольствие, какое только могла. Вот и сейчас я немного злорадно наблюдаю за тем, как он снимает с себя рубашку и косится на мои ноги и на широкий вырез халата, под которым ничего нет, и не решается ничего сделать.

Его нерешительность для меня — сродни осознанию своей власти над ним, и это приятно ласкает мои эмоции, оживляя их. Иногда кажется, что он меня чуть ли не боится в такие моменты, и я готова в это поверить, потому что не слежу за своим поведением и микродвижениями, за выражением лица, и я вполне могу напугать, сама того не желая. Меня еще надо покорить, и такой овечке, как Николай, это не под силу.

Муж окинул комнату взглядом, решая, куда ему деть рубашку. В нем в такие моменты просыпался нерешительный маменькин сынок, и я терпеливо ждала, замерев, словно хищник на охоте. Ну, ты же сам просил, так давай, действуй! Да вот хотя бы тот же Никита вряд ли упустил бы свой шанс, попадись я ему в руки.

Николай аккуратно повесил рубашку на спинку стула, даже расправил ее, словно пытался тянуть время, и стащил с себя штаны, не поворачиваясь ко мне. Я все еще ждала. Его тело не привлекало меня так, как, например, тело Михаила в свое время, но он хотя бы не был отвратителен. Просто обычный мужчина, немного худощавый из-за нервной канцелярской работы, и меня это устраивало.

Николай остался в одних трусах, так и не решившись их снять, и повернулся ко мне. Я ждала, по-прежнему не отрывая взгляда, так хищник пристально наблюдает за жертвой, ловя каждое движение, подбирая момент для броска. Муж встретился со мной глазами и не выдержал, отвел взгляд в сторону. Правильно сделал, дорогой, потому что это не я твоя, это ты мой. Что бы ты себе ни думал. Иди ко мне, не бойся, я не укушу. Наверное. На моих губах против воли появилась ухмылка. Он боялся. Да, он боялся. Приятное ощущение. Если бы я могла чувствовать эмоции, как раньше, сейчас я бы наслаждалась вдвойне, но даже воспоминания об этом приятны.

Николай подошел к кровати, на которой я сидела, оперся одной рукой на нее, а второй напряженно потянулся к моим губам. Он всегда начинал с поцелуя. Всегда. Каждый раз одно и то же. И каждый раз я играла в эту надоевшую до чертиков игру. Я привычно ответила на его поцелуй. Без излишней страсти, но ему она вряд ли была нужна: скорее напугает, чем поможет. Он медленно надавил мне на плечи, опуская на кровать назад, и я поддалась. Казалось, что если я хоть чуточку воспротивлюсь его действиям, он вскочит и убежит.

Его рука развязала пояс халата и легла на бедро. Скука. Мое внимание опять начало цепляться за совершенно ненужные сейчас вещи. Высокий бежевый потолок недавно отремонтирован — чистый, без единой трещинки. Люстра над нами приглушенно горит новыми электрическими лампочками. Под его левым коленом тихо скрипит кровать, когда он нависает надо мной. Его губы опустились к моей груди, а пальцы поглаживают бедро. Приятно. Тело медленно отзывается, но так тяжело, будто просыпается от долгого сна. Все это так банально. Скучно. На улице лают собаки. Под нами шуршат простыни. Мимо проехала повозка, лошади громко простучали копытами по камню дороги. Муж гладит мои плечи. Я не лежу бревном, мои руки гладят его, изредка задевая его грудь и соски, но я не акцентирую на них внимание, не делаю того, чего он никогда от меня не просил. Маленькая месть за его застенчивость. Не смог сказать мне сам, как именно ему нравится, и я не стану предлагать. Мы снова целуемся. Я в меру возбуждена, и он считает, что этого достаточно. Он сверху, я снизу. Миссионерская поза. Кровать тихо скрипит правой ножкой. На подоконник снаружи села ворона. Николай тяжело дышит. Скука. То ли дело Михаил...

Я нервно ходила по нашему маленькому кабинету из стороны в сторону и задумчиво постукивала по губам свернутыми в маленький рулон бумагами. Это помогало мне думать. В руках я держала нераскрытое дело об убийстве пяти молодых девушек. Оно долго пылилось в полиции, но потом, после ревизии Отдела, было изъято и передано нашей команде вместе с рядом других дел, в которых, по мнению ревизоров, могли быть замешаны чудовища или артефакты. Да, в задачи нашей группы порой входили и такие вещи. Изучив подробно все детали дела, я пришла к выводу, что насчет чудовищ не знаю, а вот к некоторым высокопоставленным чиновникам ниточки тянулись, да все никак вместе не увязывались. В голове зрело ощущение, что я близка к разгадке и все нужные данные у меня уже в руках, но никак не могла ухватить ее за хвост. Все бы сошлось, но не хватало одной лишь детали: артефакт, который мог использоваться для совершения этих преступлений, находится в руках очень уважаемой семьи как семейная реликвия, и эта семья никак напрямую не связана с обвиняемым... Я резко остановилась, когда вдруг вспомнила. Да ведь жена главы этой семьи до замужества носила другую фамилию! Она его сестра, и вполне могла передать брату артефакт. Чтоб взяло меня и мою дурную память, это же так просто! Я расплылась в улыбке. Похоже, теперь мы прижмем этих чиновников, и в отличие от полиции, которая давно у тех под рукавом, Отдел им неподвластен.

От счастья захотелось прыгать до самого потолка, и я бросила взгляд на Михаила. Тот сидел, склонившись над столом и перебирал бумаги. Во время работы, когда приходилось много читать и думать, он задумчиво разбрасывал бумаги по столу и не замечал даже, как они слетают на пол, а убирался уже потом, вот как сейчас. И это значит, что он не занят. Я подошла к двери кабинета, закрыла ее на замок и повернулась.

— Я это сделала! — гордо заявила я, подошла к столу и бросила на него трубочку бумаг. — Теперь мы можем прижать хвост этому драному коту Коновалову.

— Поздравляю, солнце, — Михаил оставил бумаги в покое, поднял на меня взгляд и улыбнулся. — А у меня пока глухо, хотя очень похоже на работу баньши.

Пока он говорил, я оперлась ладонями на стол, нависла над ним:

— Влад вчера уехал в командировку в другую страну. На неделю, — с обидой и обвинением в голосе сообщила я.

Михаил молча внимательно смотрел на меня, и пока я говорила, его улыбка становилась все шире. Конечно же он догадывался, к чему я веду.

— Да, я знаю, — отозвался он.

— И он наверняка вернется раньше, как всегда.

— Наверняка, — согласился Михаил.

Я склонилась к его лицу и коснулась губ, словно собиралась начать поцелуй. Он разомкнул губы, стремясь его продолжить, но я стала медленно отодвигаться, дразня его, заставляя тянуться следом, и продолжила говорить, но теперь уже шепотом:

— Ну так какого черта ты ничего не делаешь и заставляешь меня ждать?

— Ника...

Я так и не дала ему дотянуться до губ, и его голос звучал укоризненно, но в то же время он улыбался. Я снова коснулась его губ, а когда он опять потянулся за поцелуем, не

позволила это сделать.

— Это за твоё бездействие, — с улыбкой хмыкнула я.

И в этот же момент, словно наконец не сумев совладать с желанием, он обхватил мое лицо ладонями, не давая отодвинуться, и впился в губы. Михаил любил целоваться, и я от этого была в восторге. Я хмыкнула от распирающего грудь счастья и отдалась во власть его губ. Такие мягкие и теплые, они дарили мне нежные поцелуи. Глубокому и жадному поцелую Михаил предпочитал множество мягких прикосновений губ, и я не удержалась, игриво лизнула, заставив его хмыкнуть с улыбкой. Его поцелуи переместились на край губ, к уху, затем на шею. Я хотела прижаться к Михаилу, но разделявший нас стол мешал, и я решила эту проблему самым простым способом. Не прерывая поцелуй, я медленно забралась на него и осталась стоять на нем на четвереньках, опираясь одной рукой на него, а второй на плечо Михаила, с упоением наслаждаясь моментом.

Михаил провел мне по плотной ткани одежды на плечах, а затем подхватил под мышки и стащил на свою сторону стола, поставил на ноги, лишь на пару секунд оторвавшись от губ, а затем посадил обратно на стол.

— А ты знала, что меня заводит, когда ты в форме? — он усмехнулся мне в губы и снова начал их целовать, но я возмущенно отстранилась, приложив ему палец к губам, и нахмурилась.

— Не знала! И почему же ты молчал?

— Ты такая милая, когда злишься, — он обхватил мой палец губами, и я буквально растаяла от мягкости его языка на подушечке пальца.

Злиться моментально расхотелось. С Михаилом хотелось быть нежной и ласковой, хотелось смеяться и радоваться. И я буквально светилась счастьем, Михаил — мое личное теплое солнце. Я хохотнула, отбирая у него палец и обвивая шею руками, потерлась носом о его нос.

— Ника, если ты не перестанешь, я забуду, что мы на рабочем месте, — прошептал он.

Я от этого заявления расплылась в еще более широкой улыбке и таким же шепотом ответила:

— Забудь... — и снова впилась своими губами в его.

Мои пальцы сами собой расстегнули его жилетку и рубашку, и я с удовольствием коснулась обнаженного торса. Руки легли ему на пояс выше штанов, чтобы ощущать теплую кожу всей поверхностью ладони. Ноги сами обхватили его, я стремилась прижаться как можно ближе.

— Не шевелись, — наполовину попросила, наполовину приказала я, оторвавшись наконец от его губ.

Мои губы скользнули ему на шею, затем на грудь. Михаил знал, что я наслаждалась, губами исследуя его подтянутое тело, ласково водя пальцами по крепкому торсу, и ему это нравилось. Ему нравилось, что я получаю удовольствие, в какой бы форме это ни происходило. Я получала от него то, чего мне так не хватало: чуткости, нежности, возможности следовать своим капризам и желаниям, какими бы они ни были. Его пальцы зарылись мне в волосы и медленно сводили с ума мягкими поглаживаниями, словно говорившими, что я все верно делаю, награждавшими меня за то, что я получаю удовольствие, и доставляю его ему.

Я услышала, как гроыхнул слишком резко отодвинутый стул, и даже на секунду отвлеклась от своего приятного занятия, чтобы посмотреть, что произошло. Михаил,

воспользовавшись этим, подхватил меня со стола и вместе со мной резко развернулся, усадив на подоконник. Я ликующе рассмеялась его порыву, лишь крепче прижав его к себе ногами, а он схватился за мою рубашку, выдернул ее из штанов и опустил ладони мне на пояс, медленно поднимая их, ведя к ребрам. Его губы вожаделенно потянулись к моим, чтобы принести новую порцию ласки, а затем бросились исследовать шею, плечи, руки, и его пальцы обнажали эти части моего тела. Он словно впал в беспамятство от удовольствия и не отдавал себе отчет в своих действиях.

Горячее летнее солнце грело мне спину сквозь стекло, приятно дополняя поцелуи, и я наслаждалась, вбирая в себя каждую секунду происходящего, словно цветок, ловящий лучи солнца. Михаил всегда был для меня именно таким солнцем, которого хотелось больше и больше, которое грело и дало жизнь и счастье.

Он впился в мои губы, и растрепавшиеся волосы влезли в наш поцелуй. Я издала смешок ему прямо в губы, и Михаил хмыкнул вместе со мной. Убрал волосы с моих губ, вновь коснулся своими, но поцелуй не был долгим, он стал целовать мне щеку, висок, ухо, шею, почти неотрывно скользя по ним губами. Ему было так же хорошо, как и мне, я ощущала его эмоции. Ему нравилось, как я смеюсь. Ему нравилось, когда я возбуждена. Ему почти все во мне нравилось. И он играл со мной в эту забавную приятную возбуждающую игру.

Он слегка прикусил мне ухо, и я от удовольствия крепче сжала его ногами, стремясь прижаться так близко, как только можно. Мой. Он мой. Полностью. Целиком и безвозвратно. Только мой. Его поцелуи переместились мне во впадинку шеи, затем спустились ниже в декольте. Тяжело дыша, я запустила пальцы ему в волосы, сжимая их от удовольствия. Смешки с моей стороны уже прекратились, теперь я лишь тихо довольно постанывала. Я откинула голову назад, открывая шею. Его пальцы закопались под пояс моих штанов и легли на бедра.

— Я люблю тебя, Ника. Только тебя. И далее если захочу, никогда не смогу разлюбить, — проговорил он мне в грудь и провел по ней зубами так, словно собирался укусить.

Дрожь удовольствия пробежалась по моему телу. Не только физическое, но и моральное, и эмоции, которые я так четко ощущала: мои и его. Все это смешивалось в настолько приятный коктейль, что я, казалось, сходила с ума от удовольствия. Я сама быстро потянулась к нему, уткнулась в шею, носом заставляя его поднять подбородок, и несильно укусила за шею, еле сдерживаясь, чтобы не сомкнуть зубы крепче. Михаил разжигал во мне страсть слишком легко, и я за это одновременно и любила, и ненавидела его, и эта смесь эмоций только усиливала возбуждение. Я вцепилась ногтями ему в плечи и прошептала только одно слово, которое он так любил:

— Хочу...

Мы с ним уже давно придали этому слову множество дополнительных смыслов. Только что я буквально сказала ему, что хочу его прямо здесь и сейчас, что он должен избавить меня от всей одежды и что может делать со мной все, что хочет. Михаил всегда терял голову от этого слова, от обилия смыслов в нем и от желания, которое он испытывал, когда слышал его. От одежды он меня избавил быстро. Его поцелуи стали менее нежными, более страстными. Мы оба потеряли голову и наши действия стали менее осознанными — мы двигались по наитию, отдаваясь во власть эмоций. И спроси нас потом, вряд ли мы смогли бы вспомнить, что именно делали. Мы любили друг друга и доставляли друг другу удовольствие.

Утро. Еще одно утро в череде бесконечных одинаковых дней. Сегодня кошмар меня тоже не коснулся, после блокирующей способности инъекции я всегда получала облегчение на пару недель. Николай не стал меня будить, собирался тихо, но я все равно проснулась. Виду, впрочем, не подала, общаться не было никакого желания, как всегда бывало после проведенной с ним ночи. Только когда за ним закрылась дверь, я села, спустила ноги с кровати, достала из-под нее пяльцы с иголкой в ткани и бросила их на кровать. Сегодня я точно закончу эту бисерную лошадку, но для начала надо привести себя в порядок: умыться и позавтракать.

Я как раз выходила из ванной комнаты в домашнем халате, когда услышала возню в прихожей. Николай, похоже, что-то забыл. Логика услужливо подсказала: утро пасмурное, значит он вернулся за зонтом. Ладно, все-таки стоит с ним поздороваться и пожелать удачного дня. Я вышла из небольшого вытянутого коридорчика в проем, ведущий в крупную прихожую, и замерла. В моем доме находилось двое незнакомых мужчин. Плохо одетые, чумазые, со свалывшимися волосами и в обносках — низший класс нашего общества. У одного из них был нож, у другого пистолет. Впрочем, после оружия, которым снабжался Отдел еще двадцать лет назад, называть это убожество пистолетом у меня язык не поворачивался, но на таком расстоянии даже оно могло стать смертоносным. Мужчины меня заметили, и пистолет поднялся дулом в мою сторону. Мозг включился в давно забытый режим опасность и моментально оценил ситуацию. Оружия у меня нет. Назад — бежать по пустому коридору без прикрытий, успеют выстрелить в спину. Единственный выход и окна перекрывают они. Без шансов.

— А ну стоять! — хрипло рявкнул один.

— Стреляй, чего ждешь? — занервничал второй.

— Да ладно, она беззащитна. Ты посмотри, какая цыпа. Слышь, ты, сними халат.

Отлично, вот и мое оружие нашлось. Я состроила испуганное выражение лица и потянула за пояс. Полы халата разошлись, открывая лишь вертикальную полосу обнаженного тела между грудей и идущую до самого пола. Ну же, давайте, пускайте слюни, как шавки перед куском мяса, и это станет вашей погибелью.

На тело жаловаться мне было грех. Мягкая нежная кожа, плавные изгибы, округлости ровно там, где надо, упругая естественная грудь. Но сначала надо показать самую малость, чтобы захотелось больше.

— Снимай, — мужчина дернул дулом, словно указывал. — Все снимай.

— Слушай, давай просто убьем и уйдем. Она же бывший агент, — второй все еще слушал свой здравый смысл, хотя его глаза тоже были прикованы ко мне.

Я тем временем подняла руки, положила ладони себе на плечи, и поддела ноготками края халата, спуская его с плеч, однако заставляя повиснуть на локтях. Теперь одежда не скрывала ничего важного: грудь обнажена, живот и все, что ниже, открыто, разве что бедра скрыты от взгляда полами халата.

— Да насрать. У нее дара нет, забыл? Цыпа, ты продолжай, продолжай.

Они еще и осведомлены о моем даре? Чувство опасности теперь буквально взвыло во мне.

— Можешь потрогать, если хочешь. Что угодно со мной делай, только не убивай, — я умоляла его с глупым выражением покорности на лице.

— Не волнуйся, цыпа, — повелся на мое актерское мастерство он. — Пока выполняешь мои указания, будешь жива.

Он подошел ко мне, и его напарник, помедлив, направился следом, продолжая нервничать.

— Слушай, просто пусти ей пулю в лоб, а? — но судя по взгляду, он этого не так уж сильно хотел.

— Снимай с себя халат. Совсем.

Я сбросила халат и осталась стоять обнаженной под двумя голодными похотливыми взглядами. Это мне и было нужно, в такие моменты мужчинам отказывает здравый смысл. Я выждала, пока мужчина с пистолетом подойдет поближе, по-кошачьи потянулась к нему как будто для того, чтобы прильнуть поближе, а сама схватила за плечи для лучшей опоры и нанесла ему два быстрых удара коленом между ног. Он взвыл, и в тот же момент я выхватила из ослабевших на секунду пальцев пистолет, направила на его напарника. Тот успел лишь замахнуться ножом, прежде чем словил выстрел. Первый к этому моменту очухался, но сразу получил локтем в челюсть, а затем и смертельную дозу пороха прямо в лицо, и свалился к моим ногам. Я презрительно окинула взглядом трупы на ковре. Они выглядели, как конец моей мирной жизни. Хотя если я прямо сейчас доберусь до Отдела, их группа зачистки может устранить все еще до того, как муж вернется. А если соседи слышали выстрелы, Отдел придумает мне какую-нибудь сказочку. Вот только не хотелось бы трупы оставлять без присмотра. Прямо сейчас я очень пожалела, что мы с мужем не раскошелились на такую полезную новинку, как телефон. Ладно, черт с ними, с трупами, не убегут, некромантов рядом нет.

Я так и стояла обнаженная, с оружием в руках, когда рядом раздались редкие хлопки в ладоши, прервавшие мои размышления.

— Bravo, госпожа. Bravo.

Я резко развернулась, направляя оружие на нового гостя. Одет опрятно в темный помятый брючный костюмчик. Воротник белой рубашки торчал растрепанно, его владелец явно торопился во время сборов.

— Вы кто такой?

— Я — особый агент Отдела. Мы узнали, что на вас будет совершено нападение, и меня послали вас предупредить, а также оказать посильную помощь.

— Агенты всегда ходят группами. Минимум парами, — недоверчиво отозвалась я. — И где ваша форма?

— У меня сегодня выходной, просто я живу к вам ближе всех. Теперь можете сдать оружие и одеться, я вас подожду, а затем вам как свидетелю надлежит проследовать со мной в Отдел.

Сердце тревожно ныло, поэтому оружие отдавать я не собиралась, но его слова были похожи на правду. Я опустила оружие и наклонилась, чтобы поднять халат, как вдруг вспомнила важный факт. Агенты Отдела при исполнении всегда представляются. Это на уровне рефлексов, буквально в крови, в нас эту привычку вбивают чуть ли не с детства. И я развернулась, снова наставляя на своего собеседника оружие. Но его на месте уже не оказалось. Пропал...

Я медленно попятилась, прислушиваясь к каждому шороху. Босые ноги почти не

издавали звуков, тихо шурша по ковру. Из кухни раздался стук ботинок. Зачем он залез на стол? Если попытается вылезти через окно, я услышу: рама скрипит, когда ее открываешь. Однако звуки стихли, словно он замер на столе.

Стало слишком тихо, настолько, что это давило на уши. Я замерла посередине прихожей, согнув руки в локтях и прижимая к обнаженной груди холодный пистолет. Позади меня дверь, стена и окно, этаж второй, опасности оттуда не будет. Коридор легко простреливается. На что он рассчитывает?

Внимание охватило все вокруг. Тишина. Тишина. Мое дыхание слышно. Стук сердца. Унимаю его, перестаю дышать. Тишина. Шорох!

Я вскинула пистолет на звук над своей головой и нажала курок. И в тот же момент поняла, что промахнулась, пуля не попадет, и я бросилась в сторону кувырком, но ничего больше не случилось, снова повисла тишина. Я подняла глаза. Мужчина свешивался сверху, на половину туловища сквозь потолок. Откуда у него способность ходить сквозь стены? Артефакт раздобыл?

Я стояла и задумчиво разглядывала труп. Признаться, выглядел он отвратительно, и если бы не опыт подобных зрелищ, наверняка меня бы уже выворачивало наизнанку. Его голову разнесло в кровавые брызги по всему потолку. Я промахнулась, но пистолет стрелял так криво и косо, что случайно попал в цель.

Из обмякших пальцев неудачливого противника вывалился нож и звякнул об пол, и в тот же момент дверь распахнулась, выбитая с ноги. Я бросилась в сторону, свалилась на колени и приподняла один из трупов, прячась за него. Другого укрытия здесь все равно не было.

— Особая служба императора! Всем поднять руки! — гаркнул мужской голос.

Его усатый обладатель в знакомой синей форме влетел внутрь и выстрелил в воздух.

— Не стреляйте! — крикнула я. — Я кладу оружие!

На мужчину, случайно попавшему выстрелом в несчастный висящий сверху труп, из кармана одного вывалился портсигар, ударил по голове, раскрылся и свалился на пол, рассыпав сигары. Я усмехнулась, когда тот чертыхнулся, и, оставив труп в покое, положила оружие на пол, впрочем, не слишком далеко.

— Я здесь одна, — сообщила я ему, поднимаясь.

Увидев мою наготу, мужчина смутился и кашлянул. Из-за его спины в синей похожей на шинель форме руководителя группы вышла рыжеволосая женщина. Брат в свое время ходил в таком же обмундировании.

— Госпожа Лазарева? Вы в порядке? — уточнила она, разглядывая меня с ног до головы.

Мужчина тем временем тактично отвернулся и стал излишне внимательно разглядывать труп в потолке, но быстро опустил взгляд:

— Какой кошмар, — разнервничавшись, произнес он.

Пфф, какие мы слабонервные.

— Да, — я скрестила руки на груди. — Сюда срочно нужна группа зачистки. Муж придет нескоро, но все-таки стоит поторопиться.

— Позвольте представиться. Анна Пламенева, действующий агент при исполнении.

— Избавьте меня от формальностей. Ваши имена мне неинтересны.

Раздражение и злость полыхали внутри. Не знаю, во что я вляпалась, но хотелось побыстрее с этим закончить.

— Госпожа Лазарева! — женщина моментально вспыхнула. — Мы здесь, чтобы помочь

вам, и совершенно не обязательно вести себя так некультурно! И оденьтесь, не смущайте мне агентов, иначе это можно расценить как помеху действиям агента при исполнении.

— Или как некомпетентность агентов, которые не могут адекватно действовать, когда рядом находится всего лишь обнаженная женщина! — парировала я. — Не нужно тыкать мне в нос правила Отдела, я знаю их получше вас, госпожа Пламенева.

Я наклонилась за халатом и накинула его на себя:

— Потрудитесь вызвать группу зачистки и за сим оставьте меня в покое. А вы, уважаемый агент с премерзкими усиками, уже можете повернуться.

Усатый с усмешкой обернулся:

— Знаешь, Анна, а я думал, что это у тебя скверный характер.

— Ищи бревно в своем глазу, нечего в моем пылинки разглядывать, — недовольно отозвалась та.

Их перебранку прервал третий, только что вошедший агент помоложе:

— Анна, все чисто. Соседей дома нет.

— Отлично, — отозвалась она — Госпожа Лазарева, будьте любезны проследовать с нами в Отдел для написания объяснительной.

— О нет, слушайте, это слишком жестоко. Я уже не работаю на Отдел, хватит с меня объяснительных! — я примирительно подняла ладони, саркастируя с каменным выражением лица. — Если вы со мной так от обиды поступаете, так давайте извинюсь, и разойдемся полюбовно.

Усатый хмыкнул, но получил в ответ злой взгляд своего рыжеволосого командира, и ему вдруг срочно понадобилось потрогать свои усы, что позволило скрыть улыбку.

— В таком случае мы будем вынуждены опросить вас прямо здесь и записать показания самостоятельно. Но вы ведь не хотите искажения фактов?

Шантажировать? Меня?! За невинную шутку? Да как она смеет!

— Засуньте, госпожа Пламенева, ваши угрозы себе в вашу упругую симпатичную задницу... — начала распалаться я, но меня перебили.

— Эй-эй, ну хватит уже, милые дамы, — вмешался агент помоложе, его усы хотя бы накручивать на палец было нельзя. — Давайте начнем все сначала. Госпожа Лазарева, у вас чудесные ножки. Но даже несмотря на это вам все же придется пройти с нами. А мы пока займемся всем этим.

Он развел руками, показывая на бардак вокруг. Ладно, так и быть, все мы перегнули палку.

— Учтите, тут еще потолок чинить, так что советую заняться этим немедленно. Я сейчас оденусь и буду готова.

Кажется, после этих слов все глубоко и облегченно вздохнули.

И снова знакомые стены Отдела. Я сидела в приемной, ожидая, пока освободится местное начальство. Со мной очень хотели пообщаться, и возможно, после этого никаких бумажек заполнять не придется. Я обмахивалась собственной шляпкой, в коридоре было душновато. А может это мне только казалось? Редкие люди прохаживались по коридору по своим делам. В Отделе можно было встретить четыре типа людей: химики, охранники, агенты и местные бюрократы-канцеляриты, которых мы в свое время звали просто канцы. И

у каждого из этих типов людей была своя форма. Химики ходили в белых халатах. Охрана носила военную форму. Канцы все как один надевали черные штаны, белые рубашки и черные жилетки, ни в коем случае не клетчатые. А агенты носили стандартную темно-синюю форму с золотистыми вставками, отдаленно напоминающую военную, но не военно-парадную, а военно-удобную, поскольку это был боевой костюм. И только я одна, словно бельмо на глазу, сидела здесь в своем светлом платье кремового цвета с соломенной шляпкой в руках.

Из-за угла вывернул очередной агент и мельком покосился в мою сторону. Я уже привыкла, что на меня глазают здесь все подряд, поэтому даже не сразу обратила внимание на него.

— Вероника?!

Удивленный возглас, смутно знакомый голос и фамильярность обращения заставили меня посмотреть на этого человека.

— Никита? — теперь пришла очередь удивляться мне. — Ты агент?

— Ага! — он с гордой улыбкой поднял подбородок. — Я — агент особого отдела его величества государя-императора. А ты что здесь делаешь?

— Ох... Лучше тебе не знать.

Внезапно я застеснялась своего прошлого. Мне приятно было общаться с Никитой так, как сейчас: легко и свободно, без груза лишних знаний. Увы, больше с ним нормально говорить я не смогу, потому что из косвенного теперь он стал прямым напоминанием о моем прошлом. А если он узнает, кто я, то и он не сможет. Появилось неприятное и не совсем обоснованное ощущение, что Отдел отнял его у меня.

Дверь в кабинет начальства открылась, и оттуда выглянул упитанный мужчина. По виду канц, но растрепанный как в одежде, так и в прическе, из-за чего выглядел несколько нелепо.

— Госпожа Лазарева? Прошу, проходите, — покосился на Никиту. — А вы чего стоите? Не докучайте уважаемой госпоже. Идите дальше куда шли.

— Да иду я, иду.

Я направилась в кабинет следом за канцем, но бросила на уходящего Никиту последний задумчивый взгляд. Он поймал мой взгляд, подмигнул и беззвучно одними губами произнес жду вечером, а затем послал мне воздушный поцелуй. А ведь и правда, сегодня у меня должна быть партия игры в теннис. Но в свете всего случившегося я вряд ли попаду туда.

Кабинет за десяток лет почти не изменился, разве что обои здесь обновили да шкаф еще один поставили. А когда я наконец обратила внимание на начальника Отдела, то сильно удивилась. Женщина. Не припомню женщин на этой должности. Впрочем, все когда-нибудь бывает впервые. Светловолосая, в строгом наряде канца и с уставшим взглядом.

— Добрый день. Присаживайтесь, — произнесла она спокойным уверенным голосом и кивнула на стул перед столом, за которым сидела.

— Здравствуйте, — я приняла ее предложение и села, выпрямляя спину и закидывая ногу на ногу. — Вы можете спрашивать у меня что угодно, я готова отвечать максимально искренне.

— Этого от вас и жду, — она улыбнулась. — Для начала, позвольте представиться. Мое имя Ольга Златова.

Чтоб их всех взяло, этих политиков с их тупыми играми в слова вместо того, чтобы донести мысль коротко и по- существу. Неужели нельзя перейти сразу к делу? Мне

наплевать, как ее зовут. Увы, выбора нет, придется сыграть по ее правилам. Кто бы знал, как я это ненавижу.

— Мое, полагаю, вы знаете. Вероника Лазарева.

— Вы правы. Знаю. А скажите мне, госпожа Лазарева, нет ли у вас желания снова работать на Отдел?

— Что? — я на секунду даже опешила. — Вы, наверное, шутите? Конечно нет!

— Видите ли, — она продолжила так, словно я промолчала ей в ответ, — сложилась довольно сложная ситуация, и нам требуется ваша помощь.

— И речи быть не может! Знать ничего не хочу ни о каких проблемах. У меня есть своя мирная нормальная жизнь. Да и давно уже пора меня на пенсию отпустить, госпожа Златова.

— А что если я скажу, что ваша нормальная мирная жизнь окончена?

— Тогда я пошлю вас в задницу, уважаемая, — начальник она там или нет, в выражениях я не стеснялась, это я нужна ей, а не она мне. — Я не вернусь!

— Видите ли, у вас в доме случился пожар. Вы погибли, госпожа Лазарева. Сгорели. Так что, боюсь, у вас нет выбора.

Что? Да как они посмели?! Я ничего не ответила, в шоке глотая воздух и надеясь, что неверно поняла ее. Шок постепенно сменялся тихим бешенством. Тем самым видом злости, когда я не ругаюсь вслух, а запоминаю. И потом припоминаю.

— Но у меня для вас есть и хорошие новости, — быстро добавила она, глядя на мое выражение лица. — Вы поработаете не так уж долго, а взамен получите крупную сумму денег, новые документы и дом в другой стране. Там сможете начать новую жизнь.

Хм. Уже лучше, но этого все равно маловато для того, чтобы заставить меня вернуться в ад. Впрочем, а куда мне возвращаться? Они ведь уже непустят, и на самом деле выбора у меня нет. Максимум, что я могу — это выторговать себе побольше преимуществ, но вполне возможно, что никто мне ничего платить не собирается, а когда все закончится, меня попросту устроят. Для всех я ведь и так уже мертва... Ненавижу! И я найду способ отомстить, но пока придется поиграть по их правилам.

— Выбора вы мне не оставили, но это единственная причина, по которой я соглашаюсь на ваши условия. А теперь будьте любезны объяснить, что же у вас такого случилось, что вы решились на подобные меры в отношении меня?

— Вам с этим работать, так что вы правы, знать вы должны. Полагаю, нет смысла упоминать, что информация секретна, — она покосилась на меня в ожидании ответа, но я молчала. — Видите ли, после вашей отставки наши химики разработали новый вид инъекции черной крови. Ослабленную версию, чтобы снизить риск смертности. Принявших эту инъекцию мы назвали агентами второй волны, первой волной были вы. И все вроде бы получилось, однако доза была все еще слишком большой. Все агенты второй волны выжили, но попали под влияние черной крови и стали нашими врагами.

— Поздравляю вас, — я не удержалась от ехидства. — Не было проблем, так надо было их создать.

Ольга растерянно развела руками, оставив локти на столе.

— Имеем то, что имеем. И проблема глубже, чем кажется. Вы наверняка помните: культисты Гхаттота никогда не были особенно прозорливы или умны, работали часто в одиночку. Увы, вместе с агентами второй волны они получили мозги и начали действовать централизованно.

Да уж, это действительно плохие новости.

— И какова же сейчас расстановка сил?

— Они захватывают страну. Медленно и неумолимо. Весь наш город уже почти под их контролем, а ведь мы столица! Победа или проигрыш в этой битве — с тем же результатом завершится и война. Агенты третьей волны сопротивляются как могут, и только поэтому война пока не окончена, но поражение неумолимо приближается.

— Третьей волны? Вам второй было мало?

— Третья инъекция удачна. Люди не умирают, остаются собой и получают способности, хотя, безусловно, слабее ваших. Если бы не это, мы бы уже проиграли.

Что ж, теперь понятно, с чего такие крайние меры. Но ведь я не единственный агент первой волны в их руках. И этот крайне важный для меня вопрос надо бы выяснить.

— Ну хорошо, у меня только один последний вопрос. Мой брат.

— Конечно, понимаю, — она вежливо улыбнулась. — Это еще одна хорошая новость. Ваш брат получает официальное освобождение и будет работать вместе с вами. Более того, вы же и сообщите ему об этом. Это ваше первое задание — привезти его сюда.

Она расплылась в широкой улыбке, ожидая от меня радости, а я готова была зарыдать от безысходности. Конечно, она же не в курсе. Никто не был в курсе, кроме Михаила... Все, что ей известно — я пыталась вытащить брата из-под стражи, помочь ему бежать, за что и была уволена со службы и лишена способностей. Я всегда работала вместе с братом, и наша команда была неразлучна. Вот и все, что она знает. Думает, что я буду счастлива с ним встретиться, порадуюсь его освобождению. А у меня попросту перехватило дыхание от ужаса, ведь мой брат — самое настоящее чудовище.

Летний день клонился к вечеру, и солнце заливало город предзакатным золотом. Мы с Романом прогуливались по стремительно заполняющимся улицам. Он мне нравился: веселый, симпатичный, забавный — чем-то напоминал Михаила, но более серьезен и решителен в ряде вещей. Я встречалась с ним уже полгода. Он — один из тех немногих, кто не стал обращать внимание на то, что я не девственница, и, что самое важное, на моего брата. Не знаю, как Влад это делал, но после недолгого разговора наедине мои ухажеры просто прощались со мной так или иначе. На эту тему я скандалила с братом, ругалась, даже влепила пару пощечин, но все без толку. И вот, наконец, нашелся тот, кто наплевал на его мнение, чему я не могла не радоваться. В глубине души мне бы хотелось, чтобы на месте Романа был Михаил, но он то ли не решался стать мне кем-то большим, чем близкий друг, то ли брат с ним уже давно поговорил, заставив отступить заранее. А может, все из-за того, что три года назад я уже сказала ему нет...

На моем пальце красовалось аккуратное колечко. Роман предложил мне в недалеком будущем выйти замуж и подарил это колечко в знак помолвки. Я конечно же не преминула уколоть Влада и сказала об этом, чтобы знал свое место, а то слишком много себе позволяет, лезет в мою жизнь. Он хоть и мой старший брат и вроде как глава семьи, а потому отвечает за меня, но я уже не маленькая! Мне двадцать лет, и за последние два года я была на всех заданиях вместе с ним, так что ничуть не менее опытная и взрослая. Я убивала, я ловила преступников и сражалась с гхаттитами, порождениями Зоога и детьми Кхутуру — бестиями разных видов — пора уже перестать считать меня ребенком. Я выйду замуж за того, кого хочу, и его отцовское одобрение мне тут не нужно. Да, с Леонидом я когда-то ошиблась, но это не повод теперь всю жизнь меня опекать.

На эту ночь я собиралась остаться у Романа, хотя он пока о моих планах в курсе не был. Могу себе представить, как взбесится брат, мысли об этом вызывали у меня улыбку. Пусть, ему полезно. Сам он тоже так поступает, проводя ночи в чьих-то женских постелях, вот теперь съест свою же пилюлю. Месть воистину сладка.

Я уже представляла себе, как у нас с Романом это будет, и потому шла в предвкушении. При всей своей ненависти к Леониду я не могла не признать, что его опытными стараниями мой первый раз мне понравился, особенно если судить по рассказам подруг. Их первый раз в большинстве своем был не очень-то приятен.

Жил мой будущий муж в двухэтажном доме в хорошей многокомнатной квартире. Когда-то он продал свое поместье и переехал сюда, ему тут больше нравилось. Я уже бывала у него как гостя, но сегодня входила как будущая хозяйка. Какое странное, но приятное ощущение. Мне прямо не верилось, что я скоро стану его женой. На губах сияла улыбка счастья, и впереди ждал чудесный вечер. Я уже предвкушала, как буду трогать его аккуратно стриженные темные волосы, заглядывать в серые глаза... и однажды обязательно заставлю сбрить эти тупые усики, которые так мешают целоваться.

В ожиданиях я не обманулась, вечер был чудесен. Мы выпили вина, посидели перед камином в уютных креслах, пообсуждали книги. Солнце уже ушло, на город опустилась тьма. Мы уже оба знали, чем закончится эта ночь, хотя Роман все еще не был уверен. Он не раз говорил, что не хочет торопить и не будет давить на меня, а мне, наоборот, казалось, что

Роман слишком медлит. Вот и сейчас мне уже не терпелось узнать его лучше. Ему, кажется, тоже, но он не решался.

— Ты говорил, что иногда перед сном читаешь Диккенса в оригинале, — я решила его немного подтолкнуть. — Покажешь мне книгу?

Раз читает перед сном, значит книга наверняка в таком интимном месте, как спальня. Я рассчитывала, что он предложит пройти с ним, но Роман лишь ослабил ворот белой рубашки, будто она его душила, и встал:

— Конечно. Сейчас.

Он вышел из комнаты, и я, стащив туфельки, в одних чулочках тихо проследовала за ним. Вот они, навыки слежки, пригодились в быту. Я чуть не хихикнула этой своей мысли, но вовремя сдержалась — услышит же, я иду почти сразу за ним. Роман, нервно потирая пальцы, вошел в спальню, оставив дверь приоткрытой, и я тихо скользнула внутрь. Он подошел к небольшому столику, стоящему поодаль от кровати, взял с него книгу, развернулся и увидел меня:

— Вероника? — удивленно спросил он.

А я, широко улыбаясь, приложила палец к губам, призывая молчать, опустила туфельки на пол и демонстративно закрыла задвижку на двери, затем снова повернулась к нему. Меня распирает восторг, а вот Роман нервничал. Я подошла к нему и взяла за руку, чтобы успокоить, заглянула в глаза:

— Не переживай так сильно. Это же просто приятное времяпрепровождение. И я вся в твоих руках, не надо меня бояться.

Роман положил ладони мне на щеки:

— Не хочу все испортить. Ты говорила, у тебя уже был мужчина, и он обманул тебя. Я не хочу выглядеть таким же в твоих глазах, потому что настроен серьезно. Можешь оставаться сегодня у меня или нет, если не хочешь. И пока не захочешь, у нас с тобой ничего не будет даже после свадьбы. Я не стану принуждать тебя. Хочу, чтобы ты любила меня и делила со мной постель, только если любишь.

— Я люблю, — улыбнулась я.

Немного покривила душой, конечно, он не Михаил, но он мне очень нравился, правда. Роман потянулся ко мне губами, и я с удовольствием ответила на поцелуй. Опять чертовы усики защекотали чувствительную кожу вокруг губ, но я постаралась не обращать внимание. Мои пальцы потянулись ему за спину, чтобы обнять, но на полпути свернули и закопались в его шевелюру. Роман крепко прижал меня к себе за спину и талию. Он меня хотел, и очень, это сквозило в его эмоциях, в частоте дыхания, в легком дрожании пальцев, его возбуждало, что я сама проявляю активность, сама действую. От его эмоций я получала не меньшее удовольствие, чем от своих. Восторг от происходящего буквально распирает изнутри, и я даже прервала поцелуй, чтобы издать смешок. Роман моментально заволновался, в его мыслях скользнуло предположение, что я высмеиваю что-то в его действиях. В эмоциях сразу мелькнула уязвленная гордость, обида и надежда, что он ошибся в предположениях. Он встревоженно заглянул мне в глаза и прошептал:

— Что не так?

— Ничего, — так же тихо ответила я, ласково поглаживая ему волосы и улыбаясь. — Просто мне очень хорошо. А когда мне хорошо, я смеюсь.

Облегчение в его эмоциях было настолько сильным, что почти материально ощутимым. Его руки скользнули по моей спине, поглаживая, он наслаждался прикосновениями,

довольный, что я его люблю и уже вот-вот буду принадлежать ему не только душой, но и телом. Ему нравилась во мне та доля распушенности, которую он уже увидел. Все те жеманные девицы, с которыми Роман встречался раньше, утомляли его. Следуя его мыслям и пожеланиям, я молча потянула за завязочки платья у себя на груди и мягко отстранилась из объятий, чтобы было удобно снимать его с плеч. Горящий взгляд Романа светился все большим восхищением с каждым новым обнажающимся участком моей кожи, пока платье соскальзывало вниз.

— Ты великолепна, — выдохнул он, когда ненужный ныне предмет одежды свалился, оставив на мне лишь трусики и чулочки.

Никакого бюстгальтера на мне не было, его роль исполняла корсетная вставка, оставшаяся в платье. Он подошел ко мне и потянулся так аккуратно, словно боялся спугнуть. Роман делал это медленнее, чем мне бы хотелось, ему нравилось осознавать, что я в нетерпении, что жду и жажду, и я искусала всю нижнюю губу к моменту его прикосновения. Зато когда он это сделал, я получила свое сполна: его эмоции обдали меня волной желания, жажды и удовольствия. Мои эмоции облегчения оттого, что он наконец сделал это, и пьянящее ощущение власти над мужчиной полыхнули, смешавшись с пришедшими от него эмоциями в тугой комок, грозивший взорвать меня изнутри. Я снова издала довольный смешок, стараясь впрочем сдерживаться, чтобы не напугать его. Роман с опаской бросил взгляд на мою улыбку, а затем жадно впился губами в мои. Его ладони скользнули по моей груди, а затем он подхватил меня и развернул спиной к кровати, на секунду потеряв контроль над своими действиями и сразу остановился, сам испугавшись своего порыва. О да, у него от меня просто крышу сносит. А может, я неосознанно подталкиваю его к этому своими способностями по влиянию на разум. Впрочем, кому какое дело, ведь нам обоим это нравится.

Он уложил меня на кровать, схватился за чулочки и жадно стащил их. Уже через пару секунд трусики присоединились к чулочкам на полу. Я осталась совершенно обнаженная лежать на кровати перед ним, не прикрываясь, наслаждаясь его восхищением и разделяя его.

— Разденься.

Я не стала добавлять пожалуйста, потому что знала, он не ослушается. То самое пьянящее ощущение власти, когда понимаешь, что сейчас этот мужчина готов на все. Он быстро и суетно сбросил с себя все, не отрывая взгляд, а я в это время игралась, упиваясь своей чисто женской властью и зазывно поглаживая себя по груди, животу, бедрам. Действия не были спонтанными, я знала, видела в его бушующих эмоциях, что именно будоражит больше всего. Его возбуждение буквально витало в воздухе, и я наслаждалась этим чувством, с удовольствием поглощала его всем своим существом.

Сбросив одежду, Роман навис надо мной и начал целовать живот, его ладони скользнули мне по бедрам. Приятные мягкие прикосновения. Я закрыла глаза от удовольствия и снова усмехнулась вслух, издав тихое протяжное да-а-а, интонацией подразумевающее ты все делаешь правильно, хороший мальчик, продолжай. Его поцелуи поднимались выше, к моей груди, и я наконец потянулась к его разуму, чтобы вкусить все сполна, хватит уже довольствоваться внешними обрывками эмоций. Возбуждение мощной волной захлестнуло меня, закрутило в эмоциональном вихре, чуть не выветрив контроль над собой. Роман уже с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на меня, как первобытный человек, и я переняла это, поделила с ним, сходя с ума от удовольствия. Его губы обхватили мою грудь, и неожиданно во мне чувством опасности взорвалось осознание: за дверью кто-

то есть. Он обнаружился так внезапно, словно стоял там все это время незамеченным. Я распахнула глаза и, закрывшись от эмоций Романа, положила руку ему на плечо, крепко сдвинула:

— Стой, — нервно произнесла я, все еще слегка задыхаясь от быстро отступающего под давлением угрозы возбуждения.

Роман замер, пару раз моргнув, приходя в себя, пытаясь сбросить не желающее отступить наваждение:

— Испугалась? Не бойся. Я же сказал, что ничего не будет, если не захочешь.

Я молчала. Внимание и взгляд сконцентрировались на потолке, на котором черным дымом от двери медленно расползались щупальца тьмы, и мне был известен лишь один человек, способный на это — мой брат в крайней степени злости. Роман проследил за моим взглядом:

— Пожар? — он не был связан с Отделом и, как любой нормальный человек, попросту не мог понять, что происходит.

Дверь с грохотом разлетелась в щепки от мощного удара, и вряд ли это была нога или рука, больше походило на взрывную волну.

— Вероника! — рык брата загробным эхом разнесся по комнате, заставив мои внутренности скрутиться от ужаса в тугий узел.

Влад тенью возник в проеме, а черный дым ворвался внутрь и заставил свет погаснуть, окутав помещение туманной черной мглой.

— Что за чертовщина! — с этими словами, напуганный не меньше меня, Роман отпрянул в сторону и свалился с кровати.

Он находился на расстоянии вытянутой руки, но было так темно, что я видела лишь его размытые туманные очертания. Он только начал подниматься, когда Влад темным пятном метнулся в его сторону, и Романа окутала чернота. Всего через секунду в глухой тишине раздался неприятный хруст костей, и тело свалилось на пол с неестественно вывернутой головой. Я схватилась за рот, чтобы не закричать в истерике от страха и шока. Влад, стоящий над телом черным силуэтом во мраке, медленно и оттого жутко повернул голову на меня. Вместо глаз — проемы бездны, хотя казалось, что чернее уже некуда. Они затягивали в себя, манили, как огромная высота манит сделать смертельный шаг к земле. И пока я смотрела в них, казалось, секунды растянулись в вечность.

Влад метнулся ко мне, уничтожая магию взгляда, разрывая контакт, и время, будто восстанавливая баланс, потекло быстрее, чем мне бы хотелось. В панике я рванулась с кровати в сторону, но успела лишь повернуться к брату спиной. Влад схватил меня под затылком за шею, второй рукой придавил плечо и вжал носом в подушку, а сам сел сверху, сжимая меня ногами, не давая шевелиться. Вокруг стояла ужасающая тишина, нарушаемая лишь шорохом его одежды и тихим скрипом кровати.

Понимание происходящего ускользало от меня, паника не давала сосредоточиться и разумно рассуждать. Я позвала брата по имени, но звуки издевательски увязли в подушке. Сердце бешеным стуком отдавало в голову, легкие судорожно пытались захватить побольше воздуха, но, сдавленные его ногами, не имели этой возможности. Уже через пару секунд я поймала себя на мысли, что кислород улетучивается со скоростью мысли, и я забарахталась изо всех сил, не на шутку испугавшись за свою жизнь, пытаясь сбросить брата. Я не хотела верить, что он решил меня убить, эта мысль просто не укладывалась в голове, и я тщетно силилась сбросить с себя эту скалу. Влад заставил меня потрепыхаться несколько секунд,

перед тем как ослабил нажим. Я успела повернуть лицо вбок и жадно глотнуть воздух, прежде чем ладонь снова придавила голову к подушке.

— Лежать! — прорычал он.

Получив столь желаемый кислород, я и без того перестала дергаться, пыталась лишь отдышаться и решить, что делать. Единственным путем к спасению виделась возможность уговорить его, но увы, до психолога мне было далеко, да и нервозность не давала нормально мыслить:

— Влад! Ты убил невинного человека! — звуки голоса взяли во мгле без малейшего эха.

Он ничего не ответил, лишь крепко перехватил запястье, чуть не вывернув руку и заставив меня сдавленно пискнуть, стащил кольцо с пальца и выкинул. Золотое украшение с жалобным звоном, показавшимся в этой тишине оглушительным, ударилось об стену и закатилось под кровать. Было в этом что-то символичное, словно он одним жестом перечеркивал всю мою дальнейшую жизнь, сообщал, что никогда у меня не будет мужа, потому что брат всегда будет крепко держать меня, связывать по рукам и ногам. Словно в подтверждение этого, он быстро и туго скрутил мне запястья веревкой, чуть не вывихнув суставы из плеч.

Ситуация стремительно превращалась из отвратительной в невыносимую, и надо было срочно сделать хоть что-нибудь, пока она не стала еще хуже, пусть и казалось, что хуже уже некуда. В тщетной попытке вырваться я дернулась в сторону изо всех сил, словно зверь, который уже понимает, что пойман, но все равно инстинктивно продолжает бессмысленную борьбу. В отчаянии я даже обратилась к своему дару, но увы, и так было известно, что ничего не выйдет. На других агентов, выживших после инъекции черной крови, наши способности с прямым воздействием не работали или работали очень слабо. Влад не смог бы поднять меня как ходячего мертвеца. Михаил не смог бы вселиться в меня. А я не могла повлиять на сознание брата.

Он такой пугал меня до колик в животе, и я лежала, осознавая, что совершенно не знаю своего брата, в запястьях пульсировала кровь от стягивающей их веревки, дышалось с трудом из-за тяжести чужого тела. Очередная секунда непроницаемой тишины сдавила мне нервы, и я безо всякой надежды жалобно прорычала:

— Влад,пусти...

Он поднялся с меня. На миг мелькнула радостная мысль, что он послушался, но сразу испарилась, когда пальцы брата вцепились мне в плечи и рванули вверх. Влад сдернул меня, безвольную, сдавшуюся на его милость, с кровати, и я чуть не упала, но он перехватил меня за шею. Перед глазами оказалось зеркало в дверце шкафа. Кажется, я навсегда запомню то, что сейчас происходит, потому что каждая деталь выжигается в сознании раскаленным железом.

Тяжелое злое дыхание Влада греет мне ухо. Он грубо сжимает мою шею, прижимая к себе спиной, заставляя смотреть в зеркало. Странные мысли приходят в голову в такие моменты. За странные вещи цепляется внимание. Мои черные волнистые локоны растрепаны. В синих глазах горит страх. Его лицо позади меня, но здесь темно, а вокруг него тьма еще гуще, и я не различаю черт, одни бездонные провалы черных глаз. Страх сжимает мое горло его пальцами.

— Смотри. Кого ты видишь?.. — зло прорычал он, а поняв, что я не собираюсь говорить, сжал пальцы крепче. — Отвечай!

Я снова в панике дернулась в сторону, но он лишь крепче сжал мою шею и запястья,

скрученные веревкой за спиной.

— Я вижу там шлюху! — рыкнул он.

Влад грубо швырнул меня на пол лицом вниз. Челюсть и плечо стукнулись о ковер. Обнаженное тело проехалось по ворсинкам. Немного больно и очень неприятно. Он буквально вытащил меня из-под Романа, и вот я лежу здесь совершенно без одежды со связанными руками. За странные вещи цепляется внимание. Я часто дышу. Ковер пахнет пылью. Перед глазами — ножка комода. Вокруг мрак. Я уже не дергаюсь, бесполезно, просто лежу на животе, как бросили. Запястья, неаккуратно и сильно скрученные веревкой, ноют.

Я услышала, как расстегивается ремень, и чуть не рассмеялась в истерике. Он собрался меня выпороть, как ребенка, за то, что я собиралась заняться любовью с тем, кто мне нравился? Это похоже на глупую шутку. Не задушит же он меня этим ремнем в самом деле. Я его сестра! Что он мне сделает в конце концов. И я, собравшись с силами, повернулась, чтобы бросить ему это в лицо и бесстрашно рассмеяться. Как раз к этому моменту его штаны упали. Отброшенный в сторону ремень звякнул бляшкой о пол. Он возвышался надо мной черной тенью в ночном мраке. От осознания того, что Влад собирается сделать, перехватило дыхание, словно он снова вцепился мне в шею. Он не станет меня пороть. Изнасилует. Мысль была настолько неожиданной, что я не сразу поверила в нее, ведь я так давно его знала. Он не может так со мной поступить.

Он свалился на колени и схватил меня за бедра, поднимая до своего уровня, раздвинул коленями мои ноги. Кричать бесполезно: Романа он убил, а больше здесь никого нет. Только сейчас до меня дошел весь ужас ситуации, и я в приступе нерациональной паники рванулась в сторону, но пальцы сжали бедра до синяков, не оставляя мне шансов.

— Нет. Не надо... Не надо, пожалуйста! — взывала я.

— Не дергайся!

— Влад, очнись! Влад! Ты же мой брат!

Он остался глух к моим мольбам. Заставив вскрикнуть и поперхнуться последними словами, он вошел в меня до упора и замер так, крепко сдавливая бедра, чтобы я не могла никуда деться. Тяжело дыша, я тихо застонала, с трудом привыкая к его размерам, ощущая себя псом, прижатым за холку к земле: оставалось лишь скулить, признавая превосходство противника, и жалобно подергивать лапами, надеясь, что мне не перегрызут глотку.

— Ты моя, Вероника! — прорычал он, и черный дым зашевелился живыми щупальцами, вторя ему. — Только моя!

Болевые ощущения слегка отпустили, и, воспользовавшись передышкой, страх и напряжение последних минут наконец вылились в рыдания, заставив меня обессиленно упереться лбом в пол.

— Влад... Хватит уже... — сдерживать всхлипывания уже не получалось. — Я твоя сестра... Очнись... Хватит...

Попытки выговорить слова давались тяжело, рыдания не позволяли нормально дышать. И он — внутри. Уже не больно, но унижительно. Влад схватил мои запястья за веревку и потянул на себя:

— Поднимись.

Пришлось поднять голову с ковра, выгнуть спину, и он медленно продвинулся вперед, проникая еще глубже, хотя казалось, дальше некуда. Ощущение стало болезненным, и я снова застонала, не в силах сдерживаться. В тугий клубок сплелись бессилие, унижение,

ощущение слабости перед ним — это растаптывало остатки воли, ломало последнее желание сопротивляться, заставляло смириться и сдаться, лишь бы все это быстрее прекратилось.

— Вла-а-ад!.. — мой умоляющий плач перешел в громкий стон.

Тело содрогалось от рыданий и нервов. Мышцы внутри сокращались, пытаюсь не пустить его глубже, но сделать это в моем положении было невозможно, отчего размеры находящейся во мне части его тела казались невыносимо огромными.

— Откинь волосы на спину, — приказал он.

В его голосе больше не слышалось эхо, черный дым пеплом оседал на пол и таял, мгла медленно рассеивалась. Я, не в силах сосредоточиться из-за эмоционального истощения, пропустила приказ мимо ушей, и Влад, схватив меня за волосы, дернул назад сам, натянул, заставляя выгнуть спину еще сильнее, открыться окончательно.

— Запомни, Вероника, ты моя! Только моя! Я убью любого, кто к тебе притронется. Разорву голыми руками. Ты вся принадлежишь только мне!

Он стал двигаться, вырывая из моей груди стоны, и каждое движение вместе с болью приносило и удовольствие. Я поймала себя на этой мысли и перестала понимать сама себя: сдававшаяся, сломленная, принявшая происходящее как данность... и допускающая мысль, что мне это нравится. Еще час назад я бы сказала, что эти мысли постыдны, что я, пусть и не ангел, но благовоспитанная леди да и просто сильная женщина, которая если и не будет главной в семье, то уж как минимум будет с мужем на равных. А еще я бы сказала, что никогда не допущу того, что происходит прямо сейчас, а если это и случится, наложу на себя руки. Но оказавшись в этой ситуации, пришлось признать, что хочу жить, а значит, мне придется сжиться с этим воспоминанием, смириться со случившимся. Я, считавшая себя сильной и непреклонной, сдалась и впервые в жизни ощущала себя беззащитной, полностью доверившейся кому-то другому, пусть и по принуждению. Он мог бы сделать со мной, что захотел, и он делал, что хотел.

И только ему я могла бы это позволить... И мне это нравилось...

Осознание этого оказалось настолько шокирующим, что захотелось выбросить эту мысль из головы, потому что она пугала хотя бы тем, как резко могла изменить мою жизнь, не говоря уже о рамках морали, которые оказались безжалостно разбиты. И я испуганно отодвинула мысль в сторону, закинула в самые далекие и темные уголки души, где ей самое место, и постаралась забыть. И вместе с этим сразу навалилось ужасающее понимание того положения, в котором я находилась, душа снова зарыдала от боли, а я — от бессилия и унижения. Никто не должен узнать о таком позоре для нашей семьи, и тяжесть этого камня на своей душе я понесу одна.

Движения Влада участились, его контроль над мыслями потерялся, и я стала улавливать обрывки эмоций. Брат считал это наказанием, полагал, что раскрывает мне глаза на то, что всегда подразумевалось, хоть и никогда не говорилось: я принадлежу ему, и он не станет мной ни с кем делиться. Я должна была это понять по его поведению, но почему-то не понимала, и вот теперь Владу приходится объяснять доходчивее.

Последнее движение, до самого упора, возвестило об окончании экзекуции, и с громким криком, заглушавшим его стон, я забилась в конвульсиях болезненного удовольствия настолько мощных, словно эта точка в конце предложения была огромной жирной кляксой. Влад опустошенно опустил лбом мне на влажную спину, его губы мягко прошли вдоль позвоночника, пока пальцы все еще сжимали мои волосы и бедро, пусть уже и не так сильно. Черный дым давно пропал, но здесь и без него было темно, на улице стояла ночь. Я

обессилела настолько, что готова была просто рухнуть на пол, но Влад не позволил мне этой роскоши. Он ловким жестом разрезал веревки раскладным ножиком, а затем дернул меня за запястья, разворачивая к себе и ловя мой взгляд. Внешне равнодушная, внутри я вся сжималась от страха перед повторением, и готова была на все, лишь бы этого больше не случилось.

— Ты моя. И не смей об этом забывать, — сказал он более примирительно.

Его глаза уже были нормальными, синими. Он вообще казался таким нормальным... Но теперь-то я знала, что за чудовище скрывается там, в глубине его души.

В наше родовое поместье мы вернулись к полуночи. Оба вели себя как обычно, словно ничего не случилось. Только я была излишне молчалива, а он избегал прямого взгляда в глаза, словно глубоко в душе раскаивался, но мне было наплевать. Зайдя в свою спальню, я еще долго сидела на кровати, обняв ноги, без малейшего желания спать, а утром пришла в себя, совершенно не помня, как уснула. Весь следующий день прошел, как во сне. Шок отступал медленно и неохотно, происходящее не укладывалось в голове, ведь этого не могло быть со мной. Так же ощущает себя тот, кто первый раз прыгает с парашютом — ничего понять еще не успел, а прыжок уже закончился, и вот он сидит на земле и пытается поверить в случившееся. Михаил видел, что со мной что-то не так, пытался поговорить, но я не реагировала ни на что, не касающееся рабочих вопросов.

К вечеру я более или менее стала приходить в себя, да и эмоции окружающих на работе создавали шунт и отвлекали от жуткой реальности. А ночью Влад пришел снова, и вот тогда я поняла, что самый страшный прыжок с парашютом — второй, потому что к этому моменту уже осознаешь, что происходит. Брата не остановили ни запертая дверь, ни нож, который я прихватила заранее, ни мои жалкие попытки сопротивляться. Дверь вынесло с петель, нож улетел в окно, а я оказалась на коленях, привязанная за запястья к столбику кровати. Он снова сделал это со мной, а когда ушел, я сбежала. Страх и паника мешали думать, камень на душе давил своей тяжестью, не давая расслабиться, и именно сейчас как никогда остро я ощущала свое одиночество.

Ночные пустынные улицы не пугали: с моим даром, кроме агентов с черной кровью, мало кто мог представлять опасность, вот только идти было некуда. У меня не было друзей, не было таких же близких людей, как Влад, а те, кто мог бы ими стать, либо разъехались, чтобы не принимать черную кровь, либо погибли после инъекции. Одиночество — самое страшное, что только могло случиться, и я, благодаря брату никогда не знавшая это чувство прежде, сейчас была потеряннным щенком, бредущим в темноте без цели и надежды.

Не знаю, сколько прошло времени, наверное около часа, когда ноги сами остановились, заставив отвлечься от печальных мыслей. Передо мной высилось поместье Михаила, и глядя на его деревянные двери и резную ручку, я осознала всю тяжесть груза на своей душе. Слезы жалости к себе подступали к горлу, перехватывали дыхание, и казалось, что если я не найду хотя бы немного тепла и света, сойду с ума. Мне было стыдно обращаться к Михаилу за помощью: не хотелось доставлять неприятности своими проблемами, да и я всегда представала перед ним сильной и независимой особой, но сейчас ситуация была критической, и этим я оправдывалась сама перед собой. Он был мне слишком нужен сейчас, чтобы идти на поводу у гордости, и я решительно позвонила в дверной старомодный колокольчик.

Михаил распахнул дверь через несколько минут, явив моему взору растрепанные

светлые волосы и наскоро наброшенный от незапланированного пробуждения халат. Из-за его спины из прихожей лился свет, и я, привыкшая к темноте ночи, прикрыла глаза рукой, отчаянно возжелав покинуть холодный мрак и шагнуть к свету, который был так близко.

— Вероника? — его глаза расширились в удивлении, а сонливость моментально ушла из взгляда и он отступил, освобождая дверной проем. — Входи.

Стоило Михаилу закрыть дверь и отпустить ручку, как он оказался в моих объятиях. В молчаливой просьбе о поддержке я прижалась так близко, как могла, и уткнулась носом ему в шею, будто ища там укрытие, как часто делала в детстве с братом. Я замерла так, затаив дыхание, и сердце гулко застучало в ожидании его ответных действий. Если Михаил сейчас вежливо отстранит меня от себя, извинюсь и уйду, но так хотелось надеяться, что этого не случится, ведь иначе это будет означать полное и тотальное одиночество — самый страшный кошмар, который я только могла себе представить.

Та секунда, которую Михаил потратил на попытку справиться с удивлением, показалась вечностью, и наконец его ладони мягко, но решительно опустились мне на талию, скользнули по ней и провели по спине, крепко прижимая меня к нему; его голос прозвучал ласково и успокаивающе:

— Что у тебя стряслось, солнце мое? — он впервые назвал меня так, и мне понравилась эта уютная домашняя фамильярность.

Его ладонь поглаживала меня по голове, успокаивая, прямо как брат в детстве. От Михаила исходили забота, желание успокоить и защитить, и беспокойная тревога за меня, а еще глубже затаилось желание узнать ответ на вопрос, кто довел меня до такого состояния, чтобы в лучшем случае четвертовать его. Я не собиралась говорить ничего, не хватало еще, чтобы он узнал обо всем случившемся, но...

— Это Влад... Это всё Влад...

Я не выдержала. Шок отступил окончательно, и на его место пришло отчаяние и бессилие — то же, что я ощущала прошлой ночью в доме Романа. Слезы полились нескончаемым потоком, и глядя на это, Михаил не знал, куда себя деть, он готов был прямо сейчас броситься ко мне домой и избить брата, хотя даже толком еще не знал, что произошло. Пока я рыдала, он молча гладил меня по голове, а затем очень вовремя подхватил на руки, когда ноги меня держать отказались. Я ревела искренне, как ребенок, навзрыд, выплескивая нервы, освобождаясь от избытка эмоций и не замечая, как Михаил несет меня в свою спальню.

Свет здесь не горел, только узкая лунная дорожка проглядывала из щели между шторами. Он опустился вместе со мной на кровать, бережно положил на мягкие простыни и хотел выпрямиться, отпустить меня, но я, в остром желании ощущать его рядом, не позволила и в ответ лишь крепче вцепилась в него в молчаливом противостоянии и потянула на себя. Сопротивляться Михаил не стал, улегся рядом, продолжая обнимать меня, прижимать к себе и гладить по голове.

Сколько я так пролежала, закрывшись в его руках от всего мира, не знаю, вряд ли долго, но казалось, что прошла целая и такая счастливая вечность. В его объятиях было уютно и спокойно, словно меня закутали в теплое одеяло — так я себя чувствовала только на коленях брата в кресле перед камином. Рядом с Михаилом казалось, что все хорошо, острота пережитого таяла быстро, как снежинки на ладони.

Рыдания давно сошли на нет, и я продолжала лишь изредка всхлипывать, когда в эмоциях Михаила скользнуло ощущение неловкости. Он испугался, что сейчас,

успокоившись, я обвиню его в слишком интимной близости, в бесстыдном поведении, что сбегу от него, и он навсегда лишится даже тех крох моего общества, что у него были до сего дня. Во избежание этого и вместе с тем в желании позаботиться он попытался найти причину отстраниться от меня:

— Ника, тебе надо поспать. Завтра станет легче. Давай я подогрею тебе молоко с медом.

Он начал подниматься с кровати и разжал объятия, отчего внезапно стало холодно. Показалось, что покинь он меня, и с ним уйдет последний кусочек тепла и света, и я в легкой панике вцепилась ему в плечи:

— Нет, не уходи! Не оставляй меня одну в темноте!

Думалось после такого всплеска эмоций с трудом, поэтому никак лучше выразить сейчас свои с трудом шевелящиеся мысли я не могла. Он замер, поняв, что сделал что-то не так, а затем ласково провел мне по волосам:

— Никогда не оставлю, ты ведь мое солнце. Давай я включу в комнате свет, хочешь?

Я взяла себя в руки, рассудила логически и угукнула, заставив себя разжать пальцы, хотя душу терзало беспочвенное опасение, что он сейчас рассеется, как дым, а я снова окажусь в руках брата среди непроглядной мглы. Приглушенный газовый свет разлился по комнате, разгоняя остатки тьмы вместе с моими страхами. Олицетворением света и тепла Михаил сел рядом и положил руку на мои волосы, и я потянулась к нему, как подснежник из-под холодного зимнего покрова тянется лепестками к солнцу:

— Ложись, — попросила я, желая снова оказаться в уюте и спокойствии, которые он мне дарил. — Пожалуйста.

Михаил уже было наклонился, но тут его взгляд упал на мои запястья. Рукава платья сдвинулись, и в комнате теперь было светло, поэтому он сумел заметить красные отметины от тугих веревок. Не веря своим глазам, он бережно, но крепко, схватил мою руку и стал разглядывать. А ведь и правда, я ему так и не сказала, что же конкретно сделал брат, и теперь в его голове взметнулось сразу несколько версий случившегося, одна хуже другой. Его глаза расширились от удивления, а зрачки сузились в гневе:

— Что он сделал?

Вся боль давно излилась в слезах, осталась лишь безмерная усталость, так что голос мой был тих, спокоен и безлик, сообщая факты так, словно они ничего не значили для меня:

— Ему нравится моя беспомощность. Она его возбуждает.

Ничего не было сказано прямо, но это и не требовалось, я вполне однозначно указала на одну из худших догадок Михаила. Его пальцы неосознанно сдавили мою руку, а в эмоциях вспыхнул такой гнев, какого я у него никогда в жизни не видела.

— Я его к праотцам отправлю...

— Не лезь к нему. Он убил Романа прошлой ночью, — даже в нынешнем состоянии крайней усталости я ощутила искры волнения за его жизнь.

— Твоего Романа? — уточнил Михаил, и его гнев на секунду сменился удивлением, он так же, как и я прошлой ночью, не смог сразу поверить в мои слова.

— Да. Я хотела провести с ним ночь, а Влад следил за мной и прервал нас. Убил его и сделал это со мной сам... Отпусти руку, мне больно.

— Прости.

Он разжал пальцы, и я повернулась на бок, подложив ладонь под щеку и уперевшись в ноги сидящего полусогнутыми ногами, стремясь прильнуть к нему ближе хотя бы так.

— Ника, я настаиваю, чтобы ты осталась жить у меня, — его ладонь успокаивающе погладила мое плечо. — И наплевать, что там кто подумает. Надо будет — женюсь, в конце концов, и знаешь, я этому даже был бы рад. Влад к тебе и на километр не подойдет, я не позволю.

Удивительно. Сделать мне предложение в такой странной форме — это надо было еще додуматься. Вот только за такое Влад его убьет, как пить дать. Я не могла этого объяснить, не понимала сознанием, но эмоции брата, когда он говорил ты моя, я прекрасно ощутила и могла во многом предугадать его реакции. Он не любил, когда на его собственность покушаются, и никаких сомнений в том, что он сделает с Михаилом, у меня не возникало.

— Влад не отдаст меня тебе. А я не хочу, чтобы он убил тебя.

В эмоциях Михаила скользнула легкая обида за, как ему показалось, упрек в слабости, а еще ярое желание доказать мою неправоту, но он сдержался, сделав выбор в пользу того, чтобы меня успокаивать, а не нервировать.

— Ну, Ника, я ведь тоже агент с черной кровью, а не обычный человек, — он продолжал успокаивающе поглаживать плечо. — Не стоит меня недооценивать. В конце концов, мы вдвоем уже два года работаем вместе, и мои навыки ты знаешь. Я не уступаю твоему брату.

Что ж, в чем-то он прав. Даже не считая возможностей прямого влияния, которые на Влада бы не сработали, Михаил мог многое: мерцание, временная неосязаемость и черт знает что еще, он тоже порой открывал в себе новые умения. Как боец я не могла составить конкуренцию ни ему, ни Владу, ведь мои способности — это прямое влияние на разум, и перед большинством агентов с черной кровью я беззащитна.

В очередной попытке решить, как быть дальше, я поймала себя на невозможности сосредоточиться; усталость навалилась внезапно, заставляя желать лишь одного: снова закутаться в теплое одеяло спокойствия. Я положила ладонь Михаилу на ногу, словно мне нужно было удостовериться, что он рядом, и успокоенно закрыла глаза. И пусть весь мир горит синим пламенем, а я буду спать.

— Не уходи, — прошептала я, ощущая, как сон моментально охватывает меня.

— Никогда... — было последним, что я услышала, прежде чем отключилась.

— Вероника!

Злой рык брата ворвался в сон, заставив меня подскочить на месте и моментально проснуться. Сердце оказалось в горле, перехватывая дыхание и стуча так, словно отбивало последние секунды жизни. Судорожно дыша, я окинула комнату взглядом в поисках Влада, и не найдя, с облегчением выдохнула. Михаил сонно приподнял голову от подушки и обвинил меня рукой за талию в жесте защиты и успокоения:

— Здесь его нет, Ника. Все хорошо.

Он сразу понял, что случилось, видимо, у меня все на лице написано. Похоже, мне теперь всю жизнь будут сниться кошмары с братом в главной роли.

— Оставайся у меня, солнце, — он сел на кровати и обвинил меня второй рукой, прижимая к себе, он все еще беспокоился за мое душевное состояние. — Владислав тебя здесь не достанет, я позабочусь об этом.

Наверное, он ожидал, что я все еще в истерике, что буду приходить в себя многие дни и месяцы, но он ошибался. Чувствую я себя вполне сносно: усталости нет, разум ясен и чист,

словно не случилось ничего страшного, словно я не пришла сюда в ночи в поисках поддержки и успокоения. Похоже, рассветное солнце взошло не только на улице, но и в моей душе, возвещая о приходе нового дня, о новой жизни, в которой нет места старым кошмарам. Улыбка сама появилась на лице, отражая мою готовность справиться с любой проблемой, пережить любую беду, ведь я не одна.

— Спасибо тебе, — я повернулась и положила ладонь на его щетину. — Благодаря тебе у меня все хорошо. Ты даже не представляешь, как сильно помог. И я не стану прятаться за твою спину, убегая от проблемы, а решу ее.

Он уже собрался протестовать, но я не позволила, опустив кончик пальца ему на губы.

— Я сама разберусь. Если вмешаешься, сделаешь только хуже. И возражения не принимаются.

Логика проста: Влад никогда не был таким, каким я видела его теперь, будто выглянуло второе лицо или показалась обратная сторона его монеты. Но это значит, что монету можно повернуть назад, и кому как не мне суметь это сделать? Я предам его, если отвернусь и брошу в сложный момент, надо просто найти способ вернуть его настоящего, ведь я все еще люблю его даже после того, что он сделал.

— Ника, так нельзя. Позволь помочь тебе хотя бы немного, не могу же я оставить всю эту ношу на твои плечи. Ты обрекаешь меня смотреть на твою боль и ничего с этим не делать. Это мучительно.

— Не преувеличивай, — я взяла его ладонь, приложила к своей щеке и по-кошачьи потерлась об нее. — Я прошу, сделай это ради меня, и я оценю это по достоинству.

По сути, я предложила ему сделку: в обмен на столь мучительное бездействие он получит меня. Более того, мне бы и самой этого очень хотелось, потому что, как я сейчас понимала, Михаил сумел стать мне самым близким человеком после брата. В случае их столкновения кто бы ни пострадал, в проигрыше окажусь я, так что единственным подходящим вариантом было держать этих двоих подальше друг от друга. Ну и само собой разумеется, что обо всем этом никто больше знать не должен.

— И, Михаил, пожалуйста, никому не говори о том, что узнал сегодня. Очень тебя прошу, молю всеми богами, никому ни слова.

Он смотрел на меня и метался в выборе между двух зол. С его точки зрения в такой ситуации как ни поступи — все плохо. Предложение мое он понял примерно так, как я и хотела. Но несмотря на всю его заманчивость, Михаил не был уверен, что сможет удержать себя в руках и не сорваться на Влада.

— Ника... — жалобно и в то же время укоризненно протянул он в последней попытке уговорить меня, хотя понимал, что скорее всего она окажется бесполезной.

— Просто поддержи меня, будь рядом, — тише произнесла я. — Не решай за меня, не поступай, как он.

Взгляд невольно упал на его тело, и я только сейчас заметила, что он лежит в одних лишь штанах с обнаженным торсом. Приятное зрелище — подтянутый, натренированный, слегка худощавый, но ровно настолько, как мне нравится. И я не удержалась, повела кончиками пальцев ему по груди к прессу. Он недоверчиво опустил взгляд на мои пальцы, а затем попытался поймать мой взгляд, и как раз в этот момент я чиркнула ногтями по его прессу, словно стремилась вцепиться в гладкую кожу, и потянулась к Михаилу губами. Тот лишь секунду помедлил, прежде чем ответить, зато потом быстро превратил поцелуй в такой страстный, словно сбылась мечта всей его жизни, и судя по обрывкам его эмоций, примерно

так и было. Он искренне любил и был готов ради меня на все, однако твердо решил втихую от меня разобраться с братом: не убить, конечно, но крайне доходчиво объяснить ему, что с сестрой нельзя так поступать. Что ж, придется мне сегодня быть внимательнее и не отходить от них обоих ни на шаг, иначе они разнесут в щепки все, что окажется у них в зоне поражения.

Мы столкнулись с Владом в приемной, в которую попадаешь на входе в здание Отдела. Он стоял, опираясь спиной на беломраморную колонну, уже одетый в служебную синюю форму, и крутил в пальцах свой пистолет. Увидев его, я застыла на месте, будто уперлась в невидимую стену. Вся решимость и легкость куда-то испарились, и я ощутила себя маленькой мышкой перед огромным котом. Сердце испуганно заколотилось в груди, стремясь вырваться наружу, но я упрямо стиснула зубы и заставила себя пусть и не двинуться вперед, но хотя бы не отступить. Влад заметил меня, отстранился от колонны и, бросив хмурый взгляд на Михаила, направился к нам.

— Вероника, ты опаздываешь на работу.

Михаил вышел вперед и встал, загораживая меня:

— Ты ее и пальцем не тронешь.

— И не собирался, — усмехнулся Влад и приказал, не отводя от него взгляда. — Вероника, иди одевайся.

И я, сама не понимая почему, послушалась, шагнула вперед. Может потому, что стало слишком страшно на миг. А может, этот его повелительный тон, которым он говорил со мной в ту ночь, так сработал. Михаил схватил меня за плечи и повернул к себе:

— Вероника, я с тобой. Ты ведь помнишь об этом? Ты не обязана его слушаться.

— Но он прав... — вяло запротестовала я. — Нас впереди ждет работа.

Зеленые глаза Михаила внимательно изучали мое выражение лица. В его взгляде сквозили забота и молчаливая поддержка, за которые я была ему искренне благодарна. Мир, который, казалось, сузился и давил на меня под взглядом брата, теперь расступился, и даже дышать стало легче, так что фразу я продолжила более уверенно:

— Да и ты обещал мне кое-что сегодня утром. Не надо раздувать проблему.

— Ладно, я понял. Ты иди, действительно, одевайся.

Он согласился лишь для вида, обрывки эмоций подсказали, что он просто хочет меня спровадить. Я сделала вид, что ничего не поняла, прошла мимо них, свернула за угол и сразу прижалась там к стене, вслушиваясь в разговор. Несколько секунд они стояли молча, играли в гляделки, а потом мой брат произнес:

— Необходимость одеваться касается и тебя, и я говорю это сейчас как лидер нашего отряда, а не ее брат. У нас дело.

— У нас всегда дело с тех пор, как агентов остались единицы. Не уводи разговор в сторону, Владислав, ты перешел всякие возможные границы в отношении своей сестры, и пора поговорить об этом, — в Михаиле бурлила с трудом сдерживаемая злоба.

— Нам не о чем разговаривать, — брат был спокоен, словно ничего не случилось.

— Тогда я объясню молча, — Михаил размытым призрачным пятном метнулся к Владу.

Я выскочила из-за угла к тому моменту, как брат получил удар по челюсти. Со скоростью Михаила, когда тот использовал свои способности, сложно было сравниться,

однако тактика моего брата по большей части заключалась в ловле на живца. Чтобы нанести удар, Михаилу пришлось стать осязаемым, и он словил контрудар. Они отшатнулись друг от друга, разрывая дистанцию с явным намерением продолжить, но дальше я им друг друга лупить не позволила: бросилась к ним и встала посередине, расставив руки, лицом к брату. Если я его не остановлю, никто не остановит. Охранники вмешиваться не спешили, и я их не винила, ведь чтобы в первых рядах влезть в драку между агентами с черной кровью, надо быть полоумным.

— Прекратите! Вы, оба! Михаил, ты обещал! — рявкнула я ему, держащемуся за сломанный нос, а затем повернулась к брату, вправляющему свою вывихнутую челюсть. — А ты только попробуй ему причинить вред снова, и я превращу твою жизнь в ад! Он мой!

Вокруг меня воздух трещал статическим электричеством, но я не обратила внимания.

— Вероника, не надо, — попросил Михаил.

А Влад, совершенно не испугавшись, обхватил меня правой ладонью за шею под волосами и склонился к уху. Жест, со стороны кажущийся ласковым, вызвал ужас, и злость за стычку с Михаилом схлестнулась со страхом, с желанием сжаться в комочек и молчать в тряпочку.

— Ты знаешь, что мне нужно, Вероника, — сказал он мне на ухо очень тихо, — и ты будешь мне это давать. Иначе я подниму мертвецов со всех кладбищ в округе и натравлю на твою игрушку. И держи его от меня и от себя подальше, это в твоих же интересах. Сейчас он все еще жив только потому, что я слишком хорошо его знаю, чтобы понимать, что этой ночью между вами ничего не было.

И что-то было такое в его словах и интонации, что я поверила. Убьет. Точно убьет.

— Убери. От меня. Руки, — угрожающе, или так мне казалось, произнесла я.

И он, как ни странно, убрал. В его взгляде не было испуга, он просто решил, что я его поняла, а мои последние слова пропустил мимо ушей. Рядом со мной встал Михаил, готовый вмешаться в любой момент, но брат никаких больше действий не предпринимал.

— Вероника Князева? — раздался позади нас голос.

Обернувшись, я увидела троих подходящих к нам мужчин в форме полицейских. Они напряженно взирали на меня и моих спутников, ожидая неприятностей, что неудивительно, ведь раз их сюда пустили, значит они осведомлены о том, кто мы такие.

— Да, это я.

— Вам предъявлено обвинение в смерти Романа Расторгуева. На месте преступления было найдено ваше кольцо, так что отпираться не советую. Пройдите, пожалуйста, с нами и не создавайте сложностей.

— Это не она его убила, — спокойно сообщил Влад, не дав мне и слова вставить. — Это я.

Мы с Михаилом изумленно уставились на него, а он продолжал:

— Господин Расторгуев пытался изнасиловать мою сестру, и мне пришлось вмешаться. Он был настроен крайне серьезно, поэтому оставить его в живых не представлялось возможным.

— Госпожа Князева, — обратился ко мне полицейский. — Вы можете это подтвердить?

— Расскажи им всю правду, Ника, — Михаил смотрел на меня.

— Да, расскажи всю правду, — произнес брат.

Я судорожно сглотнула. Это был словно выбор между ними двумя — выбор, который уже давно был сделан.

— Конечно. Только правда и ничего кроме правды, — спокойно ответила я. — Все так и было. И если бы мой брат не пришел на помощь, не знаю, что могло бы случиться...

Влада так и не посадили, лишь наказали на значительную сумму, которая с нашим наследством проблемой не стала. Брат потом беседовал с начальством наедине не один час, но слишком уж нужен он Отделу, как и любой агент первой волны, так что дело замяли. Это было далеко не последнее убийство, которое ему спустили с рук. Впрочем, к концу службы, как только нужда в нем отпала, ему их все припомнили, именно поэтому последние одиннадцать лет Влад провел в заточении.

Многие годы после я пыталась понять, кем я стала в тот день. Что он сделал со мной? Заставил ненавидеть себя? Или любить? Я сломалась? Или стала сильнее? Долго не находилось ответа, и только будущее показало, что в тот день он сам вырыл себе яму. Я стала его проклятием.

Всегда любила поезда. Мерный стук колес успокаивал, убаюкивал, навевал что-то очень приятное из детства. Я ехала в одном вагоне с Анной Пламенево́й, той самой женщиной, что пришла за мной от Отдела, и той же самой женщиной, что затем спалила мой дом по приказу Ольги. Управление огнем — это ее сила как агента третьей волны, довольно мощный дар по сравнению с остальными. Она вообще оказалась весьма интересной женщиной, о чем в недолгой светской беседе наедине мне поведал усатый Кирилл. Например, несмотря на замужнее положение, она не взяла фамилию мужа, не стала Каркаровой, а это практически позор для него, даже я не стала бы так издеваться. Лично я отнеслась к этому спокойно, любящие друг друга люди могут делать что хотят, если им обоим это нравится, но вряд ли так же думали и все остальные.

— Знаете, госпожа Лазарева, я много читала о вас, — подала голос Анна.

Она сидела в кресле перед небольшим столиком в центре купе и задумчиво смотрела в окно на пролетающие мимо в ночи деревья. Когда вот так привыкшими к свету глазами смотришь в темноту, кажется, что там ничего нет, что тьма — сплошная пустота, и для смотрящего из света это истина. Если же из привычной тьмы посмотреть на свет, он слепит и раздражает, и тогда уже свет кажется не содержащей ничего пустотой, и для смотрящего из тьмы истина это. При этом нельзя видеть и то, и другое одновременно, и если бы человек попытался это сделать, ему потребовалось бы два лица, каждое из которых видит одну из сторон...

Я сидела напротив нее за тем же столиком и читала книгу, на обложке которой, взятой с какого-то любовного романа, красовалась обнимающаяся пара. Настоящее содержимое книги — собрание последних достижений в области физики электричества — я по давно выработанной привычке скрывала, как и многие вещи в своей жизни. Общество не приняло бы меня настоящую, и жизнь этому прискорбному факту уже научила. Когда я только познакомилась с Еленой и Светланой, то пыталась говорить с ними об интересных мне вещах: физика, философия, религия, но быстро бросила это бесполезное занятие. Присоединиться к обществу мужчин, когда они вечерами собирались на философские беседы, я тоже не могла, ведь я женщина, а посему должна сидеть дома и рожать детей, а не забивать себе голову высокими матерями и уж точно не мешать мужчинам, когда они желают отдохнуть от женского общества. Очень быстро я начала сходить с ума от одиночества, и потому пришлось начать говорить о шляпках, лентах и платьях.

— Читали? В самом деле? — незаинтересованно уточнила я и перелистнула страницу. — Очевидно, нас с братом выставляют не в лучшем свете. Оправдываться не стану, просто чтоб вы знали.

— Уверяю, нет нужды так реагировать. О вас в истории Отдела написано немало хорошего. Вы с вашим братом многое сделали: почти прогнали гхаттитов, расправились с десятками порождений Зоога и сотнями детей Кхутуру. Мне всегда хотелось хотя бы капельку походить на вас. Когда-то даже мечтала, как однажды встречу с вами, ведь всем известно, что агенты первой волны не стареют, а в том, что вы не погибнете на очередном задании, я по своей детской наивности была свято уверена.

Она откровенно выбешивала меня, сама не знаю чем. Может быть этим своим

приторным тоном и лживыми заверениями, которые выглядят так убедительно, будто она говорит правду. А может стервозностью и амбициозностью. Может симпатичным личиком и силой воли... Анна слишком похожа на меня, вот чем она бесит.

— Пытаетесь настроить хорошие отношения? — я недовольно вздохнула, оперла книгу о стол и раздраженно посмотрела прямо на собеседницу. — Послушайте, Анна, я — профессионал, и личные отношения не помешают мне работать с вами и спасти вашу задницу в бою, как бы я ни относилась к вам вне работы. У вас нет ни единой причины искать со мной общий язык.

Невысказанным, но повисшим в воздухе и понятным обеим осталось окончание фразы: ...так что отвяжись от меня. Ее симпатичное лицо исказилось недовольством, указательный палец оказался направлен на меня, а в голосе скользнула тень агрессии:

— А у вас, госпожа Лазарева, нет ни единой причины бросаться на меня по любому поводу! Я всего лишь пытаюсь вести с вами светскую беседу.

— Вы сожгли мой дом, — я снова уставилась в книгу и добавила про себя а вместе с ним и мою прежнюю жизнь.

— Это был приказ, вы же понимаете. Муж считает вас погибшей, и это избавляет всех нас от лишних проблем.

— Мда? Неужели? — я даже не пыталась скрыть ехидство в голосе.

Поняв, что почитать мне не дадут, я отложила книгу, заложив закладку, с твердым намерением убедить ее оставить меня в покое, и ради этого я готова была применить любой способ из тысячи имевшихся, от обычного скандала до обиды, не моей, разумеется. А если сильно докопается, найду как из купе вытурить, пусть вон валит в купе к своему мужу, третьему члену своего отряда, а сюда отправит Кирилла, он меня хотя бы не настолько сильно бесит. Но пока я решила воздействовать уговорами, начну с попытки достучаться до логики, посмотрю, как будет отвечать, а там придумаю что-нибудь по ходу, сымпровизирую, как обычно делает брат.

— А если я мужа в городе встречу? Или кого-то из прежних знакомых. Что мне тогда делать?

— Постарайтесь не попадаться им на глаза, вот и все. Это не сложно. А общий язык с вами я действительно желаю найти, нам еще работать вместе.

— Мы всегда работали только с братом, третьему среди нас не место, — а вот теперь тон голоса переключился на агрессивный.

— В самом деле? — Анна удивилась, проигнорировав мою атаку. — А я читала в досье, что какое-то время вас в команде было трое агентов первой волны, пока один из них не погиб. Только тогда вы остались работать с братом.

Я все эти годы запрещала себе думать о Михаиле, и теперь воспоминания прошлись по памяти ножом, вскрывающим давно зажившую рану, пришлось даже вдохнуть и выдохнуть, чтобы успокоиться и не вцепиться ей в рыжие лохмы.

— Госпожа Пламенева, — я раздраженно постучала ноготками по столику, — давайте я объясню кое-что. Я понимаю, вы сделали это не намеренно, но вы только что станцевали у меня на больной мозоли.

Ее брови в удивлении приподнялись, похоже, это действительно не было ее целью.

— Сожалею...

Я подняла ладонь, прерывая ее:

— Позвольте договорить, чтобы в будущем вы не попали в такое же неудобное

положение снова. Вы говорите о нашем третьем напарнике так, словно это пустой звук. Для вас, возможно, так оно и есть. Для вас он — лишь строчка в истории, но для меня это человек. Очень близкий. Тот, кем я крайне дорожила.

— Вас связывали интимные отношения? — заинтересовалась она, словно заправская сплетница, и подалась немного вперед, оперевшись на стол обеими руками. — Об этом ничего не сказано в досье. Почему не вышли за него замуж?

— Некогда было, — недовольно рыкнула я полуправду.

Пока Михаил был жив, он ходил на задания вместе со мной и Владом. А замуж я за него не вышла конечно не потому, что не хватало времени. Причиной был брат.

Через несколько лет после того, что Влад со мной сделал, его стали часто отправлять в командировки на обмен опытом. Брат знал, что пока его нет, я сплю с Михаилом. Это было очевидно, да и потом, когда он спросил прямо, я не стала врать, что это не так. Иногда мы бывали вместе, даже когда Влад был в городе, но по моей просьбе мы всегда делали это так, чтобы он не знал.

Никогда не видела со стороны Влада попыток убить его, что казалось мне странным. Наверное, он все-таки осознавал свое поведение мягко говоря неприемлемым. Или может он таким образом пытался загладить вину передо мной. С другой стороны, я никогда не чувствовала в нем эмоции вины, когда он приходил ко мне и насиловал ночь за ночью, однако иногда ловила ее по утрам, когда он в очередной раз отводил взгляд. Впрочем, термин насилие здесь неприменим, потому что в конце концов я перестала сопротивляться.

А может, он считал Михаила лишь моей игрушкой, чем-то несерьезным, ведь несмотря ни на что каждую ночь я оставалась с ним, с Владом. Или знал, что я буду чувствовать, если Михаил умрет, знал, как он был мне дорог, и хоть и желал тому смерти, не хотел ощущать себя причиной этого. А может все вместе. Не знаю. В любом случае, все повернулось почти так, как Влад бы и хотел. Почти. Михаил умер, но не ушел.

— У меня для вас кое-что есть, примите это как жест примирения, Сцилла, — Анна улыбнулась.

— О, даже знаете мой позывной агента, — я сменила гнев на милость.

Подарки я люблю, а еще люблю, когда меня так называют. Будем считать, что ей удалось найти со мной общий язык, по крайней мере на этот раз.

— А какой ваш позывной? — стало любопытно, наверняка Огонек или Дымок.

— Искра, — Анна с улыбкой достала из внутреннего кармана маленький флакончик и протянула. — Мне поручили отдать это вам.

— Агенты третьей волны тоже могут этим пользоваться? — я взяла его в руки и усмехнулась, разглядывая. — Что ж, теперь я полноценный агент.

Я прекрасно знала эту вещь: небольшой черный флакончик на цепочке размером в несколько сантиметров, так похожий на флакон с духами. Ее выдавали на наиболее сложные задания. Внутри находилась особая выжимка черной крови, очень дефицитная штука, которая работала только на агентов с черной кровью, для остальных она была ядом. Если выпить ее, ранения начинали очень быстро зарастать. Это помогало не умереть в критичных ситуациях, вот только после распития она ненадолго отключала из сознания в зависимости от степени ранения, да и повторное использование в течение короткого срока не давало эффекта, так что пользоваться ею надо было осторожно.

— Могут, — подтвердила Анна. — Но это не для того, о чем вы подумали. Вам нужно выпить это в любое удобное для вас время. Эта жидкость нейтрализует действие того

вещества, что вводили вам для блокировки ваших способностей.

Я с трудом сдержала ехидный комментарий. Мне и без нее было прекрасно известно, как эта выжимка на меня подействует. Отдел и сам узнал только благодаря моему брату. Когда Влада отправили в тюрьму, ему тоже ввели вещество, блокирующее его дар, то самое, которое потом стали вводить и мне. Но Влад как отличный биолог и химик догадался до одной важной вещи, а может просто сделал удачное предположение. Когда ему вынесли приговор, через неделю после лишения дара, он потребовал за все свои бывшие заслуги, коих немало, допустить его домой, чтобы он мог попрощаться со мной и с домом. Ему позволили. Он тогда заставил меня незаметно принести ему одну такую припрятанную флягу, которую в рапорте он в свое время отписал как утерянную на задании. Конечно, за утерю он тогда получил знатно, но зато теперь она сыграла свою роль. Благодаря ей, дар к нему вернулся, а к блокирующему веществу он приобрел иммунитет. Влад сумел вырваться из-под стражи, но попался снова, когда пришел забрать меня с собой в бега. Я уговорила его не убивать людей Отдела, и невысказанным вслух, но понятным обоим осталось я приду за тобой. Он тогда долго смотрел на меня, но позволил себя увести.

Никогда не забуду этот взгляд. Я ведь так и не выполнила обещание. А выбраться сам он уже не смог. Артефактом, оставшимся с древних времен пришествия Зоога, на него наложили печать: если он выходил за границы особой руны, начинал быстро задыхаться, и в конце концов терял сознание и впадал в кому.

Сначала его держали в тюрьме почти год, пока я не попыталась его оттуда вытащить. Ждала столько времени, чтобы усыпить бдительность Отдела. Пользуясь даром, я достала этот артефакт, чтобы снять с брата его проклятие. К сожалению, там на месте меня ждали. Попытка не удалась: я не могла убивать своих, и потому проиграла. Итог оказался плачевен. Влада перевезли в другое место, о котором я не знала, куда мы сейчас и направлялись, а меня принудительно отправили в отставку в мирную жизнь и лишили дара.

Впрочем, в конечном итоге я решила, что так даже лучше. Чудовище — в клетке. Я — на заслуженном отдыхе. И мне бы хотелось, чтобы все так дальше и оставалось. Вот только маленький флакончик на цепочке, что болтается перед глазами, это мой личный смертный приговор. Потому что как только я выполню свою работу и стану не нужна Отделу, он уже не сможет посадить меня на цепь и надеть намордник, как раньше. А второго артефакта наподобие того, которым сковали Влада, попросту нет. Останется только убить.

— Госпожа Лазарева? — голос Анны вывел меня из задумчивости. — Не хотите принимать сейчас? Я думала, вы будете рады снова встретиться с вашим, как выяснилось, близким другом — агентом Призраком.

Похоже, про него в моем досье тоже написали, Впрочем, чему я удивляюсь...

Около десяти лет назад, когда мы приняли черную кровь, Отдел лишился почти всех своих агентов. Пока восполнялись потери, наша группа занималась только заданиями крайней степени важности, другие просто не рассматривались, не до них было. До сих пор не могу понять, как мы справлялись, лично я ощущала себя котенком, которого учат плавать, выбрасывая за борт. Со временем, когда в ряды агентов влилась свежая кровь, руководство благоразумно решило с ними так же не поступать, а обучать размеренно и планомерно, в итоге важные и сложные задания так и остались лежать на наших, уже опытных, плечах агентов с черной кровью.

На этот раз нам предстояло защищать государя-императора Николая, его шестилетнюю дочь и невесту на его свадьбе. Задание не выглядело опасным, несмотря на всю важность, поскольку гхаттиты уже давно сидели по своим норам и не высовывали носа, а чудовища не стали бы нападать на такие крупные и шумные сборища людей. Вот разве что порождения Зоога могли стать проблемой, но и те давно не давали о себе знать, особенно после той знаменательной облавы, во время которой мы уничтожили сразу трех вампиров и двух баньши.

Задача заключалась в том, чтобы лично присматривать за каждым из трех охраняемых людей. Влад и Михаил, слишком хорошо меня знающие, не сговариваясь решили, что назначать меня следить за ребенком неразумно, а поскольку Влад как глава отряда обязан был охранять лично государя, то мне досталась невеста его императорского величества Катерина. Так я попала в невольные спутницы невесты в очень суетной, сложный и нервный, хотя и несомненно счастливый, день ее свадьбы. После всех церемоний, уже под вечер, мы доехали до резиденции, где должно было состояться официальное ее представление высшему свету как жены государя с приличествующим случаю празднеством с фуршетом и танцами.

Мы с охраняемой мною особой находились в отдельном зале, откуда Катерину должна была позвать ее мать к моменту начала речи государя. Окруженная стайкой восхищающихся и охающих подружек невесты, девушка была на седьмом небе от счастья, но места себе не находила от волнения. Во избежание возможных проблем я еще утром состроила каменное лицо вида я — охрана при исполнении, и трогать меня не надо, и весь день оно успешно защищало меня от излишнего внимания, но сейчас, когда девушки откровенно заскучали, я для них осталась единственным развлечением. Оставалось лишь надеяться, что это не продлится долго, о чем я взмолилась всем богам, когда вся стайка девушек во главе с молодой женой окружила меня. Ну конечно, им-то я еще могла отказать в общении, но не молодой императрице.

— Знаете, я жутко нервничаю, госпожа... — она замолчала, ожидая от меня фамилию

— Сцилла, — подсказала я.

— Сцилла? — удивилась Катерина, судорожно обмахиваясь веером. — У вас интересное имя.

— Это мой рабочий позывной.

— Как любопытно. А какие у ваших напарников позывные?

Я отвечала не слишком довольной и с некоторой натяжкой, всем видом показывая, что

этот разговор излишен, но моя собеседница делала вид, что не замечает этого, пытаюсь разговором со мной скрыть свое нарастающее волнение. Если быть честной, на ее месте я бы тоже цеплялась за любую возможность отвлечься от происходящего, так что я решила поддержать этот разговор, пусть и без излишнего энтузиазма.

— Харибда и Призрак, — наши позывные не были секретной информацией, поэтому сообщать их допускалось.

Молодая государыня-императрица усмехнулась, прижав веер к губам, и задумчиво подняла взгляд к потолку:

— И да окажутся наши враги между Сциллой и Харибдой! Неплохо, неплохо, надеюсь, это не просто пустые слова, и вы подтверждаете их делами?

— Да, государыня. Мы действительно опасны и работаем сообща. Если сумел уйти от одного из нас, дело завершит второй.

— А при чем тут Призрак? — вмешалась одна из подружек.

Да в общем ни при чем, позывные мы себе сами придумывали. От необходимости отвечать меня спасла мать невесты. Строгая сухая дама заглянула к нам:

— Катерина, пора! Все ждут твоего выхода.

— Пора! Пора! Иди скорее, — загомонили ее подруги.

И Катерина, подобрав многочисленные юбки своего белого платья, направилась по красному ковру к выходу в зал навстречу мужу, с улыбкой ее ожидавшему. Я вошла через некоторое время после нее и незаметно двинулась вдоль стены, ища напарников взглядом. Они уже ожидали меня, издали наблюдая за государем-императором. Сейчас, со стороны, было хорошо заметно, какие они разные. Михаил стоял, вытянувшись по струнке, как и положено агенту при исполнении, а вот Влад, всегда относящийся к законам и правилам очень вольно, вальяжно опирался спиной на колонну, скрестив руки. Они были настоящими противоположностями друг другу: один блондин со светло-кариими глазами, второй — черноволосый с синими, один всегда четко выполняет приказы, второй вечно своевольничает, один меня любит, а второй... второй...

Михаил заметил подошедшую меня первым, улыбнулся и подмигнул, отвлекая от мысли, на которой я запнулась, и вызывая у меня улыбку. Влад все еще не смотрел на меня, хотя приближение явно заметил, продолжая задумчиво взирать на государя, произносящего свою речь. Я вопросительно посмотрела на брата, ожидая указаний, и лишь через несколько секунд получила ответ:

— Включай связь, — он отстранился от колонны и выпрямился рядом со мной.

Это одна из возможностей, которые принес мне дар. Я научилась настраивать и удерживать связь разумов, участвуя в ней как основной узел и почти без сознательных усилий передавая между участниками связи эмоции, мысли, образы и, главное, то, что они видят. Таким образом каждый из нас видел и все то, что видят другие. Это не раз спасало жизнь на заданиях и сэкономило массу времени на передаче информации, но несмотря на все просьбы Отдела, я крайне не любила пускать в связь неподготовленных людей. Во-первых, нагрузка на меня сильно возрастала в зависимости от их количества, а во-вторых, не привыкшие пользоваться связью создавали много шунта и иногда попадали в казусные ситуации. Например, Михаил как-то во время одного из первых заданий с участием связи засмотрелся на мою задницу и решил, что она очень неплоха, случайно послав в связь интимное воспоминание, как он ее гладит и в какой позе, за что сразу огреб от моего брата. В тот день они чуть не поубивали друг друга, а ночью досталось еще и мне: Влад был крайне

груб и ушел сразу, как только удовлетворился сам, бросив меня на полпути. Сейчас, конечно, они оба уже умели пользоваться связью, но я все равно каждый раз немного волновалась.

Я взяла брата ладонями за лицо и прильнула своим лбом к его. Для настройки связи много не требовалось, но присутствующие рядом люди сильно мешали своими эмоциями, пришлось даже глаза закрыть, чтобы все получилось, а когда открыла, Влад поймал мой взгляд и мысленно спросил:

— Мечтаешь о том же?

Его вопрос загнал меня в тупик. Несмотря на недосказанность слов, эмоции я уловила, он спрашивал о свадьбе, хочу ли побыть в роли невесты. Заметила даже мимолетно проскользнувшую тень сожаления о том, что он мне этого дать не может, но если я очень сильно захочу, он готов обдумать вариант Михаила в роли моего мужа — фиктивно, просто чтобы я могла побыть невестой. Впрочем, по поводу Михаила он колебался, обдумывая, не лучше ли послать всех к черту, раскрыть наши с ним отношения и жениться на мне самому.

Я так и осталась стоять, держа брата ладонями за лицо, в немом удивлении настолько сильном, что удержаться не получилось, и оно разлетелось по связи. Он решил спросить моего мнения? Решил проявить заботу? Да такого просто быть не могло! В ответ на это в нем поднялась волна обиды и злости, которая также прогулялась по связи, заставив меня вздрогнуть в приступе страха. Влад, перехватив оба мои запястья, отстранил их от своего лица и уже вслух спросил:

— Почему ты удивляешься так, словно я никогда о тебе не заботился, словно никогда не переступал через себя ради тебя?

Теперь к страху примешалась злость, и я нахмурилась, не понимая, что за чушь он несет и когда это он через себя ради меня переступал, и почему это сейчас я еще и в чем-то виновата. Мое лицо исказилось гримасой ярости, и я уже готова была высказать ему все, что об этом думаю, но нас прервал Михаил.

— Харибда, — его рука предупреждающе легла брату на плечо и крепко сдавила. — О чем бы вы ни говорили, сейчас не время. У нас задание.

Да, во многих случаях их мнения совпадали, например, что на работе нет места эмоциям, иначе мы не были бы профессионалами. Они вообще во многих вопросах мыслили схоже и, наверное, если бы не я, могли бы стать друзьями.

— Да, — сухо ответил Влад, пристально побуравил меня взглядом еще несколько секунд и только после этого отпустил и отвернулся. — Впускай его в связь. Я — на место.

Он направился вдоль стены в сторону государя, стараясь не маячить перед гостями. Михаил проводил его взглядом, а затем коснулся моей щеки кончиками пальцев, заставив меня поднять на него взгляд.

— Не переживай. У тебя всегда есть я. И когда ты решишь наконец закончить все то, что происходит между тобой и твоим братом, помни, что я всецело на твоей стороне.

— Напомни ему, что я все вижу и слышу, — раздалась мысль в связь от брата.

— Иди к черту, — отозвалась я ему, а затем произнесла вслух уже для Михаила, беря его лицо в ладони для настройки связи. — Спасибо.

Получив команду от Влада, мы разошлись по огромному залу, в котором уже вовсю шла церемония: государь-император громко говорил о том, как он рад представить свою жену и

как скоро страну ждет новый наследник, а гости почтительно молчали, взирая на своего монарха. В процессе патрулирования я оказалась около балконных дверей и на секунду задержалась там. На улице стоял теплый летний вечер, до слуха доносилось чириканье воробьев, и умиротворение наполнило душу. Страстно захотелось уехать в отпуск куда-нибудь в другую страну всем втроем. Так здорово было бы развалиться на пляжике под горячим солнцем и не думать ни о чем, и чтобы один обнял, а на второго ножки положить, и чтоб мне их еще массировали. Жаль только, мечта несбыточна: брат не потерпит Михаила рядом, не говоря уже обо всем остальном.

От Влада по связи долетел снисходительный смешок, и я осознала, что мои мечты они оба слышали, настолько сильными были эмоции и громкими мысли, в ответ мое лицо моментально сменило цвет на пунцовый.

— Давно не замечал у тебя смущения, — произнес в связь Влад с явным интимным подтекстом.

Действительно, он вытворял со мной столько самых разных вещей, что смущение давно отпало за ненадобностью, и все же обнажить тело и обнажить душу — разные вещи. Впрочем, у меня не было никакого желания общаться на эту тему, а вот Михаил молчать не стал.

— То, что я знаю о том, что ты ее насилуешь, не значит, что мне нравится это слушать. Так что будь добр, замолчи, — он не стал скрывать искры гнева в своих эмоциях.

— Я не делаю ничего, чего она бы не хотела, — спокойно отозвался брат.

Ответить на это никто из нас не успел. Государь все еще говорил свою речь, когда брат и Михаил почти одновременно заметили движение на втором этаже совсем рядом со мной, и если бы не они, отреагировать я бы не успела. Человек за моей спиной, одетый, как и все гости, резко выхватил оружие и сразу получил от развернувшейся меня локтем точно в нос. Пребывая в твердой уверенности, что я его не вижу, мужчина не ожидал сопротивления с моей стороны, посему защитой не озаботился, и я, закрепляя успех, в пару ударов выбила его из сознания. Влад тем временем, расталкивая гостей, бросился в сторону государя:

— Призрак, со мной! — крикнул он вслух, чтобы привлечь к себе побольше внимания, а затем приказал в связь. — Следи за движением, Сцилла, сверху виднее, разрешаю стрелять на поражение. Призрак, на тебе ближайшее окружение, без крайней необходимости дар не демонстрировать.

В этом весь он, изображает из себя приманку, чтобы отследить и уничтожить врага. В разговорах и отчетах Влад аккуратно называл эту тупую тактику импровизацией, причем несмотря на всю мою ненависть к такому стилю ведения боя, она действительно работала, брат не боялся подставить врагу спину, зная, что мы с Михаилом ее прикрываем.

Расправившись с нападавшим, я бросилась к краю балкона, выхватила пистолет и сосредоточилась, переключая восприятие. Зал засверкал самыми разными эмоциями, словно передо мной лежала цветная россыпь драгоценных камней. Теперь среди них я должна найти врагов, и эмоции отлично подходят на роль индикатора. Когда началась паника, зал запестрел шоком, удивлением, любопытством, желанием удостовериться, действительно ли что-то серьезное случилось, страхом и желанием спастись, и только враги светились уверенностью, злостью и агрессией. Вуаля. Я отправила в связь подсветку этих людей с пометкой противник. Конечно, подобный способ не давал стопроцентной гарантии, что все они действительно враги, однако с учетом моего опыта шанс был весьма велик, поскольку выбирала я по ряду эмоций, а не по каким-то отдельным из них.

Один из помеченных стоял неподалеку от места, куда Влад тащил императорскую семью, поджидая, пока те подойдут ближе и окажутся к нему спиной. Он делал вид, что является просто одним из гостей и совершенно не ожидал, что Влад походя заедет ему в челюсть. Убивать его брат не спешил, поскольку мы все допускали возможность ошибки в моем способе распознавания друг-враг, но с этим гостем я не ошиблась. Он уклонился от удара со скоростью, которая однозначно выдала в нем вампира, а следующим движением вышиб из руки Влада оружие.

Дальнейшие события происходили для меня словно в замедленном времени. Прогремел первый выстрел, но не со стороны Влада, это стреляли из толпы в государя. Половиной секунды раньше Михаил успел переместиться с помощью своего дара, мерцнул к этому противнику, уводя выстрел в сторону. Пуля попала в одного из гостей, и только теперь, похоже, они сообразили, что происходит, потому что началась паника, бушующий человеческий поток ринулся к выходу.

Наблюдая за этим лишь краем своего внимания, я напряженно целилась в того, с кем сражался Влад, ожидая команду к действию. Благодаря связи, мы слаженно загоняли врага в смертельную ловушку между Сциллой и Харибдой, и в чем-то это было сродни танцу. Первый шаг за братом, он повалил противника и откатился, подставляя тому спину, а мне давая возможность действовать. Второй — мой, я оглушила вампира метким выстрелом в голову, чтобы дать брату пару секунд на активацию дара. Третий, и завершающий, шаг — снова его, Влад развернулся и вцепился противнику в шею, вместе с этим хватаясь и за его душу. Процессу вытягивания души из еще живого тела сопротивляться невозможно, это адские муки наяву, слишком больно, чтобы хоть как-то связно мыслить. Вампир зашипел, рефлекторно задергался, корчась в предсмертных судорогах, а когда издал последний вскрик, брат с новыми силами ринулся к медленно отступающей под огнем к выходу императорской семье.

Михаил тем временем уже давно покинул тело, он вселялся в противника, стреляя его руками в ближайших врагов, а затем убивал самого себя — того, в чьем теле находился. Я же, благодаря общей панике, сумела проверить, кто враг, а кто нет, и порадовалась, что в этот раз ошибок не совершила. К этому моменту к брату и императорской семье наконец прорвалась личная охрана государя.

— Уводите! — рявкнул Влад, перекрикивая общий шум и гул, а затем сообщил нам по связи. — Сцилла, Призрак, зачистите здесь всех. Я отправлюсь с государем на случай засады. Потом вернусь к вам.

— Опять пытаешься оставить меня в безопасности?! — вспыхнула я. — Да я здесь и одна справлюсь! Призрак, иди с ним!

— Не смей обсуждать приказы во время задания!

Волна его злости разлетелась по связи, но меня этим уже давно было не напугать. Что он такого со мной сделает, чего еще не делал? Хотя в одном он прав: спорить во время задания слишком опасно, но уж после я ему все выскажу и не постесняюсь. В печенках уже эта забота сидит, я ему не елейная девица, которую надо держать дома как украшение, а агент особого отдела его императорского высочества! Я — сама Сцилла!

— Отлично, поговорим об этом дома! — не менее зло, чем он, отозвалась я.

Михаил благоразумно не вмешивался в наш диалог, да и не до того было, бой все еще продолжался, и я об этом вспомнила, как только в меня сыпануло гранитной крошкой от выбитого выстрелом куска парашюта, рядом с которым я пряталась от пуль.

Влад почти довел императорскую семью до кареты, когда сбоку выскочил еще один вампир, и я невольно задалась вопросом, откуда здесь столько порождений Зоога. Продолжая отстреливаться и давая этим Михаилу время действовать, я не стала сдерживать цепочку логических рассуждений о том, что происходит. Начнем с того, что мы не видели ни одной баньши, и это странно, они всегда приходят с вампирами, и вряд ли это какая-то засада или ловушка, ситуация критическая, уже бы показали. А раз их нет, возможно, в той знаменательной облаве мы добились последних, и теперь вампиры пришли отомстить за смерть сразу пятерых сородичей и в их числе последних своих женщин. Они дождались официального мероприятия, взяли наемников как пушечное мясо и отвлекающий маневр, а сами собирались вырезать императорскую семью, ничего не имея против лично них, просто хотели наказать Отдел.

Тем временем Влад катался по земле в пыли, пытаясь не пустить разъяренного вампира к государю, у него не было ни секунды, чтобы воспользоваться даром, и я отсюда, изнутри, ничем не могла помочь. Ход его мыслей был мне ясен, наверняка он тоже сообразил, кто основная цель, а значит для спасения императорской семьи достаточно лишь задержать вампира, что Влад с успехом и делал.

Звук захлопнувшейся за государем дверцы кареты ознаменовал поражение нападавших. Вампир впал в бешенство, зашипел и резким движением с нечеловеческой силой рванул брата в сторону, заставляя обоих сражающихся откатиться дальше от оставшихся охранников государя, которым не нашлось места на подножке кареты, чтобы остаться с Владом один на один. Похоже, он решил выместить на нем злость, и вот это меня действительно обеспокоило, ведь теперь целью нападавших стали мы, агенты Отдела, лично проводившие ту облаву.

Мое тело рефлекторно среагировало на вспышку агрессии рядом, прежде чем я успела сообразить, что происходит. Ловко оттолкнувшись, я кувыркнулась в сторону, уворачиваясь от выстрела. Ориентироваться в расположении противника мне помогали его эмоции, так что к концу движения я уже вскинула в его сторону оружие и нажала курок, но услышала лишь щелчок пустого патронажа. Мысленно выругавшись и понимая, что укрыться здесь негде, я предприняла отчаянную и глупую, но увы, единственную в моей ситуации попытку спастись — бросилась прямо на мужчину, чтобы коснуться его и взять под контроль, хотя прекрасно понимала, что если у него есть хотя бы одна пуля, мне конец. Так бы и случилось, не вмешайся Михаил, по связи заметивший безвыходность моего положения. Он вселился в этого человека, и через секунду я по инерции схватилась за него, а поняв, что мой напарник уже держит его, потянулась во внутренний карман мундира за новой обоймой. Прекрасно зная, что сейчас будет, я постаралась не смотреть в сторону мужчины, который приставил свое же оружие к голове и надавил курок, забрызгав все кровью.

Стоило Михаилу покинуть тело для переселения в новое, как меня сшибла с ног вампирская туша, и через разбитый кусок парапета мы полетели с балкона вниз, в общий зал. Моя попытка дернуться в ту жалкую секунду, которая у меня была, результата не дала. От удара спиной об пол из легких вышибло воздух, а сознание помутилось на целую секунду, за которую его резцы впились в шею, разрывая артерию, и вырывая у меня болезненный вскрик. Эта зоожья тварь поджидала момент, пока я окажусь совершенно беззащитна, чтобы напасть, и у него все получилось. Навалилась внезапная усталость и сильный озноб, конечности отказались подчиняться, в голове помутилось, и последнее, что я заметила в разрывающейся связи — это как Влад впал в ярость из-за угрозы моей жизни, а Михаил

вселился в державшего меня вампира. К своему ужасу, полностью сознание я не потеряла, а осталась лежать и корчиться в болезненных муках, улавливая обрывки паники в эмоциях склоненного надо мной Михаила в теле вампира. Он схватился за цепочку на моей шее и, быстро откупорив зубами крышку, влил мне в рот черную жидкость, а затем склонился над моей шеей так низко, что клыки коснулись кожи. Я не сразу поняла, что он таким образом маскирует нас от нападающих, вряд ли станут убивать ту, кто уже стал жертвой и которую прямо сейчас якобы иссушают.

Из сознания я так и не отключилась, несмотря на лечебное действие черной крови, лишь огромная слабость разлилась по телу, поэтому то, что случилось дальше, мне пришлось наблюдать в полном бессилии. Михаил-вампир чертыхнулся и, выхватив мой пистолет из ослабевших пальцев, начал палить в сторону. С трудом скосив взгляд, я увидела картину, которая испугала меня сильнее, чем я могла представить. Настоящее тело Михаила лежало в укрытии неподалеку, и из простреленной головы обильно текла кровь. На моих глазах рядом свалился только что убитый виновник этого, но помочь Михаилу это уже не могло.

— Не ходи за мной, — сказал Михаил-вампир, имея в виду своё тело.

Он приставил себе оружие к виску, прекрасно понимая, что ему осталось несколько секунд, а потом он покинет это тело и мир живых вообще, и собирался убрать того, кто мог стать для меня угрозой, когда его не станет. Выпустить пулю он не успел. Вампир упал, как бывает у тех, чье тело Михаил покидает. Позабыв о его последних словах, я, собрав остатки сил, дарованных мне лечебной черной кровью, рванулась к телу агента, ведь у него еще есть спасительная фляга. В тот момент я не могла думать ни о чем другом, кроме спасения его жизни, и умная мысль о том, чтобы не бросаться вперед по открытой и легко простреливаемой местности, пришла с опозданием. Слабость после ранения и безрассудность поступка дали о себе знать на середине пути, когда я словила пулю в бок, но словно берсерк, позволила себе расслабиться и упасть только рядом с его телом. Пальцы сами схватились за драгоценный флакончик и откупорили его, и даже очередной взрыв боли в боку от нового попадания затормозил меня лишь на пару секунд. Кожа Михаила стремительно бледнела, вены чернели, а сквозь поры начала проступать черная кровь — именно так умирают агенты с черной кровью. Я влила ему в рот спасительную жидкость, надеясь, что еще не слишком поздно.

— Не уходи! Не оставляй меня одну! — я в панике вцепилась в его одежду, дернула на себя.

Бездыханное тело безвольно поддалось, и я поняла, что это конец, слезы застлали глаза, а от бессилия и ярости перехватило дыхание. И тут же все мои многочисленные ранения дали о себе знать, мир закачался перед глазами, в глазах потемнело. Сыворотка черной крови не всеильна, скоро я отправлюсь вслед за Михаилом, и все же моя собственная смерть пугала меньше, чем его. Я вскинула лицо вверх и в попытке выплеснуть боль души и тела закричала, словно какая-нибудь баньши, но не издала ни звука. Глаза оставались открытыми, но я ничего не видела и не чувствовала, я кричала и кричала, оплакивая любимого и ненавидя всех вокруг за то, что они живы, а он нет; воздух вокруг трещал разрядами электричества, и даже пол куда-то делся.

— Вероника! Хватит! — измученный голос брата прорвался в мой затуманенный разум.

Я не видела, как он, тяжело раненый, пытается подойти ко мне, прикрывая лицо рукой со своим неиспользованным флакончиком, с каким трудом он прорывается через созданное и поддерживаемое мной незримое поле, которое всех остальных в помещении уже давно вырубил из сознания. Но я ощущала в нем боль, и не желая быть ее причиной, сделала то, о чем просил Влад, я остановилась. Пол напомнил о своем присутствии сильным ударом, а мой взгляд замер, и картины, страшнее увиденной, я не могла себе представить. На фоне белой изуродованной темными венами кожи на меня невидящим взглядом мертвеца смотрели раскрытые глаза того, кого я так сильно любила. И прямо на моих глазах он осыпался в белесую пыль, взметнувшуюся в воздух белым туманом. Агенты черной крови умирали именно так — исчезая после смерти, словно их и не было. Сейчас и я пройду этот путь. В глазах потемнело окончательно, и я закрыла их как раз в тот момент, когда рядом на колени рухнул брат. Прощай, Влад.

— Никогда не оставлю, — услышала я знакомый голос Михаила в глубине своего сознания.

Вспомнилось, как я пришла к нему после того, как брат впервые изнасиловал меня. Тогда он сказал мне те же слова. Было тепло и уютно, словно он обнимал меня. Снаружи на меня давил холод потери крови, руки и ноги онемели, глаза открыть не получалось, а Михаил обнимал меня, нежно целовал, ласково гладил по голове. Издалека доносились голоса, но слов я не разбирала:

— Ника! Ника, открой глаза! — брат очень редко называл меня так, только когда переживания зашкаливали.

— Уважаемый, перестаньте трясти несчастную. Вы же видите, она мертва, — незнакомый голос, врач наверное, или coroner. — Позвольте нам забрать тело.

— Она не умрет! — брат рычал надо мной раненым зверем. — Пошли прочь от нее! Все прочь!

— Что вы делаете?.. О, черт. Всем назад! Остановите его, что вы стоите!

Раздалось несколько выстрелов, не меньше десятка, и много криков боли со всех сторон, прежде чем рядом со мной упало еще одно тело. Влад убил их. Наверное всех. Повисла тишина.

— Не уходи, — попросила я Михаила снова, ощущая, как небытие, будто сон, быстро утягивает меня.

— Никогда... — было последним его словом.

Потом что-то происходило. Я то приходила в себя, то снова проваливалась в сон, сознание расплывалось, и никак не получалось определить, сколько времени я провела в таком состоянии. Когда разум немного прояснился и я смогла открыть глаза, то обнаружила, что нахожусь в своей спальне. Влад сидел чуть поодаль и спал, небрежно откинув голову на спинку кресла, проиграв битву с усталостью. Одет по-домашнему, как всегда: белая полурасстегнутая рубашка, черные штаны и туфли, черные волнистые волосы в хвосте. Его такой привычный вид вызвал умиление, и я улыбнулась так искренне, как улыбалась только

ему и Михаилу... Михаилу, которого больше нет. Улыбка сползла с лица, а настроение моментально рухнуло в пропасть печали.

— Влад, — тихо позвала я.

Он встрепенулся, моментально проснувшись, и сделал вид, что и не спал вовсе. В любое другое время меня бы это позабавило, но сейчас никакого настроения не было.

— Как себя чувствуешь? — спросил он, расслабляясь в кресле, и без моего ответа видя, что все хорошо.

— Неплохо. Только слабость.

— Посмеешь еще раз так подставиться, и я сам тебя убью! Ты поняла меня? — злобно прорычал он, сменив милость на гнев.

Это не испугало, а только порадовало: раз злится, значит волнуется. Я даже хотела улыбнуться, но не вышло. Влад на мои душевные терзания внимания не обратил, бросил рядом со мной на кровать флакончик с черной кровью.

— Пей.

Я честно попыталась взять его, но ослабевшая рука еле шевельнулась, пришлось взглядом молча попросить брата помочь. Он не стал делать вид, будто не понимает, вытащил пробку, подложил мне ладонь под затылок и заботливо приложил флакончик к губам.

— Поздравляю с новым питомцем, — произнес он, когда я проглотила безвкусную черную жидкость.

— Ты завел щенка? — я спросила это не слишком заинтересовано, просто старалась держаться и не расклеиваться.

Брат всегда любил собак за преданность, но никогда не заводил, хотя я предлагала. На миг стало даже интересно, что побудило его передумать.

— Нет, это ты завела, — ответил он, усевшись обратно в кресло, и со звоном бросил опустошенный флакончик на комод.

— Влад, я тебя не понимаю, — я устало прикрыла глаза. — Выразись яснее, не беси меня.

— Да прояви ты себя уже, идиот, — недовольно отозвался брат.

И неожиданно одеяло на мне всколыхнулось, затем волосы, затем взметнулись и опали занавески, и только после этого все стихло. Так себя вели только разного рода духи и прочие призраки, и я ошарашенно уставилась на брата:

— Призрак?

— Собственной персоной, — недовольно ответил тот, задумчиво повернувшись в сторону окна. — Радуйся, жив твой Михаил. Хотя как по мне, лучше б сдох.

— Михаил! — мой счастливый вопль был адресован ему, незримому, но живому.

В ответ призрак вновь всколыхнул мне волосы, словно потрепал по голове.

— Не радуйся сверх меры. Правда в том, что он не тот, кого ты ожидаешь.

— Что ты имеешь в виду? — я насторожилась, и радость поутихла.

— Лишь часть его души осталась и привязалась к тебе. Он полусознателен, словно очень умное животное. Личность стерта, осталось лишь несколько эмоций, которые и удержали его здесь: преданность, любовь, желание защитить тебя, может еще что-то. Умрешь ты — он умрет с тобой, а до тех пор будет неосознанно черпать малую толику твоих сил, чтобы делать эти свои полтегрейстские штучки. Пока ты была без сознания, я подумывал прогнать его в мир духов окончательно, но решил, что... так будет лучше... если он останется...

Под конец слова ему стали даваться тяжело, будто говорил через силу, а я думала лишь о том, что пусть хотя бы так, хотя бы частью своей души, но Михаил остался со мной, и мы больше не расстанемся, ведь пока я жива, он будет жить.

С тех пор Михаил всегда был рядом, помогая в бою и занимаясь невинными шалостями в обыденной жизни. Я много общалась с ним, пусть даже он не мог ответить словами, но точно слышал меня, и иногда даже реагировал, проявляя свое незримое присутствие в колыхании моих волос, одежды и легких окружающих предметов.

Когда меня лишили дара, отняли и его, Михаил больше не мог черпать из меня, чтобы влиять на физический мир и проявлять себя. Первый год я продолжала с ним говорить, уверенная, что он слышит, а потом стала сомневаться, подумала, может он ушел. Хотелось в это верить, потому что если нет, это ужасно: все видит, все слышит и понимает, но ничего не может сделать или сказать. Да и не хотелось мне думать ни о чем, что связывало с прежней жизнью, я жаждала стать обычным человеком, который не верит в чудовищ, призраков и богов и не знает о них. Поэтому в какой-то момент я решила поступить со своим призраком так же, как с братом и всей прошлой жизнью. Забыть, как страшный сон.

Мы двигались по густому лесу уже с полчаса, и мне с трудом удавалось сохранять приемлемый вид платья и туфель. Несмотря на жаркое лето, именно в этом месте почему-то было сыро и промозгло, словно только что прошел дождь, и высоко над нами висели темные тучи. Обуреваемая тяжелыми мыслями и чувством стыда перед любимым призраком, я шла молча, не жажда общаться. Фляжка все еще висела нетронутая на шее, я так и не решилась ее хлебнуть, потому что если Михаил еще здесь, я буду ощущать себя в крайней степени гадко за то, что бросила его там одного.

Но вот если встречу с ним я могла оттянуть, то встреча с братом приближалась стремительно и неотвратимо, словно поезд, мчащийся на меня на всех парах. Как он меня встретит? Вряд ли хорошо, после того как я бросила его, предательство Влад не прощает. Что он сделает со мной за это, убьет? Нет, не думаю, однако влетит изрядно, и если он не оставил свои извращенные желания, даже думать не хочу, что мне предстоит пережить, потому что от страха начинает мутить. Надо взять себя в руки и держаться, так я уговаривала себя, глядя на дрожащие пальцы и ощущая предательскую слабость в ногах. Я боялась его, как всегда, ничего не изменилось, а ведь столько лет уже прошло...

— Пришли, — раздался голос рыжеволосой.

В сгущающихся сумерках обветшалый дом высился громадной тенью среди деревьев, темный и мрачный, как душа моего брата. Мы находились в лесной гуще за кустами, и Анна почему-то не торопилась подходить к цели нашего путешествия.

— В доме нет света, — прищурилась рыжеволосая, вглядываясь в темные проемы окон. — Подозрительно.

— Мой брат не любит включать свет, — отозвалась я, — так что ничего удивительного.

— Видите ли, госпожа Лазарева, мы подозреваем, что на вашего брата тоже могло быть совершено нападение, но если к вам мы успели, то он был от нас слишком далеко.

— Ни черта вы не успели, — резче, чем стоило бы, ответила я. — Случилось на него нападение или нет, все уже кончилось, нужно лишь проверить в чью пользу.

Я сделала шаг в сторону дома, но Кирилл перехватил меня за локоть, останавливая.

— Пока вы не в состоянии дать отпор врагу как профессионал, за вашу безопасность отвечаю я, госпожа Лазарева, поэтому вы никуда не идете. Там, внутри, может затаиться враг.

Я сомневалась в этом, потому что хорошо знала брата: если он и позволил себя убить, то уж точно всех забрал с собой.

— Юрий, проверь дом, — приказала Анна мужу.

— Сию секунду, — тот вытащил оружие и направился в сторону входа.

Возражать я не стала, ради всех богов, пусть делают что хотят. Я опасалась туда входить, вне зависимости от того, кто остался жив, Влад или наш враг, поскольку еще неизвестно, кто из них будет ко мне более милосерден. Я поймала зарождающуюся в глубине души панику и, задавив ее, заставила себя дышать глубже.

Тем временем Юрий достал пистолет, подкрался к двери и постоял там какое-то время, прислушиваясь, но было тихо. Он приоткрыл дверь, чтобы заглянуть внутрь, и прямо в приеме наткнулся на неподвижно стоящего мужчину. От неожиданности агент чуть не

выстрелил в него, но все же сдержался, только оружие направил:

— Руки вверх!

Но тот продолжал стоять неподвижным изваяния. Я, хорошо зная своего брата, сразу догадалась, что это труп одного из напавших на него, но вот все остальные полагали, что перед ними живой человек. Разубеждать их в качестве маленькой мести я не стала, пусть познакомятся с черным юмором Влада, и вслед этим мыслям на моем лице расплылась ехидная ухмылка.

— Руки вверх, кому говорю! — настаивал Юрий.

Он с таким серьезным выражением на лице пытался убедить труп в необходимости этого действия, что от комичности ситуации я все-таки не выдержала и хмыкнула. Анна, и без того начавшаяся что-то подозревать, по моей реакции догадалась, что происходит, и покинув убежище, быстро направилась в сторону мужа.

— В чем дело? — недоуменно покосился ей вслед Кирилл.

— Идем, — недовольно бросила Анна в ответ, а затем повысила голос. — Юрий, оставь его.

Но тот и сам уже к этому моменту водил рукой перед глазами человека, который не просто не шевелился, но даже не моргал. Кирилл подхватил меня под локоть поудобнее и потащил следом за ней в пасть ко льву, вызвав такой скоростью желание вырваться и паниковать.

— Я и сама могу идти, — огрызнулась я, выдергивая руку из его пальцев.

— Такой обаятельной даме, как вы, совсем не к лицу так переживать. Я всего лишь выполняю свою работу, — попытался оправдаться тот, притормаживая и благоразумно не пытаясь удержать мою руку.

Агенты безрассудно толпились на пороге, а брат наверняка был зол и мог перебить всех к чертям собачьим. Кроме меня, спасти этих глупцов никому, и смерти я им не желала, так что решила взять себя в руки хотя бы ради них.

— Влад, это я! Вероника! — крикнула я, подходя к мертвецу и отодвигая Юрия в сторону. — Прикажи своим тварям впустить нас!

— Поздоровайся с гостями, Иван, и представься. Это называется вежливостью, — раздался спокойный голос Влада изнутри. — А вы, уважаемые гости, проходите. Я радушный хозяин.

Трупы, даже поднятые таким сильным некромантом, как он, говорить не умеют. Похоже, братец окончательно рехнулся, впрочем войти он позволил, так что я отпихнула в сторону зомби, который открывал рот, силясь что-то сказать, и вошла первая. Я оказалась в крупной темной гостиной, в дальней части которой прямо напротив входа высилась лестница на второй этаж с балкончиками по бокам. Гостиная была безвкусно заполнена мебелью вроде диванчиков и шкафов, но она была такой же старой, как и весь дом, и отовсюду несло запахом пыли. Влад стоял на самом верху лестницы прямо посередине и от привычности его одежды у меня комок подкатил к горлу. Белая полурасстегнутая рубашка, черные штаны, черные туфли — все это было далеко не новым, однако все так же хорошо на нем сидело.

— Возлюбленная сестра, рад тебя видеть, — он раскинул руки в стороны, а я судорожно пыталась понять, искренен он или в его голосе ехидство.

Стараясь не сорваться в истерику из-за знакомого голоса, я переборола страх и прошла на середину гостиной, на чем топливо моих моральных сил кончилось, и я остановилась. К

этому времени внутрь вошли и остальные, забрав себе внимание Влада и дав мне время прийти в себя и начать дышать.

— Уважаемые агенты Отдела, полагаю? Форма почти не изменилась за одиннадцать лет.

Что-то было не так в его голосе и манере поведения, но я не могла понять что, словно это и он, и не он одновременно. С другой стороны, иногда он удивлял меня даже когда я находилась постоянно рядом с ним, что уж говорить теперь, через десять лет разлуки.

— Мое имя Анна Пламенева, — сказала рыжеволосая.

Она выступила передо мной и оттеснила меня назад, в руки Кирилла, который сразу схватил меня под локоть и тихо шепнул на ухо:

— Ваш брат опасен. Не отходите от меня.

Опасен? Вот это новости! А я и не знала! Мне с трудом удалось сдержать рвущийся наружу от нервов сарказм и промолчать, а Анна тем временем продолжила:

— Мы здесь с крайне выгодным для вас предложением, господин Князев.

— Что здесь делает моя сестра? — он перебил ее.

— Мы подумали, вы будете рады с ней встретиться. Авансом, понимаете?

Отлично, я теперь еще и валюта, которую предлагают моему брату за работу на Отдел, и только я одна здесь знаю, что именно он с этой валютой будет делать, а лучше бы не знать. Я бросила в сторону Анны взгляд, полный ненависти и наполненный жадной похоти выдирающей ей все волосы, но она стояла спиной и ничего не заметила. Рядом со мной с другой стороны словно бы невзначай встал Юрий, но я заметила этот маневр, и конечно дело было не в защите, они готовились удерживать меня, если я вдруг начну творить глупости, или сдерживать брата, если глупости начнет творить он. Честно говоря, все это меня невероятно взбесило, поскольку подобное поведение отлично показывало отношение Отдела: я всего лишь расходный материал, я никто, а вот мой брат другое дело, ради него можно и мне жизнь загубить. Терпеть подобное отношение я не собиралась, и план мести созрел моментально. Брат наверняка подготовился к их приходу, просто пока еще не показал козыри в своем рукаве, и я собиралась сыграть его картами, зная, что в случае проблем он встанет на мою сторону, а разбираться будет уже потом.

— А я-то думала, что вы меня сюда привели договариваться с братом, а не быть предметом обмена. Похоже, планы резко поменялись?

— Ни в коем случае, — Анна покосилась на меня.

— В таком случае почему один ваш подчиненный не дает мне и с места двинуться, а второй стоит так, чтобы в любой момент схватить меня, если мне вздумается сопротивляться первому?

Они не понимали, что я говорила об этом не просто так, а поясняла брату расстановку сил. Для некоторых вещей нам не требовалась связь, чтобы понимать друг друга.

— Вам кажется, госпожа Лазарева, уверяю вас.

— Лазарева? — уточнил Влад тоном, в котором скользнуло то, что заметила лишь я, и оно не предвещало ничего хорошего. — Пусть моя сестра подойдет.

Так, а вот это пошло не по плану, я не рассчитывала сразу сообщать Владу о смене фамилии, поскольку для него это как клеймо принадлежности, и меня теперь ждут большие неприятности.

— Она останется здесь, пока мы не обговорим все условия сотрудничества, — возразила Анна.

— Боюсь, уважаемая, сейчас и здесь условия ставлю я, — сообщил Влад все тем же спокойным тоном. — Оглядитесь внимательнее, господа агенты.

Мы все последовали его совету, даже я, и словно нам в угоду, сверкнула молния, осветив помещение и показав то, что скрывали темные углы. Вдоль стен неподвижными статуями стояло около дюжины мертвецов с оружием в руках, держа нас под прицелом. Похоже, за моим братом отправили целый отряд.

— Не глумите, господин Князев, — Анна нахмурилась. — Даже если вы нас убьете, отсюда все равно не выйдете. А мы здесь затем, чтобы договориться, на каких условиях вы можете быть свободны.

— Я не прошу ничего серьезного, госпожа Пламенева, всего лишь хочу поздороваться с сестрой.

Этот его тон точно не предвещает мне ничего хорошего, и словно подтверждая мои мысли, снаружи раздался раскат грома, за которым хлынул шумный ливень. Анна помолчала несколько секунд, пристально глядя на Влада, а затем, не отрывая взгляда, произнесла:

— Кирилл, отпусти ее. Пусть идет.

Разумно с ее точки зрения, вот только идти не хотелось, знакомый страх вцепился в горло. Я попыталась сохранить каменное выражение лица, заставила себя расслабить пальцы, чтобы не выдать никому свое состояние, и пошла к нему на негнущихся ногах. Брат пристально уставился на меня, от него это не укрылось, потому что именно страх — один из источников его сил, он всегда ощущает его в других людях.

Сознание стало в панике цепляться за все вокруг. Тишина, только ливень шумит. Белая вспышка молнии, осветившая брата. Тихий скрип ступеней. Запах пыли. Я поднималась к нему все выше и выше с ощущением, что иду на плаху. Хотелось сбежать, бросить все, но я уже не могла, под его взглядом я двигалась, будто загипнотизированная. Он словно вслух говорил иди ко мне, и я не могла его послушаться, как бы сильно ни хотела. Я поднялась на верхнюю ступеньку и остановилась прямо перед ним, чуть ли не дрожа в ожидании его действий, и не находя в себе сил, даже чтобы развернуться и броситься прочь отсюда, подальше от него. Влад поднял правую руку и кончиками пальцев убрал прядь с моего лица, осторожно, почти нежно, коснувшись меня пальцами.

— Рад видеть тебя, сестра.

Он произнес это тихо, не отрывая взгляда, а затем резко схватил за плечи и, развернувшись вместе со мной, повернулся ко всем спиной. Я, охнув от неожиданности и запутавшись в ногах, потеряла равновесие, только его руки сейчас управляли моими движениями, и отпусти он меня, я бы упала. Влад сделал шаг, ударил меня спиной в стену, прижал к ней и приблизился, касаясь лбом моего.

— Я могу понять, почему они меня боятся, но почему боишься ты? — его голос стал тише и грубее, превратившись в угрожающий.

Почему? И он еще спрашивает! Я чуть не рассмеялась от избытка нервозности. Да потому что ты все эти годы делал со мной что хотел. Ты имел меня когда и как хотел. Ты связывал меня. Насиловал. Ты убил моего почти мужа и готов был убить каждого, кто увидит меня без одежды. Считал меня своей собственностью. И теперь спрашиваешь почему? Волна злости перебила страх и нервозность, и я зашипела на него, словно действительно была змееподобным чудовищем Сциллой:

— Потому что я тебя знаю, — я выделила голосом последнее слово, не в силах иначе выразить в коротком ответе всю гамму чувств, которые захлестнули меня.

Я знала его во всех смыслах этого слова, и лучше всех здесь понимала, на что он способен. Да если бы эти трое внизу догадывались хотя бы о половине того, что знаю я, то и носа бы сюда не показали. Влад смотрел мне в глаза еще несколько секунд, словно ожидал продолжения, и лишь потом произнес:

— Стой у меня за спиной и не высовывайся, — он выпрямился, отстранился и повернулся лицом к остальным.

Я тихо облегченно выдохнула. Его поведение означает, что в ближайшее время мне ничего не грозит, а что будет потом, то будет потом, не стану об этом думать сейчас, чтобы не сойти с ума. Передо мной была его спина в белой рубашке, такая привычная и родная, что я не удержалась, опустила на нее ладони, провела до пояса, взявшись за него, и уткнулась лбом между лопаток, склонив голову. Я соскучилась по этому ощущению защищенности, по родному и близкому человеку, перед которым не надо скрываться и можно быть собой настоящей. И я расслабилась, позволяя ему побыть защитной стеной между мной и остальным миром, который, признаться, я всей душой ненавидела. Он всегда защищал меня, спасал, чего бы ему это ни стоило, и готов был сделать даже больше, чем может, если того, что может, будет недостаточно. Таков мой брат, которого я ненавижу и люблю, похожий на монету с двумя разными сторонами, и я единственная видела обе. Эта двуликость — его сумасшествие как агента черной крови. У каждого оно выражалось по-своему, кроме меня, не имевшей этого побочного эффекта вообще.

Агенты внизу молча ждали. Наш разговор они не слышали, но увидев, что Влад повернулся, Анна заговорила:

— Теперь, надеюсь, мы можем обсудить дела? А то выглядит так, будто вы не хотите стать свободным.

Влад ответил не сразу, будто пытался получить больше секунд наслаждения моим присутствием и моим жестом за своей спиной.

— И чего же вы хотите от меня в обмен на свободу?

— Возвращайтесь в Отдел, Владислав. Вы с сестрой станете секретными агентами Отдела.

— Я вижу здесь целых трех человек. Это вы называете секретностью?

— Это всё доверенные люди.

Влад лишь покачал головой, словно говоря вы все — наивные дети, а затем обернулся на меня через плечо. Я снова ощутила себя неуютно под его взглядом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты согласилась? — негромко уточнил он.

— Выбора мне не давали, — я недовольно скривилась, вспомнив, что мне сожгли дом.

— Ясно, — он снова обернулся к Анне. — И что же я получу взамен? Кроме свободы разумеется.

— Вам этого мало? — удивилась рыжеволосая.

— Если бы дела не были настолько плохи, как я думаю, вы не рискнули бы возвращать нас с сестрой к работе. А значит, мы — в буквальном смысле ваша последняя надежда, и вы готовы пойти на все ради нашей помощи.

Прежде чем ответить, Анна помолчала, фактически признавая этим правоту Влада:

— Каковы ваши условия?

— Каковы ваши полномочия? — в тон ей отозвался брат. — Возможно, мне стоит говорить с кем-то выше.

— Я вполне могу давать обещания от лица руководства!

Рыжеволосая начинала злиться, а я на это лишь усмехнулась, Влад мог довести до белого каления даже самого спокойного человека, и Анна явно была не из их числа.

— Хорошо. В таком случае мои требования следующие. Вы возвращаете мне свободу и передаете гребаный артефакт мне лично в руки. Что я с ним сделаю дальше, вас не касается. Это первое. Возражения?

— Нет. Продолжайте.

— Моя сестра работает со мной. И точка, — он замолчал, ожидая ответа, причем явно не от меня.

— Так и будет. Что-то еще?

— Вы переспите со мной.

— Я... э... что? — Анна ошарашенно уставилась на него.

— Да что вы себе позволяете?! — возмутился ее муж.

А я снова ехидно ухмыльнулась. Влад любил позубоскалить, и сейчас говорил это не всерьез, несмотря на, я уверена, совершенно серьезное выражение лица.

— У меня одиннадцать лет не было женщины, и свои условия я сообщил. На этом все. Поскольку на улице сильнейшая непогода, мы отправимся отсюда утром. Если вы согласны на мои условия, госпожа Пламенева, я буду всю ночь в своей комнате в восточном крыле, можете разбудить меня, не стесняйтесь. Для себя комнаты выбирайте сами, здесь их полно. Идем, Вероника.

Он собственнически положил мне ладонь на плечо и повел по потертому ковру коридора к одной из дальних комнат. Мы шли молча, но его пальцы очень крепко сдавливали плечо, и мои внутренности медленно скручивало от нервных переживаний. Минутка расслабления закончена, и похоже, сейчас что-то будет. Открыв дверь комнаты, Влад втолкнул меня внутрь, и я, сделав пару шагов, чтобы не упасть, в панике огляделась в поисках хоть чего-то, чем можно сопротивляться. Увы, спальня была пуста, кроме кровати, комода и шкафа, здесь ничего не было. Услышав щелчок запираемой двери, я резко развернулась, не желая оставлять угрозу вне поля зрения. Все еще стоя ко мне спиной, Влад зловеще произнес:

— Я уж думал, ты забыла про меня, — и сказано это было так, что меня передернуло, и новая волна страха подскочила к горлу. — Но ты все же пришла. Как тебе мое обиталище?

Влад повернулся, и я взгляделась в его глаза, пытаюсь понять, что он сделает дальше, прекрасно зная, что ответа он не ждет.

— Вероника... — он направился ко мне, и я, ощутив себя пойманной в капкан, попятилась.

В пару широких шагов он настиг меня и крепко вцепился в шею пальцами. Не желая сдаваться без боя, я вонзила ногти в его руку до крови, но как и всегда, это было бесполезно. Он приблизился ко мне, с трудом дышащей, нос к носу и тихо прорычал:

— Почему только одна попытка, Вероника?

— Я не знала, куда тебя увезли, — пискнула я в бесполезной попытке оправдаться, силясь разжать стальную хватку.

— Если бы ты была на моем месте, я бы перевернул мир с ног на голову, но нашел бы тебя и вытащил! Я ждал тебя в реальности, но из ночи в ночь ты являлась мне лишь в кошмарах, и вот теперь ты наконец здесь. Что я, по-твоему, должен за это с тобой сделать?

За то, что ты бросила меня. За то, что предала!

Я бессильно раздирала ему руку ногтями до крови, зло скалясь, и судорожно хрипела, пытаюсь дышать, ощущая себя Сциллой, попавшей в круговерть водоворота Харибды. Ответить было нечего, он не солгал ни единым словом, но даже если бы и было что сказать, я бы не смогла, он слишком сильно сдавил мне горло. Влад смотрел мне в глаза долго, пока черные точки удушья не начали застилать все вокруг. Он не может меня убить, я не верю... с другой стороны, столько лет прошло, кто знает, что в нем изменилось.

Мои попытки сопротивления — словно барахтанье котенка, который скалит на тигра молочные зубки, но даже если расстановка сил действительно такова, я не сдамся. Я снова попыталась вогнать ногти в его руку, но сил уже не осталось, черные точки застлали взгляд, мышцы перестали слушаться, и я попрощалась с жизнью. В последнюю секунду хватка на шее ослабла, позволив мне отшатнуться от брата, и я, еле удерживаясь на ногах, зашла в кашле. Влад отступил и повернулся спиной, сделав от меня медленный шаг, словно все еще решал, не продолжить ли экзекуцию:

— Завтра утром мы уходим. Будь готова.

Я знала это и без него, но сообщить это, отдать приказ, вполне было в его духе.

— Где твой щенок? — так он называл моего призрака.

— Не знаю, — прохрипела я и потеряла шею.

— Он ушел за эти годы? — Влад обернулся.

— Я не знаю, повторяю тебе! — хрипота быстро уходила из голоса. — Я принимала сыворотку, которая блокировала мой дар. Но знаешь, ты прав, давно пора его вернуть.

Я вытасила флакончик из-под платья за цепочку и хотела откупорить, но Влад перехватил меня за запястье.

— Ты что делаешь?!

— А на что похоже?! — в тон ему ответила я, возмущенная тем, что он опять лезет в мои дела. — Собираюсь вернуть себе дар.

— Не дури. Ты принимала сыворотку десять лет, Вероника, как ты думаешь, что сейчас с тобой сделает черная кровь?

Он говорил громко, на повышенных тонах, и я в ответ также повысила на него голос, находясь уже на грани истерики:

— Да откуда мне знать?! Я не биолог и не химик, а физик и математик! Это ты мне скажи! — голосом я выделила слово ты.

— Жди здесь, — он выхватил флакончик из моих пальцев и покинул комнату.

Ну конечно, кто бы сомневался, мой братец с замашками собственника не изменился ни капли. Я со злости схватила подушку и швырнула в стену, ожидая от нее столба пыли, но его не было, будто Влад и правда ждал и готовил для меня эту комнату. Я уселась на кровать и закрыла лицо ладонями, наверняка эту ночь поспать он мне не даст, и знать не желаю, что меня ждет.

Дверь снова открылась, впуская Влада, в руках которого были графин с водой, чайная ложка и пустой стакан, а через пальцы на цепочке болтался флакончик. Он прошел мимо меня, поставил все это на комод и налил воду в стакан.

— Иди сюда.

У меня не было сил и желания возражать, поэтому я встала и подошла, брат тем временем капнул черную жидкость в стакан и помешал ложечкой, сообщив:

— Выпьешь на ночь. Этого достаточно. Завтра под моим присмотром увеличим тебе

дозу. Если хлебнешь лишнее, оно запросто может тебя убить. Твой организм отвык, и скорее всего, эта вещь для тебя теперь яд, как для обычных людей, — он нацепил флакончик себе на шею.

— Я что, лишена дара навсегда?

— Возможно, — Влад никогда не скрывал правду, какой бы болезненной она ни была.

Я сникла, и было отчего, при таком раскладе я не просто бесполезна, а еще и лишний свидетель для Отдела, поэтому, обреченно вздохнув, я поставила стакан обратно на комод.

— Пей, Вероника, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Я сказал возможно, а не точно.

Мне было всё равно, хотелось лишь чтобы он оставил меня в покое, поэтому я молча выпила, поставила стакан назад и посмотрела на брата, ожидая дальнейших указаний и готовясь к худшему.

— Ложись спать, — он поцеловал меня в лоб и направился к выходу из комнаты. — Возможно, ночью захочешь пить, на первом этаже на кухне полно воды. Если станет плохо, моя дверь соседняя.

После этих слов дверь за ним захлопнулась, а я устало опустилась на кровать. Кажется, на сегодня пронесло, но это лишь вопрос времени. Внезапно голова отказалась связно мыслить, навалилась сильная сонливость, и я откинулась назад на спину прямо так, поперек кровати, как успела сесть, и провалилась в сон, который нахлынул резко, но и так же резко отступил.

Я распахнула глаза, словно не спала, а просто моргнула, и не ощутила ни капли сонливости вкупе с невероятной жаждой. Залпом я выпила половину графина воды, оставленной Владом. За окном на улице в ночи бушевал ураган с ливнем и градом, и я невольно порадовалась, что мы здесь, в доме, а не там, снаружи, в этом мокром и промозглом аду.

Интересно, Анна к нему все-таки пришла? Отдел не стал бы официально требовать таких жертв, но с ней могли договориться без бумаг, и она бы выполнила даже подобное требование, несмотря на мужа. Методы работы Отдела мне прекрасно известны.

Я покинула свою комнату, нашла дверь брата и, подойдя, прислушалась, но ответом была тишина. Если бы дар был при мне, я легко могла бы узнать, сколько людей в комнате и кто спит, а кто нет. Но увы, дар не отзывался. Да и что мне с той капли станется? Ничего. Вот мне и случилось ничего, дар даже не шевелится, а кому я такая нужна? Отдел меня попросту убьет, а даже если нет, мне придется жить и ощущать себя обузой на плечах брата. К черту это унижение, я должна выпить всю порцию, ведь если эта дрянь не прикончила меня однажды, не прикончит и сейчас, и надеюсь, снова месяц ждать не придется. Осталось только достать флакончик, да вот беда, он у Влада, а значит шансы его получить сводятся к нулю. Даже если он спит, то когда я войду в комнату, он проснется, знаю я эту его особенность, так что шанс забрать флакончик, пока он спит, минимален. Придется придумать что-нибудь другое, например, если он меня все еще хочет, я могла бы этим воспользоваться.

Это худший план из всех, какие у меня когда либо были, но других вариантов попросту не было, и я, решившись, тихо приоткрыла дверь. По моим расчетам примерно сейчас он

проснется, но виду не подаст. Я вошла, так же тихо прикрыла за собой дверь и окинула комнату взглядом, но быстро потеряла интерес, от моей она ничем не отличалась. Я приблизилась к кровати и посмотрела на размытые в темноте очертания. Накрытый одеялом до пояса, Влад лежал на спине точно такой, каким я его помнила: подтянутый, крепкий, мышцы чуть более крупные, чем я помнила у Михаила, видны, но не избыточно, как у каких-нибудь спортсменов, а ровно так, как мне нравится, и спит без одежды, как всегда. Ну то есть как спит, делает вид, хотя очень натурально, даже дыхание вон какое ровное. На секунду я даже засомневалась в верности своих предположений, и взгляд упал на цепочку, вожделенный флакончик висел у него на шее. Понадеявшись, что еще может быть все обойдется, я аккуратно присела рядом на кровать и медленно потянулась пальцами к его груди. От резкого жеста Влада я вздрогнула, когда он перехватил мое запястье, не давая себя коснуться, и пристально уставился на меня поблескивающими в темноте глазами.

— Зачем ты здесь? — тихо потребовал он ответа.

— Задушить тебя пришла, — не удержалась от шпильки я и потянула руку назад к себе. — Отпусти.

Брат разжал пальцы, и я, наигранно потирая запястье, гордо выпрямила спину. Я всегда любила касаться его, надеюсь, сейчас он подумает о том же, ему наверняка очень хочется верить, что я здесь из-за него, а не из-за флакончика на его шее.

— Она приходила? — задала я животрепещущий вопрос.

Заодно этот вопрос должен был натолкнуть его на предположение, что я, попавшись на горячем, теперь пытаюсь сделать вид, что пришла по делу, а он сам меня якобы нисколько не интересуется.

— Да, — Влад закинул руку под голову, продолжая изучать меня тем своим пристальным взглядом, от которого дрожь пробирает, будто он пытается разглядеть душу.

— И что? Предлагала себя? Все настолько плохо?

— Да.

— Ну и чем все кончилось? Влад, не заставляй меня из тебя слова клещами вытаскивать!

— Мы переспали.

Я бросила на него ревнивый недовольный взгляд и сразу отвела глаза в сторону. Ну а чего я, собственно, ждала? Он не упускает удачные моменты, чтобы затащить в постель очередную женщину.

— Твое выражение лица стоило этой маленькой лжи, Вероника, — Влад ухмыльнулся. — У нас ничего не было. Я прочитал ей отповедь о том, что нельзя быть такой шлюхой, получил пощечину, и на этом она сбежала.

Я кое-как сохранила равнодушное выражение на лице, хотя внутри вся кипела от негодования, как он смеет шутить такими вещами надо мной, но сказала совсем не об этом:

— Будешь работать на Отдел?

— У меня нет выбора, как и у тебя. Однако мы с тобой еще сможем повернуть ситуацию в свою пользу. Всегда есть третий путь.

Пока он говорил, я встала и прошла на середину комнаты, размышляя, как достать вожделенный флакончик.

— Знаешь, я доволен, что ты настолько заревновала, что пришла ко мне с вопросом про...

К концу фразы его голос начал стихать, поглотив имя рыжеволосой, потому что я

потянула завязочки на платье, и декольте стало раскрывать взгляду брата все больше и больше. Он замолчал, внимательно глядя, как я расшнуровала корсетную часть платья и провела руками под волосами, рассыпав черные волнистые локоны по плечам. Под неторопливыми движениями пальцев рукава обнажили мои плечи, но оставили грудь все еще прикрытой еле держащимся корсетом. Я знала Влада, моя грудь была для него чем-то крайне важным, интимным, и очень возбуждала, и его пристальный жаждущий взгляд говорил о том, что я ничего о нем не забыла. Я отпустила платье, и оно свалилось к ногам, оставив меня в одних лишь трусиках и туфлях. Я прикрыла грудь руками, словно стеснялась, пошевелила ногами, не наклоняясь и вытащила ступни из туфель.

— Иди сюда, — в голосе брата слышалась хрипотца возбуждения.

Радуясь, что план работает, я старалась не смотреть на флакончик, чтобы не привлечь к нему внимание раньше времени, хотя очень хотелось. Следуя указаниям, как Влад любил, я переступила через платье и подошла к кровати.

— Убери руки, — его взгляд упал на прикрытую грудь.

Я не пошевелилась, намеренно разжигая в нем капельку гнева. Он поднял взгляд и пристально посмотрел прямо в глаза, четко произнеся:

— Убери. Руки.

Я по-прежнему не шевелилась, и тогда он сам резко поднялся, схватил меня за запястье, дернул на себя, развернул в полете и уронил на кровать спиной, навалившись сверху. Это вызвало сильное беспокойство, потому что я совершенно не представляла, как из такого положения забрать у него желаемое, но тут мне улыбнулась удача, потому что флакончик с его шеи очень вовремя стукнул меня по носу.

— Сними, — попросила я и прикусила нижнюю губу в нервном ожидании.

Его мозг явно уже слегка оступел от возбуждения, потому что, не придав моим словам должного значения, брат стащил с себя флакончик и сбросил на пол рядом с кроватью.

— Влад, я помню, что ты любишь, — произнесла я шепотом. — Позволь мне извиниться за то, что бросила тебя здесь одного. Встань.

На его лице скользнула тень удивления, я действительно редко предлагала ему это сама, однако аргумент это извинение сработал, да просто не мог не сработать, я слишком хорошо знала брата, чтобы ошибиться.

— Если думаешь, что одного раза будет достаточно, ты ошибаешься, — в его кажущемся раздраженным голосе звучало урчание довольного кота. — На всю эту ночь ты моя, Вероника. И извиняться будешь еще многие недели после.

Он встал с кровати, ожидая, пока я выполню обещанное. Я буквально стекла с края и осталась сидеть на коленях, взглянула на него снизу вверх, затем, не разрывая зрительного контакта, подняла пальцы, коснулась его достоинства, провела, словно вспоминая.

— Вероника, не тяни, — выдохнул он просьбу-приказ, не отрывая от меня взгляд.

Продолжая смотреть в глаза, я приблизилась к его возбужденному органу губами, при этом свободной рукой успела нашарить цепочку на полу, сдавила ее пальцами. Как только мои губы коснулись его, Влад закрыл глаза в ожидании продолжения, и в этот момент я быстро откупорила флакончик и влила его в себя, а затем сразу шарахнулась в сторону. Услышав звук откупориваемой пробки, Влад моментально распахнул глаза, но из-за ударившего в голову возбуждения среагировать сразу не успел, и лишь увидев мое движение, все понял и рванул ко мне.

— Ты что творишь?!

Бежать тут было некуда да и незачем, я добилась своего. Будь это обычное зелье, он бы заставил меня это исторгнуть назад, но не черную кровь, она впитывалась в тело сразу, в ней можно было даже купаться или мыть руки, и она все равно проникла бы в тело, процесс необратим, разница лишь в том, что выпить — быстрее. Он обхватил меня, все-таки попытавшуюся сбежать, со спины и прижал к себе, сдавив так сильно, что у меня чуть кости не затрещали.

— Ты совсем рехнулась, Вероника? Сдохнуть решила у меня на руках? Нет уж, дорогая сестричка, не выйдет.

Он бросил меня на кровать, словно большую куклу, распахнул шкаф, вытащил оттуда несколько своих рубашек, взялся за концы и быстрыми движениями скрутил их в жгуты, направляясь ко мне. Я мысленно выругалась, соскочила с кровати и метнулась к двери.

— Стой, иначе я убью тебя, — с ледяным спокойствием произнес он.

Таким тоном он никогда не шутит, и я застыла в паре шагов от двери, скованная страхом, не в силах двинуться.

— Не вздумай сопротивляться, Вероника. Потому что я все равно сделаю с тобой то, что собираюсь, а будешь мешать — тебе же хуже.

Мое сердце трепыхалось испуганной птицей, дышалось с трудом, в висках громко стучала кровь, и я пыталась понять, от испуга это или из-за выпитого флакончика.

— Иди сюда, — приказал он.

Я повернулась, сделала шаг и поняла, что ноги не держат, а в глазах появилась черная пелена, из-за которой в и без того темной комнате я вообще перестала что-либо видеть. Я обессиленно полетела на встречу с полом, но Влад перехватил меня, не дав упасть, и снова бросил на кровать. Сопротивляться я уже не могла, сил не было, а внутри разгорался настоящий огонь. Влад быстро и ловко привязал мои руки к спинке кровати, и уже через несколько секунд я поняла зачем. Кожа, казалось, полыхала огнем, и его источник находился внутри меня, где-то там, в гортани, где успела впитаться черная кровь. Я готова была поддаться инстинктивному желанию разодрать себе лицо и грудь, лишь бы добраться до источника, и только связанные руки не давали мне это сделать. Не озаботившись одеждой, Влад выскочил из комнаты, но я этого не заметила, крича от боли и стремясь порвать путы, совершенно не контролируя себя. Казалось, меня сжигает изнутри, а иссушенная кожа трескается, но я не жалела о своем поступке, ведь если уж идти, то до конца. Я не какое-нибудь слабое ничтожество, я — сама Сцилла! Лучший агент Отдела! И раз уж меня заставляют вернуться, я вернусь в полной своей силе, чего бы мне это ни стоило, вернусь, чтобы отомстить за отнятую мирную жизнь — эти мысли, вся эта злость и решимость, давали мне силы пережить боль.

Влад ворвался обратно в комнату с небольшим бочонком в одной руке и стаканом в другой, и меня обдало приятной, хоть и мокрой, прохладой, когда Влад выплеснул содержимое стакана на меня. Жар самую малость стих, и я, обессиленная, осталась лежать, тихо постанывая сквозь зубы. Брат налил еще воды из бочонка, сел рядом на кровати, подхватил меня под голову и прислонил к губам стакан:

— Пей, — даже не приказ, констатация факта.

Он наклонил стакан, и мне ничего не оставалось, кроме как глотать, если не хочу захлебнуться. Ледяная вода приятной прохладой разлилась по разгоряченному телу, заставляя пламя внутри меня стихать.

— Еще, — выдохнула я.

Влад налил еще стакан, я и его выпила залпом, после чего Влад спокойно встал, вытащил халат из шкафа и накинул его на себя, наконец прикрыв свою наготу. Дверь в комнату начала приоткрываться:

— Что слу... — начал было Кирилл, но договорить не успел.

Влад выпихнул его из комнаты, чтобы тот не увидел почти обнаженную меня, все еще привязанную к кровати, и прикрыл за собой дверь, однако я все равно слышала их приглушенные голоса.

— Полегче, господин Князев. Мы услышали крики вашей сестры и решили, что-то случилось. Хотели помочь.

— Случилось! Вы выдали ей черную кровь, совершенно не озаботившись предупредить о последствиях. Вы уже сделали все, что могли, дальше я разберусь сам. Теперь пошли вон.

— Влад... — позвала я, ощущая, как жар снова поднимается внутри. — Влад!

Встать самой мешали привязанные руки, но даже если бы они были свободны, сил попросту не было. Брат быстро вернулся, закрыл дверь на задвижку, помог мне выпить еще один стакан и только после этого, убедившись, что я не причиню себе вреда, отвязал мои руки.

— А теперь объясни мне, какого черта ты творишь, — в голосе сквозила холодная ярость, он переволновался за меня и сейчас с трудом сдерживал гнев.

— Я не буду слабой, — негромко произнесла я, нахмурившись. — Я справилась с черной кровью один раз, справлюсь и второй. Без дара я никто, и десять лет назад Отдел не оставил бы меня в живых, если бы не знал, что сможет снова мной воспользоваться, ты понимаешь это не хуже меня, ведь ты в том же положении.

Влад вздохнул, а потом неожиданно обнял меня и крепко прижал к себе:

— Ты, несомненно, заслужила наказание за глупость и за предательство, не думай, что я простил, но я не брошу тебя, Вероника, что бы ни случилось, и твой дар не имеет значения. Не совершай больше таких глупостей. Я сказал, что нельзя принимать все сразу, и это значит ровно то, что я сказал. Не смей больше нарушать мои указания, — его голос стал более жестким. — Никогда не смей этого делать. Ты поняла меня?

— Хорошо, — тихо ответила я, успокоенно уткнувшись ему в шею.

— Замечательно. До утра останешься здесь, под моим наблюдением, к этому времени все должно пройти, по крайней мере в такой острой форме. В ближайшие несколько дней будешь сильно хотеть пить, обязательно пей, обычной воды достаточно, и чем холоднее, тем лучше.

Он уложил меня назад на кровать, а сам встал, и бросив свой халат на комод, через плечо окинул меня взглядом. Он раздевался, чтобы спать, и раньше я часто с удовольствием наблюдала за этим процессом, не смогла отказать себе в удовольствии поразглядывать его тело и теперь. А после, поддаваясь давно забытой привычке, повернулась на левый бок, спиной к нему, пока он укладывался. Его тихий довольный выдох сообщил, что ему понравилось, что я сделала это без напоминания. Он прижался к моей спине, как делал всегда после бурной ночи, левую руку пропустил под шею, и я использовала ее как подушку, а ладонь этой руки легла на мою правую грудь. Его правая рука опустилась мне на бедро, легла вдоль него, слегка погладила и успокоилась. Все это было так привычно, что я окунулась в давно забытый уют и защищенность и почти сразу уснула.

Этой ночью я просыпалась еще не один раз, но не от тревоги, просто хотелось пить. В сумме в меня куда-то поместилось три небольших бочонка с водой, и только после этого,

уже под утро, я окончательно успокоилась.

Утро началось с того, что мои волосы защекотали мне губы и нос, заставляя проснуться. Я заподозрила виновным в этом сквозняк, и колыхание одеяла подтвердило мою догадку, вот только одно не сходилось: окна и дверь закрыты. И тут меня осенило:

— Михаил? — прошептала я, чтобы не разбудить брата.

В ответ мои волосы снова привычно колыхнулись, вызвав у меня бурю восторга. Поняв, что я проснулась, он будто с ума сошел от радости: подбросил одеяло, потряс занавесками, разбросал одежду, валявшуюся на полу. Я не стала сдерживать улыбку, радуясь тому, что мой любимый Михаил все еще со мной и за прошедшие годы не бросил меня. Рука Влада на моем бедре пошевелилась, напомнив, что я сплю с братом в одной кровати и моментально вытащив меня из счастливого дурмана.

— Доброе утро, — негромко сказал он и крепче прижал меня к себе. — Вижу, твой щенок тоже здесь.

— Да, он здесь, — а раз он здесь, то и дар вернулся, хоть одна хорошая новость. — Пора вставать.

Я попыталась выскользнуть из его рук, чтобы спастись бегством, но он лишь крепче сдавил объятия, словно разгадал мои мысли.

— Ты не закончила то, зачем пришла вчера, Вероника, — его голос стал тише и более угрожающим. — Да и твой щенок должен лишний раз понять, кому ты принадлежишь, чтобы не зарывался.

Я замерла не дыша. Сердце опять взметнулось к горлу, и я решилась на попытку уговорить брата хотя бы повременить со своими намерениями, пусть даже обычно это бывало бесполезно:

— Влад, уже утро, пора уезжать. Да и мои стоны могут услышать.

Он, будто не услышал, правой рукой скользнул от бедра к груди, провел по плечу и всей моей правой руке. Перехватив за запястье, потянул меня на себя, левой рукой вцепившись в мою правую грудь, словно проверяя, на месте ли она, а затем вытащил из-под меня левую руку.

— Влад, не надо!

Я испуганно шарахнулась от него по кровати, чуть не упав с края, но он все еще крепко держал запястье, не позволив мне свалиться. Пройгнорировав все мои действия, он подтянул за запястье меня к себе поближе и быстро привязал руку вчерашней веревкой из рубашки к грядущке кровати.

— Ты вчера меня очень расстроила, — сообщил он и перехватил мое второе запястье. — Ты меня обманула, Вероника. Так делать нельзя. Ты, видимо, забыла об этом, ну так я напомню.

Он привязал и второе мое запястье к другой части грядущки, разведя руки в стороны.

— Влад, ну перестань, — почти захныкала я, беспомощно и бесполезно потянув руки на себя, проверяя прочность пут, хотя и так осознавала тщетность своих действий.

Одеяло на кровати взлетело в воздух и накрыло Влада с головой, призрак пытался за меня вступить, и я была ему благодарна.

— Успокой своего щенка, иначе его успокою я! — прорычал брат, сбросив с себя одеяло.

Это было опасно. Влад умел управлять не только мертвецами, но и духами, и даже мог изгнать Михаила при большом желании. Впрочем, он вряд ли когда-нибудь это сделает,

небольшая доля ревности его лишь возбуждала, а за серьезного противника Влад его не считал. Вот только если он перевозбудится, достанется мне. В обычной ситуации я бы приказала призраку утихнуть, но сейчас мои руки были связаны, и это отнюдь не способствовало чувствовать себя хозяйкой положения. Я беспомощна и полностью в руках Влада, и он будет делать со мной все, что захочет, так всегда было и будет. Я помнила все до мельчайших деталей, как бы сильно мне ни хотелось это забыть.

Для всех я всегда была лучшим агентом Отдела, опаснейшей Сциллой, которая читает мысли и управляет сознанием. Но наедине с Владом я превращалась в беспомощную отданную ему на растерзание жертву, Сциллу попавшую в пасть Харибды. Все эти воспоминания заставляли меня ощущать себя слабой, и я могла лишь просить, но ни в коем случае не приказывать, даже своему призраку.

— Михаил, — жалобно простонала я. — Не надо, пожалуйста. Отвечать за твои действия буду я, не подставляй меня, умоляю. Просто смирись, как всегда.

Секунду стояла тишина, а затем где-то в шкафу с одеждой треснуло зеркало, что выражало его недовольное согласие.

— Умница, — пальцы Влада прогулялись мне по щеке, скользнули на шею.

— Влад...

Я хотела попросить его остановиться, но замолчала, потому что его ладонь легла на горло, а пальцы обхватили шею крепко, но аккуратно, не причиняя боли и не мешая дышать. Я шевельнула руками и путы натянулись, напоминая о себе, не давая возможности дотронуться до брата. Снова, непрощенные, полезли в голову воспоминания.

В первые такие разы я шипела на него, как бешеная кошка, извивалась змеей, чтобы не дать себя привязать, но каждый раз он преодолевал мое сопротивление и все равно делал это. Надо отдать ему должное, Влад не причинял боли, он всегда ломал мое сопротивление иначе: пока я не успокоюсь, крепко держал меня, скручивал руки, прижимал к полу, стене или кровати в зависимости от того, где я начинала вырываться. В попытках освободиться я могла причинить себе боль сама, но он не делал этого никогда. Если же я начинала сопротивление, когда все уже началось, когда он был внутри, Влад хватал меня за шею и сжимал ее сильнее с каждой моей попыткой дернуться. Не знаю, в какой момент это случилось, но однажды я поняла, как сильно это меня возбуждает. Мое сопротивление стало ломаться о мои же желания, и он явно помнил это.

Его ладонь лежала на моей шее, чуть сдавливая, и я прикрыла глаза, разрешая воспоминаниям вернуться, позволяя дрожи возбуждения пробежаться по телу. Я уже и забыла, каково это, когда во время секса столько эмоций. Губы опустились мне на грудь, и одного прикосновения хватило, чтобы я издала тихий протяжный стон. Мой муж Николай боялся меня, казался слабым и хрупким, и при желании я запросто могла его раздавить даже без дара, но Влад другой. Он сам — несокрушимая скала, прячущая внутри ураган, он — притихший водоворот, Харибда, который может раскрыть пасть и поглотить меня в любой момент. Влад брал от меня все, что хотел, и давал то, что хотела я.

Мой стон что-то пробудил в нем, тоже всколыхнул какие-то воспоминания, потому что я ощутила очень яркую полыхнувшую во все стороны эмоцию его возбуждения. О да! Секс без ощущения возбуждения партнера пресный, как еда без соли, и это всколыхнуло воспоминания уже во мне. От избытка эмоций я не могла спокойно лежать, то выгинаясь и подставляя ему живот и грудь, то сдавливая руки в кулаки и натягивая путы, то шевеля сдвинутыми коленями, словно я могла удовлетворить таким образом сама себя. Хотелось

кусаться, рвать и метать, между ног давно ныло, а он все медлил, лаская лишь грудь, которую он так любил.

— Вла-а-ад, — протянула я на выдохе долгим возбужденным стоном. — Возьми меня. Я не могу больше ждать.

Он словно не услышал, неторопливо опуская поцелуи по животу. Ладонь оставила мою шею, а пальцы скользнули по груди и направились к бедрам. Слишком медленно, слишком нежно, я не хочу так сейчас, хочу по-другому, хочу как обычно. Для этого нужно его завести так, чтобы он не справился сам со своими желаниями, и я знала несколько таких способов.

— Влад, пожалуйста, я сделаю все, что захочешь. Я готова прямо сейчас пройти вот так по дому за водой, а ведь все эти прихвостни Отдела наверняка там, снаружи. И они увидят меня. Я сделаю это, если скажешь, только не тяни. Я хочу тебя.

Его эмоции поменялись, будто переключились в другой режим. Он выдохнул сквозь зубы и схватил меня за бедра так, что кажется, там теперь останутся синяки.

— Ты моя! — грубо рыкнул он и рванул за бедра, насаживая меня на себя, так что руки оказались вытянуты до упора веревок.

Мне захотелось смеяться от злорадства, но из груди вырвался стон. Влад все так же легко управляем, как всегда, а ведь я за эти годы почти забыла об этом. Секс с мужем был совсем другим, я отвыкла от размеров брата, но была так возбуждена, что боль не мешала, а наоборот, перерастала в какое-то особое наслаждение, которое сводило меня с ума.

— Слишком сильно, — выдохнула я, прекрасно зная, чем это кончится. — Слабее.

Но Влад не послушал, чего я и добивалась, он поступил наоборот, вонзившись глубже, доведя меня до невольных слез, но и добавив изрядную долю возбуждения, даже если не учитывать, как всколыхнулись при этом лично его эмоции. О да, это был тот самый Влад, которого я помнила, знала и хотела, и это осознание отдавалось внутри меня волной возбуждения, которое нарастало невероятно быстро. Влад начал двигаться, но ему не пришлось делать это долго, со стоном я задрожала от сильнейшего оргазма за последние десять лет. И вместе с этим Влад вонзился в меня так глубоко, как только смог, снова доведя до слез, и я то ли стонала, то ли кричала, извиваясь и выгибаясь, пытаюсь отодвинуться от него, избавиться от избытка ощущений, но руки были связаны и вытянуты, а бедра сдавливал он, чтобы я не могла никуда деться, вынуждая меня пройти все это до конца, ощутить все сполна. И я услышала, как он сам тихо выдохнул стон, не выдерживая и кончая вместе со мной, отчего меня накрыло новой волной эмоций, которая просто унесла сознание. Наши эмоции и чувства схлестнулись, вошли в резонанс, врезались мне в разум, заставляя вспомнить почти забытое ощущение, когда кажется, что вот-вот потеряешь сознание и слышишь свой же стон, словно чужой, а тело не подчиняется, двигаясь само по себе в агонии удовольствия.

Не знаю, сколько времени это длилось, но я наконец устало обмякла и лежала, восстанавливая дыхание, мысли возвращались медленно и неторопливо. Я выпустила все напряжение и сейчас ощущала себя совершенно опустошенной и невероятно счастливой и отдохнувшей, мне просто было хорошо.

Как он избавил меня от пут, я не заметила, но сейчас руки уже были свободны. Влад навис сверху, пристально глядя мне в глаза. Левой рукой он опирался на кровать, а правой ладонью накрывал мою левую грудь:

— Вероника, ты моя. И не смей забывать об этом, — тихо сказал он, сдавив грудь пальцами, словно подтверждал этим свои слова.

Я замерла, глядя в его глаза, и ощутила себя неуютно. Все, что только что было, это неправильно. И я отвела взгляд в сторону, отвернувшись. Влад пристально смотрел на меня еще несколько секунд, а затем отпустил и выпрямился, бросив мне:

— Иди собирайся. Хочу покинуть это проклятое место как можно скорее.

Мы ехали в экипаже по родному городу, который покидали обычно только под строгим надзором Отдела. Нас с братом сопровождал Кирилл, поскольку с Анной и ее мужем мы разделились по прибытию в город. Мне показалось странным, что мы поймали самую обычную повозку, а не воспользовались каретой Отдела, но потом, поразмыслив, я поняла, что попросту никто не знал о времени нашего прибытия.

Сказать нам троим друг другу было нечего, царила тишина, нарушаемая лишь цоканьем копыт по камням мостовой и тихим гулом запруженных улиц. Каждый был погружен в свои мысли. Например, я думала о том, почему последней ночью брат не пришел ко мне, несмотря на то, что провели мы ее в одном купе поезда. Конечно, у нас были разные одноместные кровати, но его бы это уж точно не остановило, в конце концов на полу лежали ковры. Может быть, ему хватило того, что он получил вчера утром в его тюремном доме, но эта глупая мысль была сразу отброшена, ненасытность Влада была мне известна как никому. Возможно, его остановила плохая звукоизоляция в поезде, все-таки мы скрывали наши отношения, но и эта мысль выглядела нереалистично. Несмотря на всю любовь к моим стонам, он умел при необходимости заглушать их самыми разными способами, от поцелуев до подушек. У меня осталось лишь одно предположение, что он решил обо мне позаботиться и посчитал, что для первого раза после десяти лет с меня достаточно. Если бы он так подумал, то был бы прав, но в подобный мотив я поверю в последнюю очередь, так что эта загадка осталась для меня неразгаданной.

— Ну, вот мы и на месте, — Кирилл разорвал тишину, когда повозка остановилась перед небольшим двухэтажным домиком.

Наше новое обиталище не тянуло на подобающее нашим с братом титулам, однако это все равно было лучше, чем то, к чему каждый из нас, особенно он, привык за последние десять лет, так что я придержала свое мнение при себе. Пока Кирилл расплачивался с извозчиком, к нам из дома выскочил невысокий мужчина с темно-рыжими усиками и в штанах с подтяжками.

— Дамы и господа! — он в приветственном жесте приподнял несуществующую шляпу и направился к нам.

— А, явился, — Кирилл покосился на него. — Знакомьтесь, это Лев Зорин, ваш камердинер. Лев, перед вами господа Вероника Лазарева и Владислав Князев.

Я бросила косой взгляд на брата, когда произнесли мою фамилию, но он стоял с каменным выражением лица и никак не отреагировал.

— Весьма, весьма рад встрече, — Лев схватил Влада за руку и затряс ее так, словно хотел оторвать. — Премного наслышан. Невероятно рад познакомиться с легендарными личностями. Позвольте ручку, леди.

Последнее он сказал уже лично мне, и руку я ему протянула с неохотой, чем-то он меня раздражал, наверное, манерой поведения, а может просто все дело в усах. Он склонился к тыльной стороне ладони, совершенно не умея правильно целовать руку, и все же я дала ему шанс в надежде, что он хотя бы не коснется кожи. Но нет, он сделал это, еще и повозил по ней губами, вызвав у меня отвращение, а я не люблю неприятные эмоции, поэтому в момент прикосновения я парализовала его.

— Целовать руку означает не мусолить кисть дамы жирными губами, а еле прикоснуться к кончикам пальцев, уважаемый, — произнесла я едким голосом, вытаскивая руку из его пальцев и оставляя его самого в той же склоненной позе с поднятой рукой.

От нашего нового знакомого повеяло страхом, и я расплылась в довольной ухмылке. Дар вернулся, и это было чудесно, благодаря ему мир снова расцвел.

— Лев? — Кирилл не понял, что случилось, и наклонился, чтобы заглянуть ему в глаза. — Ты в порядке?

— Вероника! — а вот брат понял. — Немедленно отпусти его.

Я недовольно покосилась на Влада, а Кирилл с интересом посмотрел на меня:

— Да вы опасны, госпожа Лазарева, — хмыкнул агент. — Однако вынужден напомнить, что применение способностей против сотрудников Отдела, не говоря уже об обычных горожанах, запрещено.

— Ты скучен, — сообщила я Владу, проигнорировав Кирилла, и нежно положила ладонь на подбородок камердинеру, продолжая речь приторно-ласковым голосом — А вам, уважаемый, заранее рекомендую держать ваши руки и прочие части тела от меня подальше. Вы мне не нравитесь, так что постарайтесь выполнять свою работу усерднее, чтобы я не обращала на вас внимание. Для вашего же блага.

В его голове тут же всплыло столько матерных нелицеприятных эпитетов в отношении меня, что я аж удивилась. По сравнению с ними определения стерва и сучка, которыми меня за глаза и в мыслях называли под конец рабочей карьеры, были практически похвалами.

— А теперь сопроводите нас в дом и покажите, где здесь что, — сказала я, отпуская его самого из паралича и его подбородок из пальцев.

Лев шарахнулся от меня, как от огня, и замер, поглядывая в мою сторону. Отлично, дрессировка прошла успешно.

— Опять пугаешь людей, — Влад укоризненно покосился на меня.

Я беззаботно и равнодушно пожала плечами ему в ответ и перевела взгляд на камердинера:

— Ну что вы стоите, господин Зорин! Где обещанная вами экскурсия по дому?

— Конечно, следуйте за мной, — испуганно протараторил он и вбежал по ступенькам в дом.

Внутри домик был таким же небольшим, как снаружи. От входа прямо из прихожей — узкая деревянная лестница, под которой располагались чулан, ванная и туалет. Направо — кухня и комнатка, где жил Лев. Налево — небольшая гостиная с креслами, камином, комодом и столом. На втором этаже с каждой стороны располагалось по две двери, то есть всего было четыре спальни. Мы с братом разошлись по комнатам, не сговариваясь, я взяла себе правую дальнюю комнату, а Влад — левую, Кирилл же остался в гостиной читать газету, чтобы не мозолить глаза своим присутствием. Как нам пояснила Анна еще в поезде, один из членов ее группы всегда будет неподалеку от нас с Владом, а на мое ехидное предложение разорваться пополам, когда мы с братом разойдемся в разные стороны, серьезно добавила, что разделяться нам пока запрещается.

В спальне не было ничего особенного, обычная светлая комната, похожая на нашу спальню с мужем, только кровать поменьше. На полу лежал ковер, а вдоль стен располагались комод, трюмо и шкаф. Стола не предвиделось, видимо, расчет на гостиную, где они были, мне здесь не слишком нравилось, но могло быть и хуже, да и другого дома у меня все равно нет. Пока я осматривалась, стоя посередине этой небольшой спальни, вошел

Влад и закрыл за собой дверь на задвижку, заставив меня занервничать.

— Мне не нравится все то, что сегодня происходит, — начал он без предисловий, подходя ко мне.

— А, то есть еще неделю назад тебя все устраивало, — из дурного настроения я не удержалась от ехидства.

Влад зло сверкнул глазами и, поддев пальцами мое платье под завязки на груди, дернул к себе и придвинул нос к носу:

— Ты забываешься, Вероника. Я не они, держи свой яд при себе.

— Поняла, поняла, — быстро проговорила я. — Больше не повторится.

Я в самом деле перегнула палку, и сразу осознала свою ошибку. Влад все еще зол на меня, об этом не стоит забывать, так что я подняла ладони, сдаваясь.

— Я пришел предупредить, — Влад отпустил мое платье, и я, поежившись, одернула его и расправила. — Судя по всему, мы нелегалы даже среди агентов. А значит в случае чего от нас избавятся без последствий. Будь осторожна и не отходи от меня.

— С чего ты это взял? Нам выделили дом и камердинера, вряд ли это возможно неофициально.

— Хороший спектакль, но дьявол всегда в мелочах, я вижу слишком много нестыковок. Не уверен даже, что все участники спектакля в курсе.

— Хорошо, — я сразу ему поверила, ошибался мой брат в таких вещах крайне редко. — Что планируем с этим делать?

— Для начала я поговорю с начальством. О снаряжении, оборудовании и заданиях, возможно, удастся косвенно что-то выяснить. Если все будет плохо, нам с тобой придется задавать вопросы напрямую нашим любимым способом.

То есть Влад подержит и поспрашивает, а я покопаюсь в голове, выясняя, что человек думает, а не что отвечает. В мыслях солгать невозможно, поскольку первой мыслью все равно будет правда, какой человек ее видит.

— И у меня к тебе еще один вопрос, Вероника, что такое кайрадж?

Вопрос вверг меня в секундный ступор.

— Что? Откуда мне знать? Это ты придумал слово, не я.

— Ты твердила это слово во сне еще там, в доме.

Я задумалась, искренне пытаюсь вспомнить, но потом отрицательно покачала головой, слово было мне незнакомо.

— Может снился какой-нибудь бред. Мне, если помнишь, после приема черной крови было не слишком хорошо.

Наш разговор прервал звон дверного колокольчика. Пока мы вышли из комнаты на лестницу, дверь уже открыл камердинер, приветствуя вошедшего. Увидев на пороге мужа Анны, я сразу потеряла к гостю всяческий интерес и вернулась в комнату, оставив того на попечение брата, разулась и с ногами забралась на широкий подоконник боком к стеклу, как любила сидеть в юности. Кажется, пора наконец посмотреть в глаза своим страхам, и извиниться перед своим любимым призраком.

— Михаил, смотри, как солнечно на улице. Я помню, ты любишь солнце.

Стекло прямо передо мной запотело, будто на него подышали, и я увидела будто бы пальцем написанное слово Ника, так мой призрак говорил мне что-то вроде я люблю тебя.

— Я тоже очень по тебе соскучилась, — улыбнулась я и стыдливо опустила взгляд. — Прости, что не говорила с тобой столько лет. Думала, ты ушел.

Волосы всколыхнулись, и я улыбнулась снова, этим жестом он меня обычно успокаивал.

— Очень рада, что не злишься, — я улыбнулась еще шире. — С радостью обняла бы тебя, если бы могла. Обещаю, что отныне буду уделять тебе много внимания, больше чем раньше.

Раньше я общалась с ним часто и обо всем, словно говорила сама с собой, но теперь, после девяти лет молчания, не знала, с чего начать, и потому просто осталась сидеть, прислонившись лбом к окну. Жизнь снаружи текла неторопливо и размеренно, ездили повозки, ходили люди, но я больше не была частью этой жизни, Отдел все это забрал.

— Интересно, кто был на моих похоронах?

Третий день, день похорон, был вчера, так что тело той несчастной, которую выдали за меня, уже в земле. Любопытно, горюют ли подруги хотя бы немного? А может оно и к лучшему, что мы с ними расстались на такой дурной ноте, будут меньше плакать. Если, конечно, вообще будут.

В дверь внезапно постучали, и невежливо не дожидаясь приглашения, вошел Юрий.

— Вас не учили, что если стучишься, то нужно ждать ответа? — презрительно спросила я.

— О, извините.

В его голосе не было ни капли сожаления, и я сделала себе мысленную пометку относительно Юрия на будущее в своей личной книге мести.

— Госпожа Лазарева, у меня к вам такое замечательное предложение, что вы не сможете отказаться.

Он прикрыл за собой дверь и подошел ко мне, остановившись за пару шагов и не подходя на расстояние, ближе вытянутой руки. Похоже, камердинер уже пожаловался, но так даже лучше, пусть он опасается меня, это хорошо, буду понемногу возвращать свою репутацию.

— Я вас слушаю, — ответила я, с самым невинным видом обняв ноги и положив щеку на колени поверх платья.

— Дело в том, что мы достигли некоторых успехов в области магии, и можем вернуть вашего призрака к жизни.

— Михаила? К жизни?

Я удивленно посмотрела на него, пытаюсь понять, зачем он несет мне эту чушь. Если бы это было возможно, брат бы уже давно сказал мне... Или нет?

— У нас есть подходящее для него тело, и среди агентов третьей волны есть сильный некромант, способный справиться с задачей.

А вот это уже заинтересовало. Конечно, у меня под рукой был сильнейший некромант всех времен, но доверять ему душу Михаила я бы не стала, неровен час, припомнит тому, что он не смог меня защитить на той злополучной свадьбе, не говоря уже о банальной ревности. Да и не все так просто с этими призраками, я уже общалась с братом на эту тему, когда Михаил умер.

— Каковы возможные проблемные последствия? Каков шанс успеха? И не темните, уважаемый, я у вас в голове, — я указала пальцем себе на висок.

Конечно, я блефовала, поскольку не могла читать мысли без прикосновения, только считывать поверхностные эмоции, но он этого не знал. Моим вопросам Юрий удивился, ожидая, по-видимому, что я стану прыгать от восторга, а не рационально мыслить.

— Господину Звереву некоторое время придется привыкать к телу, он ведь призрак уже

двадцать лет, это что касается последствий. А шанс успеха огромен, целых семьдесят процентов! — он не преуменьшал и не преувеличивал, похвально.

— Иными словами, в случае неуспеха, а это целых тридцать процентов, то есть одна попытка из трех, я потеряю Михаила, — я никогда не велась на красивые разговоры и пустую болтовню.

— Э... Если смотреть с такой позиции, то вы правы. Но вряд ли что-то пойдет не так, — он немного растерялся.

— Мне надо подумать, — ответила я ему с выражением на лице и в голосе, с которым обычно говорят пошел вон.

— О, конечно, думайте. У вас время до утра, я сегодня остаюсь на посту с вами, Кирилл вот-вот уйдет домой отдыхать. Завтра я должен буду сообщить ваше решение госпоже Златовой. Тело поддерживается в подходящем состоянии артефактом, но его ресурс не бесконечен, так что времени мало.

Он уже развернулся, чтобы уйти, когда я произнесла:

— Господин Каркаров, моему брату об этом ни слова. Его это не касается.

Юрий посмотрел на меня через плечо с интересом в глазах, но уточнять ничего не стал:

— Конечно, как вам угодно, — кивнув, он покинул комнату.

Я задумчиво уставилась в окно. Шанс потерять Михаила — целых тридцать процентов, я не могу на это пойти. С другой стороны, что если ему там плохо? Что если он хотел бы рискнуть, несмотря ни на что? Я не имею права лишать его выбора, как бы мне ни хотелось, так что остается лишь спросить Михаила, чего же хочет он сам. Еще в поезде я получила от Кирилла монетку мелкого номинала, чтобы иметь возможность общаться с призраком, и теперь задумчиво крутила ее в пальцах.

— Михаил, я не могу принимать такое решение, — я спрыгнула босыми ногами на ковер и поставила монетку ребром на подоконник, прижав пальцем сверху. — Тридцать процентов — это слишком много, так что выбирай сам. Решка — ты согласен провести этот ритуал, орел — не согласен.

Я щелчком ударила по краю монетки, и стала смотреть, как она вальсирует по подоконнику, в ожидании решения призрака. Томить долгим ответом он меня не стал, монетка неестественно замедлилась и осталась стоять на ребре.

— Да ты издеваешься! — я вспыхнула негодованием, хватая монетку с подоконника. — Что значит решай сама?! Как я могу решать, подвергать ли тебя такому риску! Это невыносимо!

Я представила, что будет в случае провала. Он навсегда покинет меня, окончательно и бесповоротно. Но зато в случае успеха он снова будет жить, пусть и в другом теле, и это было очень заманчиво, многие ли из нас получают второй шанс на жизнь. Я нервно закусилась нижней губой, снова подумав о возможности провала ритуала. Я так устала терять тех, кого люблю, что просто не вынесу этого еще раз, и не хочу даже думать о таком. Пусть все остается как есть. Раз Михаил не сказал четкое да, я не смогу так рискнуть. К тому же нельзя забывать про Влада. На той злополучной свадьбе мой брат всерьез решил, что я погибла, и в моей смерти винил Михаила, не говоря уже об их отношениях из-за меня при жизни. В лучшем случае брат просто убьет его, когда увидит. В общем, сплошные сложности и проблемы для всех троих.

— Вероника! — раздался голос брата снизу. — Иди сюда!

Слышимость была отличная, и я не знала, стоит ли этому радоваться, ведь однажды он

придет ночью ко мне, чтобы взять свое, а в доме мы не одни. С этими мыслями я суетливо выскочила к лестнице, и уже там приняла самый независимый вид, медленно и чинно спускаясь по ступенькам, чтобы не показать, как сильно я торопилась еще секунду назад.

— И незачем так кричать, братец, — ответила я ему, входя в гостиную.

Ответа не последовало. Влад сидел с газетой в кресле и с самым сосредоточенным видом изучал последние новости, а когда я вошла, поднял на меня взгляд:

— Мы что, с Японией мир заключили?

В этот момент мне яростно захотелось дать ему хорошую крепкую оплеуху, чтобы не звал меня таким голосом, если ничего не случилось. А политику, в отличие от меня, он всегда любил, причем почти так же сильно, как историю.

— Ну, раз пишут, то видимо, заключили, — я пожалала плечами. — Ты меня звал только за этим?

— Нет, — он сложил газету. — Я договорился насчет встречи с госпожой Златовой. Ее сиятельная особа самолично заедет к нам, что лишний раз подтверждает мою теорию.

— Какую?

— Если бы мы не были нелегальными, она бы вызвала нас в здание Отдела, а не приезжала сама.

— Да я уже была там и говорила с ней. Ты ищешь нелогичности там, где их нет.

— Вероника! Как можно быть такой глупой и верить в этот спектакль! Ты не вызвала бы подозрений в ее кабинете, потому что и так регулярно появлялась там последние десять лет, а вот я вызвал бы, поэтому она не приглашает нас к себе, а едет сама. Более того, на случай подобного вопроса она заранее предупредила господина Каркарова, что придет лично.

Дверь хлопнула, заставив брата замолчать, и в гостиную вошел Юрий:

— Кирилл передаст вашу просьбу госпоже Златовой, господин Князев. Думаю, она заедет только к вечеру. Видите ли, она не так давно занимает свой пост, и потому крайне занята: перенимает на себя дела после своего предшественника.

— А почему ее предшественник не помогает ей? — Влад снова раскрыл газету и уставился в нее, словно ответ его не слишком интересовал, но я нутром ощутила всю важность этой информации.

— Он не справлялся с задачами, и его отстранили от дел, а после он в спешном порядке покинул страну.

— Понятно, — Влад ответил таким тоном, словно вообще пропустил мимо ушей сказанное Юрием, а затем поднял взгляд на меня. — Ну что ты стоишь, Вероника. Распорядись об ужине и оденься получше. К нам госпожа Златова заедет.

— У меня не было времени и денег пройтись по магазинам после своей смерти, уж извини, так что госпоже Златовой придется потерпеть меня в таком виде, как есть, — это ехидство было направлено, разумеется, не на него, а на агента, и он понял намек.

— К слову о финансах, — вмешался Юрий. — Госпожа Златова все привезет, так что не переживайте.

— Отлично. Вероника, распорядись об ужине и постарайся при этом не убить нашего камердинера. Он нам еще нужен, — иногда мой братец бывал язвой похуже меня.

— Не смешно, — прокомментировала я, разворачиваясь к выходу.

Остаток времени до вечера я провела у себя в комнате, болтая с призраком, по которому, оказывается, сильно соскучилась. Конечно, Михаил молчал и большую часть

времени никак не проявлял себя, но я знала, что он рядом. Приняв окончательное решение не подвергать его риску, я успокоилась, и настроение поползло вверх. Если подумать, не так уж все плохо: Михаил снова со мной, чужие разумы опять открыты для меня, брат... хорошо, с ним проблема, но жила ведь я с этим почти двадцать лет, проживу и сейчас. Обычная мирная жизнь меня словно душила, а теперь дышу полной грудью и могу снова быть той, кем меня всегда видели: циничной стервой и при этом самым ценным сотрудником Отдела, ядовитой Сциллой. Что до сожженного дома и праха мирной жизни, так на месте Отдела я поступила бы так же, если не хуже. Это не означало, что я простила Отдел, но по крайней мере готова внимательно выслушать планы Ольги на будущее и даже, возможно, помочь. Однажды мы уже почти очистили наш город от гхаттитов и порождений Зоога, очистим и от дел рук человеческих.

Вечером Ольга действительно заехала и многое с Владом обсудила, но ничего нового я не услышала. Связанную с нами, подозрительную на взгляд Влада, секретность она объяснила тем, что в Отделе завелись крысы — шпионы гхаттитов. Звучало странно, ведь всех агентов второй волны знали в лицо, а сами гхаттиты туповаты, Гхаттот искажает своих последователей как внешне, так и внутренне, и их всегда можно однозначно выявить по белой коже. Единственный вариант, который Ольга и подозревает, это подкупленные агентами второй волны люди.

Во время этого разговора Влад не упустил случая напомнить, что для мужа я мертва, а значит снова Князева, и потребовать, чтобы меня теперь так и называли. Ольге на это было, похоже, наплевать, поэтому в тот вечер Лазаревой я быть перестала, ну а поскольку мне тоже было наплевать, то никаких возражений с моей стороны не последовало.

На следующие несколько дней нас с братом оставили в покое. Помощник Ольги, Станислав Блаватски, выдал нам часть финансов авансом, и даже так получилась приличная сумма. Я потаскала Влада по магазинам, искренне забавляясь его растерянностью и иногда проскальзывающей детской наивностью в отношении современной жизни. В такие моменты я порой забывала, кто я, кто он, и что происходит вокруг, мы снова были просто братом и сестрой.

Ночами он ко мне не приходил, хотя иногда я ловила на себе такой его взгляд, что в дрожь бросало с перепугу, столько самых разных желаний в нем читалось, однако в доме все время находился кто-то из троицы Анны, поэтому Влад соблюдал осторожность, и меня это спасало. Мысли о том, что случится, когда они оставят нас в покое и Влад решит отыгаться за все дни воздержания, я старательно отбрасывала.

Анна и Юрий в эти несколько дней вели себя странно, хотя если бы мне задали об этом вопрос, я бы не смогла ответить, в чём именно эта странность проявлялась. Один раз я застала ее на втором этаже между нашими с братом дверями, похоже, она собиралась зайти к нему, но увидев меня, не решилась. У Влада я потом спросила, что у них там с Анной за делишки, тем более, он пару раз даже прогуливался по городу с этой рыжеволосой, оставив меня на Кирилла, но брат лишь пожал на это плечами. Никаких заданий от Ольги не поступало, зато в один из дней Станислав привез нам форму агентов Отдела. Если подумать, Влада практически оскорбили, он был главой нашей группы, а не рядовым агентом, и форма ему полагалась другая, как у Анны, тем более, он был значительно опытнее нее, однако при совместной работе это могло бы вызвать лишние вопросы, как пояснил Станислав, поэтому пришлось согласиться и на эту. Родная синяя форма, такая удобная в ношении, не чета всем

моим платьям, я даже померила ее, пока никто не видел, и посмотрев на себя в зеркало, поняла, как сильно по ней соскучилась. Все-таки я работала в Отделе большую часть своей сознательной жизни, такое просто нельзя забыть, да и Михаилу я в таком виде больше нравилась.

Спустя несколько дней я сидела на подоконнике с книгой в руках и читала последние исследования в области электричества от господина Теслы. Электричество — это самое современное открытие, которое поражало мое воображение, ведь если бы оно не было таким дорогим в добыче, на его основе можно было бы столько всего сделать — уму непостижимо. А вот над попытками уважаемого Теслы пользоваться в машинных технологиях эфиром я втихую по-доброму посмеивалась. Даже черную кровь могли использовать лишь люди, не механизмы, а уж эфира попросту не существует.

Книгу я читала Михаилу вслух, чтобы потом обсудить это с ним, насколько вообще возможно применить термин обсудить к общению с призраком. В последние сутки он вел себя подозрительно тихо, и я даже вскользь упомянула об этом в разговоре с братом, но тот лишь отмахнулся, сказав, что призрак есть призрак, и затем не замедлил поддеть меня предположением, что даже призрак не выдержал общения со мной и сбежал.

Внизу раздался звонок колокольчика, а затем хлопнула дверь, вызвав у меня очередной приступ раздражения тем фактом, что троица Анны вела себя в нашем доме, как в своем. Впрочем, хотят открывать дверь сами — всегда пожалуйста, но как хозяйка дома я в любом случае была обязана хотя бы осведомиться, что там за гости, даже если мне это было неинтересно, поэтому прервав чтение вслух, я заложила закладку в книгу и закрыла ее:

— Михаил, дай мне пять минут, и мы продолжим.

Я вышла из комнаты и осталась в верхней части лестницы, чтобы посмотреть на вошедшего. Дверь открыл Кирилл, который сегодня дежурил у нас, и внутрь вошел Юрий, а за ним, странно двигаясь, незнакомый мужчина, одетый, как канц, но совершенно не умеющий носить одежду. Я около секунды соображала, что знакомо мне в походке этого неизвестного, прежде чем поняла, что передо мной нежить, мертвец, каких Влад мог десятками поднимать, только этот был осмысленный, послушный, неагрессивный. Наверное, с ним долго возились, когда создавали, даже Влад на такого потратил бы несколько часов, не меньше. Вздернув подбородок, я начала спускаться по лестнице, надеясь побыстрее избавиться от мертвецов. Я даже брату запрещала подобные вещи, и уж тем более не позволю таскать в дом нежить какому-то Юрию.

— Позвольте узнать, господин Каркаров, с какого счастья вы к нам в дом мертвеца притащили. Если бы нам нужен был лишний, мы с Владом, поверьте, нашли бы кого-нибудь вроде вас на эту роль.

Кирилл, все еще стоящий у двери, усмехнулся, к моим подколам он привык и относился спокойно, даже с юмором. Мне он нравился, и если бы еще не эти тупые усики по последней моде, мои чувства к нему могли бы быть теплее. Мертвец пристально смотрел на меня, и я невольно пробежалась по нему взглядом. Его глаза были не белесыми, как у обычной нежити, а карими, словно над ним ради сохранения нормального внешнего вида трудился не один человек, а целая команда некромантов. Работу их я оценила, и если бы не проблемы с походкой, я бы этого темноволосого вообще могла принять за живого человека. Неужели и

впрямь в Отделе появились некроманты, способные приблизиться к моему брату по умениям и возможностям? Или нашли очередной одноразовый артефакт.

— Госпожа Князева, вы ошибаетесь! — с широкой улыбкой сообщил крайне довольный непонятно чем Юрий и махнул рукой в сторону гостиной. — Пройдемте, и я поделюсь с вами радостной новостью.

Сердце сжалось в щемящем ощущении неправильности происходящего, я как будто уже знаю, что случилось, но не могу сложить два и два. Юрий зашел в гостиную, а мертвец остался стоять и смотреть на меня. Все-таки с ним что-то не так, он слишком свеженький, слишком живой, и я сделала шаг ближе, чтобы рассмотреть его получше. Мертвец поднял руку и открыл рот, чтобы что-то сказать, но не издал ни звука, как и положено нежити. Его поведение и движения слишком осмысленны и разумны, словно передо мной не нежить, а дух, запертый в чужом теле...

— Михаил?.. — прошептала я в ужасе.

Он уронил поднятую руку и остался стоять и смотреть на застывшую меня, как мне показалось, виноватым взглядом. Кирилл, который все это время стоял у входной двери, прислонившись к ней спиной, напряженно выпрямился, похоже, мое лицо не предвещало ничего хорошего.

А я стояла и никак не могла в это поверить. Как они смогли забрать у меня Михаила? Как? Ведь он привязан ко мне, и чтобы отнять его, нужно либо провести часовой ритуал перепривязывания к другому объекту с моим активным участием, либо не меньше пяти-шести часов в руне плюс ритуал... И тут меня осенило догадкой, и я бросилась наверх, чтобы ее проверить. Время в руне я могла провести, если спала в ней, например, позавчера. Потом надо было бы забрать предмет, к которому перепривязали призрака, и это могла сделать Анна, которую я и застала на верхнем этаже вчера. И вот к сегодняшнему дню они провели ритуал и засунули его в тело.

Я влетела в спальню и, упав на колени, заглянула под кровать. Если я права, руна там, однако там ничего не было, никаких следов. Но я уверена в своих умозаключениях, ее не может не быть. Не знаю, зачем я искала ее, наверное, никак не могла смириться с мыслью, что все действительно так, как я думаю, и только наличие чертовой руны на сто процентов подтвердило бы мои опасения.

Слишком резко распахнутая, дверь моей комнаты громко ударилась о стену ручкой, и Влад, привлеченный звуками, вышел из своей спальни как раз к моменту, когда я яростно стаскивала с кровати матрас. Сбросив на пол, я его перевернула и не ошиблась, на его обратной стороне, нарисованная во всю ширину, красовалась искомая руна. Влад, стоя между комнатами, бросил взгляд вниз на мертвеца, затем на руну на моем матрасе и ментально все понял.

— Вероника, успокойся, — сразу произнес он, глядя, как я медленно, в приступе нарастающей злости, поднимаюсь с колен.

К этому моменту Юрий с Кириллом тоже поднялись на второй этаж, но места здесь было немного, поэтому они стояли на лестнице.

— Они решили отнять у меня Михаила, — с ледяным спокойствием произнесла я и повернулась на Влада.

Внутри все настолько кипело и бурлило, что я готова была просто смять их всех в труху. Вокруг тихо потрескивало статическое электричество, все казалось затемненным и выцветшим, будто на глазах висела темная вуаль, поглощающая цвета.

— Вниз! — рыкнул брат на Юрия и Кирилла. — Немедленно!

По моим венам активно распространялась черная кровь, заставляя радужки глаз чернеть, кожу бледнеть, а вены — проступать черными линиями под кожей. Глядя на мой облик, эти двое сочли благоразумным последовать указаниям Влада и быстро ретировались на первый этаж.

— Вероника, тише, успокойся, — брат заговорил непривычно мягко.

— Они чуть не убили Михаила! Забрали его у меня!

ОН МОЙ!

Это был лишь шепот вслух, зато в разумах всех в доме он отозвался криком баньши, и даже Влад чуть поморщился, несмотря на всю устойчивость к моему дару. Я решительно направилась к выходу из комнаты с намерением убивать, которое наверняка ощутили все.

— Всем вон из дома! Немедленно! И не входить, пока я не позову, если жить хотите! — крикнул Влад и встал в проходе, преграждая мне путь. — Стой, Ника.

— Прочь с дороги, — я остановилась перед ним и зашипела, словно готовая к атаке кобра, раскрывшая капюшон. — Не защищай их. Не смей защищать тех, кто отнимает у меня самое ценное. Последние ценности в моей жизни!

Электрические разряды вокруг меня шелкали уже довольно громко, но я не замечала их. Внизу хлопнула дверь, агенты и камердинер послушались приказа Влада и выскочили на улицу, оставив за собой шлейф страха. Поняв, что они ушли, я впала в исступление, а пальцы судорожно сжались в кулаки. Я не позволю им уйти, убью всех и каждого, кто встанет у меня на пути. Вот только выйти следом я не могла, брат виделся непреодолимой стеной, так что я решила поступить иначе и закрыла глаза. Пара секунд сосредоточения — и я так ударю психической силой вокруг, что заденет вообще всех: жителей соседних домов, людей на улицах, зато мои цели не успеют сбежать. Именно этому фокусу я научилась в день, когда погиб Михаил.

Пол ушел из-под ног, когда, раскинув руки, я начала взлетать, фокусируясь, собирая всю свою волю и гнев для атаки. Внезапно одна рука Влада оказалась у меня на талии, а вторая — под затылком. Его теплое тело прижалось к моему, его мягкие губы коснулись моих. Влад так редко целовался... Обычно лишь приходил и брал что хотел. Огонь внутри меня сбился, чуть стих, словно чудовище втянуло клыки, и потянулся к брату, к его огню, ныне дремлющему где-то глубоко. Влад ласкал мои губы своими, целовал в края, нежно водил нижней губой по моим, отвлекая и заставляя меня желать большего.

— Тише, Ника, — шепнул он мне на ухо успокаивающе, а затем голос стал властным. — Раздевайся.

О, это слово... Я уже почти забыла, какие чувства оно во мне вызывает. Дрожь пробежалась телу, а ярость и гнев моментально переплавились в страсть и желание. Я перестала сопротивляться этому чувству и жадно впиалась в его губы, вцепилась в его одежду, затем в свою. Ткань платья треснула, когда я вырвала из него завязочки, а затем оно упало к моим ногам. На языке появился привкус металла: я прокусила Владу губу до крови. Его ладони жадно, до боли, вцепились в мою грудь, а незримый огонь внутри разгорелся, отзываясь и сплетаясь с моим, и все это завело еще сильнее. Я потянула на себя его рубашку агрессивно и зло, будто Сцилла, вцепившаяся в еще живую и трепыхающуюся жертву, и ткань жалобно затрещала под моими ногтями. Влад отпустил меня на несколько секунд, сбрасывая ее с себя, а затем подхватил меня и бросил на матрас, валявшийся на полу. В пару ловких движений он избавил нас обоих от остатков одежды и нижнего белья и буквально

набросился на меня. Он не был нежен, но мне этого сейчас и не требовалось. Я горела страстью, я шипела, царапалась и кусалась, выплескивая в этом всю ярость и боль, вонзая в него ногти, будто они были когтями.

Кончилось все очень быстро как с моей стороны, так и с его. Я рухнула спиной на матрас, тяжело дыша, в голове прояснилось. Влад, так же тяжело дыша, остался стоять надо мной на четвереньках, опустив лоб мне на живот, опираясь на матрас по бокам от меня. Его руки, спина, лицо — все исцарапано до крови, а мои пальцы красные, словно в краске.

— Влад... — мне стало стыдно, и я не знала, какие слова подобрать.

— Молчи, — незлобно рыкнул брат. — И посмей только соврать, что тебе не понравилось.

Он поднялся и стал натягивать штаны, поглядывая на мою грудь, а я обратила внимание на его, недоумеваю, когда это я успела ему и грудь расцарапать, ведь вроде только спину трогала. Влад наконец убрал от меня взгляд и поднял с пола свою изодранную рубашку:

— Одевайся. Немедленно, — бросил он мне и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Я услышала, как он спускается по лестнице, и поспешила натянуть на себя новое платье. Когда я вышла на лестницу, они все уже стояли внизу: Влад, Юрий, Кирилл, Лев и Михаил.

— Ничего глупее вы придумать не могли, — отчитывал он их. — Считаете, только я опасен? Глупцы. Идиоты.

Заметив мое появление, они все подняли взгляд на меня. От всех, кроме брата, веяло страхом и настороженностью, от него — гневом. Влад стоял перед ними все еще весь исцарапанный в одних штанах с рубашкой через плечо, почти демонстрируя всем следы ожесточенной борьбы, и это было отличным доказательством того, как сложно было меня успокоить. Я скрестила руки на груди:

— Михаил, иди сюда.

Он приподнялся над землей и просто взлетел. Мне вдруг стало его дико жаль. Мой бедный-бедный призрак, запертый в ловушке тела. Он даже ходить нормально не может. Захотелось зареветь. Чертов Отдел. Он еще поплатится за это. Они все еще поплатятся.

— А теперь отдайте мне этот предмет.

— Какой, госпожа Князева? — подал голос Лев, судя по панике в эмоциях, готовый отдать мне все что угодно.

— К которому привязан мой призрак, — я прищурилась и пристально уставилась на Юрия.

— Извините, госпожа Князева я не уполномочен, — ответил тот. — Это наша гарантия вашей верности Отделу.

Я начала снова закипать, и Влад, прекрасно это поняв, ответил за меня, чтобы не раздувать конфликт:

— А вот это было крайне глупым решением, господин Каркаров. Отберите призрака у моей сестры окончательно, и вы потеряете ее лояльность так же окончательно. А ведь до этого она была к Отделу расположена. Ничего глупее вы придумать не могли. Лев, подготовь мне ванну и займись обедом, будь добр.

— Да, конечно, господин, — камердинер выдохнул, счастливый от возможности побыстрее убраться в свою вотчину на кухню. — На сколько персон обед?

— Для меня и сестры. Мы поедем у себя, спускаться не будем. Господин Стоцкий, ваша смена окончена. Можете идти, — он распорядился так, словно это он принимал решения, в общем, вел себя в своём духе.

Я не стала дослушивать, развернулась и проследовала в свою комнату. Михаил молча поплелся за мной, будто призрак, коим он и являлся. Когда-то давно брат сказал мне, что он потерял часть своей личности, и теперь это просто мой питомец. Я долго не хотела в это верить, а потом смирилась, он был прав, и нынешнее поведение призрака тому подтверждение.

Я не покидала свою спальню до вечера. Сидела боком на подоконнике, прислонившись к стеклу лбом, и смотрела в окно. Михаил стоял рядом и не шевелился, словно мебель, и видеть его в таком состоянии было больно. Где-то внизу за этот день Лев успел дважды поругаться с Юрием, который дежурил сегодня, и я догадывалась почему: иногда я неосознанно проецировала свое настроение на окружающих. Матрас по-прежнему валялся на полу руной вверх, остывший обед на подносе стоял нетронутым, есть не хотелось.

К вечеру Влад нарушил мое уединение. Войдя, он бросил взгляд на меня, затем на Михаила, закрыл за собой дверь, вернул матрас обратно на кровать, сгреб разбросанное постельное белье, кинул поперх матраса и только потом подал голос:

— Это было нарисовано во всех комнатах, если тебе интересно.

Мне не было интересно, и без него уже догадалась. Влад подошел ко мне, остановился рядом.

— Почему ты не сказала, что Отдел тебе это предлагал? — в его голосе послышалась угроза.

Он еще смеет на меня рычать? Моя апатия моментально сменилась злостью:

— Потому что ты бы захотел сам провести ритуал и убил бы Михаила, сделав вид, что что-то пошло не так, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Я тебя слишком хорошо знаю.

— Значит недостаточно хорошо! — Влад сгреб меня одной рукой за ворот платья и стащил с подоконника, наклонился нос к носу. — Только я мог бы сделать так, чтобы все прошло хорошо. Только я мог бы тебе помочь, а теперь ты сама будешь страдать из-за собственной глупости и недоверия вот с этим.

Он махнул рукой в сторону неподвижного Михаила, а я не выдержала и перешла на крик:

— Ты его ненавидишь! Невзирая на все мои чувства и пожелания, ты убил бы его! — я уперлась пальцем ему в грудь. — Это ты сейчас так думаешь, что не сделал бы. А я тебя знаю лучше, чем ты сам себя. Ты бы сделал! И я никогда бы тебе этого не простила!

— Я прекрасно знаю, что значит для тебя этот щенок! Скажи мне, когда я последний раз сделал что-то, чего бы ты не хотела?!

— Да ты каждый раз это делаешь! Каждый раз, когда приходишь и насилуешь меня, начиная с того первого раза в мои двадцать лет!

Влад зло скривился, отпустил меня и ударил по щеке. О да, самое привычное выражение ярости на свете, я уже даже не обижалась давно. Но все равно было больно, щека вспыхнула огнем, и я взялась за нее ладонью, замолчав. Я всегда переставала что-либо делать, когда получала от него пощечину, и становилась шелковой. Влада отшвырнуло в стенку рядом так внезапно, что я не сразу поняла, что это сделал Михаил. Он висел над полом и держал руку вытянутой в сторону брата, и это заставило меня запаниковать, потому что ему, в отличие от меня, злить Влада нельзя.

— Не вмешивайся! — крикнула я призраку.

— Да я его закопаю обратно, — пообещал брат, поднимаясь с пола.

Я бросилась вперед и встала прямо перед ним, расставив руки:

— Не смей его трогать!

Конечно же он меня не послушал, выставил руку над моим плечом, и от Михаила в его сторону потекло нечто, похожее на туман. Вытягивание души — одно из любимых заклинаний Влада, когда он сражается против одной цели. Этого я терпеть не стала и со всей силы ударила брата по руке, сбивая ему сосредоточение, и призрак свалился на пол.

— Прекрати немедленно! Он мой!

— Ну так следи за ним! Пусть не гадит там, где живет, — с этими словами Влад раздраженно покинул комнату.

Я еще несколько секунд стояла, глядя ему вслед с желанием хорошенько врезать, и пыталась успокоиться, а потом вспомнила о Михаиле и, присев рядом на корточки, погладила его по волосам:

— Не волнуйся, он тебя не тронет больше. Ты, главное, не лезь, мы с ним сами разберемся. Я очень благодарна тебе, но не подставляйся так, ведь если Влад слишком сильно разозлится, у меня просто не хватит сил его остановить, а я не могу снова потерять тебя.

Он приоткрыл рот в попытке что-то сказать, но не смог и закрыл обратно.

— Не переживай, — мне снова захотелось реветь. — Давай я лучше почитаю тебе. Похоже, последние два дня ты не слышал, так что начнем книгу заново.

Я читала ему до самой ночи, пока сон не сморил меня прямо там, на подоконнике.

— Вероника.

Меня кто-то звал, но не получалось понять кто и откуда, словно голос звучал в голове. Я все еще находилась в своей комнате, но Михаила рядом не было.

— Вероника.

Зов повторился снова, причем я не могла сказать, что меня звали голосом. Это было похоже на мысль, оформленную моим мозгом в слово. Меня звали по имени или, точнее, уникальному идентификатору, вот какую суть нес этот зов. Я спустила ноги с подоконника и только теперь заметила размытую темную фигуру, похожую на объемную тень. Судя по габаритам, это был, скорее всего, мужчина, но сколько я ни вглядывалась, не могла рассмотреть его лучше, словно во сне. Действительно, похоже на очень реалистичный сон.

— Кто ты?

Я задала вопрос, чтобы понять, что за существо передо мной, и похоже, мои вопросы для него также не были словами, потому что ответил он ровно на то, о чем я спросила.

— Я твой бог.

Здесь я могла возразить. Не то чтобы у меня вообще был бог, но во мне течет черная кровь Гхаттота, и если это учесть, то именно он мой бог.

— Мой бог Гхаттот. Но я не служу ему, а сражаюсь с ним.

— Не отрицай факты. Не бойся меня. Ты нужна мне. Ты не его. Ты моя. Я твой бог.

Он пытался уместить в короткие фразы слишком много смысла, и у меня начала болеть голова от обилия информации. Он утверждает, что кроме Гхаттота, есть иной бог, то есть он. Говорит, что я ему нужна как некая важная для его целей единица, и он как бы берет меня в число своих жрецов или культистов, причем, меня не спрашивает. Заочно он уже причислил меня к своим последователям, и это вызвало бурю эмоций, и плевать, что он бог.

— Иди к черту!

— Сделка. Я помогаю тебе, ты — мне. Задачи просты. Плата достойна. Есть условие. Я — секрет для Гхаттота. Иначе сделке конец. Согласна?

Моя голова раскалывалась от такого общения. Он предлагал мне крайне выгодное сотрудничество, при котором каждый из нас получает желаемое благодаря второму, причем второму это ничего не стоит. Но он скрывается от Гхаттота. Рамки этого условия не слишком жесткие, он оставляет это на мое усмотрение, но если мои действия и болтливый язык повлекут для него проблемы, я лишуюсь всех преимуществ сделки с ним.

— Почему именно я?

— Не только ты. Но ты наиболее важна. Ты как я. Его порождение. Отклонение в развитии в сторону разума.

Я потеряла виски, пытаюсь хотя бы притупить боль. Итак, я не единственная, к кому он пришел, но обладаю уникальной схожестью с ним. Он что-то вроде сына Гхаттота, порожденного отклонениями, которые бывают в каждой развивающейся системе. Так и идет эволюция: создается множество отклонений и мутаций, только одна на миллион живучая, остальные погибают, и развитие направляется сторону выжившей. Вот этот бог передо мной — мутация, отпочковавшаяся от Гхаттота. И я тоже, только человек. Он — бог тех, кто идет по пути разума, а среди агентов первой волны я такая одна. Если все это сложить вместе, то

даже можно согласиться с тем, что он — мой бог.

— А мой брат?

— Его бог — Гхаттот.

— Он тоже приходит к Владу, как ты пришел ко мне?

— Нет. Гхаттот не может. Он — животное, я — человек.

Подобное сравнение удивило и восхитило меня. Он сравнивает Гхаттота с животным, потому что тот действует инстинктивно и не может общаться со своими культистами, не имея разума в человеческом понимании слова. Себя же этот бог сравнивает с человеком, имея в виду зачатки разума, а также хитрость, уловки, возможность дальнейшего развития и все прочее.

— Как тебя зовут? — если даже у животного-Гхаттота есть имя, то уж у этого человека точно должно быть.

— Ты сама знаешь имя своего бога.

Я задумалась, и ответ пришел сам собой, будто я знала его и забыла: Карадж, которое сразу решила произносить как Кайрадж, вряд ли он расстроится, тем более, пока он не проявлял каких бы то ни было эмоций.

— Влад говорил, я произносила твое имя, когда возвращалась моя сила. Ты уже являлся мне?

— Да. Ты не слышала. Я стал ждать.

Что ж, он не глуп, не агрессивен, но у него явно какие-то свои неизвестные мне цели. Заставлять меня что-либо делать он то ли не хочет, то ли не может, а значит, с ним можно и поторговаться.

— Ладно. И чего ты хочешь? И что за это можешь предложить? Я готова выслушать условия сделки, — в крайнем случае откажусь сразу и посмотрим, к чему это приведет.

— Обучение. Люди. Я слишком мало знаю.

Он хочет научиться понимать людей? Странное желание для бога.

— Зачем тебе это?

— Я молод. Знания помогут выжить. Победить Гхаттота.

О, да здесь у нас вопрос выживания, а значит, можно заломить немаленькую цену. Вообще-то я уже согласна, потому что иметь на своей стороне бога-союзника, когда сражаешься с другим богом, это залог если и не победы, то хотя бы выравнивания весовых категорий. Но нельзя показывать заинтересованность сразу, пусть думает, что здесь я ставлю условия, а не он.

— И что я получу взамен?

— Реши сама, — прозвучало как предложение загадать желание, торговаться он явно не умеет.

— Да откуда мне знать, что ты можешь?

— Спроси — отвечу. Ты мне нужна. Я готов на многое.

Как интересно, а ведь он и правда не знает, что мне предложить. С учетом важности задачи, а выжить — это невероятно важно, с него можно стянуть что-то действительно серьезное. Но что такого я могла бы оценить так же высоко, как жизнь? Что я могла бы оценить даже больше своей жизни? Разве что чужую.

— Верни их... Всех, кого я потеряла. Я назову тебе их имена, хочу, чтобы они жили и жили по-настоящему, не как зомби или призраки, а как люди.

— Невозможно. Никто не способен. Иное — ложь.

Итак, возвращать к жизни невозможно, а если кто-то такое пообещал бы, это было бы враньем. Жаль, неплохая попытка. Если подумать, то хотеть для себя мне нечего:

— Тогда я желаю, чтобы в этом мире больше не было богов, — Влад наверняка бы одобрил.

— Невозможно, — ответил Кайрадж и сразу пояснил. — Мир без бога — пустое пастбище. Кто-то займет. У мира всегда будет бог.

— Ну так сделай богом меня, и это будет мой мир, — недовольно буркнула я.

Я снова ткнула пальцем в небо, не надеясь на положительный ответ, но:

— Согласен. Учи меня. Станешь богом. Уберем Гхаттота. Получишь этот мир.

Вряд ли даже Влад вспомнит, когда последний раз видел столько изумления на моем лице. Кайрадж способен сделать меня... богом? Настоящим богом? Да с такой силой я бы больше никому из своих близких не позволила бы умереть! Впрочем, у меня и близких-то ныне нет, кроме Влада. Это осознание остудило мой пыл, словно в ледяную воду окунуло. Но даже так сила лишней не станет. Влад не одобрил бы мое решение стать богом, однако если это действительно способно защитить мир от других богов, он поймет и поддержит, ведь это всегда было его целью. Главное теперь, удостовериться, что это не ловушка, очень уж на нее похоже: слишком вкусная приманка, слишком легким кажется ее получение.

— Что является признаком выполнения сделки? Как ты определишь, что я выполнила свою часть?

— Победа над Гхаттотом. Он ушел — ты справилась.

— А если победит он?

— Прогонит. Уйду искать другой мир. Сделке конец.

— А если победишь, сделаешь меня богом, и этот мир станет моим, я все верно понимаю?

— Да. Но стать богом непросто. Человек не справится. Не выдержит. Сломается. Нужна подготовка. Начнем? Сделка?

Он спрашивал, готова ли я заключить сделку на таких условиях. Слишком заманчиво, слишком вкусно, словно передо мной демон, но он не был на него похож, про них Влад мне рассказывал, и Кайрадж другой. Например, когда у демона спрашиваешь, что он даст взамен, он не станет думать, и ответит сам. Опять же, если подумать, то что я теряю, соглашаясь на это? Чем я рискну? Разве что собой, своей жизнью, но и к черту. Никогда не хотела убить себя, но в данном случае риск оказаться обманутой оправдан.

— Я согласна, — надеюсь, я не пожалею об этом. — И что от меня требуется?

— Думай. Мысли. Развивайся. Ты пока слаба. Усвой первый урок — ближайшая цель. задача. Подумай о Михаиле. Душа и тело разделились. Он остался. Почему? В ответе — ключ ко всему. Вопрос прост и сложен. Ответ будешь находить много раз. Каждый ответ — ступень развития. Пройди путь до конца. Начни с первой ступени.

— Просто найти ответ на вопрос?

— Не просто. Это путь развития. Следуй по нему. Я направлю. Направь и ты меня. Жду урок.

Он опять сбился на большое количество смысла в малом количестве слов, и я потеряла зудящие болью виски. Кайрадж имел в виду, что иди по этому пути легко не будет, но он поведет меня. А еще прямо сейчас он ожидал начала своего обучения. Было в этом что-то странное: бог хотел научиться быть человеком, а человек — богом.

Мне не доводилось быть учителем, в отличие от Влада, да и никогда я не стремилась к

этому. И вот теперь надо было срочно решать, с чего начать, и я потерялась. Если логически подумать, его нужно учить различиям между ним и людьми, а чем он отличается от человека? Безэмоциональностью. А еще, полагаю, отсутствием морали. Отлично, с этого и начнем.

— Для начала, Кайрадж, вот тебе немного теории. У нас, людей, есть чувства. Мы умеем любить и ненавидеть, радоваться и грустить. Что ты знаешь об этом?

— Я наблюдал и видел. Я бестелесен, иной. Не почувствую, но осмыслю.

Я схватилась за голову, вспыхнувшую болью. Он говорил о том, что наши чувства — прямое следствие того, что у нас есть тело, и что сам он не может чувствовать, потому что тела у него нет, но он хочет логически осмыслить и понять.

— Ну все, хватит! — я не выдержала. — Общайся проще, иначе моя голова лопнет! Ты причиняешь мне боль, это плохо! Нельзя причинять боль близким!

Некоторое время он молчал, а потом снова начал говорить, но значительно медленнее, чем обычно, словно с трудом подбирая слова:

— Мы близки... по меркам... людей?..

Да, так значительно проще, и я выдохнула.

— Не совсем, но причинять боль не надо, это плохо.

— Я видел... люди причиняют боль друг другу... часто...

— Люди относятся друг к другу по-разному. Тех, к кому они относятся хорошо, оберегают, даже ценой благополучия остальных. Родители будут защищать своего ребенка. Друзья не станут всерьез вредить друг другу. Напарники будут прикрывать друг другу спины.

— Кто ты мне?

Он хотел знать, кто я ему по социальному статусу.

— Я твой партнер. Мы заключили взаимовыгодное соглашение, и потому нужны друг другу. Так что не надо причинять мне боль. И на сегодня с тебя хватит. Можешь наблюдать за людьми — наблюдай, учись разговаривать, это твоё задание. А теперь иди, общение с тобой утомляет, да и голова у меня все еще дребезжит, дай ей отдохнуть.

— Времени мало, — он опять перешел на свой укороченный лексикон, в ответ на что я схватилась за голову, и он, помедлив, продолжил иначе. — У тебя... нет времени... Ты и твой брат... вам грозит опасность...

— Кто нам угрожает? — спросила я, намереваясь выяснить, как спастись, но Кайрадж ответил сразу на конечный вопрос что делать, чтобы спастись?

— Покиньте дом. Сейчас.

Его фигура растворилась, а я вдруг поняла, что не сплю и стою посередине темной комнаты. На секунду я засомневалась, не был ли Кайрадж сном, но сразу отбросила эту мысль, ведь засыпала я на подоконнике, а теперь вот стою здесь. Но из этого следовало, что пора бежать.

Я влетела в комнату брата без стука и застала его сидящим на кровати с газетой в руках. Рядом валялась куча старых газет, но с учетом одиннадцати лет заточения ему вся эта информация казалась новой. Влад поднял на меня хмурый вопросительный взгляд. Он очень не любил, когда к нему входили без стука, но во-первых, мне это позволялось, а во-вторых в критичной ситуации, как сейчас, это не имело значения. Понимая, что я не стану просто так

врываться с таким лицом, он ждал, что я объясню свои действия.

— Надо уходить! Срочно! — выпалила я и метнулась обратно к двери, но Влад не позволил.

Он перехватил меня за руку, дернул на себя, резко крутанув, словно в танце, а затем мои ноги оторвались от пола. Я оказалась поставленной на подоконник перед распахнутым окном, выходящим на боковую часть дома, а платье аккуратно закрутилось вокруг ног, и теперь все его юбки было очень удобно подхватить, я оценила.

— Прыгай, — сказал Влад, но я и так сообразила, что он предлагает.

Для некоторых вещей нам с ним связь разумов не требовалась, вот как сейчас, потому что логика была понятна и очевидна. Спускаться по лестнице было бы долго, да и нас внизу могли бы остановить, а я сказала срочно, что означало сию секунду и без промедления.

Подобрав юбки, я неловко спрыгнула, про себя ругаясь на такую неудобную одежду. Здесь не было высоко, всего лишь второй этаж, но перенаправить инерцию в кувырок из-за одежды было очень сложно, и я только чудом ничего себе не вывихнула. Влад последовал сразу за мной, и мы нырнули в ближайший переулок, чтобы скрыться из виду. Только преодолев несколько зданий, мы остановились и притаились в тени, поглядывая в сторону нашего дома, к которому как раз подъехала карета. Из нее вышла Анна, подошла к нашему дому и позвонила в дверь. Ну да, она должна была заменить мужа сегодня на посту, но по какой-то причине задержалась. Однако в дом она не вошла. Юрий вышел и оттеснил ее от дверей назад к карете, о чем-то говоря. И тут я вспомнила и почти бросилась в сторону дома:

— Михаил остался там! — честно сказать, я совершенно забыла, что у моего призрака теперь есть тело.

Предвосхищая мой порыв вернуться в дом и все возможные попытки сопротивления, Влад одной рукой обхватил меня за талию, а второй зажал рот и, прижав к себе спиной, зашептал на ухо:

— Не глупи, Вероника, ничего твоему призраку не сделается. Если убьют его тело, дух вернется к предмету, к которому он привязан, — только после этого он убрал руку от моих губ.

Слушая его, я действительно немного успокоилась, и прорыв бежать обратно поутих, так что дергаться я не стала.

— И это все? — я недоверчиво покосилась на него через плечо и прищурилась. — Ты что-то скрываешь.

— Он потеряет еще часть оставшейся личности, — неохотно ответил брат, продолжая удерживать меня за талию. — Когда он потеряет все части своей личности, то покинет тебя.

— То есть умрет в самом обычном смысле слова, — полуутвердительно спросила я.

— Да.

И тут раздался взрыв, прервавший разговор. Весь второй этаж нашего дома выворотило наружу через разлетевшиеся окна, и останься мы там, нас бы разорвало на куски. Юрий с Анной от взрывной волны полетели на асфальт, но муж рыжеволосой сразу вскочил и бросился в дом, несмотря на быстро разгоравшееся внутри пламя. Анна поднялась медленнее, и похоже, ее приложило о камни головой, потому что на ногах она стояла нетвердо. Через пару десятков секунд ее муж вытащил из дома еле шевелящего ногами Льва, контуженного и оглушенного, а Анна тем временем подняла руки в сторону дома, заставляя огонь стихать. Оказывается, она умеет не только разжигать, но и тушить его, что весьма недурно для агента третьей волны с их жалкими силенками.

— Лучше бы твой щенок сдох, — прокомментировал Влад, глядя на это. — Потому что иначе они очень быстро поймут, что ты жива, поскольку жив он. Быстрее, чем мне бы хотелось.

А ведь и правда, пока что они думают, что мы мертвы. Но ведь это значит, что мы... свободны! Уверена, брат подумал о том же.

— И что теперь? Сбежим? Я согласна, времени должно хватить, но мне нужен Михаил. Мы должны достать предмет, к которому он привязан. Поступим так. Ловим эту Златову, допрашиваем ее, узнаем, где предмет и добываем его. Я легко контролирую разум, а Ольга даже не агент, так что у нас все запросто получится.

Я всю радостно строила планы, но слова Влада выбили меня из колеи.

— Нет, Вероника, мы никуда не сбежим.

Я обернулась на брата и посмотрела, как на сумасшедшего.

— Это еще почему? Мы свободны, Влад! Понимаешь? Свободны! Нас хватятся далеко не сразу. С нашими с тобой способностями мы сможем почти не оставлять следов. Уедем в другую страну, будем жить там под другими именами. Отдел нас потеряет!

— Гхаттот захватит весь мир, если мы его не остановим здесь, в начале пути.

— О нет. Нет, нет и нет! — я вывернулась из его рук и развернулась к нему лицом. — Только не начинай опять эти свои старые песни о благородных мотивах!

— Если не мы, то кто? Кучка недомерков из третьей волны, окруженная шпионами Гхаттота?

— Я не хочу сражаться с Гхаттотом! И уж точно не собираюсь делать это на стороне Отдела!

— Ты будешь сражаться на моей стороне, Вероника, — он выделил голосом слово моей. — Отдел себя дискредитировал, когда позволил Гхаттоту снова взять верх после нашей с тобой отставки.

— Даже если пропустить мимо ушей слова о том, как ласково ты назвал свое тюремное заключение отставкой, Влад, эта битва отняла у меня всех, кого я любила, и ты прекрасно знаешь, что это значит для меня! Я отказываюсь!

— Хорошо.

— Что? — я не поверила своим ушам.

— Я сказал, хорошо. Можешь не делать этого. Ты свободна.

— Издеваешься?

— Нет, — он действительно был серьезен.

Если хорошо подумать, в этом нет ничего удивительного, Влад всегда таким был, всегда стремился спасти людей, помогать им, таковыми были его убеждения: ничто сверхъестественное не должно вмешиваться в человеческую жизнь.

— Нет, я говорю, ты что, издеваешься? Куда ты там без меня собрался? Последние мозги за эти годы растерял? Как ты без меня решил информацию добывать? Как собрался людьми управлять? А в тыл врага проникать? Большого самостоятельного мальчика из себя строишь?

Такая редкая, улыбка озарила его лицо, ладони легли мне на щеки, а губы коснулись моих.

— Я все еще люблю тебя, Вероника. Рад, что и ты тоже, — он привычно, как в детстве, положил ладонь мне на голову и провел по волосам, и я сразу расслабилась. — А щенка твоего мы вернем. Достанем предмет, и я смогу правильно привязать душу к телу, и он будет

почти жить. Сегодня я заходил к тебе затем, чтобы сказать это, но разговор так и не получился.

Он задумчиво покосился в сторону дома, где уже собирались прохожие. Юрия и Льва не было, видимо, поехали в Отдел за помощью. Анна благодаря своей форме гоняла зевак, и дом ее усилиями уже не горел.

— Они должны поверить, что мы мертвы. Информация должна успеть попасть в нужные руки, — Влад развернулся и пошел прочь от дома. — Идем, снимем себе комнату. А по пути ты расскажешь мне, как узнала о покушении.

К моменту окончания рассказа мы уже устроились в небольшом захолустном отеле. Денег на что-то более приличное не было, Влад захватил с собой совсем немного, и уж тем более ни о каких разных комнатах и речи не шло. Впрочем даже если бы финансы имелись, здесь не задавали лишних вопросов и не спрашивали документов, так что выбора все равно не было. Переждать надо было лишь сутки, а на следующую ночь мы собирались заявиться к Анне домой. Оказывается, Влад за время прогулок с этой особой выяснил ее адрес.

— Как ты думаешь, может Кайрадж демон? — я сонно валялась поперек кровати, спустив ноги на пол и раскинув руки.

— Не похож, — Влад раздевался, готовясь ко сну, и сейчас уже стянул с себя рубашку, оставшись в одних штанах. — Демоны не выдают авансы. Это было бы слишком умным ходом для них.

Это я знала и без него, а еще была склонна верить, что это странное создание не соврало ни единым словом. И оно не сноходец или что-то подобное, оно вообще не человек.

— А что думаешь на счет его вопроса? Почему Михаил смог остаться? — спросила я в потолок.

— Сложно сказать. Я и сам долго над этим ломал голову в свое время.

— Стоп, минутку. А почему бы ему было не суметь это сделать? Это же часть его силы, он всегда мог покидать свое тело и вселяться в чужие. Я вообще не вижу противоречий.

— Ты не понимаешь, как это все работает, Вероника. Его дух покидал тело, но связь оставалась. И он не привязывался к душам тех, в кого вселялся, как привязался к тебе, оно работало иначе. Сделать то, что сделал он, мог бы, пожалуй, с ним я как некромант, — он встал передо мной, почти упираясь в кровать, заставив меня чуть раздвинуть ноги, впрочем, платье все равно не позволяло большего. — Но он сам не умел делать такие вещи. Поэтому вопрос, как он это сделал, все еще остается открытым. И ты подумаешь о нем завтра, Вероника, не сегодня. Мы наконец-то одни.

Я приподняла голову. Он внимательно смотрел на меня, и я уже знала, что он сейчас скажет.

— Раздевайся.

По телу пробежала дрожь возбуждения, и я не удержалась, чтобы не поиграть немного:

— Сам разденешь.

— Раздевайся, — его голос стал ниже и грубее, требовательнее.

Я потянула за завязочки платья. Это платье мне было слегка маловато, поэтому завязочки быстро и резко разошлись, отпуская грудь, обнажая ее, и взгляд Влада сразу упал туда. О да, я знала о нем все: что он любит, чего нет, что его заводит, а что наоборот. Он считал себя главным, считал себя моим владельцем, ему нравилось это осознавать. А я иногда пользовалась этим, особенно когда его жажда и желание наконец прорывались наружу, и я могла ощущать их. Без них пресно. Вот как сейчас. Но я знала, что надо сделать,

чтобы он не выдержал. Я выскользнула из платья, не отрывая от него взгляда, стащила с себя трусики, встала на четвереньки на кровати лицом к нему. Он внимательно окинул меня взглядом, будто оценивая, и потянулся к моей голове, считая, что я предлагаю ему именно этот вид удовольствия, но я отстранилась. Села на кровати, согнув ноги, выпрямила спину. Посмотрела ему в глаза. Он остановил свою руку и внимательно посмотрел на меня, разрываясь между тем, стоит ли ему настоять на своем и получить столь желаемое, и любопытством, что же я задумала. Я выразительно перевела взгляд на дверь, затем посмотрела снова на него.

— Знаешь, Влад, а ведь дверь не заперта. Войти может, кто угодно.

Его глаза сверкнули, а эмоции моментально дали трещину. Ревность, ярость, вожделение — все смешалось в нем и вспыхнуло. О да, мне нравились эти эмоции. Я жаждала их больше всего на свете, они сводили с ума своей мощью.

— Повернись, — приказал он. — И поднимись на четвереньки.

Я соскользнула с кровати, встала рядом с ним, посмотрела ему в глаза и попятилась к двери. Поняв, что я собираюсь сделать, он дернулся ко мне рукой, но я ожидала этого жеста, и потому отскочила назад, к самой двери, уже схватилась за ручку и начала приоткрывать ее, когда меня грубо отдернули назад. Влад крутанул меня и вбил спиной в стену, ладонью перехватив за шею. Меня сразу захватили эмоции: мои и его. Моя шея в его пальцах, я вся в его власти. И если я буду дергаться, он сожмет их крепче, заставит меня перестать. Заставит меня быть своей. И его ревность, жгучая, жалиющая, воспламеняющая желание. И толика душевной боли, пронзившая его. Ему очень больно, и мне нравится причинять эту боль. Ему не нравится ревновать, но это заводит его так, что он просто теряет голову. И я ощущаю это нарастающее в нем безумие. Ничто и никогда не сравнится с удовольствием ощущать это, впитывать это. Секс без таких эмоций скучен.

— Не смей так делать, если я не прикажу, — глухо прорычал он, сдавливая шею.

Я нужна ему. Только я. Нужна, как воздух. Он почти боготворит меня, именно поэтому так крепко держит и никому никогда не отдаст. Воздуха начинает не хватать, я беспомощна, совсем беспомощна. Он может сжать пальцы и убить меня, но никогда не сделает этого. Что бы я ни сделала. И я знаю это.

— Отпусти... Не то закричу... И они увидят меня... такой...

Его заводила его же ревность. Сама мысль о том, что меня, принадлежащую только ему, увидят без одежды, увидят мою обнаженную грудь, возбуждала его. И сейчас, представив, что я сказала, он вспыхнул страстью и желанием немедленно овладеть мной и наказать за мое поведение. Он рванул меня на себя, грубо повернул к себе спиной, перехватил за загибок и прижал к стене, второй рукой в то же время сдергивая с себя штаны. Вошел он, не слишком заботясь о моем возбуждении, но это и не требовалось, я и так уже дрожала от нетерпения, и его эмоции сыграли здесь не последнюю роль.

— Нет, Влад! Пусти!

Я уперлась руками в стену, этим жестом провоцируя его, зная все его желания. Он замер, не выходя из меня, перехватил за шею снова, а второй вцепился в бедро, прижал меня щекой к стене.

— Руки выше!

Я подняла ладони выше по стене. Ему нравилось, что я подчиняюсь, что делаю все, чего бы он ни попросил. А мне нравились его эмоции, я буквально поглощала их, наслаждаясь. Он перехватил меня за оба запястья и дернул на себя, словно поводья лошади, вонзаясь в

меня глубже.

— Ты моя, и будешь делать то, что я велю. Ясно тебе?! Отвечай!

— Да-а-а... — я простонала свой положительный ответ возбуждённым до предела голосом.

— Ты привлечешь внимание своими стонами, а не криками. И если кто-то войдет, что ты сделаешь?

Я знала правильный ответ. Тот самый, от которого он окончательно терял голову.

— Ничего.

Его движения стали резче и жестче.

— А если я прикажу тебе показать ему грудь, что ты сделаешь?

— Покажу.

Я прекрасно знала, что на самом деле этого не случится. Либо это будет последним, что тот человек увидит в своей жизни, такое уже случалось. Влад перехватил меня за бедра, а я откинула голову назад, заставляя волосы рассыпаться по плечам и спине. Все это возбудило его еще сильнее. И наконец его контроль рухнул, Влад потерялся в своих же эмоциях, я ощущала это каждый раз, когда оно случалось. Искра безумия внутри брата ярко вспыхнула, чтобы потухнуть, растратив весь свой пыл. Он вбил в меня последний раз и издал тихий стон сквозь зубы. Его эмоции утянули и меня следом. Я протяжно застонала вместе с ним, царапая стену ногтями, сдирая обои. Это было такое яркое ощущение, что хотелось немедленно все прекратить, но впереди была стена, а сзади меня крепко держал он, не отпуская, пока я стонала от удовольствия, теряясь где-то в нем, растворяясь и забываясь, не имея возможности сбежать.

И вот наконец я устало, тяжело дыша, оперлась на стену руками полностью, до самых локтей, прислонилась к ней лбом. Ноги дрожали, по телу все еще блуждали остатки удовольствия. С учетом времени и эмоционального перенапряжения мне невероятно захотелось спать.

— Влад... — я воспользовалась стеной как опорой, чтобы оттолкнуться и повиснуть на шее у брата. — Спать...

Он хмыкнул и поднял меня на руки. До кровати была всего пара шагов, но за эти секунды я успела почти уснуть. Помню, как он уложил меня и сам улегся рядом, но на этом все.

— Вероника.

Этот зов сложно было спутать.

— Здравствуй, Кайрадж.

Я открыла глаза. Я лежала в кровати, но брата рядом не было. У двери стояла теневая размытая фигура.

— Ты нашла ответ?

Прошла ли я первую ступень.

— Я считаю, Михаил и так мог. Вопрос некорректен. Вот если бы не смог, тогда и стоило бы задаваться вопросом почему. Брат сказал, у него другие силы, но я думаю, он ошибается.

— Ответ принят. Первая ступень пройдена. Пора ступить на вторую. Михаил не умел делать то, что сделал. Почему он смог? Ищи ответ.

То есть все-таки брат прав, это было не в его силах. Мне и самой было любопытно почему. А ведь у меня голова почти не болит.

— Ты тоже молодец. Общаешься весьма неплохо. Голова у меня, конечно, болит, но не так сильно, как в прошлый раз. А что насчёт наблюдения за людьми?

— Мне нужно еще время. Их поведение алогично. А пока я предлагаю сделку.

— Слушаю.

— В доме Анны Пламеневой ты увидишь бордовые занавески. Нарушь их целостность.

Опять он странно изъясняется. Чтобы выполнить его задание, достаточно надрезать их или надорвать, поджечь. В общем, испортить. Ну, тут много ума не надо.

— Хорошо. Что я за это получу?

— Когда твой брат попытается вживить Михаила в тело, я вмешаюсь. Ты получишь мою помощь.

Как любопытно. Всего лишь какие-то занавески за такое. Как абориген, обменивающий драгоценные камни на стекляшки. В чем подвох? Может этот абориген на самом деле я?

— Зачем тебе эти занавески?

— Я не отвечу. Сейчас ты не способна понять. Иди по ступеням, развивайся, мысли.

Я проснулась. Лежала я не так, как при разговоре с Кайраджем. Брат привычно обнимал, лежа на боку, и одной ладонью накрыв грудь, а второй бедро. Черт, что я делаю вообще? Что мы с ним творим...

Я попыталась выскользнуть из его рук так, чтобы он не проснулся. Увы, это было, как всегда, невозможно.

— Куда собралась? — Влад произнес это мне на ухо, не открывая глаз, только сдавил меня крепче.

— Вставать пора. Отпусти.

— Опять у тебя началось это твое ты — извращенец и зачем мы вчера все это сделали?

— А что, хочешь сказать, ты нормальный?!

— Нет. Я хочу сказать, что ты тоже ненормальная, — он сонно уткнулся носом мне в волосы. — Спи, у нас еще есть время.

Если бы не осознание того, что было вчера, я бы порадовалась этому жесту. Но мне было стыдно за все случившееся, и теперь хотелось ругаться на самую себя, но на себя я не могла, оставался только Влад.

— Не глупи. Мы давно выяснили, что черная кровь меня с ума не свела.

— Ни один сумасшедший не признает свое сумасшествие, Вероника. Просто поверь мне.

— Ты лишь пытаешься прикрыть этим свою ненормальность!

Он устало вздохнул и разжал руки:

— До вечера будем здесь, а под покровом темноты заглянем к Анне. Так что не высовывайся из комнаты на всякий случай.

— Надеюсь, мне хотя бы занавески открыть можно? — я не удержалась от ехидства.

Я встала перед кроватью, повернувшись к нему. Он пробежался взглядом по моему обнаженному телу, а затем перевернулся на другой бок, к стене, отвернувшись:

— Можно. Только чтобы свет на меня не попадал. И достань мне сегодняшнюю газету.

Я оделась и раздвинула шторы. Прямо на меня через окно смотрел человек, а ведь мы

вообще-то на втором этаже. Я шарахнулась от окна больше от неожиданности, чем от испуга, и только потом сообразила, кто передо мной. Михаил в этом теле, к которому я пока не привыкла, висел в воздухе прямо за окном.

— Ты сдурел?! — рывкнула я, распахивая окно. — Давай внутрь немедленно! Хорошо хоть, эти окна не на главную улицу выходят.

— Тупое создание, — прокомментировал Влад и снова отвернулся к стене. — И пусть не приближается ко мне, иначе я из него всю душу вытрясу. В прямом смысле.

— Как ты меня нашел? — спросила я у призрака.

— Он тебя чувствует, — Влад ответил за него. — Щенок все еще привязан к твоей душе, иначе бы не смог. Любопытно, он привязан к тебе не как к артефакту, а по-другому. Иначе он бы чувствовал не тебя, а ту вещь, к которой привязан. И сейчас он привязан к двум объектам. Если он умрет, даже не знаю, вернется он к вещи или к тебе.

— Даже не думай проверять, — однако я заинтересовалась, это могло помочь мне найти ответ на вопрос Кайраджа. — А как именно он привязан ко мне, как ты думаешь?

— Не знаю. Это первый известный мне случай.

Очень жаль. Остаток дня мы провели в этой комнате, так что к вечеру она мне уже опостылела. Не представляю, как Влад одиннадцать лет безвыходно провел в доме. Я бы там с ума сошла. Впрочем, кто сказал, что он не сошел?

Примерно к полуночи мы добрались до дома Анны и притаились за деревьями. У нее оказался большой красивый особняк, увитый плющом, вокруг которого рос небольшой ухоженный садик, окруженный живой изгородью из роз. Свет в доме не горел, что не могло не удивлять, в таком большом доме обязательно должны быть слуги, но похоже, прямо сейчас там было пусто.

— Михаил, взлети и посмотри, есть ли кто вон в том приоткрытом окне на втором этаже.

Влад указал на окно, однако призрак даже не шевельнулся, продолжая изображать не отрывающую от меня взгляда статую и не признавая ничьих приказов, кроме моих.

— Давай-давай, лети, — подтвердила я и махнула рукой в сторону окна.

Он неуклюжим мешком приподнялся в воздух, проплыл к окну, заглянул и спустился назад.

— Ну что, пусто? — спросила я.

Он помолчал, словно собирался с мыслями, а затем дернул головой, что, скорее всего, должно было изображать кивок.

— Пусть он нас поднимет к окну, — потребовал брат. — Если есть возможность не устраивать шум, то не будем.

— Можешь нас поднять? — спросила я у призрака. — Давай, если можешь.

Тот повернул руки ладонями вверх и повел ими вверх, словно говоря жестом вставай, и вслед им незримая сила плавно подняла меня в воздух и поднесла к окну. На всякий случай я заглянула внутрь еще раз, чтобы удостовериться, что Михаил ничего не напутал. Взгляд сразу упал на задернутые бордовые занавески, о которых упоминал Кайрадж, из чего я сразу сделала вывод, что передо мной ее спальня. Внутри было темно и тихо, как и во всем доме,

так что проблемы с проникновением нам не грозили. Я открыла створки пошире и посигналила Михаилу опустить меня на подоконник, и пока я заползала внутрь, он взлетел и завис снаружи перед окном, заглядывая внутрь.

— И Влада подними, — прошептала я, поскольку делать это сам Михаил не собирался.

Пока призрак был занят, я оглядела комнату. Она вся была выполнена в бордовых тонах и весьма неплохо обставлена: огромная кровать, пушистый ковер, трюмо, шкаф, комод, стулья. На трюмо среди кучи косметических средств лежали небольшие маникюрные ножнички, так что к моменту, как Влад забрался внутрь, я как раз вернулась к нему с ножничками, и конечно он не смог проигнорировать это:

— Отличное оружие, — он всегда шутил, когда нервничал. — Спрячь в сапог.

— Пф-ф-ф, — я презрительно фыркнула. — Лучше подумай, где и как мы будем ждать Анну. Это, кстати, ее спальня.

— Я догадался. Бабская комната, — сказал брат, оглядываясь. — Даже у тебя обстановка была более нормальной.

Я уже собралась было возмутиться его сравнением, как дверь внизу хлопнула и в дом кто-то вошел. Я сразу бросила взгляд в сторону Михаила, которого я помнила как висящего снаружи дома у распахнутого окна, что, разумеется, ломало нам всю конспирацию. Влад явно подумал о том же, потому что повернулись мы одновременно, однако опасения оказались беспочвенными, Михаил уже стоял внутри, и ставни за собой прикрыл.

— За шторы, — тихо приказал Влад в ответ на мой облегченный выдох.

Призрака я затолкала вместе с собой за одну из штор, а Влад спрятался за вторую. От скуки, ну и выполняя заодно свою часть сделки с богом, я принялась сосредоточенно вырезать в ней дырочку, благо, тот факт, что она была сдвинута и шла волнами, позволял мне действовать незаметно, и только призрак сосредоточенно наблюдал за моими действиями:

— Только давай не осуждать, — тихо прошептала я. — Каждый развлекается как может.

— Вероника, у тебя другого времени поговорить что ли не найдется? Помолчи, — шикнул на меня брат из-за соседней шторы.

Почти сразу после этого дверь открылась, впуская в спальню рыжеволосую. На ней все еще была форма Отдела, что удивило, раньше нам ее домой не отдавали. Анна включила ночник на тумбочке у кровати, стащила с себя длинную синюю шинель, повесила в шкаф, а затем сняла рубашку, оставшись в лифчике и штанах. По моему разумению, Влад должен был вот где-то сейчас к ней выйти: мы собирались пообщаться с ней наедине, так лучше случая, чем сейчас, не найти. Возможно, в голове моего брата был какой-то особый план, никак иначе я не смогла бы объяснить, почему он все еще прячется. Анна тем временем уже сняла с себя штаны и осталась лишь в лифчике и трусиках, достала ночную рубашку, бросила ее на кровать. Мелькнуло подозрение, что Влад решил дожидаться, пока она уснет, и я решила, что если так, я ей всю штору искромсаю от скуки и злости. Анна расстегнула лифчик и бросила его на кровать, взялась за трусики, и именно в этот момент мой брат вышел из-за шторы и позвал ее:

— Анна.

Она шарахнулась назад, словно ее током ударило, левой рукой прикрыла грудь, правую вскинула в его сторону, демонстрируя тем самым крайний непрофессионализм. В первую очередь всегда надо думать о безопасности, а не стыдливости, и для этого обе руки должны быть свободны. Идею Влада я оценила: шокировать Анну, сыграть на ее стыдливости, чтобы

морально обезоружить... Я вздохнула и тоже вышла из-за шторы. И кого я обманываю? Я слишком хорошо знала брата, чтобы понимать, что этот кобель просто хотел увидеть ее грудь. Он никогда не изменится. Сволочь.

— Вы выжили?! — Анна удивилась, но руку предусмотрительно не опустила.

— К вашему сведению, госпожа Пламенева, — его наглый взгляд демонстративно и оценивающе прогулялся по ее телу, — ваши способности на нас с сестрой не сработают.

— Отвернитесь немедленно, господин Князев! — переволновавшись, она чуть не сорвалась на истерический визг.

Влад все с тем же каменным выражением лица отвернулся и только после этого на его лице расплылась ухмылка. Через секунду он покосился в мою сторону, заметил, что я заметила его выражение лица и не слишком довольна, и ухмылка сползла, а взгляд быстро вернулся к шторе перед ним. Это заставило меня насторожиться. Он прекрасно знает, что я спокойно отношусь к тем женщинам, к которым он не испытывает особых чувств, пусть он хоть трижды с ними спит, но по его реакции мне показалось, что он испугался, что я заметила его к ней интерес, а значит, Влад неравнодушен к этой рыжей стерве. Я стояла все еще к ней лицом страхуя брата на случай, если Анне вздумается сделать глупость, но та повела себя разумно.

— Можете повернуться, — Анна уже оделась и теперь стояла, по-хозяйски скрестив руки на груди. — И будьте любезны объясниться.

— Для начала, госпожа Пламенева, я напомню, что мы с сестрой официально мертвы, поэтому вы сейчас полностью в наших руках. Даже если ваше тело найдут, никто не найдет убийцу, поэтому в ваших же интересах быть более покладистой, чем вы бываете обычно.

— К чему эти угрозы? Я не враг вам, наш общий враг — Гхаттот.

— А теперь я буду задавать вопросы, а вы будете отвечать, — следуя своей неизменной привычке, Влад проигнорировал ее слова. — Вероника, возьми ее за руку.

Я подошла к Анне аккуратно, мне ли не знать, что безоружность легко может оказаться лишь видимостью. Она не слишком довольна косилась на меня, но за руку взять позволила:

— Надеюсь, вы не собираетесь пожечь мне мозги, — обратилась она ко мне.

— Я подумаю, — огрызнулась я.

С тех пор, как я увидела ухмылку брата, Анна стала бесить меня еще сильнее, но я пока удерживалась от агрессивных действий в ее отношении.

— Госпожа Пламенева, вы на стороне Гхаттота? — задал вопрос Влад в лоб, рассчитывая на мое умение читать мысли.

— Нет конечно! Что за хамство вы себе позволяете делать такие предположения?!

Не врет, а жаль, тогда бы я смогла спокойно ее прикончить. Влад покосился на меня, и я секунду поколебалась, не соврать ли, брат наверняка поверил бы мне и возможно, сам убил бы ее, но совесть и гордость не позволили, и я просто кивнула, подтверждая ее слова и мысленно убеждая себя в том, что пара взглядов в сторону Анны со стороны брата еще ничего не значат, он так на половину женщин смотрит, особенно если успел увидеть их грудь.

— Хорошо. Вы правы, Гхаттот наш общий враг, так что можете расслабиться, Вероника ничего вам не сделает, однако вы должны коротко и по существу отвечать на мои вопросы, только и всего, — конечно же брат рассчитывал на то, что все подробности я получу из ее мыслей. — Скажите, от кого к вам пришел приказ явиться за нами с сестрой?

— От Ольги Златовой.

— Где сейчас ваш муж?

— В больнице. Когда он вытаскивал вашего камердинера после взрыва, на него свалилась балка, сломала пару костей, контузила и нанесла несколько ожогов.

Она не врала, но странно, что его не вылечили, и я не выдержала, чтобы не спросить:

— А как же черная кровь? Он ведь агент, один флакончик — и он встанет на ноги за минуту.

— Полагаю, — вместо Анны отозвался Влад, — у них оно разбавлено, чтобы они не погибли, когда будут его принимать, но и лечит оно медленнее.

— Он вернется уже завтра, не надо его недооценивать, — сквозь зубы процедила рыжеволосая.

— Неважно, — отмахнулся брат. — Нам нужна Ольга. Звоните ей, пусть приезжает, нужно поговорить.

— Заставить ее приехать сюда и подставить? За кого вы меня держите? Можете убить меня, но я ее в ваши руки не отдам, — Анна гордо вскинула голову, готовясь к самому худшему варианту развития событий.

— Они подруги детства, — пояснила я брату. — Бойтся, что мы ее уьем.

Анна зло выдернула руку у меня из пальцев, как часто реагировали люди, которым я, как они выражаются, залезла в душу, и рыкнула на меня:

— Прекратите копать в моей голове!

— Верни ей руку. Немедленно! — голос брата звучал так, что даже я поежилась.

В попытке сопротивляться его приказному тону Анна нервно посмотрела на него, потом покосилась на меня, и от нее повеяло искренним страхом:

— Ну! — Влад словно пощечину отвесил.

Анна с трудом заставила себя не выказывать страх, не зная, что мы с братом и так все учуяли, и медленно, будто все еще продолжала сопротивляться, подняла правую руку, позволяя мне за нее взяться:

— Умница, Анна. Просто поверь мне. Позови Ольгу.

Я прекрасно знала эти его почти мурлыкающие нотки в голосе, когда он хвалит за то, что ему доставили удовольствие, и это взбесило так, что я с трудом сдержалась от того, чтобы влезть в ее мозги и оставить слабоумной на всю жизнь. Ну и конечно же от моего внимания не укрылось, что он перешел с ней на фамильярное ты. Влад мой! Мой!

— И никогда больше не смей мне перечить, — его голос стал более жестким. — А теперь иди и позвони Ольге, мы пока будем здесь. Ты, конечно, можешь сказать ей, что мы живы, но тогда мы просто уйдем, потому что ты сломаешь все планы и выдашь нас шпионам Гхаттота, пока они считают нас погибшими, и это наш козырь. Поэтому советую придумать благовидный предлог и позвать ее к себе в гости. Одну. Отпусти ее, Вероника.

Она молчала какое-то время, глядя на Влада и нервно потирая запястье, будто там были кандалы, а не мои пальцы, и раздумывала, стоит ли ей сообщать о нас Ольге.

— Иди, Анна, — сказал он ей тоном, будто она попросту не могла послушаться.

И она, лишь секунду поколебавшись, покинула комнату.

— Думаешь, она не подставит нас? — спросила я.

— Если голова на плечах есть, то нет. Но все же будь готова, Вероника. Ко всему.

— Я всегда готова.

Анна не проболталась и даже предложила нам еды в ожидании Ольги. Я не смогла не

воспользоваться случаем нагадить по мелочи и под предлогом того, что внизу, в трапезной, мы можем себя выдать, поела в ее спальне, что, как я и думала, ей как воспитанному человеку сильно не понравилось. Мелочь, а приятно. Брат, конечно, все понял, но возражать не стал, так что к моменту появления Ольги Златовой у меня даже настроение поднялось. Когда Анна пошла открывать подруге детства дверь, мы с Владом затаились в далекой от ночника, а потому плохо освещенной части комнаты. Голос подходящей к спальне Ольги я узнала легко, немного грубоватый и глубокий, словно та на досуге баловалась пением в опере:

— Почему в спальне? Я думала, посидим в гостиной перед камином, там уютнее, я и вина принесла, — с последними словами она вошла.

В ее присутствии меня окутало целое облако эмоций: усталость, обреченность, апатия, и еще раз усталость. Одета она была в ту же одежду канца, в которой была при встрече со мной, а в правой руке болталась упомянутая ею бутылка вина. Мы остались незамеченными, и Ольга обернулась на входящую следом Анну в ожидании ответа на свой вопрос. Та молча кивнула ей за спину, и, повернувшись, Ольга наконец увидела нас. По ее эмоциям расплылся страх и вместе с ним обреченность: она решила, что ее завела в западню та единственная, кому, как Ольга полагала, она может доверять, и мысленно сдалась, просто сдалась, поскольку прекрасно понимала, какие возможности сейчас в наших руках.

— Я думала, Анна, что хотя бы тебе могу верить, — Ольга тяжело вздохнула.

Это было не обвинение, она слишком устала для этого, а просто констатация факта.

— Мы не враги тебе, — отозвался Влад, шагнув вперед из темноты. — И мы хотим очистить город от этих тварей, так же как и ты.

Недоверие вспыхнуло в ней вместе с искрой надежды, в которую она боялась поверить. Влад, словно почуяв эту эмоцию, а скорее всего, попросту догадавшись, поспешил перейти к более ожидаемому ею поведению, только так и можно было бы заставить ее поверить в искренность его намерений:

— Это не значит, что я забыл Отделу одиннадцать лет заточения, однако у нас общий враг, поэтому внутренние разборки оставим до лучших дней. И то, что мы сейчас здесь, а не сбежали — лучшее доказательство искренности моих слов.

— Что ж...

Ольга, словно опытный шулер, который никогда не упускает свой шанс, моментально взяла себя в руки, приободрившись, и спокойно села в кресло, словно так и задумывала. Ногу закинула на ногу, бутылку с вином поставила на пол рядом, а затем перевела взгляд на подругу:

— Анна, ты веришь ему?

— Отчасти, — отозвалась рыжая, садясь на кровать неподалеку. — Но он как будто не врет. Мне кажется, что если бы он врал, то вел бы себя по другому.

— Господин Князев, если вы сможете разобраться с проблемой, я отпущу вас. Совсем.

Ольга сразу перешла к делу, словно заправский торговец, предлагая то, что, как ей казалось, Владу нужнее всего, прекрасно понимая, что торговаться нужно с ним, не со мной. Вот только она ошибалась, забывая про меня. Может быть сейчас, пока она ему нужна, я и не трону ее, но потом, когда задача будет выполнена, я растерзаю ее за то, что она сделала с моей жизнью, за всю ту боль, что причинил мне Отдел, и Влад это позволит. Всегда позволял.

— Либо вы мне сейчас врите, либо ваше положение совершенно безвыходное, —

отозвался Влад на ее предложение. — Скорее всего, все вместе.

Я тем временем приблизилась к Ольге, словно хищник, подкрадывающийся к добыче, и она только сейчас обратила на это внимание и перевела взгляд на меня.

— А вы? Какова ваша роль во всем этом?

— Я на стороне Влада, — я скрестила руки на груди. — Не задавайте вопросов, ответы на которые вы и так знаете, это раздражает.

— Мне было интересно, солжете ли вы.

Ольга чуть улыбнулась, и за такое возмутительное нахальство у меня возникло желание вцепиться этой стерве в глаза, да такое сильное, что я еле сдержалась. Меня остановило лишь осознание того, что артефакт, к которому привязан Михаил, все еще у нее. Ну и еще останавливал брат, хотя что до Влада, он запретил бы мне убивать ее или калечить, но слегка подпортить шкурку вполне бы позволил и вмешиваться бы не стал. Он, как и многие мужчины, предпочитал не лезть в драку между женщинами, потому что прекрасно понимал, что потом именно он окажется виноватым с обеих сторон. В любом случае, раздражение в голосе я скрывать не собиралась:

— Госпожа Златова, вы забываете, что ваши мысли для меня — открытая книга, — немного преувеличила я, ведь для этого мне обязательно прикосновение. — Как и мысли других людей. Так что прежде чем пытаться играть со мной в кошки-мышки на поле психологии снова, вспомните, чтомышь здесь вы.

— Вероника, перестань. Бери ее за руку, — голос брата звучал спокойно, он хорошо меня знал, чтобы понимать, что Ольгу я пока не трону. — Госпожа Златова, не бойтесь, она не причинит вам вреда.

— Я слышана о ваших методах допросов, — согласно кивнула она. — Отдел в своё время многое потерял, лишившись вашей пары.

Ольга положила руку на подлокотник ладонью вверх, рассчитывая на касание пальцев, но я перехватила ее за запястье, потому что не люблю, когда контакт резко разрывают, а это часто пытаются сделать ради мнимого ощущения свободы.

— Замечательно, — кивнул ей Влад. — А теперь отвечайте на вопросы. Наше освобождение — официальное?

— Нет, — не стала отпираться та. — Вы оба сейчас вне закона во всех смыслах этого слова.

Я чуть сильнее сдавила ее запястье в негодовании и кивнула брату, что она не врет.

— Неужели все настолько плохо, что вы решились на подобный шаг? — Влад удивленно поднял бровь. — Знаете, это ведь государственная измена, освободить таких преступников, как я.

Ольга отвела взгляд, а ее мысли дословно озвучила я:

— Вы даже не представляете насколько.

Она покосилась на меня и продолжила сама, пытаясь скрыть свою подавленность:

— Когда я впервые села за бумаги Отдела, в них царил такой хаос, что было удивительно, как организация до сих пор существует. Пока мы со Станиславом наводили в них порядок, нашли множество дыр, если вы понимаете, о чем я. Куда-то впустую уходили ресурсы: финансы, оружие, разработки наших ученых. Я подозревала, что заговор против Отдела идет откуда-то сверху, все на это указывало, поэтому свое расследование мы со Станиславом проводили очень аккуратно, чтобы нас не убрали с поста. В конце концов мы нашли много неприятных вещей...

Она вздохнула и левой рукой, не забирая у меня правую, неуклюже от неудобной позы подняла с пола вино, зубами по-мужски вытащила пробку, выплюнула ее и приложила к бутылке. Она старательно боролась с отчаянием и проиграла, в меня ударила настолько сильная волна эмоций, что я бросила ее руку, в конце концов, мы в самом деле ее последняя надежда, и она была честна, пытаюсь не упустить свой шанс.

Сделав несколько крупных глотков, будто это была водка, она глубоко вдохнула, выдохнула и только после этого продолжила:

— Отдел давят со всех сторон, словно против нас действует не один человек, а целая группа заговорщиков на самых высоких государственных уровнях. К сожалению, они действуют очень аккуратно и планомерно, я не могу ничего доказать, и увидеть это можно только если соединить вместе все происходящее. Например, нам перекрыли быстрый доступ к военным и медикам, переведя их в другие ведомства, теперь запрашивать помощь для агентов стало затруднительно, но ведь само по себе это не доказательство, а такого полно. Ресурсы любого рода, которые обычно Отдел заказывал напрямую от себя, теперь в других, не подотчетных нам, ведомствах, причем в разных. Если взглянуть на статистику заданий, их количество растет, а расширять штат по экономическим соображениям не позволяют, все словно сговорилось. Как следствие, новые сотрудники вынуждены жить почти на самообучении, что плохо сказывается на качестве работы...

Выпалив эту тираду, она снова приложила к бутылке. Кажется, ее настрой здесь пробрал всех, потому что пока она пила, стояла тишина. Анна сидела, понуро свесив голову, будто в случившемся виновата она. Влад смотрел на Ольгу, задумчиво потирая щетину. Михаил просто стоял мебелью, а я закрылась от ее настроения, потому что нечего мне пропускать такое через себя, в конце концов, меня это не касается.

— Вокруг шпионы, Владислав, — продолжила Ольга. — Я уже не знаю, кому верить. Вас обоих подставили, это ясно, как божий день. Скорее всего, кто-то из тех, кто знал о вас, был шпионом гхаттитов. Но если я не могу доверять этим людям, то кому же тогда?

— Анну мы проверили. Ей можно, — отозвался Влад. — С ситуацией все ясно, а теперь слушайте, как мы поступим. Ольга, все должны продолжать считать нас мертвыми. Все означает все вообще, включая вашего помощника. И, Анна, включая вашего мужа тоже. Вы, Ольга, придумываете предлог, чтобы срочно отправить мужа Анны в командировку, а мы с сестрой временно поселимся здесь.

Анна уже открыла рот для возмущений, но Влад предостерегающе поднял указательный палец и посмотрел прямо на нее, взглядом заставляя замолчать:

— Я не закончил. Так вот, Анна будет нашим поставщиком как информации, так и снаряжения. Придумайте что-нибудь с бумагами, спишите наше снаряжение в расход или как там у вас эта статья называется, воспользуйтесь вашими дырами, в общем, меня не касается, как вы будете это делать. Мы с Вероникой займемся разведкой, а дальше будем действовать по ситуации.

— Мне было бы удобнее поселить вас у себя, — предложила Ольга. — К тому же мой особняк за городом.

— Нет, за вашим домом наверняка следят. Да и в город мы будем выходить довольно часто, так что здесь нам находиться стратегически выгоднее.

— Хорошо... Вы в самом деле будете помогать? Я, признаться, удивлена.

— Не время грызть друг другу глотки, когда у нас есть столь опасный общий враг. Я не дожил бы до своего заключения, если бы считал иначе.

Ольга сейчас была согласна на все наши условия, так что я не преминула напомнить о себе, даже слегка обидевшись на брата за то, что он не вспомнил сам:

— Мне нужен мой призрак, ты-то свой артефакт уже уничтожил, — обратилась я к нему, а затем хмуро покосилась на Ольгу.

— Справедливо, — согласился Влад. — Предмет, к которому привязан Михаил, должен быть доставлен нам. И вот еще что. Сколько у вас совсем зеленых новичков сейчас? Восемнадцатилеток.

— Двое. Им по двадцать два, — она заметила наш недоуменный взгляд и добавила. — О, не удивляйтесь, этому закону несколько лет. Поскольку каждый агент обязан принимать черную кровь, чтобы обрести способности, то и возрастной порог подняли.

— Малявки, — фыркнула я.

— Отлично, — Влад мои слова проигнорировал. — Сегодня мы придумаем, как подстроить их смерть, чтобы они могли присоединиться к нам, а затем моя сестра займется их обучением.

Я согласно кивала все время, пока он говорил, но к последним словам с удивлением уставилась на него, не поверив своим ушам:

— Кто? Я?

— Ты видишь здесь еще одну мою сестру? — усмехнулся он.

— Да я их сожру заживо! — пообещала я. — Тебе ли меня не знать.

— Что ж, если они выживут, пройдя суровую школу жизни в виде тебя, то станут отличными агентами, — он наверняка издевался, но выражение его лица было непробиваемо серьезным. — Ведь то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Я смерила его злым взглядом и готова была устроить истерику, наплевав на свидетелей, и уже даже открыла рот, как встретила с ним глазами, прочитала там предупреждение и благоразумно рот захлопнула:

— Конечно. Как скажешь.

На том мы в тот вечер и расстались. Дом у Анны действительно был большим, комнат много, одних только гостевых семь штук, две из которых мы и заняли. Кровать, стол, шкаф, стулья — все очень удобно для любого гостя, который жил бы в этой комнате. Но самое главное, что я нашла в ее доме — это пианино в главной зале. Как же я давно не играла... Было уже за полночь, когда я стояла около черного лакированного инструмента, поглаживая клавиши пальцами. Поддаваясь ностальгическому порыву, нажала одну, и она отозвалась своей нотой: дин-н-нь. Слух сразу подсказал, что оно хорошо настроено, значит им либо пользовались, на что не похоже, либо просто Анна любит держать все вещи в порядке, что вероятнее. Как бы там ни было на самом деле, лично мне это на руку.

Я нажала еще одну клавишу, наслаждаясь звуком, и прикрыла глаза. Вместе с музыкой ко мне всегда приходили покой и счастье, и я не сдержалась, невзирая на время, села на стул перед пианино и положила руки на приятно холодящие кожу клавиши. Пальцы прогулялись по ним слева направо, извлекая звуки, вызывая самые приятные воспоминания. В желании сыграть какую-нибудь простенькую мелодию я приподняла руки, но поняла, что кажется, забыла все, какие помнила. Но уверенность, что смогу, во мне была, в конце концов если не помнит разум, помнят пальцы, и я закрыла глаза и положила руки так, как им хотелось. Я

неуверенно нажала одну клавишу, потом вторую, вызывая в памяти давно забытые привычки, а потом просто позволила пальцам танцевать на клавишах без моей на то воли. Пусть творят, что хотят, а я буду наслаждаться звучащими прикосновениями.

Мелодия полилась сладким медом на мой слух: чудесная, немного тоскливая, похожая на капли дождя за окном. Капли, учащающиеся, становящиеся бурей, а затем стихающие, успокаивающиеся. Я расслабленно наслаждалась игрой звуков и позволяла воспоминаниям мерно течь. Скрипка в свое время Владу так и не далась, хотя он честно пытался, и точно так же мне не удалось рисование. Брат мог наиграть лишь простенькие мелодии, а я могла сделать серый набросок карандашом, но это все. Когда-то нам с Владом было хорошо вместе, и когда-то я помнила это время, но сейчас поймала себя на том, что многое забыла, словно все эти годы воспоминания медленно затухали, и превращались в безликую серую массу. Я помнила какие-то обрывки приятных и теплых эмоций, но не была уверена, не сон ли все это. Вот мы сидим перед камином, я у него на коленях, а он гладит меня по голове, даруя уют. А вот мы спим, и он обнимает меня, даруя успокоение. Вот мы... мы... тихое счастье... защищенность... радость... я помню чувства, но когда это все было?

Я искренне попыталась вспомнить, и даже пальцы сбились, оборвав мелодию, как вдруг поняла, что не одна здесь. Позади стоял Михаил, и когда я обернулась, он с трудом поднял руки и неуклюже хлопнул в ладони, вызвав у меня улыбку:

— Рада, что тебе нравится. Знаешь, я уж думала, что забыла все мелодии, которые помнила раньше. Думала, что забыла все, что раньше помнила...

Я грустно вздохнула, ведь это можно было сказать не только о мелодиях, но быстро отбросила эти мысли, нельзя заикливаться на прошлом, просто нельзя. В поисках того, на что можно было бы отвлечься, мой мозг обратил внимание на призрака, напомнив про вопрос Кайраджа.

— Иди ко мне, — я качнула пальцами, подзывая Михаила, и только когда он, плавно переместившись по воздуху, опустился рядом, продолжила. — Скажи, почему ты остался со мной? Почему не умер тогда, в тот день?

Он открыл рот, хотел что-то сказать, но не смог, остался молча смотреть на меня, не шевелясь. Да я и не ждала ответа, он попросту не мог его мне дать. Задача Кайраджа оказалась весьма интересной.

— Тебя не убила черная кровь. Тебя не убили вампиры. Как ты это делаешь?

Мелькнула мысль, что есть какая-то связь со мной. Я была рядом с ним, когда черная кровь окончательно усвоилась в его организме и когда он умирал. Имеет ли это какое-то отношение к тому, почему он остался? Я ощутила боль в висках, потеряла их. Глупость какая-то, оно никак не связано с его смертью во второй раз, а я слишком много об этом думаю, лучше пойду спать. Я встала и закрыла крышку пианино:

— Спокойной ночи, Михаил. Здесь хорошая звукоизоляция у комнат, так что, боюсь, мне сегодня еще общаться с братом, — разумеется под общением я подразумевала постель, Влад не упустит такой возможности. — И ты не хуже меня знаешь, чем это закончится, так что будь добр, не суйся к нам.

Я направилась к лестнице на второй этаж, где находились комнаты, а мой призрак приподнялся над полом, пролетел мимо меня и остановился на лестнице впереди, словно пытаясь закрыть проход. Глупое действие, ведь лестница широкая и обойти не сложно. Я остановилась и вздохнула:

— Не беспокойся за меня, он сегодня не выглядит злым, так что вряд ли сделает мне

слишком больно. В одном я с ним согласна. То, что нас не убивает... Как бы то ни было, я устала бегать от своих страхов. Я — Сцилла! И я не стану бегать даже от Харибды.

Я сделала шаг по ступенькам, но Михаил снова взлетел повыше и встал там, удивляя меня странностью поведения. Любому другому я бы просто приказала уйти прочь, но вести себя так с тем, кого люблю, я не могла, поэтому просто улыбнулась:

— Не переживай, Михаил, все хорошо.

С этими словами я поднялась на его ступеньку, успокаивающе провела ему по волосам, а затем прошла наверх. Больше он не помешал, но проводил молчаливым пристальным взглядом. Поднявшись на второй этаж, я поняла причины такого поведения призрака. Звукоизоляция у комнат и правда была хороша, но эмпата не обманешь, вокруг витали вполне однозначные эмоции: Анна и мой брат в данный момент были вместе. Не веря своим ощущениям, я подкралась к комнате, и одного взгляда через замочную скважину хватило, чтобы по воздуху вокруг меня пробежали разряды статического электричества, как бывало всякий раз в моменты эмоциональных всплесков, будто вздыбленная холка у злой собаки.

Они целовались!

Обнаженная, Анна распласталась под Владом, который нависал над ней так же без одежды, а ведь он этого не любит, в его понимании раздета должна быть только женщина. Впрочем, если смотреть на обнаженного Влада со стороны, можно слюной захлебнуться, и как один из способов залезть под юбку этот я вполне могла бы спокойно воспринять. Да если бы он хотел ее просто поиметь, я бы и внимания не обратила, но эмоции, разлетающиеся вокруг неконтролируемыми брызгами, выдавали его. Ему нравилось, он искренне наслаждался поцелуем, и это выводило из себя, ревность буквально выворачивала меня наизнанку. Такие эмоции он должен испытывать только со мной! Потому что он любит только меня, и только со мной он так целуется.

Что ж, братец, око за око. План мести родился моментально, и я отступила от двери обратно во тьму коридора...

Это случилось через год после смерти Михаила. Брат завел себе новую развлекалочку по имени Наталья с черными, как у меня, волосами и весьма похожей внешностью, но более веселым характером. Я-то уже давно перестала так весело и искренне смеяться, а она все еще могла, потому что это я охраняла чужой покой и теряла близких и таких дорогих мне людей ради такой, как она, а не наоборот.

Было бы у Влада с ней все как обычно, я бы и внимания не обратила, ну поймет он ее несколько раз, потом бросит, выкинет из головы и все равно вернется ко мне. Но в этот раз все было не так. После встреч с ней он возвращался домой с улыбкой, которой в силу ее редкости я так дорожила, и которая должна предназначаться только мне. При взгляде на нее, я готова была на все, лишь бы она была только моей и ничьей больше, а если копнуть глубже, я уже расплатилась за эту его улыбку в нашу первую с ним ночь, и теперь всего лишь требую то, что мое по праву. Искренняя и необузданная ревность не просто грызла, она сжирала меня, долго и болезненно отъедая по кусочку, словно орел, клюющий отрастающую каждую ночь печень Прометея. Каждый раз возвращаясь от Натальи, Влад замечал меня, пристально изучающую его взглядом, и отводил глаза. Я не говорила ему ни слова, не отказывала в постели, но я запомнила ему это и записала Наталью в свою личную книгу мести. Влад только мой и всегда так будет. Нас связывает то, о чем она не знает и что понять не способна, нечто большее, чем просто любовь: нас связывает прошлое.

Я долго выжидала подходящего случая, словно хищник добычу, и возможно, если бы он прекратил свои встречи, остановилась бы и я, но Влад этого не сделал, и однажды я наконец смогла проследить за ним. Брат не заметил, потому что мой способ слежки необычен: я хватаюсь за эмоциональный фон, а он у каждого уникален, хоть и хаотичен и легко изменяется, и могу идти за целью, находясь постоянно вне зоны видимости. К сожалению, здесь были и свои недостатки, например, стоило цели слежки сесть в экипаж, я теряла ее на большом отдалении, потому что не имела транспорта. В случае Влада приходилось быть крайне осторожной, поскольку второго шанса совершить задуманное он бы мне не дал, именно поэтому я выслеживала их так долго. И вот сегодня вечером мне улыбнулась удача, брат решил прогуляться пешком до ресторана, в котором назначил с ней встречу.

Я спряталась за углом ресторанчика, в котором они расположились за уличными столиками, и стала наблюдать за смесью эмоций, не высовываясь в открытую. Он: удовлетворение, счастье, спокойствие, мечта о мирной жизни, о детях. Нет, братик, ты чернокровный агент, все это тебе недоступно. Она: восхищение, счастье, эмоциональный подъем, гордость, что поймала в свои сети такого самца, предвкушение предстоящей ночи. Ты его плохо знаешь, тупая корова, ты никогда не сможешь насытить его тьму своим светом. Их эмоции сплелись: удовольствие, расслабленность, пробуждение страсти, и я осторожно выглянула из-за угла. Они целовались.

Целовались!

Ярость охватила меня, пробирая до дрожи. Я уже привыкла, что в таком состоянии вокруг меня воздух трещит электричеством, а мир слегка темнеет и теряет краски, и не обращала на это внимания. План, что делать, родился моментально, и для его выполнения мне нужно было узнать, где она живет, а для этого брат должен был проводить ее до дома.

Он никогда не водил ее в наш дом, а еще, как однажды проговорился Влад, она вдова, а это значит, что живет она одна и спит он с ней у нее. Мой братик всегда любил вести себя со всеми ними по-джентльменски, так что до дома он ее точно проводит, и уверена, она захочет пройтись пешком, ведь вечер так прекрасен. Я ухмыльнулась своим мыслям и затаилась в ожидании. На мое счастье, они долго не рассиживались, я чувствовала, что Влад уже давно хочет ее, а она мнила себя кошкой, играющей с моим братом, как с мышью. Глупая курица, она совершенно не знала его настоящего, такого его принимала и любила только я, все остальные в страхе разбежались бы.

Они тем временем двинулись вперед пешком, и я направилась следом. Когда-то очень давно, десять лет назад, Влад следил за мной и моим так и не состоявшимся мужем, и теперь мы поменялись ролями. Он убил Романа за то, что тот посмел прикоснуться к его собственности, убил быстро и безболезненно. Мой брат всегда был мягок в этом смысле, а вот я не буду столь милосердна, и она у меня перед смертью еще помучается.

Ее дом представлял собой неплохой особняк на окраине города, очевидно, оставшийся от мужа. Стояла жаркая летняя ночь, так что все окна в доме были распахнуты, и я затаилась около того единственного, что вело в прихожую, где они оба сейчас находились. Свет везде был выключен, и внутри, за толстыми задернутыми шторами, царил интимный полумрак. Изнутри доносились звуки какой-то возни и ее тихие смешки, и эмоции подтверждали происходящее: она забавляется, считая, что Влад действительно такой веселый и забавный, каким он себя показывает, а он не без удовольствия движется к своей цели — затащить ее в постель. Через некоторое время они перебрались на второй этаж, дав мне возможность забраться в дом через окно. Прихватив с кухни нож, я поднялась на второй этаж и остановилась перед ее спальней. Из приоткрытой двери лился приглушенный свет ночника, и это единственное освещенное место я наблюдала из темноты, скрываясь в ней.

Она собирается переспать с ним на кровати? Что за убожество, он ненавидит это, почему же с ней терпит? Разнообразия решил поискать, да заигрался, но это ничего, я им обоим скоро все доходчиво объясню. Вот только надо как-то заставить Влада оставить ее одну хотя бы на минуту, но как? По иронии судьбы, Наталья сама облегчила мне жизнь:

— Принеси вина, любимый. Оно на кухне, — проворковала она. — А я подготовлюсь к твоему возвращению. Тебе понравится.

Как будто ты знаешь, что ему нравится, стерва.

— Конечно, любимая, — ответил Влад.

Да у него по голосу слышно, как ему наплевать на тебя, когда он произносит это свое любимая, но куда тебе это понять. Благодаря этому осознанию, гнев мой немного поутих, похоже, Влад к Наталье все-таки не так сильно привязан, как я думала, но я не отступлюсь. Он только мой и ничей больше, и она заплатит за попытку отнять его у меня и за все мои нервы, на которых так долго играла.

Чтобы не выдать себя, к моменту выхода Влада из спальни я скрылась в темном проеме соседней комнаты. Влад сделал пару шагов по коридору и замер. Услышал меня? Нет, я даже не дышу сейчас. Интуиция агента? Он постоял так с десятков секунд, то ли думая о своём, то ли прислушиваясь, а потом продолжил путь. Я бесшумной тенью скользнула в спальню. Наталья в данный момент стояла спиной ко мне и быстро стаскивала с себя платье, собираясь переодеться в ночную сорочку. Очередная глупость, Влада возбуждает не одежда, а ее отсутствие и правильная поза, движения — язык тела, проще говоря.

Я приблизилась к ней, доставая нож, тенью замерла позади, смакуя момент, словно

готовое к нападению чудовище, разинувшее пасть и уже предвкушающее вкус добычи. Ее можно было и без ножа убить тысячей способов: пожечь разум, например, или вообще свести с ума и оставить жить, но мне хотелось кровавой мести. Все вокруг казалось оттенками серых цветов, совсем потеряв краски, но я думала не об этом. Мои пальцы сами потянулись к ее шее, и в последний момент она заметила меня:

— Влад...

Наталья, обнаженная, с сорочкой в руках, начала поворачиваться со смущенной улыбкой, решив, что он вернулся. Она успела выронить сорочку от удивления, когда я ее коснулась, парализовывая, чтобы не закричала. Страх вспышкой разлетелся по комнате, руша все мои планы, Влад сейчас почувствует его и примчится. Надо действовать быстро, но мечь так сладка, что я просто не могла упустить возможность немного поиграть с беззащитной жертвой. Я встала прямо перед ней и, не оставляя ранений, с наслаждением провела лезвием ей по носу, по губам и подперла кончиком подбородок.

— Знаешь, почему ты сейчас умрешь? Потому что решила покуситься на то, что принадлежит мне.

Я испытывала удивительное удовлетворение оттого, что сейчас и здесь она бессильна, а я хозяйка ситуации. Почувствуй то же, что ощущала я в первую ночь с ним — страх и бессилие что-либо изменить — проникнись этим. Вот такой он, тот, кого ты пустила в свою постель, шлюха. Вслух говорить это я не стала, много чести, просто повела нож ниже, остановила у шеи, прижала кончик лезвия к гортани, наслаждаясь ее сладковато-горьким страхом, заволакивающим все вокруг. Приятным, словно горький шоколад.

— Вероника!

Я чуть не выронила нож от грозного окрика брата, который вонзился мне в голову раскаленной иглой. Он стоял в дверном проеме, к которому я как раз находилась лицом и вид на который перекрывала Наталья, и я перевела взгляд со своей жертвы на него. Он был одет так же, как всегда: белая рубашка с заманчиво расстегнутой пуговицей и стоящим воротником, темные штаны, темный жилет.

— Немедленно выбрось нож, — приказал он тем самым голосом и тоном, которого я так сильно боялась и которого не могла послушаться.

Я стиснула зубы, сопротивляясь, мышцы в руке и скулы свело от напряжения, разум — от страха, но в оружие я вцепилась накрепко, медленно опуская нож, слегка царапающий нежную кожу, к ее груди.

— Вероника, — голос брата стал на тон ниже и вместе с тем более мягким и угрожающим одновременно. — Немедленно. Брось. Нож.

Он за нее боится, глупец, и всегда был таким, жалел их. Дело не в любви, Влад просто никогда не хотел лишних жертв. В его эмоциях лишь на мгновение скользнула осторожность хищника, выслеживающего добычу, которую я так хорошо знала, и только благодаря этому заметила, как аккуратно по затемненным краям комнаты текут его туманные щупальца.

— Ты только мой! — прошипела я и дернула рукой, быстрым движением вгоняя в сердце Натальи клинок.

Я прекрасно знала, как убивать быстро и почти без крови, и совершая это, сожалела лишь о том, что не успела ее помучить. Было бы так приятно слушать крики, ее, заблудившейся в кошмарах, впитывать ее страх, наслаждаться властью над ее жизнью.

Тело девушки моментально обмякло и свалилось на пол, а Влад бросился на меня. В одно движение он повалил меня на кровать позади, а я в падении успела прижать клинок к

его сердцу. Опираясь рукой о кровать рядом, а второй сдавливая мне шею, он замер надо мной, окутанный клубами черного дыма в бессильной ярости, и в его волосах из-за близости ко мне шелкали разряды электричества. Мои руки, прижимающие клинок к его сердцу, были белыми, будто в пудре, особенно выделяясь на фоне его тьмы. Черные вены проступали сквозь кожу, словно рисунок черными чернилами, и глаза, я уверена, тоже почернели, но он не боялся меня даже такую. В его эмоциях не было ни капли страха, и это так разительно отличалось от эмоций всех окружающих, что поражало меня. Люди боялись во мне и меньшего, а он не боится, хотя я держу нож у его сердца, и Влад знает, что если захочу, то успею вонзить клинок раньше, чем он сделает хоть что-то. И это не глупость и не безрассудство с его стороны, он все прекрасно понимает, и даже не доверие, разве что самую малость. Все дело в другом. Он осознает свою власть и силу, и этой, такой мощной, силе хочется подчиняться. Эта мощь будоражит, возбуждает, заставляет желать его прямо здесь и сейчас, и я могу это все получить, потому что он мой, только мой, все его внимание принадлежит только мне! Эта мысль вызвала у меня настолько сильный взрыв эмоций, что я расхохоталась от удовольствия.

— Вероника! — рявкнул брат, зло тряхнув меня за шею и заставив захлебнуться смехом и замолчать.

В его эмоциях мешались гнев, боль и возбуждение, и среди всего этого я уловила нотки жалости и чувства вины. Что? Он вздумал меня жалеть? Я надавила на нож, заставив его войти в плоть, и одинокая капля крови потекла по лезвию.

— Не смей меня жалеть! Иначе я вгоню в тебя этот кусок железа целиком! — слезы, о которых я и не подозревала, защекотали щеки, но голос по-прежнему был агрессивным. — Ты мой. Только мой. Всегда им был и всегда будешь. Потому что я твоя. И я никому тебя не отдам. Можешь делать со мной что угодно. Не отдам!

Он пристально смотрел мне в глаза несколько секунд, а затем его пальцы чуть сжались на моей шее:

— Раздевайся.

Он произнес самое возбуждающее слово, какое только можно придумать, и по телу пробежала дрожь удовольствия, заставив меня с наслаждением прикрыть глаза. Отброшенный мною нож звякнул об пол, а я дернула завязочки корсета, и края разошлись, обнажая грудь и приковывая к себе взгляд Влада.

— Ты моя, — сказал он почти ласково, отпуская мою шею и опускаясь губами к груди. — Но ты поступила очень плохо.

Он прикусил мой сосок. Больно, но я уже хотела его так сильно, что боль лишь влилась в общий ураган чувств и стала его частью, добавляя остроты ощущений. Я выгнулась, застонала, и он, мягко погладив пострадавший сосок губами, резко укусил за второй. Он перестал следить за эмоциями, и я невольно копнула глубже. Где-то глубоко в душе ему тоже было больно, но не из-за нее, а из-за меня. Не пожелав разбираться в причинах, я просто наслаждалась его болью, потому что месть сладка, а я никогда, никогда не прощу ему того, что он сделал со мной в мои двадцать лет.

Я вцепилась в его волосы и сладострастно застонала, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать царапать ему спину от удовольствия, и не поняла, почему это заставило Влада остановиться, отстраниться и пристально посмотреть мне в глаза. Что-то такое было в его взгляде, из-за чего тело напряглось в ожидании его дальнейших действий, и я не знала, ударит он меня или приласкает.

— Сними с меня штаны, — приказал он и, поднявшись с меня, встал рядом с кроватью.

Я облизнула пересохшие от частого дыхания губы, приподнялась на руках и села, с нездоровым энтузиазмом включаясь в эту игру. Платье сползло до пояса, оставляя грудь на виду, и Влад разглядывал ее. Собственность — вот что крутилось в его голове. Его заводило, что я выполняю все, чего он хочет, потому что я принадлежу ему, и он может пользоваться мной по своему усмотрению. Влада раздражала моя периодическая непокорность, которую я в редких приступах мести проявляла. При всем этом он совершенно не думал о том, как легко мне им в такие моменты манипулировать. Да любой женщине с ним в постели это было бы легко, если бы они знали подход, но об этом знала только я, и я не позволю никому из них получить над ним такую власть и возможность причинить вред. Убью всех, если потребуется.

Я расстегнула штаны, глядя снизу вверх, как ему нравилось, и спустила их вместе с нижним бельем. Его рука легла мне на волосы, чуть сдавила, собрав копну в ладонь, придвинула мое лицо ближе к его достоинству.

— Ты наказана, Вероника, так что будь ласковее. Посмеешь выпустить когти — пожалеешь.

Я сидела и смотрела на него, не шевелясь, бросая вызов целых несколько секунд, потому что я не та хорошая девочка, которую он хотел бы видеть, а затем вцепилась пальцами в его бедра, вонзая ногти и прекрасно зная, чем это кончится. Он отвесил мне пощечину, и вместе с ней вокруг нас облаком пыли взметнулись эмоции: его возбуждение и гнев, мое возбуждение и ярость. Сходя с ума от этого коктейля и ощущая себя словно под воздействием наркотиков, я пальцами обняла яички и взяла кончик в рот, прекрасно зная, от чего он становится таким же сумасшедшим, как и я, но моя цель сейчас не его удовольствие. Влад закрыл глаза, расслабился, его пальцы в моих волосах сжались и я почувствовала в его эмоциях, что он вот-вот кончит, поэтому выпустила его изо рта и отстранилась, заставив брата вспыхнуть злостью и крайне недовольно зарычать:

— Еще!

Он придвинул мое лицо к своим бедрам, а внутри у него скомкался гнев неудовлетворенности вперемишку со злостью на мою непокорность. Еще бы, ему никогда не требовалось много времени, чтобы кончить, когда я в таком положении, и прямо сейчас я оставила его без сладкого.

— Заставь, — я злорадно усмехнулась, снова вцепившись ногтями в бедра, чтобы удержаться дальше от его достоинства.

Я жаждала вновь и вновь видеть доказательства его силы, его мощи, его права владеть мной, и только поэтому сопротивлялась. В ярости глаза его почернели, безумие посмотрело из их глубины на меня, и что-то внутри меня в тот же момент отозвалось на это. Может я была немного не в себе, но размышлять об этом не стала, потому что теперь эмоции нашли друг друга, сплелись вместе, срезонировали, словно двое танцующих наконец-то стали двигаться в одном ритме, и я наконец-то ощутила себя полноценно, буквально окунулась в наслаждение. Брат перехватил мои руки, оторвал от себя, не заметив, что я оставила там кровавые росчерки ногтями, грубо рванул меня вверх, развернул и бросил животом на кровать. Не давая опомниться, он дернул платье, с треском разорвав его, а когда я оперлась ладонями в попытке подняться, он буквально обрушился на спину, перехватил за запястья и дернул, заставив меня уткнуться в кровать носом. Это все невероятно заводило, потому что прямо сейчас меня держала несокрушимая мощь, чудовище, которому хочется подчиняться.

— Вла-а-ад, — простонала я, сходя с ума от желания.

Он дернул меня за запястья, заставляя подняться на колени, и затем без всякого предупреждения вошел.

— Будешь делать то, что я прикажу, тогда, когда прикажу, и так, как прикажу, — рычал он, входя в меня снова и снова, на всю длину, заполняя в желании наказать, сломать и подчинить.

Больше десяти лет назад он сделал то же самое, и тогда меня это не убило, лишь сделало сильнее. И вот сейчас я извивалась и стонала, не слыша сама себя, в наслаждении таком сильном, что хотелось сбежать и остаться одновременно. Я провокационно откинула голову назад, заставив волосы рассыпаться по выгнутой спине, и его движения от этого стали жестче и резче. Вокруг нас хаотично метался черный туман, сквозь который светлыми вспышками во тьме проскакивали разряды электричества, словно они были ее частью. Хотелось остаться наедине с этими ощущениями, забыться в этом таком притягательном безумии, которое мы с ним делили на двоих, и сколько это длилось, я не имела понятия.

Наконец это случилось. Я застонала в агонии удовольствия и услышала стонущий выдох Влада. Он разжал пальцы, отпустив мои руки, и я обессиленно повалилась на кровать, жаждая уснуть. Брат натянул штаны, улегся рядом, подгреб меня к себе спиной и привычно обнял, опустив ладони на бедро и грудь.

— Ненавижу тебя, Вероника... — он вздохнул, уткнулся мне носом в шею и поцеловал. — И люблю.

Из последних сил преодолевая сон, я приоткрыла глаза, обегая взглядом слабо освещенную комнату и пытаюсь собрать мысли вместе. Мир снова был цветным, и я лежала в чужом доме рядом с убитой мною женщиной. Кажется, я погорячилась... но оно того стоило! Сон сморил меня на этой мысли.

Когда нам предъявили обвинение в убийстве Натальи, Влад взял вину на себя, выставив все так, будто я пыталась остановить его. Возражать я не стала. Сцилла и Харибда по-прежнему были крайне нужны Отделу, поэтому наказания он снова избежал. Этот случай, как и многие другие, ему припомнили только потом, когда выносили приговор.

СЕЙЧАС. Верните моего любимого

Включать свет в его комнате я не стала, осталась ждать в темноте, чтобы заранее не привлечь его внимание к неожиданному посетителю. Ждать пришлось немало, теща свое мужское самолюбие, он пытался произвести впечатление на Анну и потому провел с ней больше часа, а может и двух. Мой темный силуэт на фоне окна он заметил сразу как вошел, и свет включать не стал.

— Вероника, это не то, что тебе показалось, — Влад сразу все понял.

— Раз ты начал с этой фразы, значит она дорога тебе, — я скрестила руки на груди. — Я не трону твою игрушку, если ты не врал мне, когда обещал вернуть Михаила. Если он умрет, обещаю тебе, Анна отправится вслед за ним.

— Да не собираюсь я убивать твоего Михаила! Я же сам предложил тебе помочь с ним. Хватит делать из меня чудовище! — зарычал брат.

— Ты и есть чудовище! — в тон ему зашипела я.

— Я изменился за эти годы! Ты, как вижу, тоже, но в отличие от меня, ты изменилась в худшую сторону, словно тебе память отшибло на лучшую половину.

— Ни черта ты не изменился!

— Ты не желаешь этого видеть! А теперь пошла вон из комнаты, Вероника, — он указал на дверь. — И обдумай свое поведение.

— Я не шучу насчет Анны, — прошипела я последнее предупреждение.

Он ничего не ответил, продолжая стоять около двери. Гордо вздернув нос, я направилась к выходу, и у самого проема он обхватил меня поверх рук. Мне конец. Ну точно конец. Доигралась, — пронеслось в голове, и я испуганно сжалась, ожидая от него чего угодно. Страх опять вцепился в горло. Вот не надо было все это делать, не надо было так сильно давить на него. Ощувив мой страх, Влад вздохнул и крепче прижал меня к себе, уткнувшись носом в шею.

— Я вырастил чудовище... Прости меня, Ника. Я всегда хотел как лучше, но был слеп и вместе с собой загубил и тебя. А ведь ты спасла меня тогда, в мои двадцать.

О чем он? Что происходит? Я растерялась от неожиданности. В его двадцать? Что случилось в его двадцать? Это когда он принял черную кровь?

— Я много думал о том дне, когда услышал твой зов. Когда я понял, что ты тоже это сделала, тоже приняла черную кровь, чуть с ума не сошел, и понял, что должен добраться до тебя любой ценой. Я не знал, как помочь тебе, не знал, как спасти, хотя жаждал этого как ничего другого в жизни. А в итоге это ты спасла меня. Рядом с тобой черная кровь отпустила меня, а боль ушла, потому что я любил тебя. Всю мою жизнь ты помогала мне справиться с тьмой внутри, и всю эту жизнь я думал, что помогаю и тебе, что защищаю даже от самого себя, но я ошибался и теперь понимаю это. Это я виноват в том, что с тобой случилось, в том, какой ты стала, потому говорю тебе: прости меня, Ника, во всем этом виноват лишь я.

Что-то ныло у меня глубоко в душе от его слов, и оно раздражало меня, выводило из себя. До этой минуты я была в ладах сама с собой и не сомневалась в верности своих действий, но сейчас все покатило к черту. Не знаю, какие струнки в моей душе задела его слова, но из душевного равновесия он меня выбил начисто: злорадствовать, мстить и убивать расхотелось, зато захотелось укутаться в теплое одеяло и послушать сказку на ночь. Я

поймала себя на том, что дрожу в его руках, и он сжал меня крепче, погладил по голове, как когда-то давно. Так давно, что я уже забыла. Я снова была ребенком, маленькой девочкой под защитой любимого старшего брата, и мне было хорошо. Душа грелась, и только сейчас я поняла, насколько заледеневшей она была.

Мелькнуло воспоминание о Михаиле. С ним рядом мне всегда было так же хорошо, и в отличие от брата, с ним я никогда не испытывала страха, и душе было тепло, он грел ее, словно солнышко. Он не пытался сломать меня, а только поддерживал. Словно настоящий призрак, всегда был рядом, даже когда был далеко, казалось, я ощущаю его незримое присутствие. А уж когда брат уезжал по рабочим делам в другие страны, я и вовсе постоянно проводила время с ним, и мне было легко и свободно, и возвращаться после этого к брату было тем тяжелее, чем дольше я была с Михаилом, своим личным теплым солнышком. Как я могла потерять его, как могла допустить это...

— Не бросай меня, — жалобно попросила я Влада, и голос прозвучал сломанно, будто вот-вот зареву.

— Не брошу, ведь я люблю тебя, — он крепче прижал меня к себе.

Я погладила его по густым вьющимся черным волосам, собранным в хвост. Ладно, может я и правда погорячилась насчет Анны. Ну подумаешь, захотелось разнообразия. Поцелуй? Так без них он бы ее и в постель не затащил. А для него всегда буду существовать только я, и я это знаю.

— Я тебя тоже очень люблю, — мне надо было привести мысли в порядок. — Наверное, мне лучше пойти спать.

— Конечно, Ника, — он отстранился, чтобы целомудренно поцеловать меня в лоб. — Иди.

Я покинула его комнату в странных чувствах. Находиться в темном коридоре было неуютно, поэтому я поспешила к выключателю, задаваясь вопросом, в самом ли деле брат изменился, а я не замечаю. Когда пальцы уже тянулись повернуть выключатель, рядом в темноте шевельнулась тень, и я чуть было не задвинула ей локтем, но вовремя остановилась. Михаил стоял черной неподвижной тенью и пристально смотрел на меня.

— Ну и напугал же ты меня...

Я выдохнула, сбрасывая нервозность, и включила свет. Михаил продолжал молчать и неотрывно смотреть на меня незнакомыми глазами. И все же там, в этом незнакомом теле жила такая знакомая и любимая душа, и я улыбнулась:

— Пора спать. Идем.

По пути в спальню в голове заевшей пластинкой крутился наш с Владом разговор. Когда он говорил, я была не в состоянии думать, но мозг зацепился за что-то полезное и важное, о чем никак не получалось вспомнить теперь. Я открыла дверь своей комнаты, прошла, оставив дверь открытой, чтобы Михаил тоже мог войти, включила ночник, и тут меня осенило:

— Михаил! А ведь Влад прав! — я повернулась на молча глядящего на меня призрака. — Он любит меня, и оказавшись рядом, смог побороть черную кровь. Ты тоже любишь меня, и поэтому когда я пришла, ты справился с черной кровью и выжил! То же происходило с остальными выжившими агентами, и вот же ответ на вопрос Кайраджа, по этой же причине ты не умер, а остался рядом со мной! Потому что любил и любишь меня!

О, сказать, что я была воодушевлена, значило ничего не сказать, и я бы с радостью сообщила об этом Кайраджу, но не знала как, и потому решила поделиться этим открытием

хотя бы с Владом. Я быстро направилась к выходу из комнаты, как вдруг все вокруг потемнело, словно на мир опустился мрак или как будто тучи быстро закрыли небо, хотя в помещении неба и в помине не было. Фигура Михаила размазалась в пространстве и растаяла, я осталась стоять одна.

— Вероника, — раздался зов бога.

В его исполнении это слово было и приветствием, и сообщением это я, и обращением.

— Я нашла ответ на твой вопрос, Кайрадж, — сообщила я, довольная собой. — И выполнила то, что ты просил, с занавесками.

— Отвечай.

— Михаил остался со мной, потому что любит меня и потому что хотел защитить от Влада. Он просто не смог бросить меня.

— Ступень пройдена и засчитана. Но этого мало. Ты блуждаешь по кругу. Ты близка к ответу и далека одновременно. Думай еще. Птица летит на крыльях. Или на потоках воздуха. Или на разнице давлений. Думай глубже. Думай дальше. Вникай в суть вещей. Я повторю вопрос, внимай ему. Почему Михаил смог остаться с тобой после разрыва связи между его душой и телом?

В голове сразу возникло множество вопросов, например, при чем тут птица и давление, по какому такому кругу я брожу и так далее.

— Дай мне подсказку.

— Ответ нужно понять, принять и осознать. Подсказка только запутает тебя, — ответил он и продолжил сразу, без перехода. — Следующее твое задание легко, как и предыдущие. Скоро ты найдешь одноглазого льва. Вырви ему глаз.

Он опять начал вставлять больше смысла в меньшее количество слов, словно перестал себя контролировать. Кайрадж говорил не о живом льве, а о какой-то фигурке или статуэтке. И у него всего один глаз, явно из какого-то особого материала. И Кайраджу было нужно лишить его и второго глаза. Все его задачи невероятно странные и очень простые, но несмотря на это свою выгоду упускать я не собиралась.

— А что я получу взамен?

— Вас ищут. Я направлю их по ложному пути. Скрою тебя от преследования.

— Не меня, а нас. Брата и Михаила тоже, — я нахмурилась.

— Вас, — согласился бог и пропал.

Ближайшие три дня прошли спокойно. План по убийству новичков мы с Владом придумали, и Ольга обещала договориться с двадцатидвухлетними малышами и все организовать. Мужа Анны Ольга отправила в командировку в другую страну, тот только и успел, что забежать домой, заставив нас спрятаться, схватить немного вещей и попрощаться с женой. Влад провел много времени за чтением газет, вникая в нынешнюю политическую, экономическую и социальную ситуации. К Анне в спальню он больше не заходил, хотя даже если бы все эти три ночи он провел там, я бы отнеслась к этому спокойно, лишь с легкой долей ревности.

С Анной мы находились в состоянии холодной войны и гадили друг другу по мелочи, счет шел пока в мою пользу. Например, я, поправ все законы приличия, чувствовала себя здесь как дома и с удовольствием бесила владелицу дома этим фактом: переставляла местами вещи, не стучалась при входе в ее комнату и выражала это кучей других способов. Она, в свою очередь, пару раз попыталась случайно запереть меня в подвале и на чердаке, куда я пошла по ее указанию искать ноты, но мой дар был настороже, и ей это не удалось. Потом она наедине с братом закатила ему истерику, но он как человек разумный потребовал его в это не впутывать. И после этого подслушанного разговора я с чувством выполненного долга с удовольствием засела за пианино, перестав обращать на рыжую внимание вообще. Брат с этих пор предпочитал сидеть в одной комнате со мной, поскольку музыка его развлекала, а Михаил то блуждал по дому неприкаянным духом, то изображал мебель около меня.

Сегодня нам должны были прислать новичков, и поэтому с самого утра меня тянуло исключительно на мрачные медленные мелодии. В конце концов Влад не выдержал и, опустив газету, поднял глаза на меня.

— Вероника, что с тобой?

Я перестала играть и вопросительно посмотрела на него, состроив дурочку, хотя прекрасно понимала, о чем речь:

— О чем ты?

— Твоя музыка сегодня уже успела порядочно подпортить мне настроение, хотя еще вчера ты была довольна и весела.

— Сегодня день моей казни, — недовольно отозвалась я, и заметив недоуменное выражение на лице брата, добавила. — К нам сегодня пришлют малявок.

— А, понятно, — спокойно ответил Влад и снова углубился в чтение.

Что, и это вся реакция? Я рассчитывала хоть на какое-то участие, готовилась устроить скандал, чтобы вынудить его снять с меня эту тупую задачу по их обучению, и сейчас, не получив ожидаемой реакции, громко захлопнула крышку пианино, вновь привлекая к себе внимание:

— Влад, и как ты себе это представляешь?!

— Что? — он даже взгляд от газеты не поднял, возмущив меня этим до глубины души.

— Их обучение в моем исполнении!

— Легко. Берешь и обучаешь, как я всегда делал, — он демонстративно перелистнул газету, хотя явно не дочитал страницу.

— Вот именно! — я решила действовать уговорами, в случае с Владом почти бесполезная тактика, но надежда умирает последней. — Это всегда делал ты. У тебя и опыта в этом больше. А я... Ну что я? Чему я могу их научить?

— Чему считаешь нужным. Можешь вообще не учить ничему, а погибнут на первом же задании, так и черт с ними, с этим расходным материалом.

Я прекрасно знала, что он всегда дорожит жизнями людей в своей команде, а значит сейчас просто весьма неумело пытается мной манипулировать. Хочет, чтобы я сама за новенькими следила, чувство ответственности мне привить и всякое такое, но пес его задери, я на это не подписывалась. Он просто не понимает, как мне будет больно, когда гхаттиты их убьют, а в том, что это случится, я не сомневалась, и дело не в том, что я в них не верю, это просто трезвый взгляд на мир. У малышей нет шансов, потому что у них нет времени на полноценное обучение, да и что там у них за способности — так, пшик. Я больше не хочу этой боли, не хочу терять близких, просто не вынесу больше.

— Влад, я не хочу, — я устало вздохнула, оперевшись рукой на крышку пианино.

— Тебе это пойдет на пользу.

Он наконец оторвал взгляд от газеты и посмотрел на меня. Сказать больше никто из нас ничего не успел, в дверь раздался звонок.

— А вот, похоже, и они, — Влад встряхнул газету, распрямляя страницы, и снова уткнулся в нее взглядом, словно собирался к их приходу создать себе образ спокойного и ничем не интересующегося человека. — Встреть их.

Если бы крышка у пианино все еще была открыта, я непременно хлопнула бы ею сейчас, выражая все свое отношение к этому его приказном тону. Хотя чему я удивляюсь, он всегда был таким. Пока я вставала и направлялась к прихожей, Анна уже открыла дверь, впустив темноволосого парня с аккуратной маленькой бородкой и такими же аккуратными и на удивление не раздражающими меня усиками по последней моде. Утонченность, высокородность и упорядоченность проскальзывала во всех его действиях, одежде и даже прическе. Я готова была признать его симпатичным, а если бы не строгость черт лица и взгляда, то даже и смазливый. Одет он был в черный пиджак, брюки того же цвета и белую рубашку, чем-то неуловимо напоминая более строгую и собранную версию Влада. На голове парня красовался цилиндр, на ногах — лакированные туфли без малейшей пыли или грязи, а в обтянутых белыми перчатками пальцах он сжимал трость.

— Доброго дня, госпожа Пламенева. У вас очень красивый дом.

Он приподнял цилиндр, здороваясь с Анной, после этого перевел взгляд на подходящую меня и уже открыл рот, чтобы что-то мне сказать, как его пихнули в спину, прервав:

— Да пройди ты уже! — внутрь следом за ним ввалился мой старый знакомый Никита.

На нем красовался длинный коричневый плащ поверх небрежно наброшенной рубашки, а на ногах — коричневые штаны и невысокие сапоги. Анна не отреагировала на нарушение этикета и ответила незнакомому парню:

— Мне очень приятно, что вы оценили его по достоинству. Проходите, располагайтесь и почувствуйте себя, как дома, — произнесла она дежурную вежливую фразу и указала в мою сторону рукой. — Позвольте представить вам госпожу Веронику Князеву, вашего будущего наставника.

— Прошу прощения за поведение моего нерадивого друга, — вежливо извинился передо мной черноволосый, поправляя цилиндр. — Позвольте представиться...

Но договорить ему Никита снова не дал. Раскинув руки в стороны, он буквально

отпихнул своего друга и направился в мою сторону, широко улыбаясь.

— Вероника! А в клубе говорили, ты погибла. Сгорела, — он сгреб меня в охапку, затем отпустил, отстранился, продолжая держать за плечи, и недоуменно добавил. — И почему ты вдруг Князева? Знакомая, кстати, фамилия, где-то я ее слышал.

Я заметила, как его друг закатил глаза, и была с ним согласна, не сложить два и два в такой ситуации — это надо было еще постараться.

— Это Сцилла, Никита, так что прояви побольше уважения, — ответил он тому, а затем перевел взгляд на меня. — Еще раз приношу свои извинения. Он не слишком догадлив.

— Прошу прощения, вынуждена вас покинуть, — сообщила Анна, но внимание обратил на нее лишь черноволосый и молча учтиво кивнул.

— Ты Сцилла?

Никита ошарашенно отпустил мои плечи и присвистнул, отступая и до неприличия внимательно меня разглядывая. Похоже, мои худшие опасения подтвердились, узнав о том, кто я, он изменил свое отношение ко мне. Я сникла, придавленная этой мыслью, и возникшей тишиной воспользовался черноволосый:

— Я очень рад, что ты, Никита, наконец-то позволишь мне поступить, как и подобает по всем правилам этикета, а именно, окончить наше знакомство. Госпожа Князева, премного рад встрече. Наслышан о вас исключительно в лучшем свете. Моя имя Виктор Купцов.

Избавившись от перчатки, он вежливым жестом предложил мне ладонь, и я машинально опустила на нее пальцы в приветственном жесте. Его манеры и следование правилам приличия, которые Влад так не любил соблюдать, для меня были сродни глотку свежего воздуха, словно наконец я смогла говорить с кем-то на одном языке, на котором больше не общается никто. Прикосновения его губ к кончикам пальцев я почти не ощутила, как и должно было быть, но стоило мне попытаться забрать руку, как его пальцы слегка сжались, не позволяя этого сделать и привлекая к себе мое внимание:

— Я очень рад обучаться у такого человека, как вы, Вероника, — его большой палец скользнул по моим, огладив, и только после этого он освободил мою руку.

Весь жест, включая обращение по имени, недвусмысленно показывал его интерес ко мне. Я улыбнулась в ответ на этот флирт, и от внимания Никиты это не укрылось:

— Как всегда в своем репертуаре... Не обращай внимания на его вычурность, Вероника, на самом деле он неплохой парень.

— Обращайся к госпоже Князевой на вы и по фамилии, — оборвал его Виктор. — Нечего фамильярничать, это некультурно. А где, кстати, ваш брат, господин Князев?

— Он ждет, пока я вас встречу и провожу к нему.

Михаил по-прежнему стоял около пианино, когда мы вошли, а брат сложил газету и стоя дождался, пока я всех представлю друг другу по всем правилам, и только после этого взял слово:

— Вы оба теперь часть моей команды. Обучать вас будет моя сестра, и ее следует слушаться во всем. Что говорит она, то говорю я, а мои приказы следует исполнять в точности. Любое неповиновение может быть смертельным во время задания, поэтому вам придется научиться доверять мне и ей так же, как доверяете самим себе.

— А это кто? — Никита все это время косился на Михаила, который за время их присутствия в комнате ни разу не пошевелился, продолжая истуканом смотреть на них.

— Это зомби, Никита, — Виктор снова закатил глаза. — Нежить, понимаешь? Извините

его, господин Князев. Уверяю вас, несмотря на все это, у него есть навыки агента и свои преимущества.

— Вы здесь, чтобы учиться, а наша задача вас научить, так что даже если навыков нет, а их у вас пока нет, вы их приобретете.

В глазах Виктора читалась крайняя степень несогласия с заявлением про отсутствие навыков, но он смолчал.

— А теперь, сестра, они твои, — закончил Влад и сел обратно в кресло, беря в руки газету.

— Это не совсем зомби, но о нем я расскажу вам позже, — ответила я им обоим, ощутив необходимость оправдать Михаила. — А теперь следуйте за мной, я покажу вам ваши комнаты и все объясню.

— О, одну минутку. У меня важное заявление, — Никита с озорством в глазах обвел всех вокруг взглядом.

Он опустился на одно колено и достал что-то из кармана.

— Я всегда знал, что мы еще встретимся, и потому всегда носил это с собой, — сказал он, широко улыбаясь и протягивая мне раскрытую ладонь, на которой лежало кольцо. — Выходи за меня!

В комнате повисла мертвая тишина и даже Влад с удивлением отвлекся от газеты, глядя на него. Я осталась стоять в ступоре, не понимая, серьезно он или нет. Чтобы это выяснить, я потянулась к его ладони с кольцом, чтобы коснуться и пошариться в его голове, однако Виктор первый вышел из оцепенения:

— Ты совсем идиот?! — он схватил кольцо с его ладони и протянул мне. — Это госпожа Златова просила передать вам, госпожа Князева.

— Эй, не порть такой момент! И я не тебе замуж предлагаю, а Веронике! — полушутливо возмутился Никита и поднялся с колена.

— Кольцо?

Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, а потом я с почти детским восторгом выхватила ювелирное изделие из обтянутых белыми перчатками пальцев. На фоне этой чудесной новости даже ругаться на Никиту не захотелось, ведь я держала в руках тот самый предмет, к которому привязали моего призрака:

— О, Михаил, смотри, что нам передали! Влад, ты должен сделать это немедленно!

— Успокойся, Вероника, — Влад тоже догадался — Это не делается быстро, ты же знаешь. И мне понадобится твоя помощь.

Я знала, о какой помощи он говорит. Ему нужны чужие боль и страх, чтобы расширять свои возможности. Страх во время ритуалов от меня он получить не мог, но боль — да.

— Конечно, как скажешь, — выбора все равно не было, хотя вне всяких сомнений процедура приятной не будет, но что не сделаешь ради любимого.

— Отлично. И у меня к тебе еще одна просьба. Будь так любезна, позволь уважаемым господам взять тебя за руки.

Они оба мягко говоря удивились необычности просьбы, а я встала около них и протянула ладони. Сейчас Влад станет задавать им правильные вопросы, а я буду искать правдивые ответы в их головах, и если кто-то из них нам враг, я его сразу парализую.

— А зачем, господин Князев? — уточнил Никита, но ладонь мне протянул.

— Мне тоже любопытно было бы узнать ответ, если возможно, — произнес Виктор, из вежливости ставив с себя перчатку, и аккуратно взял мою руку в ладонь.

— Вы шпионы врагов Отдела? — спросил спокойно Влад, не поднимаясь с кресла.

— Конечно нет, что за чушь? — возмутился Никита.

— Нет, — Виктор тоже не соврал.

— Они чисты, — ответила я и повернулась к Владу, отпустив ребят.

— Хорошо. Теперь проводи их до комнат и до вечера объясни им все, начни с ними заниматься. Пока теория. Узнай об их способностях и расскажи о наших. Я пока готовлю все для Михаила. Приготовлений много, так что твоя помощь понадобится не раньше завтрашнего дня. И, Вероника, не забудь рассказать им о безумии.

— Ты уверен? — необычность его просьбы поражала.

Лично я считала, что сообщать им информацию, которую мы так долго скрывали от Отдела, не самое разумное решение, но вот Влад, похоже, был иного мнения.

— Абсолютно. Им с нами еще работать вместе, поэтому они должны знать, с чем могут столкнуться и кого звать на помощь. Считай это инструктажем по технике безопасности.

— Ясно... Идите за мной, — я направилась прочь из комнаты на верхний этаж, и они направились следом.

— Что это было? — не понял Никита.

— Нас проверяли, — отозвался сообразивший Виктор. — Госпожа Князева умеет управлять разумом и обладает прочими умениями, с этим связанными, в том числе, как понимаю, чтение мыслей. Тебе стоило бы уделять больше внимания историческим личностям и фактам, с ними связанными. Одна из теорий философии гласит, что все в мире движется по кругу и повторяется, лишь немного видоизменяясь, а значит в прошлом легко можно найти ответы на вопросы будущего, знания — сила.

— И это что было? — Никита покосился на Виктора с ухмылкой. — Если в тебе проснулся великий философ, лучше уложи его спать обратно.

— Твои шутки не смешны.

— Любишь философию? — я заинтересованно взглянула на него.

Мне нравилось разговаривать о подобных вещах, однако подобных людей почти не находилось, и как женщина и жена я была лишена удовольствия посещать философские вечера в кругу мужчин. Я все больше проникалась симпатией к этому человеку, и даже готова была признать, что не только не против его общества, но и не против его учить.

— Люблю логику и науку, — ответил Виктор. — Философия — тоже наука, просто особая. Даже в ней есть свои теоремы, требующие доказательств, вот только сделать это порой бывает сложно, а чаще и вовсе невозможно.

— Любопытное у тебя мышление, — я улыбнулась ему и опустила взгляд, словно бы смутившись, хотя мы с ним оба знали, что это всего лишь флирт. — Пожалуй, я была бы не против провести в твоём обществе некоторое время за приятной беседой.

— Благодарю, — он также сверкнул на меня улыбкой в ответ. — С удовольствием составлю вам компанию.

— Так, мы что, пришли уже? — уточнил Никита, буквально влезая в наш разговор.

От него повеяло ревностью, что заставило меня мысленно усмехнуться в предвкушении грядущих веселых дней в обществе мужчин, которые будут соперничать за руку дамы. А самое смешное в этой ситуации, что ни одному из них эта дама в итоге не достанется.

— Да, мы пришли, — я кивнула и перевела свое внимание на него. — Вот твоя комната. Виктор, а вот эта рядом — твоя.

— А твоя где? — спросил Никита.

Его мысли о том, чтобы заскочить ко мне вечером с возможным продолжением были настолько явными, что кажется, даже Виктор мог бы их заметить. Я вдруг поймала себя на том, что даже за это малое время я начала привязываться к нему, может и глуповатому, но доброму. В свое время я обратила внимание на Михаила примерно так же: пусть он был тихим и немного забитым, но душа его сияла. Виктор же, словно в противоположность другу, скрытный и умный, похожий на маньяка, однако есть и в нем нечто сильное, что манит к себе. Приятное чувство, что рядом со мной те, о ком бы я хотела позаботиться, коснулось моей души... и напугало до чертиков. Я не хочу больше страдать из-за близких и не буду. Надо просто держать их подальше, пусть ненавидят меня, презирают, лишь бы не лезли дальше в душу.

— Даже и не думай, — я скрестила руки на груди, уставившись на него, и улыбка моя сползла.

— Идиот, — прокомментировал Виктор, посчитав, что меня возмутила излишняя настойчивость Никиты.

— Ладно, мальчики, шутки в сторону, расставим все по местам. Никита, ты считаешь, что знаешь меня, считаешь равной себе, добренькой девочкой, с которой ты познакомился и которую можно поймать в любой момент, но ты ошибаешься. Я — Сцилла, твой враг, и заруби себе это на носу. Мы не друзья с тобой, и я не такая, как те, с кем ты общаешься. Я совершенно спокойно могу заставить тебя самому вырвать себе глаза, если мне вдруг что-то не понравится, чтобы потом, когда черная кровь восстановит твоё зрение, ты запомнил этот урок. Не заставляй меня прибегать к крайним методам донесения информации, — я повернулась на Виктора. — А ты, Виктор, не считай себя умнее меня. Я вижу тебя насквозь, и не только благодаря дару. Ты затеваешь долгую игру, но я всегда буду на несколько ходов впереди, и это не вызов тебе, а констатация факта, взывающая к твоему разуму. Если понадобится, я преподам урок и тебе, и это будет кое-что похуже обещанной твоему другу боли, это будет то, чего боишься именно ты, и пока я буду докапываться до твоих самых глубоких страхов, заставлю тебя испытывать стыд и моральное унижение, заставлю пасть в глазах окружающих и самого себя.

Пока я говорила, Виктор старался сохранить маску вежливости и бесстрастности, но эмоции сообщили, что он понял меня и воспринял всерьез, и сразу за этим, испугавшись за своего недогадливого друга, он покосился на него.

— Ха, а неплохо, — Никита приблизился ко мне и одну руку положил на талию, а второй коснулся моей щеки, его голос стал на тон ниже, соблазняющий. — Знаешь, такая стержовность возбуждает. Люблю боевых женщин, с ними не скучно в постели.

Как Виктор и подозревал, Никита свой урок не усвоил, а значит придется донести получше, как бы неприятно мне ни было прибегать к подобным методам. Я заглянула ему в глаза, заставив замереть, и обычно этого бывало достаточно, чтобы напугать человека, но он лишь удивился с примесью любопытства.

— Чего ты боишься больше всего? — тихо спросила я, глядя ему в глаза.

Когда я делала такое с людьми, они потом говорили, что мой голос отдавался мрачным загробным эхом у них в голове. Наверное, таким же я слышу голос Влада, когда он в своей тьме. В ответ на свой вопрос я получила видение. Темный чулан. Он в нем один. Дверь открывается, а на пороге стоит его отец. Одна лишь тень в проеме. В руке отца ремень. Он опять пришел, чтобы наказать ребенка. Никита ужасно боялся его и темного чулана. И я ударила по этому страху:

— Проживи это, — произнесла я, вернув ему это видение обратно и вместе с тем дав возможность двигаться.

Видения подобного рода проживаются моментально, хотя для него самого там могло пройти много времени. Никита отскочил от меня, тяжело дыша и пару раз моргнул, осознавая, что он не там, в своем далеком прошлом, а здесь и сейчас, в своем настоящем.

— Стерва! Я к тебе по-доброму, а ты... Сволочь!

Мне было жаль его. Очень жаль. Он так походил на Михаила при жизни. Тот тоже был очень добрым и веселым, противоположностью брату. Он приносил свет в мою жизнь. Но если Никита не поймет, что мир жесток, если не вырастет психологически, мир сожрет его. Конечно, прибегать к такой вещи, как использование глубинного детского страха, нехорошо. Я, имеющая свой личный страх, понимала его как никто. Но так было нужно. Так было лучше для нас всех.

— Да, я стерва. Но если произнесешь это еще хоть раз вслух или мысленно, я придумаю для тебя пытку похуже. Просто чтоб ты понимал, я не испытываю к тебе ненависти или чего-то подобного. Считай это своим первым уроком, — я повернулась на Виктора. — Надеюсь, тебе не нужно ничего объяснять?

— Нет, — отрицательно качнул головой тот. — Я все понял.

— Хорошо. Называть меня можете по имени или по позывному, на Сциллу я тоже отзываюсь, но обращаться исключительно на вы. Теперь идите по своим комнатам, можете погулять по дому и привести себя в порядок. Через час я жду вас внизу у камина. Начнем первый урок.

— Второй, — Никита усмехнулся.

Ни капли расстройства в голосе и эмоциях. Быстро же он отошел, даже удивительно. Ничего ему не ответив, я развернулась и ушла в сторону своей комнаты. Весь час я из нее не выходила, успокаиваясь. На душе было гадко. Я знала весь путь, через который нужно было пройти этим ребятам, и мне было их искренне жаль. Я не желала им такой судьбы. А с учетом того, в какой мы ситуации, у них и времени нет. Как нас с братом когда-то зашвырнуло в этот водоворот, как на нас свалилась та масса проблем, так сейчас и эти двое попали в жернова жизни. И к сожалению, чтобы они могли выжить, начать их ломать должна была я, потому что в отличие от реальности, я смогу остановиться вовремя.

Когда я вышла из комнаты, первое, что бросилось мне в глаза, это Михаил. Он стоял и молча смотрел на дверь. Ничего, мой бедный призрак, скоро твои мучения кончатся, будешь жить нормально. Я улыбнулась и потрепала ему волосы:

— Сегодня вечером все кончится. Не переживай, родной.

Он поднял руку, поднес ее к моему лицу, но не коснулся. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. У меня в горле опять свернулся ком. Ничего, ничего, скоро он придет в норму. Так хочется сделать все побыстрее, но нет, сейчас важнее, чтобы все прошло гладко, и если брату для этого нужен лишний день, он его получит.

— Кто он такой? — без тени улыбки спросил Никита, который стоял поодаль и внимательно наблюдал за нами.

— Объясню, когда спустимся вниз, — ответила я и пошагала к лестнице. — Михаил, идем.

Он приподнялся над полом и пролетел следом за мной.

— Ну надо же... — Никита покосился на это его действие и также последовал за мной.

Кресел внизу было четыре. И стояли они вокруг небольшого столика, на котором стояло

вино и четыре бокала. Виктор уже ждал нас в кресле все в том же наряде, но без цилиндра. Закинул ногу на ногу, а руки положил на трость. Та лежала поперек ручек кресла и заходящее солнце блестело на ее набалдашнике в виде головы золотого льва. С одним камнем. Да это же одноглазый лев! Осталось придумать, как до него добраться.

— Госпожа Пламенева уехала, разрешив пользоваться любыми запасами в ее доме. И я взял на себя смелость подготовить наш маленький праздник, — сообщил нам Виктор, вставая при виде дамы, то есть меня, как того требовали приличия. — Присаживайтесь, Вероника, прошу.

Я прошла и села в кресло напротив него, а Никита сел по мою правую руку между мной и Виктором:

— Ну ты даешь, — прокомментировал Никита, глядя на стол. — А почему четыре, нас же трое?

— Я решил, — ответил Виктор садясь лишь после того, как села я, — что господин Князев также может пожелать к нам присоединиться. И чтобы не ставить его в неудобное положение, взял четвертый бокал. А кресло здесь уже стояло.

— По какому поводу праздник? — уточнила я.

— Сегодня мы с моим другом для всех умерли. Однако на самом деле мы возродились для новой жизни, — Виктор взял бутылку и подвинул к себе мой бокал, стал наливать. — Позвольте я сегодня за вами немного поухаживаю.

— Очень любезно с твоей стороны, — я улыбнулась.

— Подхалим, — фыркнул Никита и дождавшись, пока Виктор нальет мне и себе, налил себе сам.

— Что ж, за новую жизнь, дамы и господа! — Виктор поднял бокал.

— За новую жизнь, — ответила я и пригубила вино, а самой снова стало грустно, знали бы они, что это за жизнь, не радовались бы. — Брат вряд ли появится, он готовит руны для ритуала, это долгая процедура.

— Что за ритуал? — спросил Виктор больше из вежливости, нежели из интереса. — Если, конечно, это не тайна.

— Посмотрите туда, — я указала пальцем слева от себя в сторону Михаила, который стоял и молча смотрел на нас. — Его имя Михаил.

— Позволю себе уточнить, — отозвался Виктор, — что его зовут Денис Веревкин, и это недавно погибший сотрудник Отдела. Почему вы называете его Михаилом?

— Денис умер, — я постаралась не выдать эмоций и сказала это ровно, хотя хотелось зашипеть. — В его тело вселили призрака человека, которого звали Михаил.

— Не тот ли Михаил, который некогда был третьим в вашей с господином Князевым команде? — прищурился Виктор.

— А кто с ними был? — спросил Никита, на данный момент уже допивший свой бокал и наливавший себе еще.

Виктор закатил глаза, но все же объяснил:

— Михаил Зверев тоже был агентом первой волны, имел позывной Призрак и соответствующие способности. Погиб во время защиты государевой семьи в день их свадьбы.

— Да, я говорю именно о нем, — отозвалась я. — Вряд ли об этом было написано в исторических хрониках, но Михаил не умер. Он как призрак остался со мной.

Говорить о его смерти было тяжело до сих пор, но я старательно сохраняла лицо.

— Когда Отдел решил вернуть меня из отставки, они обманом забрали его у меня,

привязав к предмету. Кольцу, которое ты, Никита, сегодня мне вернул.

— Ого, неплохо, — удивился тот.

— Неплохо, только вот некроманты у Отдела отвратительные, — я не сдержалась и скривилась. — Михаил не вернулся в тело, он просто заперт в нем, как в ловушке. Впрочем, что взять с агентов третьей волны. Теперь я получила кольцо назад, и мой брат сделает все как надо. В данный момент он рисует руны именно для этого ритуала.

— Ваш брат некромант? — уточнил Никита.

— Мой друг совсем не знает исторических хроник, — извиняющимся тоном произнес Виктор и дальше объяснил уже Никите. — Владислав Князев — сильнейший некромант из известных, в том числе имеет дополнительные смежные с некромантией возможности, разбирается в химии и взаимодействии с духами.

— Да ты прям ходячая энциклопедия, — усмехнулся Никита.

— Ты про всех агентов первой волны читал? — улыбнулась я, пригубив еще вина.

— Нет, — Виктор посмотрел мне в глаза и улыбнулся в ответ. — Признаться честно, меня всегда интересовала исключительно ваша троица, Вероника, потому что именно вы — последние выжившие, а значит наиболее эффективные, и именно вы уничтожили главного последователя Гхаттота. Я всегда мечтал, что однажды буду вместе с вами служить на благо Отдела. В свои двенадцать я был крайне расстроен, узнав, что вас с братом отправили в отставку.

— Скучно в отставке, да? — пошутил Никита. — Решили вернуться и размять старческие косточки?

Виктор опять закатил глаза, но ничего не сказал. Я же слова его друга проигнорировала и решила, что пора переходить к делу.

— А теперь слушайте внимательно, господа. Чтобы сражаться с противником, противника нужно знать.

— Да их отличить легко, — снова вмешался Никита. — У них не лица, а сплошные задницы в бородавках, вот честное слово. И кожа белая.

— Последователи Гхаттота так и выглядят, — согласилась я. — Но не одни они наша проблема.

— Ты забыл про агентов второй волны, — сказал Виктор. — Они поопаснее будут.

— Именно, — подтвердила я. — Но есть еще и порождения Зоога и дети Кхутуру.

— Разве вы не всех истребили? — искренне удивился Виктор.

— Вряд ли. За время своей жизни они успели расселиться по всему миру. Где-то наверняка еще остались. Итак, все вы знаете о трех богах: Кхутуру, Зоог и Гхаттот, — внутренний голосок напомнил про Кайраджа, но вслух я благоразумно об этом не сказала. — Кхутуру был на земле когда-то очень давно, и был уничтожен орденом паладинов, который ныне и перерос в такую организацию как Отдел. После Кхутуру явился Зоог, и случилось с ним то же самое, однако каждый из богов оставлял после себя своих порождений. Например, бестии и чудовища, называемые детьми Кхутуру, и баньши с вампирами, они же порождения Зоога. Задача Отдела — уничтожить богов и всех их тварей.

— Ну, это мы знаем, — Никита откинулся в кресле на спинку, оставив второй уже опустошенный бокал вина.

— Сомневаюсь, что ты это знал, — поддел его Виктор.

— Ну не совсем уж я идиот, — нисколько не обидевшись, отозвался тот.

— Зоог явился примерно через двести лет после победы над Кхутуру, а за ним еще через

примерно сто лет пришел Гхатгот. Разумеется, все они наши враги, но как верно заметил Виктор, самой большой проблемой являются агенты второй волны. В отличие от белокожих лысых гхаттитов, эти ничем не отличаются от людей и не чураются услугами наемников, так что визуально определить их или их приспешников как врагов мы не можем.

— Ага, вот почему ваш брат спрашивал нас про шпионство на Гхаттота, — уточнил Никита.

— Именно, — кивнула я. — Так что увы, сейчас наши враги почти люди. Но они не те, кем были раньше, они полностью подчинены своему богу, и во всем виновата черная кровь. А теперь объясняю, зачем я все это рассказываю. Вам придется работать со мной и моим братом, поэтому вам нужно знать о мерах предосторожности. Мы еще более приближены к Гхаттоту, чем даже агенты второй волны, именно поэтому мы еще более опасны, чем они.

— Да уж, я заметил, — хмыкнул Никита.

— Прекрати паясничать, Никита. В нас с братом столько черной крови, что хватит на сотню таких, как ты. Я говорю о безумии, смертельной особенности, которой обладают все агенты первой волны.

— Это что-то новенькое, — удивился и сразу заинтересовался Виктор. — Вы не могли бы рассказать подробнее?

— Чтобы нас не устранили, мы, чернокровные, скрывали это от Отдела. Если мы слишком много используем свою силу или находимся на грани гибели, то можем впасть в безумие. В этом состоянии мы значительно менее уязвимы, более сильны, и, к сожалению, не отдаем себе отчет в своих действиях. Проще говоря, если я или Влад впадем в безумие, мы полгорода вырежем, прежде чем нас убьют.

— И насколько легко ввести вас в это состояние? — Виктор сразу подошел к делу практично.

— Очень сложно, но возможно. Если вы видите, что мой брат стал похож на гхаттита, от вас требуется одно — бежать как можно быстрее и дальше, а если я еще не в курсе о случившемся, об этом нужно срочно сообщать мне. Это понятно?

— А что значит стал похож? — уточнил Виктор. — Он лишится волосяного покрова и его тело изменится?

— Когда это случится, ты поймешь, — я улыбнулась.

— А если это случится с тобой? — Никита наконец посерьезнел.

— Это одна из моих способностей, я не впадаю в безумие.

— Позволю себе заметить, что в истории значится один подобный случай безумия... С какой-то из групп агентов, — Виктор нахмурился, вспоминая.

— Всезнайка что-то забыл? Ушам не верю.

— Нет, это не группа... — Виктор ничего не ответил другу. — Если я не ошибаюсь, позывной этого агента Ночь, верно?

Я кивнула. Как бы неприятно мне ни было об этом думать, воспоминания пришли сами...

ТОГДА. Безумие черной крови

Я сидела в ванной. Горячая вода приятно облегла тело вместо одежды. Вода была жарковата, так что одну ножку я высунула наружу. Единственными моими атрибутами сейчас были миниатюрные очки на кончике носа и книжечка в руках, которую я читала. Не занятая книгой рука опиралась локтем на край ванной, а указательным пальцем подпирала висок. Эдакая примерная ученица в скромно-развратном виде. Влад стоял рядом с холстом и рисовал. Что ж, участвовать в этой композиции мне нравилось. Во-первых, до меня долетали отголоски его возбуждения, приятно лаская разум, а во-вторых, было не скучно. Я изучала теорию относительности, а не просто сидела, копаясь в своих мыслях.

От приятного занятия отвлек звонок в дверь. Я опустила книжку на колени аккуратно, чтобы не намочить, и поверх очков молча вопросительно посмотрела на брата. Он верно понял мой немой вопрос, нужно ли мне открывать, и отложил кисть и палитру.

— Я открою. Будь здесь, — он покинул ванную.

Приятно, когда тебя понимают без слов. Я воспользовалась неожиданной передышкой, чтобы встать и потянуться. Капельки воды заскользили по округлым изгибам тела, и я, представив себя со стороны, решила подождать брата так. Мне нравилось его дразнить: кто бы там ни пришел, иметь меня прямо при нем он не станет, а значит будет сидеть и молча хотеть меня без возможности получить. Своеобразная месть за содеянное шесть лет назад, в мои двадцать.

— Вероника! — голос брата раздался сверху. — К тебе пришли.

Я вздохнула и недовольно поджала губы: брат ко мне не спустится. Пришлось вылезать и одеваться. Когда я вышла в гостиную, меня там ждала Оксана, миловидная блондиночка, лет на пять старше меня. Мы познакомились еще в школе, а после она со своими двумя друзьями оказалась одной из тех, кто выжил после принятия сыворотки. Во время учебы близкими подругами мы не были, сдружились со временем, будучи теми единицами, что выжили после принятия черной крови.

Сейчас она сидела на диване в форме отдела бледная, как смерть. Смотрела в одну точку перед собой, смиренно сложив руки на колени, что не похоже на нее. Помимо этого обеспокоили меня еще две вещи. Во-первых, она в форме. Все еще на задании что ли. А во-вторых, она весьма жизнерадостный человек. Ума не приложу, что же такого могло случиться, что она такая мрачная.

— Ночка! — я широко улыбнулась. — Рада твоему визиту, дорогая!

Ночь — ее позывной, и он прилепился к ней так сильно, что ее так порой называло даже начальство, что уж говорить про остальных.

Я наклонилась к ней и чмокнула в щеку. Обычно Ночка мне свою щеку подставляла, но сейчас она осталась сидеть, глядя перед собой стеклянным взглядом, и тихо произнесла.

— Они погибли, Вероника.

— Кто?

Я не сразу поняла, о ком она. А может просто не пожелала понять, догадаться было несложно.

— Они, — она произнесла это слово с нажимом, чем подтвердила мои худшие опасения.

Агенты Чернобог и Белобог — один проклинатель, другой предсказатель — ее напарники и по совместительству любовники. Я не вдавалась в подробности ее личной жизни, но одно знала точно: именно они помогли ей справиться с безумием черной крови, как и она — им.

— Как?.. Я не понимаю... — я осталась стоять перед ней в легком шоке, не зная, как реагировать.

— Наша группа села на хвост главному гхаттиту, и он загнал их в ловушку на последнем задании. Они спасли мне жизнь, спрятали, а сами оказались в окружении нежити в центре ритуального круга, где их сила не работала. Я своими глазами видела, как их разорвали, но была сильно ранена и помочь ничем не могла.

Ночка сообщала это равнодушно, явно не в первый раз, но я понимала, как ей больно, буквально видела эту стену, что она возвела между своими чувствами и всеми окружающими, не желая, чтобы они знали, что творится у нее внутри. На секунду я представила, что со мной будет, если вдруг Михаил или Влад умрут, не говоря уже о том, чтобы видеть, как это будет происходить, и меня передернуло.

— Мне очень жаль. Очень и очень, — я просто не знала, что еще можно сказать.

— Я пришла попроситься.

— Ты что, руки на себя наложить решила? Ночка, одумайся!

— Нет, — она грустно улыбнулась и наконец перевела взгляд на меня. — Отдел выдал мне путевку, чтобы я отдохнула и пришла в себя. Завтра поезд, я уезжаю.

Я расслабленно выдохнула. У Отдела эти путевки всегда были под рукой как раз для таких вот случаев. Последствия психологического перенапряжения в случае чернокровных агентов могли быть непредсказуемыми, и Отдел заботился о них как мог.

Ночка взяла с меня обещание проводить ее завтра на поезд и с тем ушла домой собирать вещи, а я все еще в шоке осталась сидеть в гостиной, пытаюсь проглотить подступивший к горлу ком. Ее напарники были отличными ребятами. Между собой они познакомились еще в школе. Я тогда не дружила с ними, но и не враждовала, общалась исключительно как с сокурсниками. Эти двое всегда были жизнерадостными и озорными ребятами. Конечно, они часто получали за свои выходки, но не делали ничего дурного, и я никогда не назвала бы их плохими людьми. А теперь вот их нет.

Когда черная кровь убила многих моих знакомых, с которыми, как я думала, буду работать, я нашла утешение во Владе и Михаиле, только так и справилась. Хоть нас и осталось мало, хотелось верить в наше всемогущество, ведь мы уже избежали смерти, а второй раз не вешают. Я смотрела на Влада и Михаила, и казалось, что ни один агент больше не умрет. Но потом во время сложной операции в борьбе с порождениями Зоога погибло трое: группа из двух агентов целиком и один агент из другой пары. Его напарница после этого тяжело заболела, и врачи до самой ее смерти не могли понять что с ней; версию о смерти от тоски руководство к сведению не принимало. Это случилось около трех лет назад. И вот опять. Вторая троица развалилась. Теперь нас осталось шестеро: моя троица, еще одна пара и Оксана. Да и как сказать осталась, не агент, а так, половинка. Погибли те, кто мог избавить ее от безумия черной крови, и использовать свои силы ей теперь можно было лишь в малых количествах, а лучше не делать этого вообще. Отдел не должен узнать нашу тайну, не должен узнать о безумии.

После рассказа Ночки я осознала, что в любой момент могу потерять тех, кто мне дорог, и надо ловить те моменты, которые мы можем провести вместе, поэтому на вокзал я пришла с Михаилом. Кроме меня, у Ночки подруг не было, а после смерти напарников и вовсе близких не осталось, так что провожали ее только мы.

Ночная тьма постепенно укутывала небо. Поезд уже стоял, ожидая пассажиров, и я обнимала подругу на перроне среди таких же провожающих. Михаил стоял рядом и не мешал нам прощаться.

— Ты, главное, помни, что ты не одна, — я отстранилась от нее, продолжая держать за плечи и улыбаясь. — У тебя есть как минимум мы. Когда вернешься, обязательно зайти в гости, расскажи про поездку. А там и с начальством договоримся, может тебя к нам в команду определят четвертой. Договорились?

— Угу, — Ночка кивнула.

На ее лице застыла грустная, но все-таки улыбка. Она старалась справиться со своим горем как могла. Я приблизилась к ее уху, чтобы Михаил не слышал, и заговорщически прошептала:

— Найди там себе какого-нибудь мужчину.

— Что ты такое говоришь, Вероника! — возмутилась она, а затем, покосившись на окружающих, снизила громкость голоса. — Это же неприлично. Если кого и искать в этом смысле, то мужа. Но кому я такая нужна, я ведь уже была с мужчиной. И даже не с одним, ты знаешь...

Она помолчала секунду и только потом продолжила совсем погрузневшим голосом:

— Они еще два дня назад в шутку кидали монетку и решали, кому я достанусь. Месяц назад они решили, что мне надо за кого-то из них выйти замуж. А теперь... — она всхлипнула.

Я прижала ее к себе и обняла, затем покосилась на Михаила и взглядом покивала в сторону, чтобы он оставил нас. Он понял мою молчаливую просьбу и скрылся с глаз.

— Ну-ну, тише, — я погладила ее по спине. — Мне кажется, тебе стоит отложить поездку на пару дней и сходить на их похороны, выплачешься там и станет легче.

Сказала об этом и сразу пожалела. От Ночки разошлась волна эмоциональной боли, и теперь уже она крепко вцепилась в меня и заревела в голос:

— Да нечего там хоронить, Вероника, их сожрали! Нежить жрала их тела, даже когда они рассыпались в прах, а я смотрела на это и пряталась, зажимая рот, чтобы не выдать себя. Это я виновата! Я могла что-нибудь сделать! Выползти, попытаться пострелять нежить, убить того гхаттита. Но я ничего не сделала!

Ее всхлипы привлекали внимание окружающих, ее лучше было увести, но я решила, что сначала ей надо выговориться. Черт, а ведь если подумать, это действительно ужасно — оказаться в такой ситуации.

— Они спасли меня ценой своих жизней, и что теперь? Зачем мне такая жизнь? А ведь Белый предсказал перед заданием, что что-то серьезное случится, что мне будет больно...

Новая волна рыданий прервала поток ее слов, а я просто стояла и гладила ее по волосам:

— Ты не виновата, это их выбор. Они хотели, чтобы ты жила. Они любили тебя и сделали тебе такой подарок. Они бы хотели тебе счастья.

Я продолжала говорить что-то успокаивающее и постепенно рыдания превратились в

тихие всхлипывания, и голос ее стал тише, но объятий подруга не разжала:

— Я ведь даже ребенка ни от кого из них не могла завести. От них не осталось ничего, кроме воспоминаний... Вероника, это он.

Ее последние слова были настолько изумленными и настолько не вписывались в общую картину, что я обернулась посмотреть, кого она там увидела. Ночка выпустила меня из объятий, продолжая смотреть в толпу. Наконец в этой темноте и я заметила его. Из толпы его выделяла невероятно бледная кожа, и на ее фоне темные глаза выглядели пустыми проемами. Лохмотья покрывали его тело вместо одежды и были такими же грязными и свалявшимися, как седые похожие на паклю волосы.

Ночка пошла мимо меня в его сторону, и по контуру ее тела за клубилась тьма. Вот тут я испугалась. Использование способностей так явно — это нарушение закона, за такое к суду могли привлечь, не говоря уже о том, что безумие с нее снять некому, а это чревато не только многочисленными смертями здесь, на вокзале, но и раскрытием тайны всех чернокровных агентов. Я схватила подругу за руку и зашипела сквозь зубы, стараясь не привлекать излишнее внимание:

— Ты что творишь! Стой!

Она повернулась на меня. В ночных сумерках темнота вокруг нее заметна не была, если не приглядываться. Окружающие пока что не обращали на нас внимания, и я надеялась, что все обойдется.

— Вероника, — ее голос шелестел полусшепотом, как бывало с ней при использовании сил, — это он убил их. Я отомщу.

— Твои любимые хотели, чтобы ты жила, а не бросалась в одиночку на такого опасного противника.

— Тогда помоги мне.

— Тут же люди кругом, опомнись! Тебя под суд отдадут, если выживешь!

— Я не повторю одну ошибку дважды. Не останусь в стороне. Не помогаешь — так не мешай!

Темные крылья с тихим шелестом распахнулись от поднятых рук, являющихся их частью, и Ночка черной птицей взметнулась в воздух. Это поразило меня на целую секунду, ведь она никогда так не умела. Ее способность — формировать из тьмы животное, которое являлось ее продолжением, ее частью и находилось прямо в ней. Не будучи материальным, оно в то же время действовало автономно, влияло на материальные сущности и вполне могло сражаться. Но вот птицы, которая еще и ее могла поднять в воздух, у Ночки не было. Лишь несколькими годами позже, когда погиб Михаил, я поняла, что новые возможности мы получали на пике эмоций вроде желания отомстить, которое я наблюдала прямо сейчас.

На ту секунду, что тьма окутывала ее, формируя полноценную черную птицу, Ночка зависла напротив крыши вокзала, будто закон тяготения ей не писан, а затем огромный коршун из черного тумана, внутри которого девушка была почти неразличима, выставив темные когти, спикировал на противника. Тьма вцепилась в гхатгита, Ночка повалила его на перрон и стала наносить ему удары в лицо один за другим, кажется, жаждя порвать его в прямом смысле голыми руками. Люди, наконец начиная осознавать происходящее, бросились врассыпную от места сражения.

Черная птица сменила форму на более привычную Ночке огромную псину, и после очередного удара Ночка замерла, позволяя черной собачьей пасти вцепиться ему в шею. Тень стала мотать головой, стремясь вырвать противнику глотку, и с обычным человеком

оно так бы и случилось, вот только гхаттиту тьма не причиняла вреда, словно попросту не существовала для него.

Я ощущала себя полнейшим ничтожеством, мне попросту нечего было ему противопоставить, даже мысли прочесть не получалось, потому что черная кровь в нем зашкаливала. Я бросилась к ней, чтобы оттащить, убедить сбежать, но ее псина ловко лягнула меня, даже не отвлекшись от основной цели, и я, улетев на несколько метров назад, проехала по перрону спиной.

Поняв, что животное бессильно, Ночка снова стала наносить ему удары один за одним, и ее тьма бесновалась, пытаясь разодрать противнику горло, отскребая и откусывая куски от плитки перрона, но не имея возможности причинить вред гхаттиту. Все это происходило очень быстро, и я буквально видела, как стремительно Ночка двигалась к черте, за которой начнется безумие. Для нее это была возможность отомстить, и я прекрасно понимала эти чувства, но сама она из безумия не выйдет, а значит, моя подруга умрет. Я вскочила на ноги, попутно пытаясь понять, почему противник ничего не делает. Возможно, ему выгодно ее безумие? А может, у нее получилось, и она его убила?

— Ника! — Михаил выскочил из здания вокзала, еле пробившись через убегающую толпу.

— Забери ее! — завопила я в состоянии, близком к истерике. — Безумие!

Михаил бросился к дерущимся, и в этот момент рядом с ними начали падать люди. Они хватались за шею, за свои плечи, лицо, кричали от боли. Их кожа очень быстро гнила, и они умирали. Отвратительное зрелище. Этот гхаттит проклинал окружающих и собирал силы из боли, в том числе из своей. Он не сопротивлялся, просто лежал на земле, а Ночь в исступлении била его и била, ненамеренно давая больше сил.

Михаил хотел схватить ее и оттащить, но теневой пес резко развернулся и попытался укунить его. Нападение на своих — первый признак безумия, в этом состоянии чернокровный не различает своих и чужих. Михаила спасло лишь то, что зверь не мог выйти из своей хозяйки, Призрак успел мерцнуть назад, и черные клыки клацнули по воздуху. Ночка даже не отвлеклась, она продолжала наносить удары, от которых, у нее уже костяшки пальцев разбились в кровь. Люди, только что так громко кричавшие, начали вставать. Пять трупов. Пять мертвецов, окружавших поле боя.

— Ночь, надо уходить!

Михаил снова бросился к ней, но тьма, с окончательным безумием хозяйки потерявшая осмысленную форму, схватила его и отшвырнула через поезд. Похоже, какие-то капли сознания у Ночки еще оставались, иначе она убила бы его. Мертвецы, окружившие дерущихся, вспыхнули тьмой, образовав пентаграмму. Зверь ее вспыхнул и рассеялся, но подруга не заметила ничего этого, продолжая бить гхаттита.

Я не могла потерять ее вот так. Просто не могла. Пусть это глупый поступок, но я не могу стоять и смотреть, как умирает близкий мне человек, и ничего не делать. Даже если я не могу сделать ничего, даже если я просто обычный человек для этого гхаттита, я должна сделать хоть что-то, и не выдержав ощущения бессилия, я снова бросилась вперед. Со всего размаха я врезала коленом по одному из мертвецов, но тот даже не дернулся, а у меня появилось ощущение удара об столб, и я зло зашипела от боли. Попыталась хотя бы просто отпихнуть его ударом по ногам, но увы, столб есть столб. Крик подруги отвлек меня. Она вместе с гхаттитом находилась в центре пентаграммы, и ее приподняло над ним. От мертвецов к ней тянулась тьма, но не такая, как у нее, и мне это казалось больше похожим

на цепи. Они причиняли боль, и она извивалась, пытаясь за них ухватиться, а ее болезненный крик был смешан с рыком злости. И в какой-то момент ее будто прорвало:

— Сдохни! — прошелестела она искаженным до загробного шепота голосом.

Тьма полыхнула от нее во все стороны, прорвалась, будто Ночка разбила проклятие, не дававшее ее силе действовать, и щупальца тьмы, так напоминавшие щупальца тьмы Влада, раскинулись в разные стороны, пытаясь нанести удар по мертвецам, но прямо перед ними ударились о невидимый барьер. В этот же момент меня за руку схватил мерцнувший ко мне Михаил.

— Уходим, — он потянул меня в сторону.

— Хочешь ее тут бросить?! — в истерике я чуть не сорвалась на визг и уперлась ногами, не давая себя сдвинуть.

— Ей уже не помочь. Она в безумии. Надо уходить, — он снова дернул меня за руку.

— Я не пойду! — я рванула руку на себя.

— Времени нет!

Его дальнейший поступок был крайне неожиданным. Он ударил меня в живот так, что дыхание перехватило, и я согнулась, не в силах что-либо предпринять. А он схватил меня, перебросил через плечо и бегом, быстро мерцая, потащил в дальнюю часть перрона, где можно было покинуть вокзал. От удивления и шока я не успела обидеться или разозлиться, и лишь бросила взгляд на происходящее с Ночкой. Она висела в центре огромного купола внутри пентаграммы, образованной мертвецами. Под ней лежал, приподнявшись на локтях, гхаттит. Ее тьма бесновалась, билась в барьер, не в силах его преодолеть, отбивая куски плитки с перрона, пыталась разорвать гхаттита, но проходя сквозь него. И тут он повернулся в мою сторону. Я очень четко ощутила на себе его пристальный взгляд. Он запомнил и придет за мной, поняла я. Точно придет. И однажды по одиночке он уничтожит всех агентов с черной кровью, а потом ему уже некому будет помешать.

Тот день стал одним из самых сложных в истории Отдела. Они узнали о безумии. Был открыто нарушен маскарад. В стычке с эхом Гхаттота лучшие агенты отдела ничего не смогли сделать. Этот день показал, что Отделу Гхаттот не по зубам, и с последствиями разбирались долго и тяжело. Касательно крайней стадии безумия решили, что проблема была единичная — только у Ночки. В средствах массовой информации случившееся долго заминали, а с особо зарывавшимися журналистами начальство общалось лично. Что же до последователя Гхаттота — он на несколько лет пропал из поля зрения Отдела, и начальство с радостью ухватилось за предположение, что он погиб, несмотря на то, что тело найдено не было, ведь все чернокровные после смерти рассыпаются в прах.

В моей личной истории тот день отпечатался как переломный. Именно тогда я поняла, что единственные, кто мне нужен, это Михаил и Влад, а к остальным я не хочу и не буду испытывать никаких положительных чувств. Потому что всех этих людей слишком легко потерять, а потеря — это слишком больно.

— Вероника? — голос Виктора и его тактичное покашливание заставило меня обратить на него внимание. — Вы так серьезно задумались, что-то не так?

— Все в порядке, — я тряхнула головой, выбрасывая из нее воспоминания. — Рада, что хотя бы один из вас знает историю. Теперь осталось научить вас последнему, что потребуется на заданиях. Связь разумов.

Я встала и оставила бокал на столе.

— Впрочем, я погорячилась, научиться — это громко сказано, скорее уж ознакомиться, с первого раза ни у кого не получается. Будете приходить ко мне по одному. Виктор, ты первый.

— И почему он? — Никита расстроился.

— Потому что, мой недалёкий друг, женщины любят галантных и образованных мужчин, — Виктор усмехнулся ему в ответ.

Я их перепалку слушать не стала и направилась к лестнице:

— Как только наговоритесь, Виктор, я жду тебя со всей твоей галантностью у себя, — на этих словах я покинула гостиную.

Виктор догнал меня почти сразу:

— Я не хотел расстраивать вас, Вероника.

— Ты не расстроил, — я остановилась у комнаты и кивнула на нее. — Входи.

Он шагнул внутрь, а Михаил, молча следовавший за мной, остался стоять здесь, у двери, чтобы не пускать лишних посетителей. Я зашла и закрыла дверь:

— Сейчас я настрою связь между нами, Виктор. В связи мне станут известны все твои мысли, даже нечаянные. Твоя задача — научиться скрывать их, потому что все участники связи их услышат. К тому же лишние мысли создают шунт и мешают на заданиях. Главное твоё испытание сейчас — это доверие, именно поэтому в связи будем только мы с тобой.

— Я понял. Однако... — он встал посередине комнаты и повернулся на меня. — Это, похоже, в некотором роде интимная вещь. Не доставит ли это определенных... неудобств?

— О, поверь, краснеть и смущаться ты точно еще будешь, — я усмехнулась. — Когда я впервые впускала в связь агентов Харибду и Призрака, я узнала о них много нового.

Вообще-то я солгала, ничего нового я не узнала, потому что наши отношения с каждым из них и без того были интимны, но не сообщать же об этом Виктору.

— Я могу отказаться обучаться этому и пользоваться этим?

— Приказ Влада не обсуждается. Да и потом, без связи ты умрешь. И это не угроза. Связь — крайне полезная жизненная необходимость, которая не раз спасала жизни нашей группе. Иди сюда, — я поманила его пальцем.

Он подошел. Так не хотел в связь. Неужели есть, что скрывать? Я аккуратно, даже нежно, взяла его лицо в ладони. Он стоял напряженно, глядя на меня. Я прислонилась к его лбу своим, закрыла глаза, сосредоточилась, активировала связь и отпустила его, продолжая на него смотреть. Он немного поморгал и осмотрелся.

— Ну ни хрена себе! — его мысль была произвольной. — Ой, черт, эта стерва наверняка меня слышит. Дьявол.

В его исполнении стерва звучало как восхищение, а не как ругательство. Он перевел

взгляд на меня:

— Слышит или нет? Не пойму.

— Слышу, — так же по связи ответила ему я с усмешкой. — К мыслям я отношусь лояльнее, чем к словам, люди не способны их контролировать. Учись скрывать свои мысли, пока в связи только ты и я. На задании нас будет больше.

Я села на кровать, оперлась ладонями позади себя и спросила вслух:

— Как тебе это состояние? Нравится? Кажется, будто видишь все. Будто ты всемогущ.

— О да! — немедленно отозвался Виктор в связь. — Да чтоб меня взяло! Почему я не могу контролировать свои мысли?! Это же так, мать его, просто.

— Это просто и сложно одновременно, — в связь отозвалась я и откинулась назад на спину. — Даю тебе полчаса, чтобы разобраться, потом связь выключу. Развлекайся.

— О, я бы поразвлекался... — его взгляд упал на меня, прогулялся по моему телу, но он тут же отвел взгляд. — Дьявол, она же услышит, дегенерат. Простите, Вероника.

От него по связи разлетелся стыд.

— Ничего. С мужчинами в связи всегда трудно, — ответила я, глядя в потолок. — Их мысли всегда одинаковые. Моя грудь. Моя задница. Мое обнаженное тело. И то, что они бы со всем этим вытворяли и в какой позе хотели бы меня видеть. Я привыкла.

Пока я говорила, от него прилетали соответствующие видения со мной в главной роли. Я спокойно к этому относилась. Это действительно было нормально. Но на последних словах от него прилетел такой образ, от которого я рефлекторно шарахнулась и подскочила на кровати в сидячее положение. На этой картинке я лежала на кровати голая. Мои руки были привязаны к грядущке. Одной рукой он держал меня за грудь, а второй сжимал горло, сам при этом был уже внутри. Как и всегда в случае крайне сильных эмоций, не сдержалась даже я. Непрошенное, в связь попало мое воспоминание. Я стою на коленях на полу, запрокинув голову, потому что меня держат за волосы, жестко входя в меня сзади. Я вцепилась пальцами в деревянный столб, к которому привязаны мои руки. И я до одури боюсь того, кто это делает, и при этом крайне возбуждена. Вовремя опомнившись, я успела прервать воспоминание, прежде чем Виктор понял, кто именно делал это со мной. Я посмотрела на него, а он посмотрел на меня. Я видела себя его глазами: бледное лицо, легкая растерянность.

— Ого... — тихо произнес он вслух. — У такой шикарной стервы, как вы, такие страшные тайны...

Я ощутила эмоцию его возбуждения, но не по связи, а просто выпущенную наружу, как обычно ощущаю от людей.

— Посмеешь кому-нибудь тяфкнуть — я тебя на лоскутки разорву, — очень искренне пообещала я в связь.

— Верю, Сцилла, верю, — он даже отступил на шаг, подняв ладони. — Главное — доверие. И вы можете мне доверять.

Я вдруг поняла, что никакие обрывки его образов и мыслей по связи уже не разлетаются. На удивление быстро освоился. Молодец.

— Вижу, сдерживать эмоции ты уже научился.

— Да, это оказалось несложно. Я умею держать себя в руках, — гордость все же разлетелась от него по связи. — Заранее приношу извинения за Никиту. Боюсь, с ним придется повозиться. Однако он старается, уверяю вас.

— Хорошо. Как бы ты ни гордился своими умениями, самые сильные эмоции, например

страх или стыд, во время задания все же проскользнут, и этого не надо стыдиться.

— Я понял, — он кивнул.

— Теперь иди, — я разорвала связь.

Он немного поморгал, отвыкая, и направился к выходу, но у самых дверей остановился и повернулся на меня:

— Я позволю себе вольность предположить, Вероника, что вы вряд ли делали это по принуждению, а значит, вам это нравится. Также посмею предположить, что тот человек уже стар либо мертв. Если вдруг вам снова захочется... — он замолчал, подбирая слово, — этих острых ощущений, рад буду предложить их вам.

— Благодарю, Виктор, я услышала тебя, — я с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. — Можешь идти.

Он вежливо поклонился и покинул комнату, позволив мне наконец облегчённо выдохнуть.

Никита завалился внутрь почти сразу после ухода Виктора. В его руках болталась бутылка вина.

— Вероника! Ни слова! — он начал, еще не успев дверь закрыть. — Мы с вами плохо начали, и очевидно, раз дама недовольна, то ее кавалер всему виной. Обещаю исправиться.

Он подошёл к сидящей на кровати мне и остановился.

— Я вижу, что Виктор вам больше по душе, этот пёс всегда хорошо влиял на женщин, но я познакомился с вами раньше него, Вероника, и видел другую вашу сторону души, ту, что вы сейчас почему-то не показываете, — он улыбнулся, осветив меня улыбкой. — Вероника, вы чудесный человек, и я, как глупый мальчишка, перегнул палку, пытаюсь вам понравиться. Я прошу прощения и принес вот это в качестве примирения.

Он протянул мне бутылку, а я нервно закусил губу. Он выглядел таким милым сейчас, таким искренним, прямой противоположностью Виктора. Было в них двоих что-то такое, что напомнило мне о Владе и Михаиле, но в отличие от них, эти двое не враждовали, а были хорошими друзьями. Словно могли бы даже из-за меня не враждовать, а просто соперничать, как Белобог с Чернобогом за Ночку... Но нет, нет, нет! Я не должна связывать их с воспоминаниями, не должна привязываться! Они умрут, как и все агенты! Умрут и опять причинят мне боль!

— Ты пришел учиться или болтать ерунду? — я состроила совершенно равнодушное выражение лица.

Никита опешил от моего тона, и помолчал несколько секунд, прежде чем продолжить.

— Я пришел по более важному вопросу, чем обучение, — сегодня он был на удивление серьезен. — Потому что нет ничего важнее, чем человек, к которому испытываешь самые теплые чувства. Я не говорю сейчас о любви, Вероника, это было бы враньем, но вы мне не безразличны. Я уже видел, что вы можете быть другой, и не понимаю, зачем сейчас вам эта маска.

Я резко встала с кровати и хмуро уставилась на него.

— А может, ты как раз и видел маску, а сейчас я настоящая? Об этом ты не думал, Никита?

Он потянулся свободной рукой к моей щеке нарочито медленно, чтобы я видела:

— Когда я коснусь вас, можете сделать со мной что хотите. В этом ведь ваша сила, верно? И прямо сейчас я открыт, незащищён и не собираюсь. Я просто не могу сдержаться, вы слишком нравитесь мне. И решайте сами, что со мной за это сделать. И что бы вы ни

решили, оно будет того стоить.

Его пальцы коснулись моей щеки, а губы впились в мои. Не то чтобы я совсем не ожидала этого, его мысли были ясны, прозрачны и очевидны, но я сражалась сама с собой. Предстояло принять сложное решение. Самым правильным ходом сейчас было бы наказать его. Подтвердить то, что я сказала ранее: не надо меня трогать, не надо беречь старые раны, не надо лезть в душу. Но я не могла. Еще в прошлый раз мне было невероятно тяжело, а сейчас еще тяжелее. Это как ударить ребенка или животное, которое ничего не понимает, лишь тянется к ласке и теплу. Но если я этого не сделаю, он решит, что ему все можно, и тогда пострадают все. Влад не даст ему спокойной жизни и скорее всего убьет, а я опять потеряю близкого. Не хочу больше никого терять. Никогда.

Я вдруг поняла, что самое сложное — это не причинить боль чужому абстрактному человеку или даже себе. Самое сложное — это причинить боль близкому, которого любишь. Его боль — твоя боль, и от нее не закрыться, и вместе с ней всегда будет идти чувство вины. Но иногда надо поступить и так. Надо причинить боль даже ценой своей вины и своей боли, лишь бы потом этому человеку стало лучше. Никита должен был забыть обо мне, иначе Влад его убьет. И я решилась. Я отправила его в его самый страшный кошмар, и какая-то часть моей души содрогалась, рыдая вместе с ним.

Примерно так нас и застал вошедший в комнату Влад. Никита лежал у моих ног, словно спал на полу, и будто в бреду, метался из стороны в сторону. Я стояла и молча смотрела на него сверху вниз с ничего не выражающим лицом, пока моя душа незримо плакала. Сумерки опустились на город, и в комнате стояла полутьма. Влад ничего не сказал про Никиту. Он лишь бросил на него взгляд и сказал:

— Все готово, Вероника. Мы можем начинать ритуал.

Я кивнула, перешагнула через мечущегося в кошмаре и, не оборачиваясь, покинула комнату вместе с братом. Идя по коридору следом, и разглядывая его спину, я вдруг подумала о том, о чем раньше не задумывалась. Он должен будет причинить мне боль, очень много боли, и если он ко мне не безразличен, ему это принесет боли не меньше. На секунду, когда я вставала в ритуальную руну, во мне мелькнуло чувство жалости к брату, которое я быстро отогнала. Мы делаем то, что должны, потому что мы те, кто мы есть.

— Найден новый артефакт, к сожалению, уже активный, — пояснял нам своим слегка скрипучим голосом Владимир Рысин, специалист по артефактам, в карете по пути к кладбищу. — Первая группа агентов, отправленная за ним, не вернулась. Об этом сообщила вторая. Я уже был на месте и трупы осмотрел, меня, как и вас, выдернули из дома, а у меня отпуск, между прочим. Сижу, понимаете ли, чай пью, и тут врывается господин Бельц...

— Не отвлекайтесь, — прервал его Влад. — Ближе к делу.

— Ну да, конечно... В общем, с учетом состояния тел первой группы агентов, я отрекомендовал направить на эту задачу именно вас двоих. А мне порекомендовали отправиться с вами.

— Зло всегда возвращается, — не преминула пошутить я.

— Вероника, помолчи. Господин Рысин, что вы имели в виду, говоря о состоянии тел? Что с ними?

— Они осквернены заразой Зоога. Именно поэтому я предположил, что ни один человек, кроме вас двоих, не сможет даже подойти к артефакту. Вы же понимаете, других людей с черной кровью просто нет.

Ну да, в живых остались только мы с братом. Я осознала это не так давно и, честно говоря, до сих пор не знала, как относиться к этому факту. То ли радоваться, что мы все еще живы, то ли грустить о потерях.

— Мы не имеем никакого отношения к Зоогу, — справедливо заметил брат, — а черная кровь сделана на основе крови последователей Гхаттота. Это разные боги.

— А вот здесь и зарыта собака, — седой мужчина воодушевленно улыбнулся и поудобнее оперся на трость. — Я много изучал артефакты, оставшиеся от Зоога, и возможности чернокровных вроде вас. Они, вы не поверите, схожи. Зоог, образно говоря, искажал то, чего касался. Таким образом, когда Отдел, еще будучи Орденом Света, воевал с ним, его противниками были вампиры и баньши с артефактами — искаженные люди с искаженным вещами. Кхутуру, если верить летописям, искажал животных, превращая их в чудовищ и бестий. Гхаттот тоже искажает, судя по вашим способностям, но он не переделывает под себя живых, а базируется на ваших предрасположенностях, как поступал Зоог с предметами. Понимаете, что я имею в виду? Боги влияют похожим образом, как если бы один был ястребом, а второй орлом, но оба — птицы. И вот сейчас я прошу птенцов ястреба прыгнуть в пропасть, где когда-то жили орлы, потому что они тоже могут летать.

— Ну да, а если вы ошибаетесь, и крыльев у нас нет, мы погибнем, — буркнула я.

— Шанс этого крайне мал, — мужчина смущенно перебрал руками по набалдашнику трости. — Да и сами понимаете, если не разобраться с артефактом, есть шанс, что он будет продолжать осквернять землю еще долго, и это может закончиться плачевно, особенно если эта дрянь будет расползаться.

Карета остановилась, брат открыл дверцу и вышел, словно потерял интерес к разговору.

— Какая дрянь? — насторожилась я. — Вы ни о чем таком не говорили.

Рысин повел рукой, указывая на дверной проем:

— Да вот эта.

Несмотря на то, что карета остановилась поодаль от основного места события, даже

отсюда было видно черную мерзкую смоляную жижу, расплзшуюся по земле. Она покрывала кладбищенские растения, деревья, надгробия и прочую местность вокруг небольшого склепа, который и являлся источником этой заразы, слой жижи на нем был толще и плотнее и бугрился, имея схожесть с торчащими корнями деревьев. Неподалеку от нас крутилось множество людей: негодующие кладбищенские рабочие, постоянно крестящийся священник и несколько сотрудников Отдела, которые пытались успокоить остальных. Судя по оцеплению вокруг кладбища, Отдел уже даже успел запросить поддержку у военного подразделения, хотя зевак здесь не было, поскольку кладбище находилось в глуши, вдалеке от основного города. Я спрыгнула из кареты следом за братом как раз, когда он произнес:

— Сколько погибших? Где тела?

— Трое, все агенты, — проскрипел Борис. — Нас вызвали сразу, как только местные рабочие увидели расплзшуюся заразу. А тела я осмотрел и разрешил увезти.

Мужчина покинул карету, опираясь на трость и прихрамывая на левую ногу — результат неудачного использования артефакта по молодости лет.

— Крайне неразумно с вашей стороны, господин Рысин. Нам бы они сейчас очень пригодились.

— Сможете изучить по возвращению в Отдел, — отозвался тот, а брат, не удостоив его ответ вниманием, зашагал вперед и позвал меня. — Сцилла.

— Каков план? Как обычно? — уточнила я, догнав его.

— Будем импровизировать.

— Значит, как обычно, — я вздохнула; он никогда не любил строить планы.

Пройдя мимо военных и соблюдая необходимые формальности, мы с ним остановились перед самым началом черноты. Брат присел на корточки, долго разглядывал ее, а затем медленно потянулся указательным пальцем.

— Осторожно, — попросила я, занервничав, и присела на корточки рядом.

Рысин, уже успевший дохромать до нас, остался стоять, опираясь на трость и так же внимательно следя за действиями брата, как и я. Когда палец Влада коснулся жидкости, я готова была к чему угодно, но ничего не случилось, она вела себя, как обычная смола.

— Ну вот, я же говорил! Вам она не причинит вреда! — воскликнул Рысин, стукнув тростью о землю, и добавил в ответ на наши с Владом вопросительные взгляды. — Я сейчас объясню, смотрите внимательно.

Он сделал к жидкости еще шаг, оказавшись совсем рядом, и та медленно поползла к его ботинку, словно почуяла добычу. Мужчина быстро отошел, и жидкость тягучей резиной стала возвращаться в исходное состояние, потеряв цель.

— Видите? — специалист по артефактами с гордостью посмотрел на нас. — Я же говорил, что только вы и сможете туда пройти.

— Сцилла, стой здесь, — Влад встал, и шагнул вперед, вступая в жижу.

— Ты опять за свое? Хочешь, чтобы я в тылу отсиживалась?

— Я нейтрализую артефакт и вернусь, — невозмутимо солгал он. — Там нет никакой опасности.

— Постарайтесь не уничтожить артефакт, как делаете обычно, а доставить его мне в целости, даже если он будет полностью разряжен, — затараторил Рысин. — Для науки это было бы очень полезно!

Эти его причитания мы с братом уже слышали и не раз, поэтому оба не обратили

внимание.

— Ну, раз там не опасно, я иду с тобой! — с этими словами я тоже шагнула в жижу.

— Прекрати оспаривать мои указания! — Влад ткнул в меня пальцем. — Тем более, при посторонних.

— Ладно-ладно, большой и страшный некромант, — я подняла ладони. — Оспаривать не буду. Наверное.

С последними словами я виновато улыбнулась. Влад со вздохом отвернулся и почавкал по жиже вперед:

— Идем.

Мы добрались до ступенек склепа и, стараясь не касаться этих странных черных корней и не поскользнуться, спустились внутрь. Жижа становилась все более густой и похожей на резину по мере того, как мы продвигались вперед. Наконец мы спустились в сам склеп. Это была крупная комната с низким потолком, вдоль стен которой находились выемки для будущих захоронений. В данный момент склеп был пуст, никаких тел в нем не было, и в самом центре стоял тот самый артефакт. Он выглядел как игрушка: обычный соломенный человечек, одетый в льняное платье. Такие игрушки делали когда-то крестьяне своим детям. Влад лишь бросил взгляд на артефакт и стал внимательно оглядываться, а я присела перед игрушкой на корточки. То, что я видела, было то ли игрой воображения, то ли случайностью.

— Влад, помнишь, я рассказывала тебе как умерла Ночка? — я не отрывала взгляд от игрушки.

Соломенная девочка, растопырив руки, стояла над темным корнем, напоминающим лежащее человеческое тело, вокруг которого почти правильной пятиконечной звездой располагались бугры поменьше. И эту картину я уже видела.

— Помню, а что? — он подошел ближе. — Не трогай это.

— Смотри, — я указала пальцем, закусив губу, вспоминать до сих пор было тяжело. — Она так же нависала над тем гхаттитом, а вот эти пятеро похожи на тела, которые он использовал для своего ритуала.

Я помолчала и только потом подняла глаза на брата:

— Мне ведь просто кажется, да? Скажи, что это просто совпадение, порождение моего воображения.

Влад промолчал, глядя на это несколько секунд, а затем, осененный какой-то мыслью, быстро прошел в центр склепа к самому крупному корню, похожему на небольшой табурет или пьедестал, и присмотрелся к нему.

— Кукла была здесь, — сообщил он, указывая на него. — И ее кто-то перенес.

Мы встретились взглядами, и он сказал вслух то, чего я боялась:

— И этот кто-то знал, что мы придем.

Ловушка. Эта мысль пришла нам обоим одновременно, и в тот же момент сверху раздались крики и выстрелы. Мы бросились к ступенькам, но прямо на нас по ступенькам уже спускались трупы, кем-то поднятые, управляемые, а значит, заранее подготовленные.

— Назад! — рявкнул брат и выпустил пулю прямо в голову ближайшему.

Я отскочила назад, пока Влад продолжал стрелять, а он, выпустив не меньше десятка пуль, схватился за тяжелую дверь склепа:

— Помогай!

Я бросилась к нему, схватилась за дверь и мой взгляд упал наружу. Мертвецов было во

много раз больше, чем у нас зарядов для оружия. Если бы к ним можно было применить термин толпа, я бы так и сделала. Основная их масса направлялась в нашу сторону, остальные добивали еще живых, которые сразу присоединялись к ним более тупым, чем основная группа, мясом. Только один человек в этой толпе не паниковал, и я не могла его не узнать. Это он убил Ночку, главный последователь Гхаттота, и теперь он пришел за нами, последними, кто мог составить ему хоть какую-то конкуренцию. Он увидел меня, и я четко осознала это, хотя была далеко, наши взгляды встретились, и мне показалось, что он молча поздоровался со мной, своей старой знакомой...

Мы с трудом закрыли тяжелую дверь, и вокруг сразу стало темно. Я отошла немного назад, глядя на запертый проем, мы буквально замуровались тут, и помощь могла прийти только извне. Вот только кому нас спасать? Он убьет их всех.

— На этот раз бог победит, да? — я обернулась на Влада.

Тот опустился на колени в центре комнаты и ножом чертил руны усиления по застывшей жиже.

— Да, если я не убью того, кто стоит снаружи. А если убью, победим мы.

Конечно брат догадался, кто там, и он был прав.

— Да это даже битвой не будет, Влад! — несмотря на то, что мы были на задании, я не стала пользоваться его позывным. — Ты видел, что там творится?!

Я махнула рукой в сторону замурованного проема.

— Да там сотни мертвецов! И потом, убитые военные и все прочие. Это еще и оружие.

— С каких пор ты стала паниковать в сложных ситуациях? — он поднял на меня взгляд, прервавшись.

— Да потому что я видела, как он убил ее! А вся эта нежить не даст тебе воспользоваться твоим любимым вытягиванием души, и я достаточно трезво оцениваю свои силы, чтобы понимать, что я не смогу сдержать эту толпу, чтобы дать тебе время. Их там слишком много! При любой попытке его убить, он просто воспользуется находящейся рядом нежитью, заблокирует твои силы, и тебе придет конец.

— И что же, это теперь повод опустить руки?! — брат повысил голос.

— А что, ты собрался перебить контроль гхаттита над этой нежитью?! Ты не хуже меня знаешь, что это невозможно! Они сожрут тебя раньше даже без его помощи.

В дверь заскреблись ногти, а кто-то из них начал рыть земляной пол. Однажды они до нас доберутся. Влад поднялся и встал в центр руны:

— Иди сюда, — приказал он, а когда я подошла, крепко схватил меня за одежду и приблизил нос к носу, голос стал тише и более угрожающим. — А теперь слушай меня внимательно, Вероника. Когда все начнется, я сделаю для тебя проход. Гхаттита и нежить я отвлеку. Твоя задача — миновать из всех,

выбраться живой и донести до Отдела важную информацию о том, что здесь произошло. Это понятно? Помни, что снаружи времени у тебя будет в обрез, так что поторопись.

Он не просил и не предлагал. Он приказывал.

— Ты что же думаешь, я маленький ребенок и ничего не понимаю? Какая информация, о чем ты вообще? Всего лишь предлог, чтобы я спаслась, пока они будут тут тобой ужинать! Даже когда упадешь в безумие черной крови, долго не протянешь!

Влад оттолкнул меня и зло рыкнул:

— Я все сказал! Выполняй!

Он расставил руки в стороны, сосредоточился. По его рукам скользнула тьма. Черные вены быстро проступили сквозь кожу.

— Хочешь, чтобы я пережила еще одну смерть?! Смерть последнего важного для меня человека?! Да к чертям такую жизнь! — если бы я могла сейчас что-нибудь разбить, обязательно сделала бы это, и по возможности о его тупую голову.

— Готовься, — его голос постепенно наполнялся эхом и искажался. — Когда все начнется, беги. От них и от меня.

— Влад!!! Перестань считать, что ты один! У тебя есть я! — я с силой ударила его по щеке, а затем схватилась за его синий мундир-шинель.

— Ты ничего не можешь здесь сделать.

— Могу, и ты знаешь это! Но упорно не хочешь признавать! Не хочешь, чтобы мне было больно, готов ради этого сдохнуть тут! А я не уйду, ясно тебе?! Если ты пойдешь в этот бой без меня, я останусь тут, и все твои усилия будут бесполезны!

— Вероника! Не перечь мне! — прорычал он.

Вокруг него тьма уже клубилась густым туманом, расплзалась вокруг. Глаза горели чернотой бездны.

— Я остаюсь, — отрезала я. — И если ты не способен причинить мне боль так, как надо, то я сделаю это сама, и ты получишь меньше сил, чем мог бы. Но я все равно это сделаю.

Я не оставлю его здесь умирать. И если уж мы погибнем, то заберем с собой их как можно больше. Даже ценой моей смерти.

— Добровольная жертва да еще и близкий человек — самый лучший источник сил! Так что прекрати ворочать нос! Я хочу мести за Ночку и ее команду! За всех, кого он убил! И бежать не стану!

Внезапно прямо передо мной в воздухе, покачиваясь, зависла кукла. Она слегка задрожала, словно готовилась к атаке, и дернулась на меня, стукнулась, отлетела назад и снова зависла. Разозлившись, я тыльной стороной руки отбросила соломенную фигурку в сторону:

— Твоего мнения, Михаил, я тоже не спрашивала!

Я сдвинула рукав на левой руке и вонзила до крови ногти чуть ниже локтя. Не придумала ничего лучше, я никогда не была мастером пыток, в отличие от брата. Стало больно, и я знала, что он почувствует это.

— Вероника! — тьма, которая уже почти заполнила пространство вокруг, скользнула и обвилась вокруг моих рук, дернула их в стороны, а его голос прозвучал отовсюду. — Не смей этого делать!

— Тогда сделай сам! Мы можем убить их! Уничтожить всех! Ты ведь прекрасно понимаешь, что сейчас там их лидер. Их командный центр! Это единственный шанс! Найди его и уничтожь! И это уже не вопрос нашей с тобой жизни, это вопрос всей этой войны! А иначе они получают нас, и кто знает что сделают! А что если у них есть способ забрать нас на их сторону?! Ты всегда хотел защищать мир от Гхаттота, а сейчас готов сам добровольно отдать ему в руки нас обоих? Это будет его победой! Не дай ему одержать верх!

Он недовольно зарычал, и этот звук означал его согласие. Влад дернул меня тьмой за руки к себе, поймал, обнял, проскользил ладонями к лицу, обхватил его и впился в губы.

— Не дай мне обезуметь, — шепотом попросил он.

— Я люблю тебя, — так же шепотом ответила я, глядя ему в черные радужки глаз.

Его ладони обхватили мои запястья, и вместе с этим пришла боль, заставив выгнуться, упереться в него: адская, словно выворачивала внутренности наружу, она пульсировала по всему телу. Было больнее, чем когда черная кровь пыталась меня убить, а я ведь считала, что больнее быть уже не может. Я стояла, подняв лицо вверх, раскрыв рот в немом крике, открыв глаза и ничего не видя от боли. Стала медленно оседать, опускаясь на колени, потому что ноги ослабли, а руки свело судорогой, не дающей их разогнуть. Влад стоял надо мной и держал за запястья. Черный дым. Черные глаза. Огромная безликая тень. Я не могла даже дернуться, он высасывал из меня силы,пил мою боль. Кажется, это длилось вечность. Или несколько вечностей. Ад на земле. На мгновение показалось, что я сейчас кончусь, умру, и в этот момент Влад пропал, лишив меня опоры. Я обессиленно свалилась на пол, не обращая внимания на происходящее. Я не видела, но знала, что там, снаружи, теперь творится не меньший ад, Влад выплеснет всю свою ярость на них. Я бы ликующе рассмеялась, но в тот момент мне было наплевать. Я свернулась в комочек, обняла себя и тихо плакала, как ребенок. На большее сил не было. Боль утихала медленно и неохотно.

Наконец шум снаружи закончился, наступила тишина. Почти невесомое прикосновение призрака ветерком прогулялось по моей щеке, словно Михаил хотел стереть мои слезы. В окружающей меня тьме возник силуэт брата, и я медленно подняла взгляд на него. Он высился надо мной и внимательно смотрел черными провалами бездны. Я знала, что будет дальше: он сделает это со мной прямо здесь и сейчас, потому что без меня он не справится с безумием. Я просто закрыла глаза, когда он склонился надо мной и одежда стала с треском разрываться под напором его тьмы. Но я была рада. Раз он здесь и жив, значит они там все мертвы. Ради этого я готова на что угодно.

Со смертью главного последователя Гхаттота активность этого бога пошла на убыль. Как и в древние времена с Кхутуру и Зоогом, со смертью главного последователя бог завершил свою активность, проще говоря, умер. Так мы тогда все посчитали. Через год Отдел счел, что в услугах брата больше не нуждается, и его забрали под суд, а еще через год за попытку вытащить его, в отставку отправили и меня.

Часть 2. Настоящее // Михаил?

С того первого и последнего раза я даже успела забыть, насколько сильна эта боль. Ее нельзя осмыслить или выразить словами, потому что горит душа, а не тело. Я не стеснялась кричать. Любой, кто хоть раз бывал в руках моего брата в качестве источника его сил, кричать не стеснялся. И желание в голове только одно, чтобы это прекратилось любой ценой, и сдерживать себя невероятно сложно. Но сейчас, как и тогда, цель оправдывает средства, и это осознание — единственное, что удерживает меня от мольбы о пощаде. Влад бы остановился, я знаю, но я смолчу ради Михаила. Только ради него. Хочу, чтобы он жил. Это шанс вернуть его, вернуть то, что я потеряла так давно. Он должен быть со мной. Потому что он мой!

В таком состоянии мне не было дела до того, что делает Влад, но процедуру я знала. Он оторвет душу Михаила от тела и вживит ее правильно, соединив настолько много нитей души с телом, насколько сможет. И здесь должен будет вмешаться Кайрадж, чтобы Михаил смог нормально жить.

— Вероника... — поздоровался Кайрадж.

Боль моментально стихла. Я, тяжело дыша, устало уронила голову на пол, наконец расслабившись. Я лежала на боку, обхватив себя руками. Кроме меня, здесь никого не было, я была в копии той комнаты, в которой находилась до появления божества, даже руна была под ногами.

— Я уж думала, ты не явишься.

— Я обещал. Я держу обещания. А ты? Одноглазый лев. Мы договаривались. Помнишь?

— Я не успела!

— Время уходит. Поторопись.

— Ты ничего не говорил о времени, — возмутилась я.

— Время важно. Поторопись.

— Хорошо, хорошо. Я вырву глаз при первой возможности. Не забудь про Михаила, — я глубоко вздохнула и устало прикрыла глаза.

— Я не умею забывать. Предупреждаю, многие структуры в этом помещении нарушатся. Потому что любое изменение влечет за собой изменение смежных объектов. Одно всегда влияет на другое. Сделать то, чего ты хочешь, невозможно в рамках законов мира. Поэтому я здесь. Ты получишь, что хочешь. И поможешь мне получить то, чего хочу я. Найди ответ на вопрос. Думай больше. Чаще. Мысли.

Он как будто дал мне подсказку, которую я не поняла. Изменение влечет за собой другие изменения? Сделать то, чего я хочу, невозможно? Нет, оно невозможно лишь в рамках законов мира, но он может. Я не понимаю!

— Мысли, — повторил он.

С этими словами мир снова навалился на меня болью, резкой вспышкой и последовавшей за этим успокоением и глухой, словно вата, тишиной. Я с удовольствием бы потеряла сознание, но такого счастья мне даровано не было. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться. Меня касались чьи-то ладони.

— Ника... — незнакомый голос с такими знакомыми обеспокоенными нотками ворвался в мой разум.

Он сидел на коленях и держал меня под спину, прижимая к себе. Я сидела на полу. В комнате царил хаос. Разбросанные вещи, сломанные стулья, порванное постельное белье, раздолбанный шкаф и кровать — обломки покрывали все вокруг. Как и сказал Кайрадж, все структуры в комнате поломаны. У остатков кровати — Влад, все еще без сознания.

— Ника, не надо было, — Михаил прижал меня к себе крепче. — Видеть всю ту боль, что ты испытывала ради меня, это очень больно. Не надо было.

Его темные волосы защекотали мне нос. А при жизни они у него были другими, светлыми. Придется привыкать к его новому облику.

— Мне было еще больнее видеть тебя в клетке, — ответила я, поднимая руку и запуская пальцы ему в волосы. — А теперь ты живой. Снова живой. Не оставляй меня одну.

— Никогда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он ласково положил одну ладонь мне на щеку, второй продолжая придерживать за спину, и чуть погладил, словно хотел сам насладиться прикосновением. Мы встретились взглядами и улыбнулись друг другу, а уже через секунду его губы коснулись моих, но ненадолго:

— Давай я отнесу тебя в твою комнату. Ты наверняка устала.

Он встал, поднимая меня на руки. Против я не была, тем более, он прав, я устала, и сильно. И больше всего на свете я сейчас хотела отдохнуть, и все же кроме меня здесь был еще брат.

— А Влад. Помоги ему, — я беспокожно зашевелилась.

— Успеется, — Михаил двинулся к выходу.

— Помоги!

— Ника, любимая, я отнесу тебя и вернусь к нему. Тогда и помогу. Хорошо?

Я расслабленно вздохнула и прикрыла глаза.

— Хорошо.

Он вынес меня из комнаты, и в коридоре мы столкнулись с Виктором. Он задумчиво крутил свою трость, опираясь спиной на стену, но увидев нас, отстранился от нее, выпрямился и поставил трость на пол, сложив на нее обе ладони.

— Здравствуйте, господин Зверев, рад вас приветствовать. Надеюсь, все в порядке?

— Взаимно, — Михаил ответил самой стандартной вежливой фразой и приветственно кивнул. — Где Анна?

— Госпожа Пламенева все еще не вернулась с дежурства, — Виктор смотрел на него очень пристально, изучающе.

— Ясно. Когда вернется, будьте добры, морально подготовьте ее к тому, что комната разбита в хлам.

— Михаил, она и так увидит, забудь, — я недовольно уперлась лбом в его плечо. — Не стой.

— Конечно, любимая, — он понес меня дальше под заинтересованным взглядом Виктора.

Никиты в комнате не было, и Михаил беспрепятственно занёс меня и опустил на кровать.

— Что еще я могу для тебя сделать? Принести воды? Книгу?

Он коснулся пальцами моей щеки, провел по ней, по губам, по шее. Я ощутила, как от него исходит эмоция удовлетворения и радости. Он был рад снова меня касаться, и это

вызвало у меня улыбку. А ведь все это благодаря помощи Влада.

— Помоги брату.

— И когда ты начнешь думать о себе, а не о нем? — Михаил тяжело вздохнул и встал. — Хорошо, я иду.

Я поймала себя на том, что что-то не так с его интонациями. Как будто я помнила его немного другим, а ведь помнила я его просто замечательно. Хотя может и забыла уже что-то. Додумать мысль я не успела, сон сморил меня.

Утро началось с головной боли. Я застонала, и мне на лоб опустилась рука. Приятное тепло. Я выдохнула, успокаиваясь. Открыла глаза. Михаил в своем новом облике сидел на краю кровати и держал руку у меня на лбу. Я улыбнулась самой искренней из своих улыбок.

— Доброе утро.

— Давно день, соня, — улыбнулся тот в ответ и чмокнул меня в лоб.

— Как Влад?

— Он в порядке. Анна заехала за ним и увезла на встречу с Ольгой.

— А времени сколько?

— Да в общем уже за полдень давно. Тебе еду оставили. Хочешь завтракать?

— Хочу таблетку от мигрени, — я поморщилась. — Михаил, прости меня за этот вопрос, но... Почему ты остался? Почему не умер?

— Странные вопросы у тебя по утрам, — он удивленно поднял бровь.

— Я должна знать! Это очень важно для меня!

— Тише, тише, а то мигрень усилится, — он положил ладонь мне на плечо. — Я не знаю, Ника. Ну, черной кровью воспользовался, наверное. Я же Призрак. Умирать для меня вообще привычное дело. Вспомни, сколько раз я убивал сам себя в чужих телах. Просто я очень захотел остаться с тобой и спасти тебя. Ты тоже была на волосок от смерти.

Он задумался, помолчал.

— Скорее всего так и было, да.

— Черная кровь... — в моей голове крутилось что-то на границе осознания, но я как будто не могла сложить два и два.

Мысли прервал тихий стук в дверь.

— Входите! — Михаил повернулся на дверь.

Внутрь заглянул Виктор.

— Вероника, я заглянул осведомиться о вашем состоянии здоровья. Возможно, вам что-то требуется.

— Парень, я ей все принесу что надо. С ней все хорошо, не тревожь ее.

Опять какое-то предчувствие зашевелилось в душе. Михаил вел себя как-то не так. Вот прямо сейчас он приревновал меня что ли? Да было бы к кому. Виктор ведь просто зашел поздороваться. Из вежливости.

— Виктор, будь любезен, принеси вина к нашему столику в гостиной и позови Никиту. Бокалов будет три. Продолжим урок.

— Конечно, Вероника, как пожелаете, — он покинул комнату.

— Я бы и сам мог, — не слишком довольный произнес Михаил.

— Ты мне нужен для другого. Сейчас ты поможешь мне спуститься вниз. А пока я буду объяснять им основы, у тебя будет очень важная задача.

Тот недоуменно поднял брови.

— Я не успел вернуться к жизни, а ты уже от меня хочешь всего и сразу, — он

хмыкнул. — Ну давай. Какая задача?

Меня мысленно передернуло. Шутка показалась злой. Как будто он и не он одновременно.

— Зайдешь в комнату Виктора, найдешь там его трость и вытащишь из набалдашника глаз у льва. Глаз можешь оставить около трости, якобы сам выпал, или выкинуть. Как хочешь.

— Зачем? — он удивился.

— Неважно. Просто сделай и никому ни слова. А теперь носи меня вниз, — я потянулась к нему руками.

Могла и сама дойти, но так хотелось его заботы, что я не удержалась. Он донес меня до гостиной и опустил в кресло. Поцеловал в щеку, прежде чем отпустить. На столике уже стояло вино и три бокала. Виктор сидел в более домашнем виде, чем обычно. Без пиджака и трости. Никита покосился на действия Михаила.

— Жутковато выглядит. Денис никогда не был таким.

Виктор опять закатил глаза, но промолчал.

— А каким он был? — спросил Михаил, выпрямившись и покосившись на него.

— Другим. Он не был таким вежливым и обходительным. Женщин за людей вообще не считал. И пил много.

— В таком случае я рада, что ныне это тело в хороших руках. Или, точнее, с хорошей душой.

Я посмотрела в глаза бывшему призраку, улыбнулась, и он улыбнулся в ответ. Никита присвистнул.

— Да у вас, смотрю, любовь до гроба. И после него тоже.

— Твои шутки, Никита, крайне неэстетичны и неуместны. Немедленно извинись перед Вероникой, — встрял Виктор.

— Госпожа Вероника, — Никита сверкнул легкой ехидцей в глазах. — Я немедленно извиняюсь.

У меня появилось желание закатить глаза, как обычно делал Виктор. Впрочем, мальчик решил держаться от меня подальше, и это хорошо.

— Так, малыши, все. Пора учиться. Михаил, ты можешь идти.

— Хорошо. Я буду неподалеку, если что, — он направился по лестнице вверх.

— Сегодня я расскажу об артефактах, — я ощутила, как Виктор буквально порывался что-то сказать, но не решился. — Виктор, может быть, ты что-то знаешь о них и хочешь рассказать сам?

— Конечно, Вероника, — он расплылся в широкой улыбке. — Артефакты, мой дорогой друг, появились во времена пришествия Зоога. Их могли изготавливать только порождения Зоога и только пока того не изгнали. Большинство артефактов — единоразового действия.

— Черт, ощущаю себя школьником. Знаете, Вероника, я всегда питал какую-то особую страсть к строгим учительницам. Особенно если они обещали отшлепать меня за непослушание.

Он пристально посмотрел на меня, и я так и не смогла понять, серьезен он или издевается, но похоже, первое. Неужели снова простил мне свой кошмар? То ли я форму потеряла за эти годы, то ли он окончательно на меня запал.

— Идиот, — на этот раз Виктор не сдержался и прикрыл лицо рукой, словно ему было стыдно за своего друга.

— А что? — покосился на него Никита. — Я знаю чего хочу и иду к своей цели. Это, знаешь ли, не так уж плохо.

Рядом с ним заколебался воздух, и прямо из ниоткуда появился Михаил, заставив того дернуться. Михаил стоял, вальяжно опираясь на кресло Никиты позади него. Дав секунду на осознание своего появления, он немного наклонился в его сторону сбоку от кресла, словно собрался угрожающе шептать на ухо.

— Парень, Вероника вполне ясно дала понять, что ты ее не интересуешь как мужчина, но раз ты не понял, скажу прямо. Оставь мою женщину в покое. Пока по-хорошему прошу.

— Ну набросились-то. Ладно, я понял, — Никита примирительно поднял руки. — Считайте это все одним большим затянувшимся комплиментом.

А вот я снова напряглась. Михаил не слишком любил демонстрировать свои способности. Да и не стал бы он так себя вести. Под ложечкой неприятно засосало. Ну ничего, мою просьбу он наверняка выполнил, и лев остался без глаза, а значит Кайрадж скоро явится с новой задачей. Вот у него и спрошу, что с моим призраком.

— Так, ладно, с артефактами разобрались. Основы вы знаете. Теперь расскажите мне о ваших скудных способностях, — я не удержалась от шпильки.

— А ты теперь все время тут стоять будешь? — уточнил Никита у Михаила.

— Если придется, — отозвался тот, по-прежнему опирающийся на кресло.

— Никита, давай ты первый, — я решила не обращать внимание на их диалог.

— А, мои скудные способности. Ну да. Я умею менять волосы, лицо и тело в небольших объемах. Ну то есть женщиной или ребенком стать не могу, но взрослого мужчину скопировать могу почти любого. Вот его, например, — он указал на Михаила.

Я проигнорировала очередной намек и повернулась на Виктора:

— А ты, мозги этой компании, что умеешь?

— Криокинез. Я могу заморозить все, чего касаюсь.

— Не густо. Но ничего. На самом деле сила всегда здесь, — я указала себе на висок.

— От человека, управляющего разумами, звучит весьма двусмысленно, — хмыкнул Никита.

— А теперь расскажите мне о степени вашей физической подготовки.

— Я в отличной форме! — Никита подмигнул мне.

— Что ж, в этом, признаюсь, мои успехи несколько ниже, чем у моего друга, — нехотя признал Виктор. — Однако я очень хорошо стреляю.

— Да и я неплохо, — отозвался тот.

— Ты палишь во все стороны и надеешься на авось. Это по-твоему и называется хорошо стрелять?

— Ну так попадаю же.

— Балаган, — прокомментировала я, взявшись за голову, которая вновь напомнила о себе болью. — Солнце, налей мне вина, будь добр. У меня от них мигрень.

Михаил усмехнулся, поднял руку, и бутылка с вином приподнялась над столом, плавно наклонилась, налила вина в мой бокал и встала на место. После чего бокал плавно подлетел ко мне.

— Спасибо.

Я изобразила улыбку и взяла бокал, но где-то внутри меня все переворачивалось, а в голове билась лишь одна мысль: Это не он.

Входная дверь открылась без звонка. Внутрь вошли Анна и Влад. Анна выглядела

сонной, однако весьма активно убеждала брата:

— А я тебе говорю, он не мог! Я не верю, что мой муж шпион!

— Ваш муж, госпожа Пламенева, глубоко оскорбленный человек и вполне мог хотеть мести, — я бесцеремонно вклинилась в разговор, сразу поняв о чем речь и не дав Владу сказать ни слова.

Чтобы видеть вошедших, мне пришлось опереться на ручку кресла и перегнуться через нее.

— Вероника, — Влад проигнорировал мое вмешательство. — Рад, что ты в порядке.

— Много же вы знаете о моем муже! — возмутилась Анна в ответ на мою реплику.

— Побольше чем вы, судя по вашим эмоциям. Объясняю для глупцов: вы не взяли его фамилию. Такое не забывается.

— Он любит меня! — возразила Анна.

— Анна, можешь идти отдыхать, и так не спала всю ночь, — произнес мой брат, и та, расслабленно вздохнув, направилась к лестнице.

К этому времени Влад уже оказался рядом, за спором я не заметила, когда он успел подойти. Брат наклонился, чмокнул меня в щеку, а затем покосился на Михаила, который очень пристально за этим наблюдал.

— Опять плюешься ядом, сестренка?

— У всех свои развлечения, — улыбнулась я и тоже покосилась на Михаила с опаской, но тот молчал, хотя пристально следил за действиями Влада.

— Дамы и господа, нам предстоит дело, — сказал брат и остался стоять рядом с моим креслом.

В сторону Михаила он не смотрел, однако нам троим — мне, брату и Михаилу — жест был понятен. Влад не собирался меня ему отдавать.

— Поступило задание по исследованию территории потенциального противника.

— Боже мой, Влад, — я скривилась, — у меня мигрень после вчерашнего и малыши сегодня добавили, а ты такими терминами изъясняешься. Говори проще.

Он покосился на меня и хмыкнул:

— Нахлебался сил вчера я, а мигрень у тебя. Неплохо.

Я бросила на него негодующий взгляд, но он его проигнорировал и продолжил:

— Сегодня утром на склад в порту привезли некий груз в ящиках. Наша задача — узнать, что там. Охраны много, все наемники. Идут все, кто сейчас находится в комнате. Будем пробираться тихо.

— Я против, — возразила я. — На такое важное задание с малявками идти да еще такой толпой? Ты шутишь?

— Заданий менее важных у нас не предвидится, и им нужно набираться опыта. Вспомни свои восемнадцать и не трясись над ними, они не дети.

— То было другое. У нас с тобой выбора не было. И я не трясусь над ними, а рассуждаю логически.

— У нас выбора и сейчас нет. У твоих учеников тоже. Выдвигаемся сегодня вечером. Одежду уже доставили, — Влад направился к лестнице. — И, Вероника, готовься держать в связи всю нашу команду целиком.

Да он издевается...

К вечеру все впятером мы сидели на крыше склада. Я обнаружила, что держать даже пятерых в связи труда для меня не составляет. А ведь когда-то давно даже три человека были может и не проблемой, но не самой простой задачей. Похоже, мои способности продолжали развиваться, несмотря на то, что я ими не пользовалась. Полагаю, радиус связи тоже вырос, но проверить случая пока не представилось. На нас красовалась форма Отдела. Влад, как я выяснила, долго спорил с Ольгой на эту тему. Она не хотела предоставлять ее нам, чтобы в случае поимки враги не имели ничего указывающего на участие Отдела, но брат сумел убедить ее, что это вполне можно выдать за попытку подставить Отдел, тем более, что пропажу одежды со склада именно кражей и можно было обосновать, и она наконец согласилась. Это хорошо, удобнее, чем наша форма, было сложно что-то придумать. Множество карманов, при этом обтягивающая и не стесняющая движения. Правда, некоторые карманы пустовали, например, крепления под рации и кармашки под флакончики, но нам они и не требовались.

Забраться сюда, на крышу, было несложно. Охраны конечно много, но у нас есть Призрак, который легко мерцнул наверх, сбросил нам оттуда веревку и отлично обозревал окрестности на предмет наличия противника, а я этого противника для всех в связи еще и пометила, чтобы примерно видеть сквозь стены и прочие препятствия. Так что пробраться туда по очереди было просто делом времени.

— Черт бы вас побрал, ребята, я думал, будет сложнее, — у Никиты были сложности с удержанием мыслей подальше от связи. — Вы невероятно нереально круты!

— Помолчи, — уже в четвертый раз за сегодня шикнула на него в связь я.

— Конечно-конечно, госпожа Вероника-Сцилла. Охереть, крутая телка. Ой, извините.

Это от него за сегодня в связь тоже уже попадало, так что никто не стал обращать внимание.

— Как мы попадем внутрь? — уточнил Виктор в связь, разглядывая окрестности.

Внизу ходили люди. Вооруженные наемники патрулировали местность вокруг склада.

— Призрак, действуй, — произнес в связь Влад.

Михаил молча подобрался к краю крыши и выглянул вниз. Прямо под ним у двери, ведущей внутрь склада, стоял охранник и курил. Михаил лег на краю крыши и покинул тело, мир в его глазах моментально сменился. Мы с братом были уже привыкшие, а вот Никита с Виктором потеряли глаза, и у них все немного покачнулось. Михаил теперь смотрел глазами того самого охранника. Затянулся, выдохнул, словно ничего не случилось. Воровато огляделся по сторонам, хотя в этом не было нужды, рядом никого не было. Сунул сигарету в рот, порылся по карманам, достал ключи и быстро открыл дверь.

— Вперед, пока никого нет, — сказал он в связь, а затем поднес ключи к глазам, чтобы мы видели, что на связке есть еще пара лишних ключей. — Харибда, проверь внутри склада второй этаж, там может быть еще один вход, которым можно воспользоваться, чтобы скрыться отсюда.

— Отлично, пока будь в этом теле, — отозвался Влад. — Двигайтесь. Сцилла, вперед.

К сожалению, будучи в чужом теле, Михаил терял возможность перемещать предметы и мерцать, так что спустить нас вниз он сейчас не мог, пришлось пользоваться для этого

старой доброй веревкой. Оставалось надеяться, что никто не станет особенно внимательно разглядывать здание, она висела с теневой стороны склада и потому не была видна.

Вчетвером мы пробрались внутрь и осмотрелись. Помещение представляло собой крупный металлический ангар, где лабиринтом со всех сторон высились ящики. Насчет второго этажа Михаил оказался прав. По периметру стены склада проходил балкон, на который вело три лестницы — по одной на каждую сторону, кроме входа, и там же стояли еще ящики, но эти отличались красными полосами, нарисованными на них, и наличием дополнительных замков.

— Оборотень, Маг, проверьте вон те ящики в углу на первом этаже, только тихо, — приказал по связи Влад нашим новичкам, привычно перейдя на позывные во время задания. — Сцилла, со мной наверх.

Мы быстро поднялись по лестнице и подошли к ящику, больше похожему на шкаф. К этому времени Никита и Виктор уже стояли перед своим квадратным ящиком в человеческий рост и недоумевали, как его открыть.

— Он наверняка забит гвоздями, — подумал Виктор, ненамеренно пустив мысль в связь.

— Сейчас осмотрю, — отозвался ему Никита, схватился обеими руками за край, подтянулся и залез на него. — Да, вижу гвозди.

— Все видят, болван, мы же смотрим глазами друг друга.

Влад тем временем молча достал из внутреннего кармана отмычки. Да, как ни странно, хоть Отдел и был государственной организацией, нам выдавали и учили использовать даже такие вещи.

— Сцилла, начни справа, — произнес Влад в связь. — Я займусь левыми.

Я достала свои отмычки, и мы начали возиться с замками. Никита тем временем помог Виктору забраться наверх и они вдвоем сейчас отковыривали гвоздики ножами.

— Ощущаю себя идиотом, — подумал в связь Никита.

— Ты и есть идиот, — немедленно отозвался Виктор.

— Между прочим, ты сейчас такой же идиот, как и я, — беззлобно отозвался Никита. — Потому что так же, как и я, сидишь и выдергиваешь гвозди из долбанной коробки.

— Тише вы, — шикнула я.

— Ой, ну да, извините, очаровательная сексуальная сногшибательная красотка. Етить, какой бы эпитет получше подобрать?..

— Он знает слово эпитет... — съехидничал Виктор.

— Ай, да заткнись ты. О, смотрите, у нас последний гвоздь! — возликовал его друг.

Они вдвоем схватились за край ящика и подняли его. Внутри лежали тела. Просто тела. Но они не пахли гнилью, совсем.

— Ух ты, что это за херь? — немедленно удивился Никита. — Мертвяки?

— Подними любого из них за голову, посмотри на шею под затылком, — приказал Влад.

А у меня защемило сердце. Я догадывалась, к чему это идет.

— Труп трогать? — удивился Никита.

— Делай давай, — подтолкнул его Виктор, который не смог сдержать радости, что не его заставили это делать.

Никита опустил вниз, с отвращением схватил мертвеца за волосы и приподнял голову, заглянул. На шее красовалось выжженное клеймо с какими-то знаками.

— И что это значит? — спросил он.

— Плохо, — прокомментировал Влад. — Сцилла, как у тебя замки?

— Еще один, — я продолжила ковыряться. — Их слишком много. Мне это не нравится.

— А в чем дело-то? Что плохо? — встрепнулся Никита.

— Харибда, расскажи им, иначе он мне всю связь зашунтит.

— Они твои ученики, сама и расскажи. — невозмутимо отозвался он.

— Да расскажите хоть кто-нибудь, — кипишился Никита.

— Эти мертвецы подготовлены длительным ритуалом к использованию для любого некроманта, — ответила я. — Умелый некромант запросто поднимет их, и они будут ему полностью подчинены и послушны. Над каждым из этих трупов трудились не по одному дню. Или не один человек.

— Или один, но очень мощный, — добавил Влад.

— Не может быть, — уверенно отозвалась я. — Ты же убил его.

— Мы убили, — Влад сделал упор на слово мы, и я сглотнула, стараясь не вспоминать пещеру, артефакт и всю ту боль. — Но никто не гарантирует, что Гхаттот не нашел себе нового.

— Например, среди агентов второй волны, — согласилась я.

— О ком они говорят, интересно? — пронеслась мысль Никиты.

— Болван, историю надо знать, — не сдержался Виктор.

— Иногда в числе последователей Гхаттота появляется очень сильный послушник, — раз уж начала объяснять, так уж до конца. — Он обладает огромными силами. Когда-то давно мы уничтожили одного такого.

— Нашли его один раз, значит, получится и во второй, — заявил Виктор.

— Это не мы его нашли в тот раз, а он нас, — горько усмехнулась я, и тут последний замок поддался. — Харибда, готово.

— Отлично, поднимай.

Влад схватился за крышку со своей стороны, а я — со своей. Мы приподняли ее, и от увиденного у меня все внутри перевернулось, я чуть не бросила крышку. Там лежал вампир, и он спал, ожидая пробуждения.

— Это что же, все эти особые ящики — вампиры? — спросила я в связь очевидное, настолько ошарашена я была.

— А что, дело совсем дрянь, да? — проскользнула мысль Никиты.

— Да, — коротко отозвалась я и жалобно покосилась на брата. — И что нам с этим делать?

Влад долго молчал, глядя на тело.

— Мы сожжем здесь все. Их нельзя оставлять в живых. Призрак, закинь внутрь зажигалку, я видел здесь канистры с бензином.

Внутри к нам залетела зажигалка и жалобно прозвенела по полу. Рядом с ней упала связка ключей.

— К вам идут, — сообщил Михаил в связь.

Его глазами мы увидели, как к нему двигаются три наемника.

— Да может еще не к нам, — отозвался Никита.

— Сцилла, хватай ключи. Зажигалку бросишь мне. Маг и Оборотень, бегом тащите канистры. Живо! — он спрыгнул с балкона и бросился в сторону канистр вместе с остальными.

Я тоже прыгнула, кувыркнулась, уменьшая инерцию, не по лестнице же слезать. Бегом добралась до ключей и подхватила их с пола. Тем временем на улице Михаил в чужом теле общался с подошедшими.

— Что с дверью, Марк? — обратился к нему один из наемников.

— А что с ней? — тот состроил недоуменное лицо.

— Да вон, смотри, замок-то открыт.

— Где? — Михаил обернулся на дверь, тянул время как мог.

— Эй, мужики, глядите-ка, веревка, — удивленно сказал один из подошедших, до сих пор молчавший, и ткнул пальцем вбок.

Все повернулись туда, и Михаил, стоящий как раз у них за спинами, выхватил оружие:

— Уходите, — произнес он нам в связь, и затем прогремел выстрел, потом еще один, и еще.

— Твою мать! Твою мать! Твою мать! — разлетелось по связи от Никиты.

Трое наемников упали. Один из них даже успел выхватить оружие в ответ, но выстрелить не успел. Однако все мы понимали, что сейчас на выстрелы сбежится вся охрана. Михаил приставил себе пистолет к виску и добил последнего, вернулся в свое тело. Влад и остальные активно поливали все вокруг бензином, только Влад действовал на втором этаже. Я стояла перед дверью, ища на связке нужный ключ. Снаружи тем временем действительно начали сбегаться люди.

— Открыто! — кинула я в связь, один из ключей подошел.

— Уходите! — рявкнул Влад. — Призрак, прикрой их и двигайся с ними! Сцилла, ты остаешься. Разделяемся, встретимся в доме Анны.

Михаил тем временем уже активно устраивал перестрелку среди своих же, переселяясь между телами.

— Эй, а почему только Сцилла остается? — возмутился Никита. — Мы тоже можем помочь.

— Двигайтесь! — рыкнул Влад на всю связь так, что меня аж передернуло, я еле сдержалась, чтобы не пустить это по связи, а вот от Никиты и Виктора разлетелось удивление.

К тому же я-то понимала, зачем я здесь. Михаил тоже.

— Влад! — предупреждая рыкнул бывший призрак в связь, от злости обратившись к нему по имени, а не по позывному. — Я не стану это долго терпеть.

— Придется, — явная угроза от Влада разошлась по связи. — Уводи их.

— Ублюдох, — выплюнул Михаил, и я снова поймала себя на мысли, что прежний Михаил просто промолчал бы, он все понимал.

— Валите уже, — вслух рявкнула я, выпихивая из двери Никиту. — Здесь сейчас будет ад.

Виктора уговаривать не пришлось, он нырнул следом, и я порвала связь. Мы с Владом переглянулись.

— Готова? — громко спросил он с дальней части этажа

— Действуй, — я решительно кивнула.

Влад прыгнул вниз и встал в центре, раскинул руки в стороны, прикрыл глаза. Сейчас он поднимет здесь всю нежить. Но для этого ему придется обратиться к силе черной крови, почти впасть в безумие. И только я могу его из этого безумия вывести. Со мной такого не случалось никогда, поэтому я не понимала, что он чувствует в такие моменты, знала лишь,

как его успокоить. Я спустилась по лестнице, подошла к нему, встала за спиной. Все помещение наполнял черный туман. Здесь и так было темно, поэтому Влада почти не было видно, но я ощущала его. А вот эмоции брата от меня в такие моменты закрывались наглухо из-за усиления в нем черной крови. По рукам Влада скользил черный дым, окутывал его, и мне, как и всегда в такие моменты, стало страшно. Чтобы хоть немного унять дрожь, я положила ладони брату на спину, погрузила руки в черный дым. Мне это было можно. Только мне, остальных эта тьма не признавала. Я закрыла глаза, морально готовясь к тому, что мне сейчас предстоит, прислонилась лбом к его спине, словно он мог защитить меня от самого себя. Вокруг со всех сторон разнесся треск. Мертвые тела ломали свои хранилища и поднимались. Шли мимо нас наружу, немного чавкая по бензину, разлитому на полу и стекающему с них. Я не смотрела, мне никогда не нравилось, когда он это делал, мертвые не должны ходить. Я просто стояла позади него, внутренне сжавшись, ожидая, когда все кончится. Моя очередь участвовать в этом еще наступит.

Снаружи через звуки выстрелов послышались крики. Нежить хоть и была безоружна, но если не знать, как убивать ее, была опасна. А они вряд ли знали. Как раз это даст время Михаилу с новичками уйти. А мы вернемся потом. Так уже бывало. Михаил уводил людей, а мы с братом дожимали силы врага. Точнее, дожимал он, а я потом приводила его в себя. Только я могла вытащить его из безумия черной крови.

— Поджигай, — брат произнес это негромким хриплым голосом, но звук разнесся эхом.

Я бросила огонь зажигалки в полосу мокрых следов нежити. Все мертвецы уже были снаружи. Здесь, внутри, остались лишь мы и спящие порождения Зоога на втором этаже. Огонь метнулся вдоль их следов и вырвался на улицу. По пути отделился в сторону лестницы и скользнул вверх, быстро охватив ящики с вампирами. Скоро все кончится. Я расстегнула свою синюю форму, расстегнула рубашку под ней. Сбросила на пол. Стащила обувь, штаны и трусики, и отправила их к форме. Лучше это аккуратно сделаю я и сейчас, чем он порвет это сам и потом. Я обхватила себя руками — больше от нервов, чем от холода, из-за полыхающего сверху огня было тепло, даже жарко.

Снаружи творился ад: люди кричали, стреляли, умирали. Но и здесь тоже был ад: тишина, треск огня и брат в черном тумане. Я вдохнула и выдохнула. Пора. Я ступила босыми ногами по холодному каменному полу, обходя Влада, чтобы встать перед ним. Огонь полыхал, но свет не пробивался сквозь тьму вокруг брата, лишь отражался в его глазах. Черные радужки, черные венки в белках. Бледное, почти белое лицо, испещренное проступавшей чернотой вен. Мои пальцы скользнули в окружавшую его тьму, мягко легли на плечи.

— Влад, — мурлыкнула я, прижимаясь к нему обнаженной грудью и животом, погружаясь в этот черный туман. — Все кончилось, родной.

Его глаза неотрывно за мной следили, но он не шевелился. В нем шла внутренняя борьба, я играла с его безумием, как мотылек с огнем. Мои пальцы скользнули ему по шее, прогулялись по щетине, по губам. Я ласково коснулась его губ своими, старательно пряча страх в самой далекой глубине сердца. Когда он бывал в таком состоянии, то от него можно было ожидать что угодно. Пока он не делал ничего, и можно было считать, что побеждаю я. Я провела ему язычком по губам, и вместе с тем взяла его правую руку и положила ладонью себе на грудь. Против такого жеста он никогда устоять не мог. Его пальцы сжались, хватая ее.

— Это все твое, — шепнула я. — Бери, если хочешь.

С рычанием на выдохе он схватился второй рукой мне за горло, сжимая его, и приподнял меня над полом, заставляя стоять на кончиках пальцев. Все, победа за мной. В попытке вдохнуть я открыла рот, и он впился в него грубым поцелуем. Когда он отпустил меня, бросил на пол, и я осталась сидеть тяжело дыша и держась за горло. Мир, кажется, потемнел. Или просто огонь стал гореть не так ярко.

— Повернись, — рыкнул он.

В его глазах клубилась тьма и желание обладать мной, и безумие танцевало бликами огня. Я усмехнулась, продолжая смотреть ему в глаза. Он мой. Даже в безумии — он только мой. Я высунула язычок и медленно провела по нему всей подушечкой большого пальца. В глазах брата вспыхнула опасная жажда. Он был на грани. А мне хотелось смеяться от восторга. Мое тело дрожало мелкой дрожью от избытка эмоций. Я ощущала его безумие, с которым я могла играть, и от этого возбуждение и удовольствие охватывало меня. Я опустила руку до своей груди и медленно указательным пальцем обвела сосочек, а затем схватилась за него и оттянула, прикрыла глаза, откинула голову, выдохнула стон. Влад не выдержал. Туман рванулся в мою сторону. Доигралась, мелькнула удовлетворенная мысль в моей голове, и я злорадно засмеялась. Туман обхватил меня вместе с его руками. Он заставил захлебнуться смехом, развернул за плечи и швырнул лицом в пол. Я вцепилась в него пальцами, хотела уползти, но брат не позволил. Не знаю, когда успел снять штаны, но он рванул меня к себе, грубо вонзился и так замер на секунду.

— Вла-а-ад, — застонала я от грубости его действий, но в то же время жажда их.

Прямо сейчас я испытывала наслаждение и ненависть к нему, словно две части меня, одной из которых нравится, а другая бесится в ярости, но обе части все же суть есть одно целое, и поэтому оба чувства сплетаются воедино, создавая гремучий коктейль эмоций. Он перехватил одной рукой мои волосы, второй — бедро, заставляя меня выгнуться на четвереньках, откинуть голову назад, а потом начал двигаться. Я вцепилась ногтями в пол, заскреблась, постанывая на каждом его толчке, захлебываясь эмоциями, впитывая их всем своим существом. Воздух вокруг знакомо трещал электричеством, пахло озоном. И в этот момент я ощутила порыв чужих эмоций. Знакомых эмоций. Виктор. Прямо сейчас он видел, как именно Влад делает это со мной, и его это возбуждало. Я не видела, но чувствовала его где-то рядом, и он не мог оторвать взгляд от этого зрелища. Если Влад заметит его, то убьет не раздумывая. Потому что тот посмел увидеть меня, его собственность, с обнаженной грудью. И на секунду я даже отвлеклась, решая судьбу этого глупого мальчишки, стоит ли мне привлечь к нему внимание брата. Но Влад быстро оборвал мои мысли. Еще пара движений, и я застонала, извиваясь в судорогах удовольствия. Брат крепко держал меня, пока я не успокоилась. Его пальцы крепче вцепились в мои волосы. Огонь сверху разгорелся с новой силой, а может просто в мир вернулись краски. Рядом с братом они иногда тухли, я уже давно не удивлялась этому. Влад, не давая мне подняться с колен, развернул к себе лицом и подтащил меня ближе к своему достоинству. Конечно я понимала, какой именно разрядки он хочет. И придется ему это дать. Иначе он заставит, а мне этого совсем не хотелось, страх вернулся, а с ним и ощущение унижения. Отказать я боялась, поэтому обхватила его губами, и сделала лишь одно движение, обычно брату со мной много и не требовалось. И этот раз не стал исключением. Он застонал, кончая. Я осталась сидеть, покорно с долей страха глядя в его глаза, из которых быстро уходила последняя тьма. Его пальцы ласково скользнули по моим волосам и оставили их в покое. Взгляд пробежался по моему телу. Я не шевелилась, только пальцы, которыми я опиралась на пол, дрожали.

— Оденься, — сказал он.

Только после этого я скользнула ему за спину и лишь там поднялась с пола, быстро натягивая на себя одежду дрожащими пальцами, не глядя в его сторону. Криков снаружи я уже не слышала. Виктора тоже не ощущала. Да впрочем раз он объявлялся здесь, значит там, снаружи, стало безопасно.

— Поторопись, Вероника. Скоро здесь будет полиция и агенты Отдела.

— Да знаю, — огрызнулась я, снова ощущая к нему жгучую ненависть.

Через полчаса мы шли по городу, а я блуждала где-то в потемках своих мыслей. Я не была зла, раздражена или опечалена. Все куда хуже. Мне было все равно, привыкла. Но как бы то ни было, мое мнение в этом вопросе не имело значения. Потому что остановить его могла лишь я. Остановить от того, чтобы он начал убивать всех, кто попадется ему под руку. Но даже это не так важно, как то что безумие опасно и для него самого. Я не знала, что такое безумие черной крови, мне было не понять брата. Но я всегда делала все что в моих силах чтобы помочь ему. Во всем. Даже в этом.

Я не следила куда мы движемся, просто шла с ним рядом. И вот сейчас, очнувшись от размышлений, я поняла, что стою на берегу реки, протекавшей через город, перед небольшим пароходом.

— Я думала, мы идем к Анне, — я покосилась на брата.

— За нами может быть хвост. Нужно быть осторожными. В любом случае, осмотреться не помешает, — ответил он и кивнул на трап. — Проходи.

Это был не просто пароход, на втором этаже здесь находился маленький ресторанчик с чудесным видом на реку и берега. Мы — столица, и вдоль реки стояло очень много красивых зданий, словно здесь архитекторы соревновались между собой в изящности и величественности строений.

Мы поднялись на второй этаж. Здесь стояло восемь столиков, и занято из них было всего два. Мы сели ближе к носу судна, подальше от остальных гостей заведения. Я не возражала, в конце концов, от жизни всегда надо брать то хорошее, что она предлагает, и эта минутка отдыха мне сейчас была очень кстати. Поэтому я не возмущалась, не пыталась вернуться в дом к Анне и остальным. Да и что там меня ждет, кроме Михаила? Да и тот как будто сам не свой.

Я молчала долго, глядя в сторону, за бортик на воду. Нам успели принести еду, и сейчас на столе уже красовался отличный вареный картофель, горшочки с мясом и вино. Впрочем, еда меня сейчас не слишком интересовала, поэтому я просто крутила вилку в руках.

— Вероника.

От голоса брата я вздрогнула, чуть не выронив вилку, подняла на него глаза. Он внимательно и пристально смотрел на меня.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Я отвела взгляд в сторону. Он смотрел на меня так, будто ему это действительно было интересно. Я уловила от него оттенок заботы. Два и два сложились. На душе потеплело.

— Почему мы здесь, Влад?

— Я же сказал, наблюдаем, нет ли за нами хвоста.

— Да ты даже не смотришь по сторонам, — брякнула я наобум, вообще-то я не знала,

смотрит он по сторонам или нет, но судя по его дальнейшему ответу, попала в точку.

— У меня есть ты и твое умение ощущать чужие эмоции, — выкрутился он.

— Боже, Влад, — я оперлась на стол локтями и подперла левую щеку ладонью, правой ковыряясь вилкой в картофеле, — зачем все эти отговорки? Почему ты не можешь просто сказать, что решил позаботиться обо мне?

Тот удивленно поднял брови.

— С каких пор тебе нужны слова?

— С каких пор они мне не нужны? — в тон ему отозвалась я.

— Вероника, — он положил на стол ладони и чуть подался ко мне, — мы с тобой так давно вместе, что не нужно никаких слов. И так ясно, как мы с тобой друг к другу относимся. Да и не выразить эти отношения всего лишь словами. Это куда больше.

— Мой молчаливый и властный братец внезапно обрел дар красноречия, — я не удержалась от шпильки. — Хотя погоди-ка, теперь я понимаю, как ты завлекал всех этих красоток в свою постель. И единственная, кого ты лишал словесной прелюдии, это та, кому стоило бы давать это в первую очередь.

Стало грустно. Я откинулась на спинку стула, оставив вилку в тарелке, и снова посмотрела на воду.

— Если о чувствах нужно говорить, значит, их нет, — ответил он и выпрямился, тоже откидываясь на спинку. — Перестань забивать себе голову ерундой и ешь.

— Не хочу, — я воспротивилась исключительно из упрямства. — Я не голодна.

Влад не стал ничего отвечать, взялся за вилку и нож. Я молчала еще какое-то время, а потом спросила:

— Что с Михаилом, как ты думаешь?

— А что с твоим щенком? — уточнил брат и подвинул к себе мой бокал с вином, наливая.

— Он не такой, каким я его помню. Словно другой человек. И я не понимаю, как его вернуть.

— Никак, Вероника, — он поставил бокал с вином передо мной.

Я повернулась на него и подняла брови в удивлении.

— Ты знаешь, что с ним?

— Конечно.

— И ты не сказал мне?!

— Ты не спрашивала, — он пожал плечами. — Да и я думал, сама догадаешься.

Честно говоря, мне жутко захотелось воткнуть вилку ему в руку. Как он мог скрывать от меня такие важные вещи!

— Ты опять забываешь, что я физик, а не биолог!

— Биология тут ни при чем, — он пригубил вина. — М, неплохо. Попробуй.

Он качнул бокалом в мою сторону, и я выхватила его из пальцев брата:

— Да плевать мне на вино! Что с Михаилом?

— Ничего особенного. Он мертв, только и всего. Отдай мне вино, Вероника.

Я не стала играть с огнем и поставила бокал перед ним.

— Ну же, подробнее. Не тяни! — от нервов разыгрался аппетит, и я схватилась за вилку, начала жевать.

— Я уже не раз говорил, что после смерти с тобой осталась лишь часть его души. И когда эта часть души полноценно вернулась в тело, она начала достраивать недостающие

части личности. И взяла их из единственно доступного ей места — у тела, в которое она вселилась. Так что сейчас это наполовину Михаил, а наполовину — тот несчастный, телом которого твой призрак ныне пользуется.

Вот это новости. Я аж жевать перестала. Влад покосился на меня и добавил:

— Но если вдруг тебе интересно, большая часть личности все-таки принадлежит твоему щенку. Кстати, раз уж мы об этом. Скажи мне, а во время ритуала привязки его к телу ты ничего странного не заметила?

— Влад, когда мне так больно, я ничего вокруг не вижу, — я даже глазом не моргнула, хотя догадывалась, о чем он спрашивает. — Что я там по-твоему должна была заметить? О чем ты вообще?

Он задумчиво потер подбородок и пригубил еще вина.

— Результат слишком хорош, я рассчитывал на худшее. Да и последствия такие, словно выброс энергии был значительно мощнее, чем должен был быть. Будто что-то или кто-то помог. Я потом обследовал дом Анны, полагая, что там может быть особое место с источником силы, но нет. Ничего такого, — он пристально посмотрел на меня. — Ты точно не в курсе?

Всегда удивлялась, как он умел быть настолько догадливым и прозорливым. Нет, конечно, я тоже тупой отнюдь не была, однако у него это было сильно настолько, словно это еще один дар черной крови.

— Нет, — я отрицательно покачала головой, мне показалось, что лучше ему не знать о вмешательстве Кайраджа.

И тут мир немного потемнел, очертания Влада размылись, и он пропал, будто был всего лишь образом во сне.

— Вероника... — Кайрадж словно услышал, что я думала сейчас о нем.

— Здравствуй, — я положила вилку на тарелку.

— Ты приняла верное решение, лучше никому не знать. Ты выполнила договор, молодец. Ты нашла ответ?

— Нашла, — я улыбнулась и расслабленно откинулась на спинку стула, сцепив пальцы на животе, мне нравилась эта игра в ответы. — Михаил смог остаться со мной благодаря черной крови, так же как птица летит благодаря воздуху.

Сердце замерло в ожидании: угадала или нет? Я даже дыхание задержала.

— Ответ принят...

Я мысленно возликовала, а Кайрадж тем временем продолжил:

— ...Но из чего состоит воздух? Из множества элементов, и все вместе они — воздух. Черная кровь тоже состоит из элементов. Ты не знаешь, поэтому я сообщу. Основа черной крови — вариум. Остальное — примеси, искажения вариума. Гхаттот так крепится. Гхаттот так живет. Вариум — его метка, яд, суть...

В голову ударила боль, пронзила виски так резко, что я застонала, схватилась за нее ладонями и буквально рухнула локтями на стол. Слишком много информации он только что сообщил мне. Слишком много. Как будто впихнул в меня кусок, который был слишком большим, чтобы я могла прожевать и проглотить его, и он встрял поперек горла.

Вариум — вещество, создаваемое Гхаттотом. Он впрыскивает его в людей, словно змея яд. Так он помечает их. Так он держится за мир — через них и вариум. Черная кровь — искаженный вариум, преобразованный неким внешним воздействием: миром или людьми. Именно это вещество отвечает за все, что делает с нами черная кровь. Оно — суть черной

крови, вещество, которое вырабатывает Гхаттот.

Информация постепенно усваивалась, раскладывалась по полочкам, боль медленно уходила. Кайрадж молчал. Ждал. Я более или менее отдышалась и, потирая виски, покосилась на его фигуру, стоящую позади стула, на котором должен был сидеть Влад:

— Ты хочешь сказать, что ответ на твой вопрос о Михаиле — это потому что он воспользовался силой вариума?

— Ты все ближе, но пока еще далеко.

Фигура наклонилась над стулом и положила передо мной на стол монетку. Обычную золотую монетку.

— Возьми.

Я забрала ее и поднесла к глазам, покрутила в пальцах:

— Что это?

— Монета, состоящая из чистого вариума.

— Разве она не золотая? — удивилась я.

— Золотая.

— Тогда я не понимаю.

— Не жди ответы. Думай. Мне нужно отвернуться. Монета поможет тебе позвать меня. Ты слишком мала.

Опять он начал впихивать в короткие слова слишком много смысла. До этого момента он все время следил за мной, наблюдал, но теперь ему нужно перевести свое внимание на что-то другое. И чтобы связаться с ним, я должна воспользоваться монетой, потому что людей в мире много, и я всего лишь одна из них, маленький человек. Я просто не докричусь до него, он не заметит меня среди тысяч и миллионов других людей. Я потеряла виски, в которых опять ощутила неприятную пульсацию. Монетку сунула в карман.

— Ищи ответ, — с этими словами фигура растворилась, затемнение ушло, а на стуле снова появился Влад.

Он сидел в той же позе, в какой был, когда пришел Кайрадж: откинувшись на спинку стула с бокалом в руке. Прямо сейчас он поставил бокал на стол и взялся за вилку, но почему-то задумчиво покосился на меня. Что не так? Его взгляд мимолетно упал на мою тарелку, а я напрягла память и поняла. Когда явился мой бог, вилка была у меня в руке. А сейчас она оказалась в тарелке. И вряд ли Влад видел, как я ее туда положила. Да и я положение тела изменила. Иногда я забывала, насколько приметлив мой брат. Впрочем, он не стал заострять на этом внимание и принялся за еду. Я последовала его примеру. Мы провели в молчании несколько минут, прежде чем он спросил:

— Ты как-то рассказывала мне про бога, который являлся тебе. Кайрадж. Так, кажется он тебе представился.

— Он не представлялся, — сама не знаю, зачем решила поправить эту неточность. — Он сказал, что я сама знаю его имя.

— Он приходил после этого сна? — брат мои слова проигнорировал.

Я на секунду задумалась, стоит ли говорить, но решила, что ничего страшного в этом нет и, отправляя в рот очередной кусочек мяса, кивнула:

— Да.

— И чего хотел?

— Рассказал про вариум, содержащийся в черной крови, — по все остальное я тактично умолчала. — Знаешь что-нибудь об этом?

— Нет. Расскажи.

Неторопливо, перемежая с вкусной и приятной едой, я рассказала ему все, что объяснил Кайрадж.

— Что ж, я подозревал что-то подобное, — Влад долил мне и себе еще вина. — Потому что чтобы черная кровь обладала всеми теми свойствами, которыми обладает, в ней должен был присутствовать дополнительный элемент, который за все свои попытки я так и не смог вычленил химическим путем. Но я искал.

— Что ж, с радостью помогу тебе найти его, — я решила порадовать брата.

Я положила перед ним на стол монету и, взяв свой бокал, откинулась на спинку стула и отвернулась, посмотрела на закатные блики на воде.

— Кайрадж сказал, что она из чистого вариума.

Влад забрал монетку. В его глазах загорелись искры интереса. Приятно осознавать себя причиной этого. У него вообще редко что-то вызывало эмоции. Я удовлетворенно улыбнулась и даже издала довольный смешок, пригубила еще вина. И примерно в этот момент Влад размахнулся и выкинул монетку в воду. На секунду я впала в ступор и продолжала сидеть, не отрывая бокала от губ. Монетка прощально сверкнула несколько раз, отражая солнце и скрылась под водой.

— Какого черта, Влад? — я наконец отодвинула бокал, ощущая, как ярость поднимается во мне.

— Боги не приносят ничего хорошего, не связывайся с ними, — спокойно ответил он и отпил еще вина.

В гневе я сдвинула несчастный бокал, встала и с силой шлепнула его об деревянный пол. Осколки в красных брызгах разлетелись в стороны. Обе сидящие здесь пары за другими столиками покосились в мою сторону.

— Как мне надоело, что ты вечно распоряжаешься моей жизнью!

Я выбила из его руки бокал, и он отлетел в сторону, расплескивая содержимое. Не разбился, но лишился ножки.

— Это была моя монета! — я сбросила со стола пустой горшочек и голосом выделила слово моя. — И моя жизнь!

Я схватилась за стол и перевернула его вбок, выплескивая скопившиеся эмоции. Посуда разлетелась по деревянному перекрытию судна. Стол глухо загремел. Я ощутила покалывание электричества между пальцами и рефлекторно встряхнула рукой, чтобы избавиться от этого.

— Успокойся, Вероника, — Влад спокойно поднялся со стула и оставил на нем деньги, значительно больше, чем стоил обед.

— Да иди ты к черту!

— И не выражайся, как крестьянка.

— Как хочу, так и выражаюсь!

Я в гневе направилась к выходу и уже почти шагнула на трап, как ко мне подскочил вылетевший из подсобного помещения официант, привлеченный шумом.

— Простите, госпожа, боюсь, вам придется остаться до прибытия полиции.

Влад вырос тенью позади меня:

— Я оставил вам компенсацию. С дороги, — прорычал он.

— Извините... — начал официант, но его прервал брат.

Влад не стал слушать, а просто схватил того за плечо и с силой толкнул, выкидывая за

борт. Меня же он подхватил под локоть и недовольно потащил к проезжей части.

— Едем домой, — утвердительно сообщил он.

— Отпусти! — я попыталась выдернуть руку, но он лишь крепче сжал ее.

— Вероника! — его голос стал угрожающим. — Не перечь мне!

От знакомых вибраций голоса нервы натянулись напряженными струнками. Кажется, я перегнула палку и все-таки довела его. Нервно замаялась на месте, не решаясь спорить с ним, но и не соглашаясь. Впрочем как обычно моего согласия ему и не требовалось. Уже через минуту рядом с нами остановилась повозка. Он втоптал меня в нее, и мы молчали до самого дома.

К моменту прибытия к дому Анны я немного успокоилась. На что я, в самом деле, рассчитывала? Влад никогда не изменится. Ни одна моя попытка протестовать ни к чему не приводила, он все равно поступал по-своему, и на этот раз все произошло как всегда.

Приняв протянутую в вежливом жесте руку брата, я покинула экипаж. Окинула взглядом дом, в очередной раз отметив, что он, увитый виноградом и розами, очень красив. Жутко захотелось его испортить. У меня отняли мой дом, а сами живут в таких вот местах и даже не думают о таких, как я. Но ничего, однажды я доберусь и до этого дома.

Когда мы вошли, в глаза первым делом бросился Михаил. Он сидел в гостиной перед столиком, на котором красовалась бутылка виски и стакан. Он покосился в нашу сторону и расплылся в пьяной улыбке.

— А, вернулись, — его язык самую малость заплетался. — Как все прошло?

Это вот он что сейчас, съехидничал? Моему удивлению не было предела. Да нет, он не мог иметь в виду то, как я... выводила брата из безумия. Это далеко не первый и наверняка не последний случай.

— Ты о чем? — на всякий случай уточнила я, подходя.

— Да все о том же, Ника, — вот теперь его голос звучал откровенно пьяным. — Все о том же.

Он выпил стакан ликера залпом. Я остановилась у дивана, на котором он сидел, и увидела под ногами бывшего призрака еще две бутылки. Я замерла в шоке, глядя на это. В моей голове все это настолько не укладывалось, что я не нашлась, что сказать.

— Анна у себя? — спросил Влад, проходя мимо.

— Ее срочно вызвали, — он с трудом составлял слова, — на работу. Мы разворошили улей.

— Влад, что мне с ним делать? — растерянно спросила я вслед уходящему к лестнице брату.

— Что хочешь. Щенок твой.

Ну замечательно. Вот так вот просто взял и спихнул его на меня. Михаил никогда не напивался, а кто сейчас сидит передо мной — не знаю. Я решительно отодвинула столик с его выпивкой. Он потянулся за уезжающим столом, провожая его взглядом.

— Эээ... Ника, ну куда-а-а... — он протянул последнюю гласную, словно никак не мог решить, не собирается ли он продолжить речь.

Я встала прямо перед ним, прочно оперевшись ногами в пол и расставив их на ширину плеч.

— Эй, Михаил, — окликнула я.

Когда тот поднял взгляд, я влепила ему пощечину, особенно не сдерживаясь. Его голову мотнуло так, что на секунду я даже пожалела о своем поступке. Михаила отбросило спиной в диван, на котором он сидел. Он взялся за мигом покрасневшую щеку и проследил взглядом, как я уйду.

— За что, Ника? — в его начавшем трезветь голосе звучала обида.

— Не смей меня так называть, — я остановилась у подножия лестницы и сверкнула на него глазами. — Это я позволяла Михаилу, а ты не он.

— Ты не права. Это я, — сказал он, немного помедлив, но меня уже не было.

К этим словам я уже скрылась за поворотом лестницы, направляясь в библиотеку. Ее тишина должна была помочь мне успокоиться, слишком много случилось сегодня. Безумие брата. Видевший нас с ним вместе Виктор. Выброшенная монета. И осознание, что Михаил на самом деле не Михаил.

Библиотека представляла собой средних размеров комнату с одним столом, парой стульев и заполненными книгами шкафами вдоль стен. Я бы не назвала эту библиотеку большой, но вот ее содержание меня привлекло. И как я раньше не обращала внимание? Вот История появления Ордена Света, вон несколько томов трудов Рысина об артефактах и их влиянии на живое и неживое, а вон там вообще покосившаяся и торчащая во все стороны пачка бумаг с рапортами агентов с подробным описанием событий, связанных с порождениями богов. Здесь были даже некоторые из отчетов нашей группы, и я пробежалась взглядом по страницам. Почерк Михаила резанул болезненными воспоминаниями, и я спрятала бумаги назад. Однако скука диктовала свои условия, и в конце концов я достала отчеты двухсотлетней давности и уселась в кресло читать их, словно развлекательную литературу. Это оказалось действительно интересно. Они содержали сообщения о встречах с порождениями Зоога, основным противником тех времен, и немного о чудовищах, детях Кхутуру, гхаттитов тогда не существовало. Сначала я читала их разрозненно, не обращая внимания на хронологию, но мозг зацепился за что-то важное. Я никак не могла уловить логику, и потому взялась раскладывать все бумаги в хронологическом порядке. Здесь было не все, разумеется, так что осталось лишь надеяться, что этого мне хватит, чтобы понять, что же такого я в них заметила.

Именно так меня, раскладывающую бумаги на столе, и застал Виктор. Он подошёл к столу и оперся сложенными друг поверх друга ладонями на любимую, ныне безглазую, трость.

— Рад, что вы вернулись невредимой, Сцилла. И честно признаться, я полагал, что вы здесь решили почитать книги, а не перекладывать бумаги, — он чуть склонился над столом, быстро взглядом пробежал по строчкам в одном из отчетов и удивился, с намеком уточнив. — Вы ведь уже не работаете в Отделе. Это госпожа Пламенева вас попросила? Странно, учитывая, что ее нет дома и не было с вашего возвращения.

Все его слова были наполнены двойным смыслом. Мой брат ненавидел так общаться, а вот я чувствовала себя, как рыба в воде. Я усмехнулась, не поднимая на него взгляда и продолжая своё занятие.

— Какой любопытный. И чего только тебе не спится ночью. Впрочем, ты и днём спокойно вести себя не можешь, — я наконец подняла на него взгляд и ухмылка превратилась в хмурость. — Я знаю, что ты был там.

Я замолчала, ожидая его реакции. Виктор спокойно смотрел на меня в ожидании продолжения. Какой умница, на такие простые психологические трюки не поддается.

— Сядь.

Я кивнула на кресло перед собой и продолжила только когда он выполнил мое требование.

— Скажи, если бы на месте моего брата был ты и заметил бы, что твою женщину видел

другой. Без твоего разрешения. Что бы ты с ним сделал?.. — я выдержала несколько секунд молчания, которые он смотрел мне в глаза, обдумывая ответ. — О, не переживай, ответ я знаю и без тебя, потому что мой брат мне уже наглядно его показывал. Некоторые из его жертв были виноваты лишь в том, что оказались не в том месте и не в то время и видели то, чего не следовало. И все эти убийства, даже особо жестокие, ему спускали с рук двадцать лет.

Я снова замолчала. Виктор нервничал, хотя умело скрывал это. Взгляд впрочем все же в сторону отвел. Я поднялась с кресла и оперлась ладоням на стол, нависая над собеседником:

— Так скажи мне, где была твоя голова, идиот?! Чем ты, вечно обвиняющий в глупости своего друга, думал в тот момент?!

— Вы беспокоитесь за меня? — он поднял на меня взгляд и улыбнулся.

— Я предупреждаю тебя. Если тебе говорят уходить, значит надо уходить. Потому что сколько бы ни читал книг, ты ровным счетом ничего не знаешь об агентах первой волны и о безумии черной крови.

— Ну так расскажите мне, Сцилла! — он снизил тон голоса и заговорил тише и быстрее. — Мои интимные желания уже давно не секрет для вас, но есть нечто, что я все еще скрываю, хотя пожалуй, именно об этом стоило заявить в первую очередь. Прошу вас, присядьте, и я расскажу все.

Я стояла в задумчивости еще несколько секунд, размышляя, так ли уж сильно хочу знать то, что он собирается рассказать мне, но все же малец сумел меня заинтересовать, поэтому я опустила обратно в кресло, расслабленно откинулась на спинку и кивнула:

— Рассказывай.

Он улыбнулся еще шире, и до меня долетел отголосок яркой эмоции. Он посчитал, что раз я согласилась его выслушать, то уже полпути до его мечты пройдено.

— С тех пор, как я решил стать агентом, Сцилла, я всегда знал, что стану лучшим среди них. Но чтобы стать лучшим, нужно учиться у лучших. Именно поэтому я изучал историю и дела агентов первой волны, и особенно вашей троицы. Вы единственные выжившие, а значит, именно вы — лучшие. И признаться, если бы судьба не сложилась так, как сложилась, я сам нашел бы вас и вашего брата и умолял учить меня. Откровенно говоря, Сцилла, я больше рассчитывал на вашего брата в качестве учителя, но за неимением информации о нем, готов был согласиться и на вас.

— О, то есть я — запасной вариант, — я хмыкнула, хотя слышать такое было обидно.

— Да, так я полагал раньше. Но теперь я воочию увидел вас обоих. Когда-то ваш брат, возможно, и был лучшим среди лучших, но сейчас он похож на ходячего мертвеца, как бы странно это ни звучало в его случае. А вот вы все еще живы.

— О чем ты? — я нахмурилась и нервно затарабанила пальцами по подлокотнику.

— Заметить это вам мешает тот факт, что вы слишком давно его знаете. Его взгляд — взгляд человека, который ищет смерти. Я уже видел такой в последние годы жизни своей матери, и ни с чем его не спутаю.

Я подавленно молчала, задумавшись о его словах, а Виктор так же уверенно продолжал:

— И раз он пришел к тому, чем стал, он и его путь мне не нужны. Учите меня, Сцилла, я прошу об этом вас как сильнейшего из известных мне людей, — его глаза лихорадочно заблестели, а эмоции взметнулись россыпью мольбы, жажды и чего-то более глубокого, к чему наиболее близко понятие фанатизм. — Именно ваш путь и ваши взгляды на жизнь сделали вас такой, какая вы есть, и я в восхищении! Я понимаю, что вам не хочется тратить

ваше, несомненно, бесценное время и силы на кого-то вроде Никиты, кто не сможет вас понять, но клянусь вам, ученика лучше меня вы не найдете. Просите за это, что хотите, Сцилла, я готов быть вам почти рабом, лишь прошу учить меня, и вы не найдете более целеустремлённого и жаждущего знаний ученика, чем я.

Вот уж чего не ожидала, так это подобной просьбы. Впрочем, не сказала бы, что мне это в тягость, так что почему бы и нет.

— Я согласна, — ответила я после недолгого раздумья. — Но что ты видишь во мне? Возможно, это лишь образ, который ты себе придумал.

— Я вижу силу, Сцилла. Внутреннюю силу, которую нельзя объяснить или измерить, но она проявляется во всем, что вы делаете, чем живёте. Я хочу ее, — он помолчал, усмехнулся и продолжил. — Разумеется, вас я тоже хочу, но это чревато проблемами с Владиславом, что может помешать мне достигнуть более важной цели, так что я не претендую. Но если вы предложите, не откажусь.

— Не предложу. Рада, что ты хотя бы иногда думаешь головой, а не тем, что между ног, — я не удержалась от небольшой подколки, но затем продолжила серьезно. — Посмотри на эти бумаги передо мной. В них есть что-то важное, но я не успела понять, что именно. Считай это своей первой задачей, первым шагом к обучению.

— Вы хотите, чтобы я нашел нечто, о чем вы сами не знаете? — изумился он.

— А ты думал, будет легко? — я усмехнулась. — И дело не в поиске, Виктор, а в умении быстро размышлять и сопоставлять. В умении мыслить.

Я запнулась на этой фразе, потому что вдруг вспомнила, что Кайрадж хочет от меня того же самого, чтобы я мыслила. Это стоило обдумать. Я поднялась с кресла:

— Пора спать, Виктор. Спокойной ночи, — я отправилась к выходу.

— И вам, Сцилла, приятных снов, — его слова догнали меня у самой двери, заставив обернуться.

— Тебе нравится называть меня именно так, а не по имени. Что это значит для тебя? — я задумчиво уставилась на его ответную улыбку.

— В вас живет чудовище. Опасное. Живое. Красивое. Именно такое имя я дал бы тому, что ранее в разговоре назвал вашей внутренней силой. И знаете, мне понравилась задача, которую вы мне дали, я обязательно найду то, что вы искали.

Что ж, может из него и правда выйдет неплохой ученик.

У спальни меня ждал сюрприз. Рядом с дверью, прислонившись к ней спиной, стоял Никита. Заметив меня, он шагнул навстречу и протянул розу.

— Давайте поговорим, Вероника. Пожалуйста.

Он явно стащил цветок с клумбы Анны, но порыв я оценила.

— Что ж, входи.

Я кивнула на дверь своей спальни, а сама взмолилась всем богам, чтобы он вел себя осторожно и не пришлось больше мучить его. Никита остановился на середине комнаты и дождался, пока я сяду на кровать, прежде чем начал говорить.

— Вероника, Михаил — ваш возлюбленный?

— Да, — я кивнула и отложила розу на кровать. — Надеюсь, теперь ты оставишь свои поползновения в мою сторону?

— Это сложно, вы мне очень нравитесь. И вот чего я не понимаю, так это почему вы нравитесь Виктору. Он любит совсем другой тип женщин, и мы с ним всегда расходились в этом вопросе. Как если бы он любил чёрное, а я белое. Это загадка для меня. Поможете ее разгадать?

— Я уже говорила тебе, Никита, я не такая, как ты думаешь. Ты принял маску за настоящее лицо, а Виктор видит истину.

Я сейчас просто несла что-то наобум. Импровизировала, как сказал бы брат. Надумал тут себе всякую чушь. Маска, лицо, да кому какая разница? Виктор просто извращенец, и меня он хотел бы видеть в роли своей женщины, потому что я уже опытна и знакома с темной стороной человеческой души, и я не испугаюсь того, чего он мог бы захотеть. А еще я для него отличная дойная корова — замечательно подхожу на роль учителя. И мы с ним заключили сделку, вот и все. А Никита — словно в облаках витает. Ведёт себя, как ребенок, который не хочет видеть истинную, темную сторону жизни, где нет места романтике.

— Никита, я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда. Я люблю Михаила. Я хочу Михаила. И я не буду ни с Виктором, ни с тобой, ни с кем-то еще, кроме него.

Мой собеседник быстрым шагом подошёл и рухнул на колени передо мной и взял мои пальцы в ладони.

— Вероника, я не хочу этого слышать и не хочу этого знать.

— А придется, — в моем взгляде поселилась надменная холодность. — Иначе я снова отправлю тебя в кошмар и случайно забуду вернуть. И теперь ты знаешь, что жалостью меня не взять, я могу ударить лежащего и безоружного, и сделаю это, если придется, потому что как никто другой знаю, что настоящее оружие — в голове, а не в руке.

— Мое жизненное кредо — никогда не сдаваться. Это не угроза и не намек, я просто не могу жить иначе, — его пальцы нервно поглаживали мои. — С момента нашей первой встречи вы не выходите у меня из головы. И если спросите, я не знаю, чем вы так притягиваете. Я прекрасно слышу все, что вы говорите, и вижу, что доказываете слова делом. Но я также и вижу, что между вами и Михаилом не все ладно. Просто знайте, я буду рядом. И когда решите уйти от него, с радостью приму вас.

— Ты слишком самоуверен. У нас с Михаилом все замечательно, — искренне солгала я. — Но я готова стать тебе тем, кем могла бы стать, если бы не Отдел и все, что случилось за последние недели.

Это был внезапный порыв. Мне захотелось найти в нем мостик между мной и нормальной жизнью. Пусть он агент, но все же впервые мы познакомились как обычные мужчина и женщина, и для меня в отношении к нему мало что изменилось с тех пор.

— Кем? — заинтересовался он.

— Другом.

— Нет, Вероника, — он крепче сжал мои пальцы и, глядя в искренне удивлённые глаза, продолжил. — Я не буду вам другом. Хочу быть ближе. Хочу, чтобы вы не стеснялись меня, не боялись, что я неверно вас пойму, и чтобы не исключали секс из возможных видов общения между нами.

Так он просто хочет меня поиметь...

— Никита, — я взяла его лицо в руки и пристально посмотрела в глаза, — если все дело только в сексе, я готова.

— На что? — от неожиданности он впал в ступор.

— На секс. Прямо сейчас, — разумеется это был блеф, я не собиралась подставлять его

под удар брата, но выяснить его реакцию не мешало бы.

Я потянулась к Никите губами, ожидая жадного поцелуя, но он подхватил меня за лицо и лишь коснулся губ, словно не мог отказать себе хотя бы в такой мелочи, но поцелуй не состоялся.

— Я знаю, что отказ девушке, когда она сама предлагает себя, это лучший способ закрыть себе доступ к ней раз и навсегда, но я рискну, Вероника, — его голос звучал тише и как будто нежнее, от привычного образа веселого и немного глупого парня не осталось и следа, сейчас со мной говорил серьезный взрослый человек. — Мне нужно не только ваше тело, я хочу от вас чувств, хочу вашу душу... Понимаешь, глупая?

Он улыбнулся, произнес последние слова совсем ласковым голосом, а потом сделал то, чего я меньше всего ожидала: чмокнул в нос. Я изумлённо хлопнула глазами, не найдясь что ответить, и он тихо по-доброму хмыкнул. Улыбка сама появилась на моих губах. Он касался меня, и я видела все его мысли насквозь. Да, он хотел меня, а оттого, что я ему это предложила сама, захотел еще сильнее, но он искренне влюбился, и хотел, чтобы я была счастлива, даже вопреки его желаниям. Это для него было важнее. Последний раз подобные мысли я ловила у Михаила еще до его смерти, и только сейчас поняла, как сильно мне этого не хватало. Я обняла его и запустила пальцы в его густые волосы.

— Прости, Никита. За всю боль, что я тебе причинила. Но тебе, просто проверь в это лучше держаться от меня подальше.

— А я знал, что тебя что-то вынуждает вести себя так, и на самом деле ты другая, — он улыбнулся. — Виктор просто слеп и видит то, что хочет. Я замечал за ним такое, но это случается редко, обычно он внимателен и самокритичен.

— Давно его знаешь? — я заинтересовалась, отличная возможность узнать ученика получше. — Вы ведь давно друзья, да?

— Я чувствую себя неловко, когда стоя в такой позе, говорю не о нас с тобой, — он улыбнулся и поднялся с колен, попутно чмокнув меня в губы. — Прости, не удержался.

— Принеси вино с двумя бокалами, и я готова пригласить тебя сюда, — я с улыбкой похлопала по кровати рядом с собой, словно приглашала сесть.

— Да я мигом! — Никита почти пулей вылетел из комнаты, вызвав у меня очередную улыбку своей непосредственностью.

Вернулся он быстро, словно бутылка вина и бокалы стояли у самой двери. Он плюхнулся рядом со мной на кровать и пока разливал вино по бокалам, я начала спрашивать:

— Итак, вы с Виктором давние друзья.

— Да. Мы познакомились, когда я пытался обворовать его отца, — он хмыкнул в ответ на мой недоуменный взгляд и пояснил. — У меня отец много пил, и рос я в бедной семье, а есть хотелось, вот и воровал. Его отец меня поймал и решил преподать сыну какой-то урок, потому что предложил ему самому решить, что со мной делать. Он тогда дал мне денег, позадал вопросы о том, кто я, где и как живу, и отпустил.

— Почему отпустил? — я глотнула вина.

Никита пожал плечами.

— Ну, мне он так и не признался, а я думаю, просто жалко стало. А потом он ко мне домой пришел. Представляешь, Вероника, в одиночку сыночек богатея в бедный квартал явился! В общем, спас я тогда его, хотя и пришлось побегать по подворотням да всяким лазам. Он тогда вымазался весь, так смешно кривился от грязи, что я до сих пор ему это иногда вспоминаю, — Никита хмыкнул и покосился на мой опустевший бокал. — Еще?

Я кивнула и подставила бокал под напиток, продолжая слушать.

— Через год, когда мне стукнуло четырнадцать, в пьяной драке у меня умер отец, а мать к тому моменту уже давно была мертва, и когда меня стали искать люди, чтобы я вернул им долги отца, я сбежал. С Виктором мы так и перестали общаться, поскольку я пропал из его поля зрения. Он нашел меня к моим шестнадцати. Заставил отца напрячь свои связи, и когда я в очередной раз попал за кражу в полицию, Виктор с отцом пришел ко мне. Он сумел убедить отца помочь мне найти хоть какой-то легальный способ заработка, и тот, уверждая, что сколько волка ни корми, он будет в лес смотреть, и стремясь доказать сыну всю тщетность его действий, действительно помог. Так я доказал отцу Виктора, что его сын во мне не ошибался.

— Почему он помогал тебе?

— Ну, поначалу я заподозрил Виктора в нетрадиционной ориентации, — Никита усмехнулся, — но нет, я ошибся. Просто у него есть маленькая тайна, в которой он даже самому себе не всегда признается.

Никита склонился мне к уху, словно нас здесь кто-то мог услышать, и тихо проговорил:

— Он боится одиночества сильнее смерти, — после он отстранился и продолжил уже обычным голосом. — Да и потом, этому заносчивому засранцу нужен кто-то, на фоне кого он будет смотреться еще выгоднее.

Никита допил вина, налил себе еще и продолжил:

— В общем, с тех пор мы друг друга из виду не теряли. Идею стать агентами Отдела первым принес мне он, и я решил, что это отличная возможность получить официальный статус гражданина и немалые деньги. Не знаю, как было в твоё время, Вероника, но сейчас попасть в число агентов сложно. Да и не так уж престижно, как раньше. Впрочем, мне в этом вопросе было легче, а вот Виктор ради места агента поссорился с отцом, который не желал отпускать сына на столь опасную работу. Хотя насколько мне известно, даже после ухода сына из дома, регулярно перечислял деньги на его счет, — Никита хлебнул еще вина. — И знаешь, я скажу тебе так. Быть агентом — это круто. Ведь кроме нас, некому спасти мир от богов, понимаешь? А богов в мире быть не должно. Никаких. Тут люди между собой разобраться никак не могут, куда уж еще богам сюда лезть.

— Говоришь почти как Влад, — хмыкнула я. — Вы бы с ним сошлись во мнениях. А вот я считаю, что пусть и был бы бог, лишь бы войны с ним не было. Лишь бы люди не гибли.

— Нет-нет, Вероника, свобода превыше всего! — не согласился Никита. — Люди должны быть свободны, иначе они не смогут развиваться! Расти над собой!

— Это после какого бокала вина тебя на философию потянуло? — я с шутливой издевкой покосилась на опустевшую бутылку.

— Меня так легко не взять, — ответно пошутил Никита, зевнул и встал с улыбкой. — Мне даже жаль, что в такую отличную ночь я тебя не домогаюсь, а собираюсь уходить спать.

— Надеюсь, продолжишь в том же духе, — я улыбнулась и протянула ему пустой бокал. — И бутылку унеси, мне здесь мусор не нужен.

Никита взял мой бокал, а затем резко посерьезнел:

— Вероника, послушайте моего совета, не встречайтесь с Виктором. Не надо. Вы достойны лучшего.

— То есть тебя, — я прищурилась, делая вид, что не понимаю о чем он, хотя уже догадывалась.

— Его вкусы... — Никита помялся. — Они очень... специфичны. Я верну тебе твои же

слова, просто поверь мне и держись от него подальше.

— Никита, ты забыл, — я улыбнулась и замолчала.

— Что забыл? — он оглянулся по сторонам не понимая меня.

— Ты забыл, что я у всех вас вот здесь, — я постучала пальцем себе по виску. — Я знаю о его вкусах так подробно, как не знает даже он сам. Не думаешь же ты, в самом деле, что можно удивить того, кто знает, о чем думает каждый вокруг. Но за заботу спасибо, я ценю это.

Никита улыбнулся, качнул головой жестом, который мог означать что-то вроде ну надо же, и покинул комнату, позволив мне наконец лечь спать.

Горячее злое дыхание около уха. Пальцы, сжимающие шею. Я смотрю на себя в зеркало. Черные волнистые локоны растрепаны. В синих глазах горит страх, гнев и желание. Темно. Позади меня стоит он, но вокруг него тьма, и я не различаю черт. Я хочу его. Он злится, бесится. В ярости сильнее сжимает пальцы, перекрывая мне воздух, и это только сильнее заводит. На мне нет одежды. Хочется обхватить связанными руками его достоинство, прогнуться, упереться в него задницей, потереться. Свести с ума, чтобы он набросился на меня, не помня себя. Я могу это, я знаю. Он в моих руках.

— Смотри. Кого ты видишь?.. Отвечай!

Я смотрела в зеркало на его черную тень. Очертания Влада проступали неохотно, медленно. На его лице ярко-красная кровь и черные разводы — следы моих пальцев. Его глаза — такие же синие, как у меня, но светлее.

Похожи на небо. Необъятное чистое небо. Там, в вышине, летит птица. Как она держится в воздухе? Птица летит потому, что у нее есть крылья. Или птица летит потому, что потоки воздуха держат ее. Или потому, что воздух тоже имеет плотность...

Она медленно делает взмах крыльями. Я вижу крылья очень близко, прямо перед собой. Их обтекают потоки воздуха, создавая разницу давлений. Большие и маленькие завихрения. Я вижу их все. Понимаю их все. Воздух состоит из частиц. Я вижу их. Те тоже состоят из частиц, еще более мелких и еще мельче, и мельче, и мельче до самых волн, колебаний... Стоп. Что за бред? Я вынырнула из разглядывания этого незримого мира назад и снова увидела птицу. Черную птицу, летящую в красном небе. Словно картина.

Краски потекли, будто картина заплакала. Черное пятно на красном фоне. Черный вариум в красной крови. Краски стекла, смешались, превратившись в единую черную массу. Было так много красного и всего лишь одно черное пятно, но теперь кроме черноты, здесь ничего нет. Только вариум.

Чернота скрутилась и обрела очертания монеты. Блеснула на фоне воды, оставаясь черной. Мелькнула мысль, что черный цвет не мог отражать свет, а следовательно не мог и блестеть. Блеска больше и так не появилось. Монета летела в воду.

Нет! Не падай! Остановись!

Черная монета, полностью поглощающая свет, и оттого выглядящая, будто маленькая черная дыра, зависла в воздухе, замерев над водой, постепенно замедляя вращение. Я протянула руку и аккуратно взяла ее. В голову ударила нестерпимая боль, словно я вернулась в прошлое, в белую комнату. Я закричала и схватилась за виски. Вскочила на кровати, села. Голова раскалывалась. Тяжело дыша, словно только что чуть не погибла, я держалась за

голову. Вокруг от статического электричества трещал воздух, я даже видела эти мелкие искорки, мелькающие передо мной.

Моя кожа была бледной, и сквозь нее слегка проступали черные вены. Ну, если я неосознанно использовала свою силу, то в этом не было ничего странного. Да и страшного тоже, само придет в норму. Я убрала руки от висков, чтобы рассмотреть кожу и вены на них, и только сейчас поняла, что сжимаю в ладони золотую монету. Ту самую, которую подарил мне Кайрадж и которую Влад выкинул в реку. Но как так? Я ведь точно видела, что он выкинул ее. И это не Кайрадж ее вернул, он же сам сказал, что отвернется от меня. Иначе он вернул бы ее раньше. И еще меня терзало ощущение, что ответ на вопрос, как эта монета оказалась сейчас у меня, кроется там же, где и ответ на вопрос моего бога о Михаиле. Я должна понять. Должна. Как он смог? Как монета смогла? Голова болела, но сейчас я почти не обращала на это внимания. Встала с кровати, запустила пальцы в волосы и встряхнула, приводя их в порядок. Они у меня всегда ложились сами, как надо, не путались.

Наскоро умывшись и приведя себя в порядок, я обследовала подозрительно тихий дом. На улице уже стоял день, и похоже, я проспала тот самый момент, когда все разбредались по своим делам.

Первым я нашла Виктора, он сидел в библиотеке и сонно перебирал бумаги. Судя по внешнему виду и уставшему взгляду, он провел здесь всю ночь.

— Ну как, нашел что-нибудь? — я подошла и села напротив него.

— Да, Сцилла. Похоже, что нашел. Есть два факта, которые зацепили мое внимание, — он с трудом удерживался от зевка. — Я разложил их в хронологическом порядке, и это ничего не дало, однако в процессе я все же сумел выделить факт номер один. Абсолютно все порождения Зоога, даже баньши, были высокопоставленными личностями: министры, генералы, управляющие и иже с ними. Тогда я разложил дела по иерархической лестнице, чтобы оценить, насколько все плохо, и обнаружил факт номер два. Они очень высоко. Некоторые были даже выше Отдела или на аналогичной ступени иерархии, но в другом ведомстве.

— Отлично, Виктор, ты молодец.

— Рад стараться, — он расплылся в самодовольной, но очень сонной улыбке.

— Иди спать, ты и так сидел здесь всю ночь.

Я взялась за листки и стала собирать их, чтобы сложить назад. Странно, что на мой вскрик не явились ни Влад, ни бывший призрак. Я окликнула Виктора уже у самых дверей:

— Где мой брат и Михаил? — остальные меня не волновали.

— Они еще утром куда-то ушли, — отозвался тот. — Я не знаю куда.

— Спасибо, спокойного сна.

Виктор ушел, а я задумалась, куда мой брат мог уйти вместе с Михаилом. Может он его убить решил? Да нет, глупости. Это я обычно наношу удар сразу, а Влад сначала предупредит несколько раз. В чем тогда причина? Я задумчиво покрутила монетку в пальцах, разглядывая ее. Когда Михаил еще был жив, Влад вполне доверял ему как напарнику. Видимо, сейчас я наблюдаю то же самое. Это значит, что Влад в нем Михаила все-таки признал. Может он видит что-то, чего не вижу я? Может, дать Михаилу еще один шанс? Понаблюдать за ним еще немного...

Пока я размышляла, взгляд блуждал по монетке, разглядывая ее со всех сторон. Казалось, я почти понимаю, зачем мне дал ее Кайрадж и что хотел сказать, но не хватает какого-то понимания, словно то, что мне нужно, находится в тумане, и я никак не могу

рассмотреть очертания, но оно рядом, вот, только руку протяни. Я смотрела и смотрела на нее. Почему Михаил не ушел, когда умер, если его связи с телом уже нет? Значит не тело влияло на его способности. Но тогда что? Ведь от него остался лишь дух, призрак, эмоции, остатки личности со всего лишь несколькими желаниями, как говорил брат. Я ощутила себя неуютно, как Тесла гонялся за эфиром, так я сейчас гоняюсь за призраком прошлого. Но и то, и другое — миф.

На какое-то мгновение монетка вдруг сменила цвет. Точнее, мне это причудилось, словно одним глазом я видела обычную монету, а вторым — черную дыру на ее месте, как во сне. Но это было лишь мимолётное мгновение, рассеявшееся так же, как и сон. Я вдруг поняла, что сижу здесь уже давно, но сознание не понимало этого. Кажется, прошло уже несколько часов. Думалось тяжело, словно мысли, прежде ясные, теперь находились в тумане, и двигались медленно, как в смоле. Сильно хотелось спать, будто я несколько ночей бодрствовала, и я устало положила руки поверх все еще разложенных бумаг, прикрыв монетку ладонью, и опустила на них лбом. Я понимала, что со мной что-то ненормальное, но никаких тревог по этому поводу не возникало, словно во мне напрочь отключились страх и инстинкт самосохранения. Когда и как уснула — мое сознание не заметило.

Во сне ощутила, что меня несут, и с трудом заставила себя открыть глаза. Михаил. Он не заметил моего пробуждения, и я закрыла их обратно. Пусть несет. Он положил меня на кровать в моей комнате, собрался уходить, но я схватила его за рукав рубашки. Он вздрогнул от неожиданности и повернулся.

— Почему ты смог? — прошептала я.

Кажется, он ждал других слов, потому что на его лице появилось удивление. Он сел обратно на кровать рядом со мной.

— Что я смог, Ника?

— Почему ты смог остаться? Почему не ушел? При чем тут вариум?

— О чем ты? — он положил мне ладонь на лоб и удивился. — У тебя лоб горит. Я принесу тебе молока с медом.

Он встал.

— Стой! Ответь мне. Почему?

Не знаю, что было сейчас у меня в глазах, но он присел обратно и положил ладонь мне на плечо.

— Тише, Ника. Все хорошо. Я не знаю почему, прости. Если бы знал, сказал бы, конечно.

Стало обидно. Очень обидно. От бессилия захотелось разорвать подушку в клочья. Я должна узнать. Должна понять. Ответ слишком близко, он где-то под носом. Он точно рядом. Почему же я не могу его найти? Что мне мешает?

— Ты бесполезен. Совершенно бесполезен, — я прикусила нижнюю губу. — Ты даже не Михаил. Уходи.

— Ника, ну что ты за чушь вбила себе в голову? Это прежний я.

— Ты был другим. Ласковее. Мягче. И веселее! Ты не он. Прочь.

— Знаешь что, мое терпение не бесконечно! — возмутился он и встал, повысил голос. — Хочешь, чтобы я ушел — и я уйду. Мне осточертело терпеть тебя и твоего братца со

всеми вашими задвижками. Все мы не идеальны, и ты тоже не сахар. С этим своим вопросом ты совсем свихнулась. Твердишь мне постоянно, почему я смог да почему смог. Откуда мне знать? Смог и все. Потому что захотел. Все просто. Я устал, Ника. Хватит. Однажды надо было положить этому конец. Раз я не Михаил, то и черт с тобой, не буду убеждать. Ты окончательно слетела с катушек. Прощай.

Он буквально пылал гневом. Никогда его таким не видела. С последними словами он покинул комнату и хлопнул дверью. Голова болела. Я приложила ладони к щекам, они оказались мокрыми. Я плакала? Наверное. Было больно где-то в душе от чувства потери. Что-то разрывалось внутри меня почти как в тот день, когда он умер.

Он смог остаться, потому что захотел. Захотел остаться со мной. Мне было приятно. Он любил меня. В самом деле любил. Ну подумаешь, он изменился. Все мы меняемся. За эти десять лет и я тоже наверное изменилась. Может я не права была, когда говорила ему эти слова? Да, раньше я никогда не видела, чтобы он злился, но слепая покорность обстоятельствам тоже не так уж хорошо. А что если я ошибаюсь, и это все-таки он? Мой Михаил. Я ведь не могу его так потерять. Это было бы глупо. Я села на кровати. Голова гудела. Мысли метались, как сумасшедшие. И я знала, что делать. Надо проверить. Надо убедиться однозначно, он это или нет. Я поговорю с ним, и если это не он, я убью его. Никто не посмеет осквернять его память, считая себя им.

Я встала, пошла на кухню, набрала в тарелку яблок, взяла нож. Маскировка для ножа. Парализация моя на него не сработает, но сработает нож. А даже если он сможет сопротивляться, и мы на шумим, придет Влад. Он уж точно не упустит шанс вернуть Михаила в состояние призрака. План идеален. В доме стояла тишина, все спали, и на улице стояло самое черное время суток. С тарелкой в руках я подошла к комнате Михаила. Постучала.

— Войдите, — раздался изнутри его недовольный голос.

Я воспользовалась предложением и скользнула внутрь. У его кровати стояли бутылки — пустые и полные вперемешку. Я поморщилась.

— Я же сказал, между нами все кончено. Что ты здесь забыла? Вали назад к своему братцу, вы друг друга стоите.

Я прошла к его столику, поставила там тарелку, повернулась к нему, подошла. Он не двигался, просто смотрел на меня. Я остановилась прямо перед ним, подняла на него глаза и шепнула:

— Хочу...

Все четко спланировано. Он — мужчина, который всегда меня хотел, он не удержится. Теперь главное — внимательно наблюдать. Вождение не даст ему скрыть мелочи, которые позволят мне понять, тот ли передо мной, кто мне нужен, или это не он.

Я потянула за завязочки платья, и оно разошлось на груди, обнажив ее и полностью открыв бюст взору. Бывший призрак не остался равнодушен. Его взгляд скользнул к груди, руки легли мне на пояс, он потянулся к губам. Все, он мой. Я не сдержала ухмылки и смешка, обвила его руками, притягивая к себе. Положила свои руки на его, провела его ладонями по своему телу, подняла выше, положила себе на грудь. Отстраненно подумала, что Влад от этого моего жеста обычно сходит с ума от желания, Михаил в этом смысле всегда вел себя сдержаннее. Я стянула платье с плеч, и оно упало на пол. Михаил всегда любил играть, как и я, и всегда придумывал новые игры. Шалил и баловался со мной, словно мальчишка, и меня заводила его непосредственность и веселье. Он всегда был, словно яркое теплое солнце в той холодной тьме, куда окунул меня брат. Но сейчас я не ощущала этого

тепла. Словно это был не он. От этой мысли я недовольно прикусила ему губу. Он прервал поцелуй, посмотрел мне в глаза.

— Ника, тебе нравится быть с ним? — тихо спросил Михаил и ласково провел мне по волосам пальцами. — Только ответь честно. Прошу.

— Нравится, — я закусила губу, не имела привычки врать ему.

Бывший призрак вздохнул.

— Я всегда старался уберечь тебя от него. Он тянул тебя за собой в свое сумасшествие, а я надеялся что стану тем, кто не позволит ему это сделать. Я знаю, ты любишь его. Мне больно, что ты выбрала не меня. Он причинил тебе столько боли, а ты все равно с ним. Чем он это заслужил, и чем этого не заслужил я — не знаю. Но я смирился.

Я хотела ответить, сказать, что я люблю именно его, Михаила, а не брата, но он приложил палец к моим губам.

— Тише, молчи. Я все вижу и знаю. Даже то, что ты сама не знаешь. Я всегда тебя любил, Ника. Всегда. Иногда ты бывала со мной, и я рад, что хоть на немного, на эти часы, ты становилась нормальным человеком. Той, которой должна была быть, если бы не черная кровь. Ты спасла меня в тот день в Отделе. Я уже попрощался с жизнью в чертовой белой комнате. И когда ты пришла ко мне, я был рад, что перед смертью увидел тебя, ведь уже тогда я тебя любил. И тогда я мог умереть спокойно. Но в последний момент, когда умирал, я понял, что не могу оставить тебя. Не могу и все. А потом понял, что тебе угрожают. И захотел помочь, так вот и вышло, что я остался жив, что вселился в одного из них. И потом я жил ради тебя, понимаешь? Ты — мое проклятие, Ника. Каждый раз, когда ты доверчиво прижималась ко мне, ища успокоения в моих объятиях, мне казалось, я в раю. И каждый раз, когда я видел, что творит с тобой брат, это швыряло меня в ад. Ты — мое наваждение. Моя боль и смысл моей жизни. Я дважды не смог нормально умереть из-за тебя. И вот теперь ты снова вернула меня к жизни. И знаешь что... я ненавижу тебя за это!

Его пальцы неожиданно сжались на моей шее, я судорожно вдохнула воздух. Он выглядел серьезным в своих намерениях. На последней фразе его голос стал тише и совсем не его, а каким-то злым. Михаил никогда не позволял себе такого.

— Он ведь делал с тобой и это, да? Мои воспоминания за годы, проведенные призраком, улетучиваются, как дым, но что-то я помню. Тебе нравилось. Я могу сделать то же.

Он отпустил мою шею, и я шарахнулась от него, как от чумы, судорожно вдыхая.

— Раздевайся, — приказал он, бросив взгляд на оставшиеся на мне трусики и туфли.

То самое слово, которое так часто говорил брат. Но из уст Михаила оно звучало как-то по-другому. Как будто брат говорил его веско, действительно приказывая, и я знала, что не могу не подчиниться. Бессмысленно. Все равно заставит. А с Михаилом ничего такого не случилось, это было просто слово, обычное слово, только сказанное злым тоном.

— Михаил, оставь это. Не надо.

— Ника, тебе это нужно. Не мне, а тебе, понимаешь? — в голосе звучала злоба. — Мы обсуждали это с твоим братом. Ты — долбанная сумасшедшая. Ты считаешь, что никогда не впадала в безумие, но это часть твоего психоза. Только брат может успокоить тебя. Я же могу лишь не давать тебе попасть в это состояние, но и только. И от этого хочется на стенку лезть. Владислав требовал от меня молчания, скрывал правду, потому что не хотел тебя расстраивать. Он считает, если бы ты поняла это, осознала бы свое сумасшествие, это привело бы к еще большим проблемам. Но знаешь, сейчас я готов послать все к чертям.

Приведет — так тому и быть. Считай это моей мезтью тебе. Ты чокнутая, Ника, и в безумие впадаешь, как и все агенты.

— Я не впадаю в безумие!

— Впадаешь. И чтобы оно ушло, тебя надо хорошенько оттрахать, моя дорогая. Жестоко, сильно, причиняя тебе боль. Я никогда не мог позволить себе делать это с тобой. Ты — драгоценность, с тобой нельзя так обращаться. А вот твой братец мог. И получал от этого удовольствие, тварь. Вы подходите друг другу. Ненавижу тебя за это! — он рычал на меня, сжимая кулаки, и это был не Михаил, нет, он не мог говорить всех этих слов.

— Ты лжешь!

— Нет, это ты слепа! Я вижу, как ты меняешься. То ты любишь Владислава, то боишься. Все это — твой психоз. А он глупо идет у тебя на поводу, как тупая псина! Это ты убила половину тех людей, в смерти которых обвиняют его! Я знаю это, ты сама рассказывала, когда плакалась мне о том, что твой брат тебе изменяет. Помнишь это, а? Помнишь? — он медленно наступал. — Ты жестоко убивала тех женщин, заставляя их испытывать страх, прежде чем они умрут. Ты насильовала им мозги из мести! А твой брат брал всю вину за их смерти на себя, хотя как по мне, лучше бы он не делал этого, тогда Отдел не допустил бы эту ошибку и не оставил бы тебя в живых, а придумал бы способ тебя уничтожить.

Он как раз остановился передо мной, и я со всей силы дала ему пощечину. Звонкий шлепок прозвучал в тишине комнаты. Михаил зло сверкнул глазами, схватил меня за руку и дал пощечину в ответ.

— Так ты начинаешь слушаться его, да? Так, Ника?

Я осталась стоять в шоке, положила ладонь на горящую щеку. Теперь я точно знала, что это не он. Так настоящий Михаил никогда бы не сделал. Что-то во мне все-таки перемкнуло, и я повела себя с ним как с братом: замолчала и осталась стоять и просто смотреть на него после пощечины. Но Михаил ошибается в одном. Я не безвольна, я слушаюсь Влада по своей воле, это — мой выбор. И я в любой момент могу перестать. Просто мне этого хочется.

В голове щелкнуло осознанием. Хочется? Мне хочется слушаться своего брата? Мне хочется, чтобы он делал со мной все то, что делает? Но я же ненавижу его, ненавижу Влада. Ненавижу свое личное чудовище. Или люблю? Он же мой любимый брат. Я потерялась в собственных чувствах. Двулика, как монета. Неужели Михаил прав, и я на самом деле сумасшедшая?

— Раздевайся, — снова приказал бывший призрак.

Я снова обратила на него внимание и в голову ударила холодная ярость. Хочу назад своего безмолвного любимого призрака. Мне не нужен тот, кто стоит сейчас передо мной. Я убью его. Я приняла этот факт совершенно спокойно. От одного раза, одной смерти, призрак не погибнет, он просто потеряет часть себя, зато вернется ко мне. Мой Михаил, мой любимый ласковый Михаил. Слеза защеконала мне щеку.

— Нет, я не поведусь на это, — сказал он тихо. — Видимо, чтобы ты начала меня слушаться, мне придется сделать то же самое, что когда-то сделал с тобой Влад. Это для твоего же блага, Ника. Раздевайся, иначе я заставлю тебя это сделать.

Я бросилась к платью и подхватила его с пола, затем быстро отшатнулась от Михаила.

— Тебе некуда бежать, Ника, — сказал он и мерцнул, оказался совсем рядом, схватил меня за обе руки.

Он сильнее как агент. Но я умнее и всегда была умнее. Мне нужно всего лишь достать монету!

— Я сама, отпусти! — я дернулась от него назад, крепко держа платье в руках.

Пальцы он разжал. Смешно. Влад бы так не поступил. Я выхватила из кармашка юбок монетку и подбросила вверх. Все вокруг потемнело, очертания Михаила расплылись.

— Вероника... — голос моего бога приветствовал меня. — Зачем зовешь? Нашла ответ?

— Ты поможешь мне, — я направилась к тарелке с яблоками, взяла с нее нож. — Я ведь тебе нужна, значит ты поможешь.

— Я готов. Услуга за услугу. Но я недоволен, что ты используешь меня. Сначала договор, потом выполнение обязательств. Не наоборот.

Ну да, конечно он понял, что мне от него нужна была эта его способность остановки времени. И ему хотелось сначала обговорить условия, на которых он предоставляет мне эту возможность, а уже только потом эту самую возможность предоставлять.

— И чего ты хочешь за это? — я прошла и встала так, чтобы оказаться за спиной Михаила, когда Кайрадж уйдет.

— Ты не понимаешь правил мира. Сейчас ты ломаешь его. Выдаешь меня. Поэтому плата будет велика.

Ну надо же. Оказывается, я делаю что-то такое, из-за чего Кайраджа может выследить Гхаттот. Я делаю нечто очень неестественное. И что-то мне не нравится, что он такое может с меня попросить.

— Но ведь ты уже вмешивался и сам. Ты воскресил Михаила. Ты давал мне подсказки, чтобы меня не убили. Это по-твоему не вмешательство? Не поломки? Я ведь не могла получить эту информацию из ниоткуда.

— Это другое. Я не был источником. Я лишь помогал. Подталкивал то, что и так двигалось. Сейчас ты заставила меня вмешаться напрямую. И я знаю, будешь продолжать делать это. Это противоестественно, потому заметно. Одно дело — подуть в парус игрушечного кораблика, который и так плыл вперёд, и совсем другое — наступить в ручей и повернуть течение в сторону.

— Ладно, хватит набивать себе цену. Говори, чего хочешь.

— Тебя. Твою лояльность. Не договоры, а просьбы. Взаимная помощь. Я хочу, чтобы ты любила своего бога.

Вот тут я опешила. Он хотел быть мне близким, другом и все такое. Хотел, чтобы я помогала не по обязательству, а потому что сама искренне желаю ему помогать. И он в свою очередь будет делать так же. Звучит как-то уж очень выгодно. Вижу сыр, но где мышеловка?

— Зачем тебе это?

— Мне нужны последователи. Ты будешь верховным жрецом. Мы с тобой одинаковые. Надо держаться вместе.

— И что будет, если я соглашусь?

— Не бойся, я не убью тебя, не поглощу твой разум, не сделаю с тобой ничего другого. Никаких вмешательств, — опять он ответил ровно на тот вопрос, который я хотела задать, а не тот, который задала. — Ты будешь влиять на мир во имя меня. Говорить от имени меня. Ты получишь статус представителя меня на земле. Ты будешь моим эхо.

Мой разум перевел смысл его последнего слова именно так. Эхо.

— Ты согласна?

— Эхо нельзя сделать против воли? — решила уточнить я.

— Мне не нужен тот, кому я не могу верить.

— С чего ты взял, что можешь верить мне?

— Я тебе уже верю. Мы одинаковые. Родственники. Надо держаться вместе.

Скользнула мысль, что этот бог похож на ребенка с точки зрения мышления. Да его же надуть — раз плюнуть.

— И много у тебя уже разных эхо?

— Один. Больше количество неразумно. Затрат много, результат того не стоит.

— Я могу подумать?

— Думай. Сегодняшнее вмешательство прими как мой дар. И я заметил, что ты близка к ответу. Я рад.

— Откуда ты знаешь? Я ничего об этом не говорила.

— Я сообщил, что ты сможешь позвать меня с помощью монеты. Но не сказал как. И ты сумела это сделать. Значит, ты близка. Мне пора уйти, отвернуться, мой след должен исчезнуть. За монетой останется та возможность, ради которой ты обратилась ко мне, позволяю этим пользоваться. Не нужно звать меня только ради этого. В следующую нашу встречу я спрошу твое решение об эхо.

Его фигура пропала. Мир начал светлеть обратно. Я подняла нож в руках и замахнулась, готовая вонзить его в шею Михаилу, как только он появится. Очертания плавно, но быстро проявились, и я нанесла удар. Надо отдать бывшему призраку должное, своих навыков и реакции он не утратил. В последний момент он просто мерцнул в сторону, в дальнюю от меня часть комнаты. Удивленно уставился на меня, стоящую с ножом в руках, провел пальцами по своей шее. С нее стекала тонкая струйка крови, я успела его задеть. Понял наконец, что я не шучу.

Я усмехнулась ему прямо в лицо и подбросила монету снова. Мир опять потемнел. Подошла. Повторила маневр. На этот раз я метилась ему в шею сбоку. И он снова ускользнул. Призрак, одно слово. И меня это уже начало порядком бесить. К сожалению, в третий раз маневр не получился. Я только начала подбрасывать монету, как он мерцнул ко мне и перехватил руку с ножом за запястье, а монету — за сжатый кулак.

— Ника, подожди! Хватит! Очнись, что ты творишь?! Зачем?

— Ты хотел поступить как чудовище. Настоящий Михаил никогда бы так не сделал, — мной владело ледяное спокойствие, этот человек передо мной был не тем, кого я любила когда-то, этот незнакомец меня не волновал.

Он быстрым жестом впился в мои губы. Его хватка чуть ослабла. Пальцы стали ласково поглаживать мои руки там, где держали их. Я на секунду задумалась. Такой знакомый поцелуй. Такие знакомые движения губ. Такая знакомая ласка... Нет, он не обманет меня! Я не поддамся! И прямо сейчас — отличный шанс для удара. Я чуть потянулась руками вперед, как будто чтобы обнять. И он повелся, отпустил мои руки. Я обняла его.

Щеки защекотало, опять слезы. Откуда? Неужели мне плохо? Я думала, что уже давно выплакала вообще все, что только могла: и по нему, и по брату. Думала, моя душа очерствела и заледенела. Но нет, к нему я так и не стала безразличной. А сейчас я целовалась с кем-то, кто прикидывается моим некогда любимым Михаилом. Но Михаил мертв. И этот незнакомец передо мной не смеет осквернять его память!

И я вонзила ему в спину клинок между лопаток, целясь в сердце. Он подавился поцелуем и быстро мерцнул от меня к окну и оперся на стену.

— Верил... что не сделаешь... — с трудом проговорил он и кашлянул, на губах появилась кровь.

Меня не волновало, что там несет этот чужой мне человек. Я уже начала движение

рукой, чтобы подбросить монетку и добить его, но ощутила сильнейший удар из ниоткуда по всей поверхности тела. Ему даже руку для этого не пришлось поднимать. Меня просто снесло назад невидимой волной и со всей силы ударило об шкаф. Ого, а его силы, прямо как мои, подросли за эти годы. Несколько секунд потребовалось, чтобы прийти в себя, и за это время шкаф с грохотом свалился на меня. Разбились его стеклянные дверцы. Парочка сервизов, которые там стояли, разлетелись на части еще при ударе, а теперь засыпали меня осколками. Черт, вся теперь в синяках и порезах буду, я ведь почти голая.

Я притихла и затаилась. Вокруг одни лишь стенки шкафа, накрывшего меня с головой, осколки стекла и посуды, тишина. Сейчас он подойдет, приподнимет шкаф, и я снова нанесу удар. Крепче сжала пальцами нож в руке. Грохот стоял приличный, сейчас явится Влад, и причинить мне вред он не позволит, значит Михаилу нужно действовать прямо сейчас. Секунды текли медленно. Шкаф действительно начал приподниматься, и я выскочила, нанося удар. Брат ловко уклонился и перехватил свободной рукой мое запястье с ножом.

— Успокойся! — рявкнул он.

— А... Это ты, — разочарованно протянула я.

Влад стоял обнаженный, в одних только трусах. Явно примчался сломя голову. Я скользнула по нему взглядом. А ведь если так посмотреть, он симпатичный без одежды, да и на ощупь восхитителен, жаль, что редко позволяет себя касаться. Я нечасто об этом думаю, но почему-то именно сейчас пришло в голову. Дамочки, которых он затаскивает в постель, наверняка довольны его телосложением. Я потянулась указательным пальцем свободной руки, мизинцем прижимая монету к ладони, и коснулась его груди. Задумчиво провела по ней до пупка, наслаждаясь прикосновениями. Всегда сложно было устоять перед этими ощущениями, захотелось большего. Я разжала пальцы, ничуть не сомневаясь, что монета никуда не денется и никуда не выпадет. Она ведь не существует в привычном понимании слова, иначе осталась бы лежать на дне реки. И я оказалась права, она просто пропала, а я растопырила пальцы и положила ладонь на грудь Владу, подняла на него взгляд. В его глазах тлела искорка желания, и я задумалась, стоит ли разжигать в нем это, но он подумать не дал — перехватил и вторую мою руку.

— Нет, Вероника, — твердо произнес он со смыслом нельзя, будто прочитав мои мысли.

Я молча опустила взгляд и расслабилась, признавая поражение. Сопротивляться не стану, на сегодня с меня, пожалуй, хватит.

Влад оглядел комнату, и я вместе с ним. Кровь у окна, ставни распахнуты. Виновника торжества нет. Влад подтянул к себе мою руку поближе, рассмотрел клинок ножа и кровь на нем. Мы снова встретились взглядами, и он тихо спросил:

— Хотела его убить?

— Да, — я не стала отпираться.

— Почему?

— Это не Михаил.

— Где он?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Сбежал. Преследовать не стану, сам же знаешь, в умении скрыться Призраку равных нет. Но если встретимся, он умрет.

Влад пристально молча смотрел мне в глаза. Интересно, о чем он думал?

— Думаешь, я свихнулась, да? Всю жизнь так думал? Михаил мне все сказал, — в голосе скользнула обида.

— Сегодня ты спишь в моей комнате, — отозвался Влад, проигнорировав мои слова.

Впрочем, мне и ответ его был не нужен. Михаил не соврал, и отведенный в сторону взгляд брата тому подтверждение.

— Оденься, — он отпустил мою руку, но нож забрал, а сам покинул комнату.

Пока я одевалась, снаружи были слышны голоса. На шум сбежался, похоже, весь дом. Я вышла к Владу. Здесь действительно стояли все обитатели, кроме, разумеется, Михаила. Анна зло сверкнула на меня глазами и нырнула в пустую комнату, чтобы оценить ущерб. Интересно, как она это все мужу потом объяснять будет? Так и вижу эту картину: Прости, дорогой, просто пока тебя не было, я переспала с Владиславом, а потом, напившись, разгромила в доме две комнаты.

— Всё, всем спать, — сообщил Влад моим ученикам, с интересом на меня взирающим, взял меня за запястье и потащил за собой.

Когда все скрылись из виду, я начала немного упираться в пол ногами, усложняя ему задачу:

— Влад, я ночнушку не взяла из своей комнаты.

— Ты спишь без одежды, не заговаривай мне зубы, — недовольно буркнул он, совершенно не обратив внимания на мои маневры.

— Как на это остальные посмотрят? Я остаюсь у тебя в комнате без ночной одежды. Что они подумают?

Влад промолчал на мои претензии, втащил в свою спальню и запер дверь. Я внутренне сжалась и в то же время мысленно подобралась, как готовая к атаке змея. Он зол, но теперь у меня есть монета, и я давно не маленькая, могу за себя постоять. Он не причинит мне вред. Впрочем, я на всякий случай все равно отступила назад, к середине комнаты. Брат повернулся и скрестил руки на груди:

— Вероника, я недоволен. Призрак — часть нашей команды. Через два дня у нас дело. А ты лишила нас отличного бойца.

— Ого, как ты заговорил! С каких пор Михаил для тебя — член команды?!

Сказала это и осеклась. Тут я была не права, когда дело касалось заданий, Влад относился к Михаилу действительно как к члену команды. Все внутренние разборки оставлялись на другое время.

— Какое завтра дело? — решила уточнить я.

— Ты провела за книгами двое суток, Вероника. За это время мы с Михаилом встретились с государем.

— Вы что сделали?! — мои округлившиеся глаза надо было видеть; так вот куда они ходили вчера. — Почему ты взял с собой его, а не меня?!

— Сядь и успокойся, — Влад прошел на середину комнаты и дождался, пока я сяду на кровать, только потом продолжил. — Я много общался с Ольгой. После событий на складе нас искал весь город, вся полиция, военные и вся тайная служба императора, включая Отдел. До сих пор патрули везде. Для всех мы — вне закона. Но ведь все, что мы сделали — пожгли кучку порождений Зоога.

Я вспомнила, что мы с Виктором нашли в старых бумагах, и внезапно вся картина сложилась воедино. Я усмехнулась, продолжая за брата:

— И ты понял, что они давно захватили власть, и именно они мешали Отделу, ставили палки в колеса, дробили его на части, чтобы было удобнее управлять им, — я удовлетворенно хмыкнула следующей пришедшей в голову мысли. — И Ольгу выбрали на

пост главы Отдела, потому что посчитали ее достаточно глупой, чтобы легко управлять ею. Конечно ты ей об этом сказал, и она в бешенстве. Как приятно.

Я даже театрально прикрыла глаза, словно ловила неземное наслаждение от этого осознания. Влад кивнул моей сообразительности и сел в кресло, закинув ногу на ногу.

— Вот только на что ты рассчитывал, отправляясь к самому государю, при этом будучи вне закона?

— Если государь заодно с вампирами, то от него надо было бы избавиться. Если же нет, то именно он — тот, кто обеспечит нас защитой потом, когда мы спасем его. Я просто поставил все на кон. Убил его ближайшего советника прямо рядом с ним, и тот умер, как и положено любому вампиру — моментально иссох прямо на глазах у государя.

— Да ты сдурел! — я вскочила с кровати, подлетела к нему и нависла, яростно сверкая на него глазами. — А если бы тот оказался человеком? Тебя бы убили там на месте за покушение на государя!

— Именно для этого я взял с собой твоего щенка. В случае неудачи он должен был бы донести эту информацию до тебя, и ты успела бы уйти.

— Да какого черта! — я вцепилась ему в воротник рубашки, второй рукой опираясь на ручку кресла, и склонилась над ним почти лоб ко лбу. — Влад, ты мог погибнуть! Понимаешь это слово? Умереть! Ты собирался оставить меня одну! Не смей так делать! Никогда не смей так делать!

Влад положил мне руку на щеку и улыбнулся, отчего весь мой запал ругаться моментально потух. Я оперлась коленом на сиденье кресла между его ног, оттянув его рубашку, коснулась губами его губ, провела по ним, наслаждаясь прикосновениями, и жалобно добавила тихим голосом:

— Что бы я без тебя делала потом? Как бы жила дальше?

— Ты убила бы их всех, — спокойно сообщил мне брат то, что я и без него знала, провел ладонью по щеке к подбородку. — Не волнуйся, Ника, сейчас все хорошо.

И в его голосе звучало то, что я обычно так редко слышу. Забота. Он как будто на минуту перестал бояться показать свои чувства ко мне, перестал скрывать заботу за злостью и раздражением. Я люблю его, и я понимала и вспоминала это только в такие моменты. Душу словно в мягкое одеяло закутали — так тепло и уютно стало. Его взгляд согревал, улыбка радовала. Я оперлась ему на грудь пальцами, плавно оттолкнулась и выпрямилась.

— Сиди, — приказала я.

Влад поколебался несколько секунд, но все же остался в кресле, положил ладони на подлокотники, с интересом глядя на меня. Я знала, что он не слишком любил, когда я сама его соблазняла, но иногда под настроение ему и это нравилось. Похоже, сейчас я сумела поймать как раз тот самый редкий случай. Я потянула завязочки, дернула за них так, чтобы грудь выпала. Его взгляд сразу приклеился к ней. Платье с тихим шелестом соскользнуло на пол. Влад немного подался вперед, вцепившись в ручки кресла так крепко, что дерево закрипело под пальцами. Я повернулась боком, подцепила трусики большими пальцами и стащила их. Рассматривать меня в профиль он тоже любил. Когда он рисовал меня обнаженную, я не теряла времени даром и внимательно за ним наблюдала, так что знаний о том, в каких позах и положениях я приношу ему эстетическое удовольствие и нравлюсь особенно сильно, у меня предостаточно.

— Иди ко мне, — в ласково-приказном тоне произнес он, пожирая меня взглядом.

Я выпрямилась, из-за плеча посмотрела на него, усмехнулась. Он мой. Думает, что в

постели главный он, но на самом деле ошибается. Я подошла к нему, наклонилась, прогнулась по-кошачьи, оперлась ладонями ему на колени, оставаясь стоять на прямых ногах, заглянула в глаза. Его взгляд блуждал по моему телу, но сейчас остановился на груди. Влад отпустил ручку кресла и снизу положил ладонь мне на грудь, та опустилась ему в руку, словно в чашу. Он наслаждался тем, что видел и делал, и я знала, что это сводит его с ума. Медленно, постепенно захватывает его, пока в какой-то момент он просто не сможет больше сдерживаться. Мне доставляло удовольствие каждый раз видеть, как он переходит эту черту. До нее он — святоша, который затем срывается в дьявольскую бездну греха, не в силах себя удержать. Из-за меня.

Я поставила колени по бокам от него и села лицом. Коснулась его лица кончиками пальцев, но он тут же перехватил запястья и убрал их мне за спину. Я немного прогнулась, подаваясь вперед, коснулась грудью его обнаженной кожи. Брат посмотрел мне в глаза. Широкие зрачки, отголоски тьмы в глубине взгляда. О да, я снова это сделала, его тьма пробуждается. Только я так могу, потому что он мой. Влад опустился губами к груди, обхватил сосок, придерживая мою спину и отпустив руки. Я прикрыла глаза от удовольствия, выдохнув и прикусив нижнюю губу, вцепилась в его волосы на затылке. Он обнял меня, ладони проскользили по телу, по спине, прогулялись по моим бедрам и заднице, губы переметнулись на вторую грудь. Эмоция его возбуждения витала в воздухе, и я наслаждалась ею, а второе ее подтверждение сейчас упиралось мне между ног через ткань его трусов. И я пошевелилась, задевая его, заставляя Влада вспомнить, что он все еще одет по сравнению со мной. И он вспомнил.

— Встань, — дождался, пока я выполню его приказ, и продолжил. — Принеси ремень.

Я закусила нижнюю губу. По телу пробежалась дрожь возбуждения в предвкушении того, что сейчас будет. Как он сделает это со мной на этот раз? Я дошла до его одежды, сложенной на комод, вытащила пояс, повернулась на него. Он уже стоял обнаженный, разделся, пока я его не видела. Я снова засмотрелась на него, покусывая губу. Эстетически приятное зрелище. Худощавый, крепкий. Плоский живот, дорожка темных волос к возбужденному органу. Глаза горят жаждой, да такой, что даже если я внезапно передумаю и откажусь давать то, что он хочет, ему будет все равно, он свое возьмет.

— Неси, — повторил он приказ.

Я подошла, не глядя в глаза. Возбуждение во мне переплелось с небольшой нервозностью из-за неизвестности ожидания, отчего лишь стало сильнее. Я протянула ремень, он забрал, разглядывая меня.

— На колени.

Хочет по-простому? Разочарованно и вопросительно посмотрела ему в глаза. Он кивком указал на пол. Я опустилась коленями на мягкий ковер, как он и хотел, но больше не сделала ничего. Руки остались висеть вдоль тела, а взгляд поднялся к нему.

— Убери руки назад.

Я послушно убрала. Нет, все-таки я ошиблась, быстро и по-простому не будет. Брат обошел меня, скрутил запястья. Я опустила голову. Он знает чего хочет, и мне это нравится. И он получит то, чего хочет, даже если я буду против, и это тоже возбуждает. В ожидании его действий я дрожала от нетерпения. Брат молча стоял позади, будто ждал чего-то. Каждая секунда ожидания стучала в висках, тянула за душу. Хотелось, чтобы он прикоснулся, чтобы сделал хоть что-нибудь. И Влад сделал. Внезапно он вцепился в мои волосы и отдернул голову назад, навис сверху, вторая рука перехватила меня за горло. Его губы накрыли мои,

язык прошелся по моему вверх ногами. Ощущение незащитности перед ним стало острее, и я задрожала от избытка эмоций. Казалось, все нервы в теле зазвенели.

Влад — воплощение мощи. Я никогда не смогла бы одержать над ним верх ни морально, ни физически. Он смог заставить меня принадлежать ему, и я покорилась его силе, готова была сделать ради него все. И он не только принимал это, но и давал в ответ. Оберегал и защищал. Я принадлежала ему полностью. И от этого мне сносило крышу. Я преклонялась перед его мощью и жаждала дать ему то, чего он хочет. Меня сложно покорить, но если получилось, я уже не предаю и не брошу. И Влад смог это сделать.

— Вероника, ты принадлежишь мне, — негромко произнес брат. — Тебе ведь нравится это? Нравится быть моей?

— Да... — я тяжело дышала, открыв рот.

Тело было непослушным, я висела в его руке, он приподнимал меня над полом, и колени не опирались на ковер, но ощущали его ворсинки. Воздуха не хватало, и я не могла даже схватиться за его руку, ведь мои были связаны за спиной, оставалось лишь тяжело дышать. И он так же тяжело дышал вместе со мной, разделяя воздух в поцелуе. Моя незащитность и покорность его возбуждали. Мелькнуло воспоминание нашего с ним первого раза. Мои руки так же скованы. Его пальцы так же крепко вцепились в мою шею. Нежданный страх из воспоминаний скользнул по позвоночнику. Что он сделает со мной? А что если тьма взметнется в нем, перехватит контроль, и он просто убьет меня? Нет, я должна верить в него. Он не сделает этого никогда. Никогда. Не причинит мне вред. Его шепот прошелестел над моим ухом:

— Вероника... — он оставил мой рот и опустился позади на колени, расставив ноги по сторонам от меня. — Почему ты боишься?

Его рука отпустила волосы и скользнула мне по груди, спустилась по животу вниз, легла на промежность. Вторая продолжала держать горло, но наконец перестала удерживать меня на весу и позволила опираться коленями. Его возбужденный орган упирался в мою задницу.

— Тебе нравится бояться меня? — его пальцы скользнули в меня, а голос стал более угрожающим. — Или ты боишься потому, что знаешь, как недоволен я бываю, когда кто-то видит твою грудь?

Я всхлипнула от удовольствия и прикусила нижнюю губу. Сердце испуганно затрепыхалось. Меня ждут неприятности. Брату было больно, что мою грудь видел другой мужчина. Чаще это выливалось в возбуждение, но иногда могло быть опасным, выходя за границы. В крайних случаях он мог довести меня до предела и не дать разрядки, такое случалось, когда он бывал мной крайне недоволен.

— Не надо. Я просто хотела его убить. Отвлекала.

Он сдавил пальцы на шее, заставляя меня захрипеть. Так и задохнуться недолго. А он явно зол. От этого стало еще страшнее, что только подлило масла в огонь моего возбуждения. Я ощущала себя словно под действием наркотика, ведь при всем этом мне было хорошо.

— Влад... пусти...

Я дернулась в сторону. Безрезультатно, разумеется. Перед глазами потемнел мир, замелькали точки в подступающем удушье, и я закрыла глаза. Черт бы его побрал, я хотела его! Мне было искренне страшно, я балансировала на грани потери сознания, и вместе с тем была возбуждена всем этим до крайности, потому что именно он держал меня на этой грани. Он мог бы и убить меня, если бы захотел, и я бы ему это позволила. Только ему. Краем

сознания отметила, как он коленями заставил меня раздвинуть ноги, а затем вошел. Хватка на шее самую малость ослабла. Отдышаться нормально я все еще не могла, но это позволило мне остаться в сознании. Влад начал двигаться внутри меня, одной рукой продолжая крепко держать за шею, а второй вцепившись в грудь.

— Ты... только... моя! — брат рычал по слову с каждым толчком.

И я выгнула спину, стоная от удовольствия, натягивая путы на запястьях. Именно этого я сейчас хотела. Его ярость и боль. Мой страх и возбуждение, от которого я дрожала. Все мышцы напряжены, хочется одновременно, чтобы он остановился и не останавливался. Он наполнял меня всю и даже больше, но этого было слишком много. Он отпустил горло, перехватил за загривок и буквально впечатал грудью в кресло, уложив меня на него, заставив меня наклониться и так принять его в себя еще глубже, до самого упора. Я застонала и дернулась вперед, но кресло, упирившееся спинкой в стену, а сиденьем в мои ноги, двигаться не пожелало, зажав меня между собой и моим личным кошмаром и удовольствием. В ярости захотелось разодрать несчастный предмет мебели в клочья и раскидать все внутренности по комнате. Влад вонзился в меня в последний раз и застонал, и вместе с ним разрядка наступила и у меня, я заглушила его стон своим. Не знаю, сколько времени я провела на пике оргазма, но после обессиленно свалилась на сиденье кресла грудью, тихо всхлипывая от избытка эмоций и не имея сил даже нормально пошевелиться. Влад вышел, а через секунду я ощутила, как его ладони скользят по моей влажной от пота спине, он будто наслаждался делом своих рук. Ладонь скользнула мне на задницу, остановилась на бедре, погладила его и ушла.

Влад развязал мне запястья, поднял на руки и положил на кровать боком, так привычно и уютно. Обнял, как всегда. Я и не возражала, я устала и хотела спать, поэтому быстро отключилась.

Утро выдалось солнечным. Я чувствовала себя превосходно. Несмотря на то, что спала так недолго, выспалась в руках брата, и глаза открыла в чудесном расположении духа. Его ладони, как им и полагалось, оккупировали одну мою грудь и бедро. Судя по дыханию, брат не спал. Я довольно потянулась, соблазнительно изогнувшись, настроение было игривым. Прижавшаяся к нему, моя задница ощутила его возбуждение. Опасная игра, но так заводит! Я развернулась к нему лицом, прижалась грудью кожа к коже и согнула одну ногу вдоль его ноги, он это любил. Мы встретились взглядами. Его рука автоматически легла мне на бедро согнутой ноги, и уверена, он этого жеста сам не заметил. В его взгляде горела жажда.

— Зачем ты меня дразнишь? — негромко спросил он. — Что задумала?

— Разве я не могу сделать это просто потому, что мне хочется? — я удивленно подняла брови.

— Я слишком хорошо тебя знаю, Вероника. Не можешь, — он крепче сдвинул пальцы, прижимая к себе меня за бедро, а второй рукой прижал меня к себе за спину, сообщая этим жестом, что я никуда не уйду, пока не отвечу на его вопросы. — Что вчера произошло? Этот щенок всегда был привязан к тебе всеми фибрами души. Даже когда его личность изменилась, эта черта у него осталась, и это единственное, почему я терпел его всю его жизнь и посмертное существование. Как ты заставила его уйти?

— Почему бы тебе просто не воспользоваться ситуацией и не порадоваться этому? Ведь я теперь только твоя, — я усмехнулась. — Ты всю жизнь жаждал этого. Почему ты теперь не рад, что он убрался с твоего пути?

— Потому что... — Влад замолчал, пристально глядя мне в глаза. — Скажи, что любишь меня.

— С каких пор ты стал таким сентиментальным? — я захлопала глазками с самым наивным видом и игриво слегка потерлась об него грудью и бедрами.

Его ладонь взметнулась и вцепилась мне в горло.

— Скажи! — прорычал он.

Он думает, я у него в руках. Думает, он хозяин положения. Я не сдержала злорадный смешок. Ноготками поскреблась ему по спине.

— Люблю, Влад, — прохрипела я с ухмылкой. — Я люблю тебя.

Он закрыл глаза, вдохнул, расслабляясь, и медленно разжал пальцы, оперся на локоть, приподнялся, сел. В его эмоциях скользнуло чувство вины. И откуда в нем это все? Раньше такого не было. Неужели эти десять лет так повлияли на него? Я привстала на колени, расставив их в стороны, заглядывая ему в глаза снизу вверх и по-кошачьи выгнувшись. Он пристально следил за моими действиями, не шевелясь. Я обняла его, касаясь только руками, но находясь в непосредственной близости, не отрывая взгляд от его глаз, скользнула ладонями на плечи и дальше ниже, к его груди и соскам. Но стоило мне их коснуться, как он резко перехватил запястья, заставив меня вздрогнуть.

— Что вчера случилось между вами? — серьезно спросил он, глядя мне прямо в глаза.

Что-то взгляд у него уж слишком серьезен. Лучше не будить зверя, пока он спит.

— Он вынес меня из библиотеки и собирался уложить спать. Я спросила у него, почему он остался со мной и не умер, — во мне вдруг возникло желание оправдаться. — Понимаешь, я ищу ответ на этот вопрос уже не первый день. А он разозлился и накричал на меня. Настоящий Михаил не стал бы так агрессивно себя вести.

— И ты решила его убить, — подытожил Влад.

— Да, — я стыдливо опустила взгляд, а потом, внезапно разозлившись, вскинула его назад и даже дернула руками, которые по-прежнему сжимали его пальцы. — Какое право этот ублюдок имеет на Михаила?! Мой призрак просто заперт в нем!

— Нет, Вероника, он не заперт. Это и есть твой Михаил, но с чертами личности другого человека. Считаю, что он просто изменился. Но разве в нем не остались все те черты, которые ты так ценишь? Любовь. Преданность.

— Ты с каких пор на его стороне? — я от удивления не знала, что сказать.

— Я не на его стороне, а на твоей, — он помолчал, раздумывая, стоит ли продолжать фразу, и все-таки решился. — Мы говорили с ним о тебе еще когда он был жив. Мы тогда многое поняли и выяснили... Я когда-то окунул тебя во тьму. И мне безмерно жаль, что я не могу вывести тебя назад к свету, как всегда делал он. И это единственная причина, по которой я не повыдергивал из него все кости за то, что он смел касаться тебя.

На последних словах его голос стал агрессивнее и злее. Он встряхнул меня за запястья:

— Ты моя, Вероника, слышишь? Моя!

Опять резкая смена настроения. Я смотрела ему в глаза и пыталась понять, как на самом деле я к нему отношусь? Боюсь или же я уверена, что он не сделает мне больно? Но нет, он ведь уже делал мне больно — и телу, и душе. Но в то же время я люблю его. Или все-таки я с ним только потому, что боюсь? А даже если и так, я хочу его, и он близок мне как

никто. Разве что как Михаил. Как сложно. Боюсь и не боюсь одновременно. Ненавижу и люблю. И именно сейчас я осознала все в полной мере. Михаил, или кто он там теперь, был прав.

— Влад, я сумасшедшая, да? — тихо спросила я его.

Его настроение снова изменилось, он словно закрылся. Брат смотрел на меня пристально и довольно долго. Но наконец ответил:

— Да. Но я не оставлю тебя, не бойся.

Предан мне, как Михаил. Убьет ради меня любого — разорвет голыми руками, если придется. Он мой целиком и полностью. И никогда не оставит меня. Никогда. От осознания этого ликование забурлило внутри меня, и это было словно психологический оргазм. Я не выдержала бури эмоций и злорадно засмеялась. Да, я безумна. Прямо сейчас я очень ясно осознала этот факт и приняла его. Но мне плевать. Мне было невероятно хорошо сейчас и захотелось этим поделиться. Он всегда любил узнавать что-то новое, и на этот раз мне было чем его удивить.

— Влад, дорогой, хочешь фокус? — мурлыкнула я, резко прервав смех.

Брат настороженно посмотрел мне в глаза, пытаюсь понять, что я задумала, и по-прежнему не выпуская моих запястий. Я не стала дожидаться ответа, шевельнула пальцами, и между указательным и средним у меня появилась монета.

— Оп! — я усмехнулась и качнула ею, направив в его сторону. — На, возьми ее.

Влад наконец отпустил мои руки, взял одной рукой монету, а вторую положил мне на бедро.

— Еще одна? Опять общалась с ним? — в голосе послышалось недовольство.

Я встала с кровати, выпрямилась и осталась стоять на расстоянии пары шагов. Усмехнулась и подняла правую руку. Взгляд брата скользнул по моему телу, задержался на груди, но потом, хоть и с трудом, поднялся к моим глазам.

— Нет, Влад, не еще одна...

Я хохотнула от избытка эмоций и пошевелила пальцами, словно вытаскивала монету из воздуха. В чем-то так оно и было. Зажав ее между пальцами, показала брату.

— ...Та же самая.

Он изумленно опустил взгляд на свою пустую ладонь, снова поднял взгляд на меня.

— Как?

Я бросила монету ему, и он ловко поймал.

— Следи внимательнее.

Он сжал ее в пальцах, не отрывая взгляда, и когда я шевельнула рукой, возвращая монету себе, у него она просто пропала. Словно он моргнул, и ее не стало.

— Как ты это сделала? — повторил он свой вопрос.

— Легко, — я снова хохотнула, довольная собой. — Я просто захотела.

И вдруг меня словно током ударило. Слова Михаила прозвучали эхом в моей голове. Ответь мне. Почему? — спросила я. А он сказал: Откуда мне знать? Смог и все. Потому что захотел. Все просто. Все действительно просто. Он захотел. Он даже в белой комнате выжил потому, что захотел выжить. Пусть ради меня, но захотел.

— Вероника? — брат встревоженно сел на кровати, спустив ноги. — Ты побледнела. Как себя чувствуешь?

— Потому что захотел, Влад, — изумленным шепотом проговорила я. — Вот ответ. Вариум. Все дело в вариуме.

Я подняла ладонь с монетой перед собой и посмотрела на нее. Вариум может все, надо только захотеть. Монета по моему желанию приподнялась на ладони, взлетела на пару сантиметров и закрутилась в воздухе. Мир закружился перед глазами.

— Вероника! — встревоженный окрик брата, и я потеряла сознание, упав в его руки.

— Кайрадж! — я кричала изо всех сил. — Ка-айра-а-адж!

Я звала его, не приходя в сознание. Но он услышит. Он должен услышать. Ведь монета не имеет значения, она — проводник для моих мыслей, костыль для убогого человеческого разума, не умеющего ходить. На самом деле это я, а не монета, звала своего бога раньше, и теперь, когда осознала это, мне не нужен был костыль.

— Кайрадж!

— Вероника...

Ныне в этом слове звучала масса всего. Он словно гладил меня приветствием. Хотелось ликовать и радоваться, как ребенок. Он был рад меня видеть, хотя испытывать чувств не мог, но выражал свое отношение как умел.

— Я нашла ответ, Кайрадж! Нашла! Михаил остался, потому что захотел! Вариум позволяет сделать все что угодно! Это и есть ответ? Скажи да!

— Да.

Я уже возликовала, ожидая похвалу за успешно выполненное задание, но Кайрадж продолжил.

— Ты почти сделала это. Остался лишь шаг.

— Я же нашла ответ! Какой еще шаг?!

— Подумай, в чем ты ошибаешься.

Я помолчала. Ликование спало, мозг заработал на всех оборотах. В чем я ошибаюсь? Голова опять начала гудеть.

— Мысли. Всегда мысли. Выходи за рамки. Смотри со стороны. Каким был бы мир, если бы ты была права и зараженные вариумом могли бы все?

— Да хаос был бы. Они бы тут устроили... Ну, они просто не понимают, что могут все.

— Не закрывай глаза, не принимай очевидное за истину. Мысли.

— Да чтоб тебя взяло, — выругалась я, голова опять начала гудеть. — В них вариума что ли недостаточно? Или им мешает что-то другое?

Кайрадж молчал. Ждал моего ответа сам.

— Им мешает не незнание, — сообразила я. — Они не могут выйти за рамки и мыслить. Они сами себе мешают.

— Лишь безумец способен покинуть рамки разумного, — подтвердил Кайрадж. — Лишь на грани безумия человек допускает возможность выйти за эту грань. Потому что видит, что границ нет. И чем более безумен человек, тем дальше он может выйти за границы, которые нормальный человек ставит себе сам. Все верно. Ты молодец, Вероника.

Я расслабилась от охватившего меня умиротворения. Мой бог доволен, и вопрос больше не мучает меня. Было ощущение, что я знаю все. Мне было просто хорошо.

— А теперь я покажу тебе то, что твой брат скрывает от тебя. Смотри внимательно. И мысли.

Я насторожилась, но спросить ничего не успела. Мир вокруг прояснился, и мы оказались в той комнате, где я лежала, только я сейчас незримо наблюдала. Прямо сейчас я видела Влада, который сидел в кресле напротив камина с любимым револьвером в руках. Он крутил в руках револьвер, задумчиво глядя на огонь. Я тоже перевела туда взгляд. Всегда

любила сидеть с ним перед камином, глядя на огонь. В детстве брат часто сидел так со мной. Обычно в такие моменты у меня бывал в руках стакан яблочного сока, а у него — книга, которую он читал мне. Такие смутные и почти забытые воспоминания, что кажутся нереальными. Стояла тишина. Появилось желание забыть все, что было. Всю свою жизнь. Захотелось вернуться и стать теми, кем нам уже никогда не быть — детьми, не знающими, что такое настоящая жизнь. Что такое предательство. Боль утраты. Равнодушие в глазах, которые смотрят на тебя. Серые краски мира.

Внимание привлек тихий звук. Он сидел, задумчиво раскручивая барабан револьвера. Раз, другой, третий. А потом он быстро приставил оружие к виску и спустил курок. Тихий щелчок возвестил об отсутствии патрона. Влад вздохнул и опустил оружие обратно к себе на колени, а сам откинул голову на кресло.

— Влад! — я хотела прокричать это, но проснулась, и продолжение он уже слышал. — Ты рехнулся?!

Я вскочила с кровати и бросилась к удивлённому брату. Схватив револьвер с его коленей, я открыла патронник: пять пуль на шесть отверстий.

— И как это понимать, Влад?! Это даже не русская рулетка, это откровенная попытка сдохнуть!

— Видела меня во сне? Или наяву? — разумеется он понял, что так резко я проснулась не просто так.

Я не собиралась отвечать. Моему возмущению и злости не было предела. Да что он себе позволяет? Решил тут сдохнуть? Следующая мысль меня молнией пронзила: а ведь он уже давно тут сидит.

— Сколько, Влад? Отвечай немедленно!

— Что сколько? — спокойно уточнил он, соизволив наконец ответить мне.

— Сколько ты уже попыток сделал?

— Достаточно, — уклончиво ответил он и снова вздохнул. — Смерть не хочет меня, Ника. Я не понимаю почему. Если есть хоть малый шанс на спасение, я спасусь. Дай, — он протянул руку за оружием, я с сомнением протянула ему револьвер. — Смотри сама.

Он начал раскручивать барабан. Я наклонилась и схватила его за руку, заглянула в глаза:

— Не надо, Влад. Совпадения случаются и не такие. Не надо играть с судьбой. Я не хочу, чтобы ты по дурости вышиб себе мозги у меня на глазах. Не надо, — мой голос под конец стал даже почти умоляющим.

— Не бойся, Ника, ничего мне не станется.

Он перехватил мою руку, прижал к своей ноге и взвел курок, приставил себе к голове. Я как замороженная следила за тем, как его палец нажимает на курок. Будто в замедленной съемке, медленно со щелчком курок возвращается на место и воцаряется тишина. Пустой. Единственный из шести, и снова выпал именно он.

— Это уже двадцать шестая попытка, сестренка. Хочешь двадцать седьмую? Можешь даже сама спустить курок, — он протянул оружие мне и посмотрел в глаза.

Там была пустота. Глухая, мертвая пустота апатии. Он не хотел ничего. Взгляд был потухшим, равнодушным. Я вдруг отметила, что несмотря на мою наготу, он не обратил внимания на мою грудь. В голове закрутились шестеренки мышления, завихрились мысли, я как будто уже знала, что происходит, но никак не могла догадаться.

— Да что с тобой? — я взяла его лицо в ладони. — О чем ты думаешь сейчас?

— Отпусти, — он повел головой, пытаюсь высвободить ее из моих рук.

Что-то такое было в его интонациях. Что-то витало здесь в комнате его эмоциями. Обреченность? Нет. Апатия? Не то. Усталость?.. А может, все вместе. Я прекрасно знала Влада. У него случалось подобное настроение и раньше, но редко, и достаточно было одного задания, чтобы он пришел в себя. словно животное, которому нужно было все время разминать лапы. Борьба с порождениями Зоога и гхаттитами приводила его в себя. А сейчас с ним случилось что-то более глубокое. Я напрягла память и логику. Вспомнилось, как он после взрыва в доме собирался сражаться с гхаттитами без меня. Как потом пошел на встречу к государю, самоубийственную, надо отметить. И как сегодня играл со смертью. И он был таким с того самого момента, как я встретила его в том доме. Все эти разы он играл со смертью. И делал это осознанно.

— Какого черта, Влад? — я крепче сдвинула пальцы на его лице, не позволяя высвободиться. — Расклеился совсем. Ведешь себя, как тряпка. Хватит изображать уставшего от жизни старика. Хватит строить из себя мученика. Ты живой. Живее всех живых. Прекращай этот бред!

— Ника, отпусти!

Он нахмурился, приказал, но в его голосе чего-то недоставало, словно какого-то стержня, который всегда раньше заставлял меня делать то, что он приказывал. Впрочем если задуматься, после заточения он и правда изменился. Стержня, кажется, и не было, а я боялась его, видимо, лишь потому, что помнила. Попросту не заметила, что он больше не имеет надо мной власти. И я усмехнулась, в душе всколыхнулось злорадство.

— А ты меня заставь, — я склонилась к самому лицу и почти прошипела это в его губы.

— Немедленно. Убери. Руки, — четко и властно произнес он, пристально глядя мне в глаза.

Но на этот раз я не повелась на свои старые привычки. Смотрела на него взглядом, оценивающим заново. И я вдруг поняла: не держит. Он больше не держит меня. Я ощутила себя зверем, который почувствовал слабинку надсмотрщика и наконец сорвался с цепи. Ликование было таким сильным, что я не выдержала и расхохоталась.

— Заставь меня, Влад! Заставь! — мой голос с ликующего сменился на кошачий, с нотками соблазна. — Ты ведь знаешь, что нужно сделать. Начнешь с пощечины. Потом повалишь меня на пол. Я конечно же буду сопротивляться, я ведь не хочу, чтобы ты сделал это. Ты скрутишь руки и заткнешь рот, потому что я буду пытаться кричать. А потом ты изнасилуешь меня. И мне ничего не останется кроме как смириться, как делала всегда. И я останусь. Потому что побоюсь пойти тебе наперекор. А пока я слушаюсь, ты гладишь меня, холишь и лелеешь, и так даже можно жить.

Я приблизилась к нему так, что стала почти касаться губ, перешла на шепот:

— Но ты не сможешь этого сделать. Потому что теперь ты понимаешь, каким ублюдком будешь выглядеть в своих же глазах. Не сможешь, потому что стал слишком лоялен. Слишком добр... Слаб.

Я обхватила его губы своими, наслаждаясь прикосновениями, но совсем ненадолго, и я отстранилась от него. Встала. Взяла револьвер и крутанула барабан. Направила оружие на него, держа обеими руками тяжелый металл.

— Все равно не выстрелит, — равнодушно произнес Влад и подпер подбородок, опираясь локтем на ручку кресла. — Ты бы не нажала на курок, зная, что можешь убить меня. Потому что ты никогда не сможешь меня убить. Радуйся своей мнимой свободе сколько угодно, но ты никогда не забудешь, что принадлежишь мне.

Злость и раздражение охватили меня, и краем глаза я отметила, что мир медленно и почти незаметно темнеет и теряет краски. Я зло сдвинула оружие в пальцах и нажала на курок, словно пыталась доказать ему, что он не прав. Тихий щелчок возвестил о том, что вновь выпал пустой патронник. Я отбросила револьвер в сторону, и оружие, упав на пол, выстрелило от удара и отстрелило кусок от деревянной ножки соседнего кресла, но никто из нас даже не дернулся. И тогда я приняла решение.

— Я знаю тебя и твой ответ, но все же дам шанс прислушаться к голосу разума и предложу. Я знаю, как победить Гхаттота, Влад, — я отошла от него и стала одеваться. — Я почти стала эхом Кайраджа. Да-да, тем самым эхом, аватаром бога.

— Зря ты ступила на этот путь. Я уже говорил: не связывайся с богами.

Я расправила платье и подняла руку ладонью к нему, призывая себя выслушать.

— У мира всегда должен быть бог. Убьем одного — на его место явится другой. Люди для богов — источник пищи. Но, Влад, я договорилась с Кайраджем. Ему нужен Гхаттот, а потом он уйдет. Сделает меня богом и покинет мир. И никакой новый бог не явится, потому что бог уже будет. Ты только представь себе, — я развела руки в стороны. — Это будет наш мир. Мы больше не будем вести эти бессмысленные войны против бога, потому что незачем. Понимаешь? Мы сами займем это место, и все прекратится. Никаких чудовищ, никаких порождений. Контролировать все это будем мы. Мы, Влад! Это единственный шанс прекратить многовековую и никому не нужную войну! И он выпал нам!

— Нет, Ника. Каким бы ни был бог — это плохо. Людям не нужны боги. Никакие. И уж тем более человек не должен становиться богом. Никогда. И мы будем убивать каждого бога, который явится к нам, и однажды они перестанут приходить.

— Да для них наши столетия — секунда жизни! — я уже серьезно злилась. — Я говорю тебе о прекращении войны, а ты несешь всю эту чушь! Я предлагаю тебе божественные силы, а ты воротишь нос!

Примерно в этот момент к нам в комнату ворвались Никита с Виктором. Оба вооруженные, с заряженным оружием.

— Что случилось?! — крикнул нам Никита, тормозя на середине комнаты и оглядываясь по сторонам в поисках потенциального противника.

— Да идите к черту! Не мешайте! — закричала на него я. — Влад! Либо ты прям сейчас соглашаешься, либо я сделаю все без тебя, а ты можешь оставаться здесь. И хоть застрелись, мне наплевать!

— Не обманывайся, Вероника, — Влад положил руки на подлокотники кресла. — Отправляйся к себе и выспись. Тебе явно не хватает отдыха. А завтра, когда придешь в себя, мы поговорим.

— Нет, Влад, все, хватит, — я подтвердила свои слова жестом: руками перечеркнула все перед собой. — Решай прямо сейчас. Либо ты со мной, либо я уйду и делаю все сама. Ты мне не нужен.

Виктор и Никита притихли и не вмешивались, сообразили, что дело серьезное.

— Вероника, — Влад поднялся с кресла. — Ты никуда не уходишь. Прямо сейчас ты идешь к себе. Разговор продолжим утром.

В его голос вернулись стальные нотки, но на этот раз меня этим не обманешь. Такой он, как сейчас, никогда бы не изнасиловал свою сестру. Слабак.

— Тряпка, — произнесла я вслух и направилась к выходу, зная, что останавливать меня он не станет.

Виктор и Никита разошлись в стороны, чтобы я не наткнулась на них, поскольку я из-за них траекторию своего пути менять уж точно не собиралась. Но все же в последний момент Никита встал прямо передо мной.

— Не уходите, Вероника. Пожалуйста, — попросилон.

— С дороги! — рявкнула я грозно, и когда он отошел, двинулась дальше.

— Вероника! — голос брата догнал меня уже у двери. — Вернись немедленно.

Я проигнорировала брата, но у самой двери остановилась, повернулась в сторону Виктора и кинула ему монетку:

— Держи.

Виктор не сразу сообразил, и наверное, монетка пролетела бы мимо, но я, для эффектности продолжая держать руку, шевельнула пальцами и заставила ее плавно притормозить перед ним, закрутиться в воздухе. Он забрал монету и удивленно посмотрел на меня.

— Она твоя. В ней моя сила. Пользуйся.

С этими словами я вышла, хлопнув дверью и не слушая, будут ли они мне что-то говорить вслед или нет. Когда дверь за мной закрылась, Виктор покосился на Влада.

— Владислав, она ведь вернется?

Никита тоже посмотрел на него, ожидая ответа. Влад устало потер лицо ладонями и плюхнулся назад в кресло:

— Нет.

Брат отлично меня знал.

Кайрадж! Я обратилась к богу. И мир потемнел.

— Вероника... — привычное приветствие Кайраджа.

Его размытый темный силуэт соткался из воздуха прямо передо мной. В приступе любопытства я протянула руку, но пальцы прошли сквозь него, будто он был лишь тенью. А может ею он и был.

— Я свободна, Кайрадж! — было легко на душе. — Я свободна от него!

— Хорошо, — ответил он, и мне почудилось, что он улыбнулся, если такое вообще можно сказать о существовавшем между нами способе общения. — Я рад за тебя. Но я наблюдал. Людям нужен дом, женщинам нужны мужчины. У тебя их нет. Но я дам. Иди. Его зовут Петр Купцов.

Я не успела задать вопрос, куда именно идти, как получила ответ. Это было похоже на озарение, будто он провел меня за руку к тому дому, и я успела сориентироваться на месте. Конечно это место я знала, почти центр города, очень даже неплохой особнячок. Что ж, сама я как-то не думала, куда пойду, да и в общем мне было всё равно, почему бы и не туда. Но вот спать я с ним точно не буду, хватит с меня.

— Сводником решил заделаться? — я хмыкнула и вдруг вспомнила. — Купцов? Это же фамилия Виктора. Однофамильцы или родственники?

— Отец, — опять Кайрадж ответил на вопрос, о котором я подумала, а не который задала. — У меня с ним был договор, я приглядываю за его сыном, а он становится для меня источником ресурсов: люди, деньги, связи. Сейчас он считает, что я его обманул, думает, его сын мертв, отказывается помогать. Назовись моим эхо, объясни все. Живи у него. Он верный помощник, сын очень важен для него.

— Да ты его крепко схватил, прямо за жабры, — я хмыкнула.

— Я не шантажирую, это долговременная сделка.

— Ты сказал представиться как твоё эхо. Я уже стала им?

— Нет, позже. Людям нужен отдых, а мне — время. Иди, — с этими словами он исчез.

Когда я подошла к нужному дому, уже вечерело. Бело-золотистая громада. На звонок в дверь отозвался лакей и сразу открыл мне.

— Проходите, госпожа, — он слегка поклонился, как положено по этикету, и указал рукой внутрь, освобождая проход. — Как вас представить, уважаемая?

— Эхо, — ответила я, входя и оглядываясь.

Крупное помещение с диванчиком и парой кресел.

— Простите, не расслышал, — слуга не выдал своего удивления, но его эмоции я уловила.

— Скажи господину Купцову, что явилась госпожа Эхо, — у меня прорезалось нездоровое чувство юмора.

— Конечно, как скажете. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

Лакей поспешил удалиться от странной гостьи, а я действительно села, закинув под платье ногу на ногу. Долго ждать не пришлось, хозяин дома явился мне в одежде типичного канца, только воротник белой рубашки немного неряшливо поднят, а жилетка и рукава расстегнуты.

— Госпожа, — приветственно и хмуро произнес он, представ передо мной, и чуть склонил голову в знак приветствия, а затем заговорил, не давая мне и рта раскрыть. — Мы с вами незнакомы, но я о вас осведомлен. Позволю себе не быть многословным и приступить к делу. Я уже сообщал... нашему общему знакомому, что отказываюсь с ним сотрудничать. Сделка разорвана, причем не с моей стороны. Если вы здесь по этому поводу, предлагаю не тратить ваше и мое время. Новую я заключать не намерен.

— Я понимаю вашу скорбь и гнев, господин Купцов, вы своим праве. Позвольте выразить соболезнования, — я поднялась и взяла его за руку, этого хватило, чтобы настроить связь и сказать в нее. — Ваш сын жив. Это скрытая операция Отдела, и я даже готова сообщить, где сейчас находится ваш сын со своим другом Никитой, однако вы должны понимать, что если явитесь туда, сорвете эту операцию. Кайрадж не солгал вам, он действительно присматривал за вашим сыном.

За мгновение в нем сменилась куча эмоций. Первой скользнула надежда, что его сын жив, сразу следом — недоверие и гнев, вдруг ему дали ложную надежду. И только потом он сообразил, что я говорю не вслух, и в связь от него разлетелось удивление вперемешку со страхом и готовностью защищаться — обычная реакция на подобные вещи.

— Да, я общаюсь с вами мысленно, это моя способность. И вам вслух говорить о том, что ваш сын жив, не советую, вы можете его подставить. Если вас что-то интересует, просто подумайте об этом, я услышу.

Его мысли полились потоком.

— Где он? Он ранен? Что за операция? Почему меня не предупредили? А черт, последний вопрос глупый, — он выругался в связь сам на себя, а затем уставился мне в глаза. — Отвечайте!

Сейчас он искренне волновался за Виктора, и готов был меня убить за информацию о нем. Было в этом нечто трогательное, он напомнил мне Михаила. Он вел бы себя так же, будь я на месте Виктора. Его стало даже жаль, и я решила немного помочь.

— Я покажу вам, — сообщила я ему в связь.

Я по старой привычке опустила кончики пальцев ему на виски, хотя не ощущала в себе необходимости для этого, и послала ему несколько мимолётных сцен своего общения с его сыном. Разумеется, не содержащих интимных подробностей. И в конце я показала ему дом Анны и окружение, чтобы он мог понять, где это находится. В его голове это всё мелькнуло за секунды, а его эмоции с недоверия сменились на ликование, и в этом порыве он схватил меня ладонями за лицо и впился в губы. Ого, а папочка у Виктора более импульсивен, чем сын. Это не был интимный жест, я на секунду нырнула в его мысли, чтобы разобраться, так часто радовалась его мать в детстве, одним чмоком в лоб, щеку, нос — да куда попадет. Так что я, разумеется, не придавала этому значения, а вот Петр, через секунду осознав что сделал, сильно смутился, отпустил меня и отступил на шаг, вежливо склонив голову, извиняясь:

— Прошу меня простить, уважаемая, — я почти слышала в этой сказанной вслух фразе голос Виктора. — Не имел целью оскорбить вас или покуситься на вашу честь. Я дал волю слабости.

— Прощаю, — я кивнула, отвечая вслух и разрывая связь.

— Но ведь вы явились не только затем, чтобы сообщить мне все это, верно? — он настороженно посмотрел на меня, ожидая наказания от разозлившегося бога моими руками как исполнителя его воли. — Наш общий знакомый желает чего-то еще? Я обещаю выполнить все условия нашей с ним сделки.

— Которой? — решила уточнить я, поскольку совершенно не знала, о чем он.

— Наемники и оружие будут готовы к сроку. Как только от него придет приказ выступать, мы нападём на гхаттитов. Поскольку наши коммуникации с ним сильно затруднены, этот приказ, как понимаю, я услышу от вас?

— Да.

А Кайрадж, оказывается, успел уже даже боевые силы себе организовать через своих последователей. Неплохо, даже очень.

— Что ж, о том, что вы однажды, когда победа будет близка, придёте, чтобы повести людей за собой, он предупреждал. Так что комната для вас уже давно подготовлена и ждёт... Признаться, не ожидал, что вы будете женщиной. Прошу простить за нарушение этикета. Мое имя Петр Купцов, — он протянул мне ладонь.

— Вероника Князева, — представилась я, вкладывая в нее свои пальцы. — Я не в обиде на вас, господин Купцов. Будь я на вашем месте, еще бы и не так злилась за то, что мой сын погиб. И эмоциональные порывы тоже могут случиться с каждым, так что не переживайте, я ничего лишнего или дурного о вас не подумала. А теперь будьте любезны, покажите мне мою комнату.

Так я осталась жить у него. За те три дня, что я провела в его доме, слуги успели перемыть мне все косточки. Разумеется, вслух никто ничего не говорил, только думали да шептались по углам. Все считали, что я буду новой хозяйкой и все ждали, когда господин Купцов объявит об этом. Я не преминула воспользоваться этим и действительно вела себя по-хозяйски, не подтверждая слух словами, но и не опровергая. Хотят считать меня таковой — их дело, а мне только на руку: не будут мешаться под ногами лишний раз.

Петр, воодушевленный новостью о том, что сын жив, занимался сбором информации и улаживанием самых разных дел, наймом людей и прочими важными вещами. Дни тянулись один за другим. Медленно. Тоскливо. На третий день все газеты протрубили о нападении на какого-то очень важного для государства посла, которого отбила группа из троих неизвестных, скрывшихся с места происшествия. Дело рук Влада, тут и к гадалке ходить не надо. Похоже, за всеми этими проблемами он так или иначе сосредоточился на противостоянии порождениям Зоога. Может оно и к лучшему: пока он добивает их, я возьму на себя гхаттитов. Хотя вместе с этим конечно меня посетила и ревность. Он вон опять нашумел, а я тут сижу в тишине, словно забила в нору. Одна. И немного стыда. Без меня Влад вряд ли пользовался своими силами на всю катушку, а это делает его уязвимее. Впрочем я быстро отогнала эти мысли. Ну или я так думала.

Вечером на третий день, когда я восседала в библиотеке за чтением книг, ко мне с сочувствующей темнотой заявился Кайрадж:

— Вероника...

— Я скучала по тебе, — я оторвалась от книги и улыбнулась. — Как дела?

— Люди часто спрашивают это, когда не хотят знать ответ. Почему?

— Правила приличия, вежливость. Если бы не это, мы давно грызли бы друг другу глотки.

— Но ведь это ложь, и все знают, что это ложь. Зачем играют в это? Зачем подыгрывают?

— Потому что мы цивилизованное общество. А малознакомым людям просто больше нечего друг другу сказать. Это всего лишь предложение начать дружелюбный разговор по душам.

— Ты спросила меня в ином смысле. Что-то эмоциональное. Хотела знать, как я себя чувствую. Нет ли у меня проблем. Мой ответ: нет. У меня нет проблем в твоём понимании слова. Я не поговорю с тобой по душам, потому что я другой.

— Как с тобой сложно, — я вздохнула, и мне стало грустно. — Ты ведь не просто так пришел. Никогда просто так не приходишь. Рассказывай.

— Почему ты расстроилась? Я не мешаю тебе, не вмешиваюсь, поэтому редко являюсь.

— И ты считаешь, мне от этого лучше?! Думаешь, от того, что я одна, мне хорошо?! — я хлопнула книгой, закрывая ее.

Похоже, одиночество прошедших дней даёт о себе знать. Привыкла к обществу брата и Михаила, теперь страдаю.

— Обвиняешь меня. Несправедливо. Попроси помощи, и я помогу. Ведь мы заключили отличную сделку: ты любишь своего бога, и твой бог любит тебя.

— Это не сделка! Нельзя любить по заказу! Любить — это без всяких сделок. Это просто любить. Вопреки всему. Ты попросил от меня то, о чем сам не знаешь. И на целых три дня пропал, бросив меня на Петра!

— Очень много информации... — сообщил он мне, буквально прося этим успокоиться и говорить медленнее. — Три дня — это много?

Я вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться.

— Слишком много для одиночества.

— Ты не была одна. Я знал, и потому отправил к мужчине. Он был с тобой.

— Это другое, — буркнула я. — Петр не близкий мне человек.

— Кто он тебе?

— Партнёр. Союзник.

— А я?

— Хороший вопрос. Ищи ответ, и если найдешь его, значит, ты понял людей. А теперь, будь добр, сообщи, зачем пришел, и уходи. Не хочу с тобой общаться.

— Мое присутствие расстраивает тебя так же, как и мое отсутствие? Я не понимаю...

Я своей женской логикой сумела озадачить бога. Мило. Вот только объяснять все это не было никакого желания. Учитель из меня отвратительный.

— Просто уходи, и дай мне успокоиться! — честно говоря, сейчас уже хотелось кого-нибудь убить или, на худой конец, что-нибудь сломать.

— Сегодня в девять вечера у тебя встреча с Алексеем Завойским. Твоя задача — убить его. Будь осторожна, он — мое эхо и очень догадлив. Он будет ждать тебя в ресторане Синяя птица за столиком на дальнем балконе.

— Ты сдурел, Кайрадж? — настроения расшаркиваться перед ним у меня не было. — Я должна убить его на глазах десятков людей, оставить там труп и уйти?! Шутишь? Да мне их там всех убить придется, чтобы погони не было. Я отказываюсь!

— Воспользуйся этим местом, — он развел руками в стороны. — И сбрось его с балкона. Труп не будет, его поглотит Пустота.

— Какая пустота?

Но Кайрадж ушел, оставив меня в недоумении и без ответа. Что ж, надеюсь, это маленькое приключение разгонит мою скуку и притупит боль одиночества.

К назначенному времени я вошла на балкон ресторана. Мужчина, одетый как канц, уже ждал меня там, и когда я вошла, вежливо встал. Упитанный не в меру, с небольшой залысиной, но с очень пронизательным взглядом. Я потянулась к его эмоциям, но глухая стена очень напомнила чернокровных, впрочем, ничего другого я не ожидала.

— Госпожа Князева! Рад приветствовать свою новую помощницу, — он вежливо с улыбкой поцеловал мне руку и отодвинул стул. — Кайрадж много рассказывал о вас, и я счел разумным узнать о вас информацию. Никогда раньше не пытался добывать информацию о настолько засекреченных сотрудниках Отдела Его Императорского Величества. Удивительно, как это сложно, даже если он считаются погибшими. Очень рад наконец-то с вами познакомиться.

— Взаимно, господин Завойский, — я улыбнулась.

— О, так вы тоже слышите его? Иначе не знали бы мое имя, — он разлил вино по бокалам. — Наконец-то хоть кто-то, кроме меня, может его слышать. Как, кстати, это у вас получается? Насколько мне известно, только эхо может слышать его, остальные воспринимают на уровне интуитивного осознания и понимания.

Мне не понравился тон, которым он это спросил. Вроде бы небрежный, словно ответ его не интересовал, но его жесты и взгляд говорили о том, что он крайне заинтересован в ответе и очень напряжен. Я улыбнулась:

— Если вы добыли обо мне информацию, то знаете, что мой дар — читать мысли. Человек вы неглупый, а значит и так догадались. Так зачем же спрашиваете пытаетесь поймать меня на слове? Подозреваете в чем-то?

— Обожаю умных женщин! — усмехнулся он и поднял бокал. — Если бы я не подозревал всех и вся, давно был бы мертв. Давайте выпьем за нашего бога, госпожа Князева! И за победу.

— За победу, — с улыбкой отозвалась я.

Ужин прошел весьма неплохо. Я не постеснялась заказать вкусностей, в конце концов, он умрет уже в конце трапезы, а мертвецу деньги не нужны. Я собиралась с удовольствием поесть, дожидаться, пока он оплатит счёт и соберётся уходить, чтобы в дальнейшем служащие ресторана не имели претензий, и только тогда нанести удар. Пообщались мы неплохо. Он прощупывал меня, и я невольно прониклась к нему долей уважения. Передо мной сидел один из наиболее влиятельных людей города, серый кардинал, который держал в своих руках многие ниточки управления, а проще говоря, в его руках было полно информации, благодаря которой он мог спокойно шантажировать высшие круги нашего города. Жаль, что придется его убить. Я уже догадывалась, зачем делаю это, несмотря на то, что Кайрадж сам не сказал. Он сделает меня эхо. Сегодня. Сейчас.

Теперь мне даже не требовалось монета, чтобы перейти в тот тёмный мир. Тьма опустилась, вокруг, цвета потускнели. За столом сидели мы оба: я и Алексей. Он на секунду замер, глядя на меня, и за эту секунду, похоже, перебрал в голове все доступные ему причины того, почему он здесь, и догадался, потому что я ощутила вспышку его страха от неудачной попытки покинуть это место, вернуться в реальный мир. Я лишь нехорошо усмехнулась в ответ на это, с удовольствием пропустив эмоцию через себя, словно вкуснейшее лакомство. Алексей вскочил, и схватил со стола бутылку. Я подскочила к нему и в пару движений лишила его импровизированного оружия, а затем скрутила руки в захвате.

— За что?! — завопил он. — Остановитесь! Я не нарушил ни одного договора с богом! Я верно служил ему! Я самый полезный человек этом городе!

— У Кайраджа изменились приоритеты, — ответила я и вырубил его из сознания.

Только после этого я позволила себе подойти к балкону и осмотреться. Там, внизу, был город, но сейчас в нем гуляли лишь небольшие вихри пыли, словно я находилась в городе-призраке. Жутковато. Но самое интересное было не это. Никогда раньше я не находилась на улице, когда была здесь, а в тот единственный раз на корабле не обратила внимания на то, что этот мир конечен, и там, вдалеке, Пустота. Именно так, Пустота с большой буквы, Бездна, Ничто, долина смертной тени, причем граница не была резкой. Очертания домов размывались, смазывались, постепенно темнея, будто тьма поглощала их. Жутко на это смотреть. Тьма, не имеющая цвета, поглощающая все цвета в себя...

Я с трудом оторвала взгляд. Ощущение было таким, словно я простояла очень долго, смотря в бескрайнее ничто. А через секунду я осознала, что тьма приблизилась, она сжималась, словно пыталась подобраться ко мне. Похоже, этот мирок постепенно уменьшается. Надо действовать быстро. Тьма внизу уже начала подниматься над уровнем земли, поглощая ее и подбираясь к балкону. Я подхватила под руки мужскую тушу и с трудом перевалила ее через парапет. Тело упало вниз, в Пустоту, и просто исчезло.

Внезапно пришло осознание, что я тут совершенно одна. Одна во тьме, которая пытается сожрать последний оплот моего мирка и поглотить меня. Жутко. В приступе паники я чуть не завопила, зовя Кайраджа. Глубоко вдохнула и выдохнула, подавляя панику.

— Вероника... — голос бога заставил меня вздрогнуть от неожиданности. — Стань моим эхо.

С появлением бога границы Пустоты стали плавно раздвигаться назад.

— Где мы? — спросила я, не поворачиваясь, продолжая наблюдать за отступающей тьмой.

— Граница... — он снова хотел в одном слове объяснить мне сразу все, но не стал и продолжил. — Ты человек. Живая. Привязана к миру. Я бог, не живой в привычном смысле. Не привязан. И встретиться мы можем лишь на границе. Здесь. Но не все могут здесь быть. Только те, чей разум готов. Остальным доступен лишь сон. Во сне человек близок к этому месту, к этому состоянию сознания. Так ты готова стать моим эхо? Мне нужно быть привязанным, иначе я могу потерять этот мир из виду.

— Я думала, боги умирают, когда теряют эхо... — вдруг сообразила я. — Почему ты не умер? Гхаттот, выходит, тоже не умрет со смертью своего эхо?

— Потеря эхо сама по себе мало что значит. Эхо — связь с миром, крепление. Бог не может умереть, но может уйти. Но он не уйдет, если его не выгнать. Нужно, чтобы другой бог нанес удар.

— А как же ушли Кхутуру и Зоог? Мы всегда считали, что они умирают, когда мы убиваем их эхо.

— Убивая эхо, вы давали возможность следующему богу нанести удар. Предыдущий не ушел бы, не приди новый бог. Пастбище никогда не будет пустым.

— То есть все это время они лишь сменяли друг друга... но подожди, между ними были промежутки в сотни лет.

— Чтобы захватить пастбище, нужна подготовка. Нужно укрепиться и оплести собою мир. Нужно найти эхо, пока не пришел новый бог.

— То есть нам надо убить нынешнее эхо Гхаттота, и ты нанесешь удар и станешь новым богом этого мира. Но ты обещал это место мне. Как ты собираешься выполнить обещание? Или решил обмануть меня? — наверное, сейчас я ничему не удивлюсь.

— Эхо — промежуточный шаг на пути к становлению богом. Да, ты станешь моим эхо, и я нанесу удар. Мы прогоним Гхаттота. За это я сделаю тебя богом, но так я лишусь своего эха, лишусь привязки к миру. Я просто отдам мир тебе. Полагаю, это и есть выражение любви, а о ней мы с тобой уже договорились.

Я бросила взгляд вниз с балкона туда, куда упало тело его предыдущего эха. Тьма уже ушла оттуда, и внизу виднелась обычная мостовая, и никакого тела. Кайрадж предал своё прежнее эхо, он заманил его сюда ложью, дав мне возможность его убить. Он может так же поступить и со мной. Надо быть настороже. Но все же эхо имеет больше возможностей, больше полномочий, да и обещание сделать богом он выполнит, потому что это сделка. На его месте я бы после этого нанесла бы удар и выкинула из мира нового молодого бога. Это наиболее логичный ход для того, кто не знает, что такое чувства. В такой ситуации самым логичным с моей стороны будет нанести удар превентивно. Но для этого надо быть богом.

— Я согласна стать твоим эхо, Кайрадж.

— Я рад. Отныне это так.

На секунду мне показалось, что мир раздвоился, а затем вернулся в норму. Ощущения словно бы дали сбой, все тело онемело, но это быстро прошло. Я поежилась:

— И что теперь?

— А теперь жди. Я ищу эхо. И ищу лучший способ и время для нападения. Готовлю план. Просто жди. И я назову время и место.

Прошло еще семь дней. Я ворочалась ночью в кровати, не в силах уснуть. Пустота. В душе зияла какая-то глухая черная дыра. Влада нет, Михаила нет. Я одна. Я всегда боялась именно этого — остаться одной. И вот это случилось. Сама не поняла, в какой момент разревелась, но слезы покатились градом. Я уткнулась носом в подушку, заглушая рыдания. Я не сдамся. Не сдамся. Не сломаюсь. Ни за что. Я не знала, куда себя деть. Хотелось убивать и плакать одновременно. Сложно сказать, чего сейчас во мне больше: злости или боли. Кажется, эти два чувства всегда приходили вместе, и кто из них кого приводит за собой, я не знала. Да и какая разница. Важно только одно. Я одна. Если подумать, я осталась одна уже очень давно: когда Михаил стал призраком. Потому что брата я потеряла еще раньше, когда он убил Романа, а меня изнасиловал. Но все эти годы я не хотела верить. Не хотела принимать свое одиночество. Я цеплялась за призраков прошлого. За брата, которого когда-то любила и который оставался для меня единственной семьей долгие годы. За погибшего возлюбленного, к которому была привязана всей душой так сильно, что даже после смерти заставила его остаться. Они оставили меня одну уже очень давно... Очень... давно...

Я лежала, уткнувшись носом в подушку, изливая в нее все свое горе, и мне становилось все хуже и хуже, желание жить периодически отказывало, и потому инстинкт самосохранения в панике пытался найти причину успокоиться и взять себя в руки. Может не так уж все плохо? Ведь в конце концов прямо сейчас в доме кроме меня есть тот, кто с радостью помог бы мне скрасить одиночество. От меня еще никто не отказывался, и такому телу, как у меня, многие бы позавидовали. Я поднялась с кровати, набросила на себя ночную рубашку и двинулась по темному коридору к комнате Петра. Стучаться не стала, просто открыла дверь и вошла. В комнате темно, но шторы раздвинуты, и внутрь попадал тусклый свет уличных фонарей, давая достаточно света, чтобы можно было разглядеть общие очертания, но недостаточно для более детального рассматривания. Я тенью застыла над кроватью Петра. Мужчина спал под тонким одеялом, в доме было тепло. Оно лежало по контуру его тела. Что ж, для сорока лет он неплохо выглядит. Михаилу и Владу конечно не конкурент, однако я не привередлива. Мое пристальное внимание, а может движение по комнате, разбудило его. Увидев меня спросонья, он вздрогнул и шарахнулся в дальнюю часть кровати. От него приятно полыхнуло страхом.

— Это Вероника, Петр, не бойтесь.

— Вы жутко себя ведёте, если вы не знали, — от него повеяло гневом.

Эмоции — это всегда хорошо. Ведь между ненавистью и любовью, как все мы знаем, всего шаг.

— Вы слишком нервничаете, Петр. Я помогу вам расслабиться, — я потянула завязочки на груди, и платье с тихим шорохом упало к моим ногам.

— Госп... — он нервно сглотнул. — Госпожа Князева, я не имею права не спросить... вы в здравом уме?

— Абсолютно, — я встала на колени на краю кровати и выпрямилась темным изящным силуэтом на фоне окна, заскользила пальцами по своему телу. — Хочу, чтобы это были твои руки, Петр. Хочу ощутить, как они касаются и ласкают меня.

Он все еще сидел, замерев, однако возбуждение его витало в воздухе почти осязаемой массой, и я опустилась на четвереньки перед ним, заглядывая в глаза:

— Не бойся, не раздумывай. Просто у меня давно не было мужчины.

И тут он будто с цепи сорвался. Схватил меня за затылок, сдавил волосы в кулаке, жадно захватил мои губы своими.

— Я возжелал тебя с того момента, как увидел. Приходи ко мне чаще. Обещаю, эти ночи ты не забудешь. Только будь моей, — шептал он в каждую свободную секунду между поцелуями, и его голос прерывался и дрожал. — Ты меня с ума сводила все эти дни своей близостью и в то же время недоступностью. Ты такая сильная, властная, знаешь себе цену. О боже, как я тебя хочу. Всю. Прямо сейчас.

Его пальцы ласкали мою грудь, а язык исследовал рот. Он прижимал меня, сидящую, к себе за спину, второй рукой крепко держал за волосы, не имея душевных сил разжать кулак. Ему казалось, отпусти он меня, и я развеюсь, как дым. Я глубже залезла в его эмоции. Жажда обладать мной перекрывала все остальное. Он давно не испытывал таких мощных эмоциональных положительных всплесков, и сейчас был просто не готов к такому. Его эмоции полыхали тем самым вкусом, который я так любила в постели. Но все не то. Все было не так. Пожалуй, я не отказалась бы сейчас вкусить его страх. А вот возбуждение я бы хотела от других людей. Влад или Михаил. И только от них.

— Вер... — с трудом выдавил из себя Петр, привлекая мое внимание.

Оказывается, уйдя в свои мысли, я инстинктивно парализовала его, чтобы он меня не касался. От него веяло непониманием и быстро рассеивающимся под давлением страха возбуждением.

— Это была случайность, прости, — я чмокнула его в губы и опустила из парализации. — Мне лучше уйти.

— Что я сделал не так? Испугал? — спросил он, глядя, как я покидаю кровать.

— Ты? Меня? — я усмехнулась. — Нет. Просто я вдруг осознала, что хочу быть только с тем, кого люблю. И это не ты.

— Очень жаль. Передумаешь — приходи, — сказал он, когда я покидала его спальню, и ему с трудом удалось сохранить спокойный голос.

Он хотел продолжения, и желательно, прямо сейчас. Но я не хотела его. Так и не выпущенные на свободу эмоции кипели, заставляя искать другие выходы. Мне было просто жизненно необходимо кого-нибудь убить, иначе я не успокоюсь, и всем в этом доме будут как минимум сниться кошмары, а как максимум — и думать не желаю. И я вдруг поняла, на кого обрушить свою ярость. Светлана, ты хорошая женщина, и ты действительно была мне подругой. За добро всегда надо платить добром. Я дошла до своей спальни, быстро и тихо оделась, не включая свет, и бесшумно выскользнула на улицу.

Уже через час пешего пути я была у дома Светланы. Фонари горели приглушенно, улица была погружена во мрак. Странно, что так темно и серо кругом, ведь звезды светят и луна полная. А может мне просто кажется... Я отбросила лишние мысли и подошла к дому, намеренно пройдясь по грязной цветочной грядке и сделав круг вокруг дома. Не хотелось бы, чтобы убийцей выставили саму Светлану, так что буду оставлять улики. У нее на кухне редко запираются окна, это я узнала случайно, когда заходила к ней в гости. Слышала разговоры слуг. Так что план был прост, и начинался с того, чтобы забрать с кухни нож. Не брать же было нож из дома Петра, кто знает, насколько уникальна его кухонная утварь.

Как и думала, в кухню удалось пробраться без труда. В два часа ночи весь дом конечно

же спал. Я вытащила нож из ящика и, продолжая оставлять грязные следы, двинулась в гостиную, из которой вела лестница наверх, к ее с мужем спальне. Ковры благополучно заглушали шаги, а к концу пути и следы закончились, оставшись грязью на ковре позади. Я оглянулась. В темноте было плохо видно, однако на блестящей в лунном свете лестнице по следам прекрасно читалось, что неизвестный убийца, то есть я, прошел с лестницы в сторону этой комнаты. Отлично.

Я надавила на ручку двери. Открыто. С тихим скрипом, на который я молча выругалась, дверь отворилась. Я проскользнула внутрь и так же тихо прикрыла ее за собой. Они оба мирно спали под одним одеялом. Ее муж храпел, лежа на спине, закинув руку под голову. Ну конечно, с его степенью упитанности на животе спать просто не получилось бы. Такая хрупкая на его фоне, Светлана спала, подложив локоть под голову и повернувшись к нему спиной. Ее волосы собраны в косу, а поза отдаленно напоминает позу эмбриона. Да уж, дорогая моя, натерпелась ты от него. Но не волнуйся, потерпи еще всего пару минут. Я сейчас.

Я тихо подошла к их кровати с его стороны. Лучи лунного света, видимые за счет витающих редких пылинок. Храп, режущий по нервам. Занавески, колыхающиеся под летним ветерком. Мой темный силуэт на фоне окна. Клинок ножа сверкнул лунным зайчиком, когда я нанесла удар. Я намеренно не ударила смертельно. Нет, сначала он помучается. Ее муж всхрипнул и хотел схватиться за горло, но я перехватила его руку и парализовала. Теперь он не сможет ни кричать, ни шевелиться, ни даже биться в конвульсиях.

Такие, как он, эгоисты, всегда жутко боятся смерти. Им кажется, что там нет ничего, пустота, и это пугает их до чертиков. Пугает то, что в какой-то момент их просто не станет. О да, паника наполнила его эмоции. Страх разнесся по комнате. Я усмехнулась, впитывая в себя это. Да, бойся меня. Я — твой кошмар, и именно это будет последним, что ты увидишь в жизни. А чтобы твоя жена не проснулась, ты не будешь шевелиться. Тебе страшно, что ты не можешь двигаться. Не можешь позвать на помощь. Твое тело тебя не слушается. И ты... узнал меня. Я расплылась в еще более широкой ухмылке, наконец-то получая истинное наслаждение, почти оргазм. Мои пальцы на его горле сдавливались сильнее, ногти вонзались в кожу. Ты больше не тронешь свою жену, мразь. Ты больше не будешь подсигивать моего мужа и таких, как он. Мир без тебя станет чище. А за все содеянное ты будешь страдать перед смертью!

Я не выдержала и хохотнула от удовольствия. Этот звук разбудил Светлану, и она пошевелилась. Черт! Я замерла, а потом поняла, что времени у меня совсем мало, а ее муж еще жив. Ладно, черт с ним, надо просто убить и уходить. Я схватилась за нож и выдернула его из горла мужчины, занесла его снова, чтобы нанести добивающий удар. В этот момент Светлана, заметив движение, повернулась и привстала на локтях. Для нее я выглядела черным силуэтом на фоне лунного света, льющегося из окна. Силуэтом с ножом в руках. Лунный зайчик, отразившийся в зеркале трюмо, скользнул по ее лицу, когда я опустила нож во второй раз. Ее муж всхрипнул в последний раз и обмяк. Немая сцена длилась ровно пять секунд, а затем мы начали действовать одновременно. Она открыла рот, чтобы закричать, а я обратилась к богу, переходя в его измерение. Время остановилось, позволив мне подойти к Светлане. Я встала так, чтобы оказаться за ее спиной, и вернулась в реальный мир. Схватила ее за рот ладонью, а второй рукой приставила нож к шее, ощутимо надавив, и она, уже собирающаяся закричать, кашлянула и затихла, тяжело дыша. Ее мысли бессвязно металась в

панике.

— Тише! — прошипела я. — Я сейчас отпущу твой рот, и ты сможешь говорить. Советую делать это шепотом, не то Машутку разбудишь. Ты ведь не хочешь оставить ей психологическую травму на всю жизнь?

Светлана отрицательно замотала головой, и я медленно отпустила ее рот, но нож не убрала. Конечно я не собиралась убивать ее, клинок нужен просто для устрашения.

— Кто вы? — шепотом произнесла Светлана, сглотнув.

Я склонилась к ее уху, положив ладонь на ее плечо и сжав его.

— Я пришла сделать то, на что у тебя никогда не хватило бы духу, Светлана. Ради тебя и твоей дочери. Больше твой муж тебя не тронет.

— Вер... — она икнула от испуга и снова судорожно сглотнула. — Вероника? Свят-свят-свят. Господи, спаси и сохрани.

Светлана закрыла глаза и начала неистово молиться шепотом:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого духа...

— Черт, Светлана! — зашипела я, убрала нож от шеи и тряхнула ее за плечо. — Я живая, дурочка. Я не призрак.

Она снова открыла глаза и повернулась в мою сторону.

— Ты же... сгорела...

— Ага, а хоронили меня наверняка в закрытом гробу. Ты мой труп видела? Не видела! Вот то-то же, — я скрестила руки на груди. — И не благодари за своего мужа.

Светлана будто только сейчас вспомнила, что ее муж мертв. Повернулась на его труп. Помолчала, глядя на него несколько секунд, а затем развернулась и бросилась на меня. Не ожидав от нее такого, я потеряла бдительность, и потому свалилась на пол под ее весом. Она, впрочем, по пути сама запуталась в ночнушке, и потому я быстро перехватила инициативу, перекатилась и уселась на ней сверху, схватила ее за руки. Платье мне мешало, но я уже привыкла к нему, а Светлана далеко не самый серьезный противник, поэтому справиться с ней труда не составило.

— Да как ты посмела! — Светлана в истерике чуть не перешла на крик, продолжая дергаться в моих руках. — Зачем ты убила его?! Зачем?!

— Ради тебя, дурочка! И ради Машутки! — шипела я на нее в ответ. — Однажды ты поймешь! И вот тогда скажешь спасибо!

— Так нельзя было, грешно! Нельзя так! Он же мой муж!

— Он бил тебя! Или ты забыла? Он грозился отнять у тебя дочь! — я встряхнула ее за запястья. — Очнись, Светлана!

— Нет... Нет. Нет! — наконец она сорвалась и перешла с шепота на крик. — Уходи! Пошла вон! Видеть тебя не желаю! Как ты посмела так поступить?! Каким бы ублюдком он ни был, нельзя убивать! Господь дал ему жизнь, а не ты. Не тебе и отнимать! Гореть тебе в аду, Вероника!

Черт, сейчас сюда весь дом сбежится. Ну конечно, благодарности от нее я не дождусь. Тупая курица. Мелькнула мысль убить и ее. За глупость. Но я быстро отбросила эту мысль и просто парализовала Светлану. Залезла к ней в голову. Паника. Шок. Истерика. Страх перед будущим. Ненависть ко мне. Нет уж, обо мне ты помнить не должна. Стирать воспоминания очень долго и сложно, но вот исказить — легко. Еще со своей работы как следователя я знала, что даже без ментальных способностей можно создать человеку ложные воспоминания. А я всего лишь подкорректирую текущие. Размыть силуэт в ее памяти.

Заставить забыть, кого именно она видела. В процессе она отключилась из сознания, похоже, я случайно подала ей в мозг избыточной силы импульс, но мне же проще. Вокруг трещало статическое электричество. Закончила я быстро, и как раз услышала топот нескольких слуг по лестнице. Я бросилась к окну, по пути подхватывая со стула ее платье. Оборачивать вокруг руки его было некогда, поэтому я просто скомкала и со всей силы ударила по окну. Вокруг разлетелись брызги осколков и электрические искры. Разбитое стекло с частью рамы вылетело наружу, а следом в проем нырнула и я ровно в тот момент, когда дверь в спальню распахнулась. Выбросив платье, я быстро свернула за угол дома, чтобы из окна меня видно не было, и скрылась в темноте улиц.

В дом я вошла в критично плохом настроении, но по крайней мере не в настолько плохом, в каком была, когда уходила. Если до Светланы я добиралась пешим ходом час, то на обратный путь у меня ушло два. Первые предрассветные лучики скоро должны были показаться, когда я входила в дом. Было еще темно, но свет включать не было никакого желания, и разувалась я в темноте и тишине. Я бы не заметила Петра, появившегося на лестнице, если бы не ощутила чужие эмоции неподалеку.

— Вероника, что у вас случилось? — после сегодняшней ночи он перестал звать меня по фамилии, но на ты очень правильно переходить не решился.

В его голосе скользила забота и участие. Но не такие, как обычно бывает у женщин, с толикой жалости и сопереживания, а мужские. Просто предложение поделиться проблемой, которую он, если сможет, поможет мне решить. Я замерла, глядя на него, размышляя, стоит ли ему знать или это не его дело.

— Мы можем пройти в кухню и побыть там, если не брежете. Когда я был ребенком, это было самое любимое место в доме, потому что наша повариха была очень доброй женщиной, да к тому же там часто вкусно пахло, — он улыбнулся. — Возможно, и у вас есть подобные воспоминания, которые можно претворить в жизнь. Приятные мелочи.

Несмотря на то, что я оставила его в таком состоянии, он проявляет заботу и понимание и ни словом не упоминает о случившемся. Глядя на него, я вдруг поняла множество вещей. Как я устала. Как мне плохо одной: без семьи и любимого человека. Позавидовала Виктору. У него отличный отец, который любит его, пусть и по-своему. Снова захотелось стать ребенком, ощутить это хотя бы на секунду. Я вздохнула:

— Я хочу теплого молока с медом. Найдется?

— Конечно, Вероника, — Петр улыбнулся еще шире, словно разговаривал с маленькой девочкой и пытался улыбкой подбодрить ее. — Пройдемте. Я лично сделаю его для вас, если вы не против.

Он не стал меня дожидаться и направился в боковой проем в сторону кухни. Мы прошли две комнаты, прежде чем попали туда. Обычная маленькая кухонька, но содержится явно в чистоте, насколько это может быть на кухне. Петр зажег газовую конфорку, поставил на нее небольшую кастрюльку с молоком, достал из верхнего ящика вазочку с печеньем и конфетами, поставил передо мной. Забавно, кажется, у нас дома была похожая. И я всегда думала, как бы до нее долезть наверх, ведь в детстве она казалась расположенной так высоко... Один раз даже чуть не свалилась со стула в попытке добраться до конфет. Как же давно это было... Я почти ничего не помню из детства. Ничего, кроме смерти родителей и ухмылки некроманта...

— Вероника? — голос Петра вытащил меня из воспоминаний.

Он уже поставил на стол две чашки с ложечками на блюдцах, сел за стол напротив меня и прямо сейчас подвинул ко мне вазочку с печеньем.

— Расскажите, что вас тревожит.

— Откуда вы узнали, что я покинула дом? Я уверена, что никого не разбудила, — во мне проснулась паранойя.

— Я решил, что вам нужна поддержка, и когда привел себя в порядок, заглянул к вам, чтобы предложить ее. Не поймите превратно, я не собираюсь лезть к вам в душу, если не пожелаете, но я хочу помочь. Совершенно искренне.

Молоко закипело, зашипело, и Петр, прервавшись, бросился к плите. Меня это заставило улыбнуться. Вот у Михаила молоко никогда не убегало. Он всегда был внимателен ко всему. Он всегда был... был... К горлу подступил комок от воспоминаний, и я сглотнула, заставляя себя не думать о прошлом. Петр тем временем налил мне в чашку молока, поставил рядом баночку с медом и налил молока себе, сел обратно.

— Знаете, не советую вам гулять по ночам в одиночестве. Я был бы не против составить вам компанию в следующий раз. Ради вашей же безопасности.

Я меланхолично зачерпнула мед и помешала молоко, глядя, как тягучая сладость медленно сползает с чайной ложечки. Это городу небезопасно, когда я в нем гуляю, а не мне.

— Я ходила убивать, Петр.

— В самом деле? — он воспринял это заявление на удивление спокойно. — Кого и за что?

— Он бил и унижал свою жену. Неприятный человек.

— Ваш муж? — Петр подул на своё молоко.

— Нет, не мой. Моей подруги.

— Воистину нельзя злить женщин, — усмехнулся мой собеседник и отпил немного из своей чашки.

— Не будете осуждать меня? — я оторвала взгляд от чашки и посмотрела на него. — Я ведь убийца, и гореть мне в аду.

— Не буду. С тех пор, как у меня появился сын, я понял, что ради него пойду на очень многое, если не на все, и перестал делить мир на черное и белое. Видимо, подруга была вам дорога. Я не стану осуждать ни ваши мотивы, ни поступки.

Я поставила локти на стол и опустила лицо в ладони, закрыв глаза. Странно, но этот человек вызывал во мне желание поделиться тем, что накипело на душе. Поделиться всей своей болью. Освободиться от нее.

— Я устала быть одна. Не могу так жить. Просто устала. Я ведь могу читать мысли, вы знаете, и это сводит с ума. Год за годом. Я начинаю путаться между тем, что люди говорят, а что лишь думают. С этим сложно справиться одной. Но меня оставили все, кого я любила. И только сегодня я поняла, насколько давно эти люди оставили меня одну. А я лишь цеплялась за прошлое. За то, что у нас когда-то было. Сейчас они другие, и я тоже. Все мы другие. Я ведь даже Кайраджу помогаю только ради той цели, к которой стремился дорогой мне человек. А у меня нет возвышенных целей вроде спасения человечества или чего-то подобного. Я просто хочу любить и быть любимой. Так просто. Я всего лишь женщина, — сквозь пальцы уже давно текли слезы. — Я вообще ввязалась во все это, выпила черной крови, чтобы он не остался на этом пути один. Но он... он...

Я всхлипнула, делая глубокий вдох, отняла пальцы от лица и уставилась на мокрые

ладони так, словно не понимала, что с ними. Петр молчал, будто его здесь не было, давая мне возможность не отвлекаться на него и выговориться.

— Я не плакала уже очень давно... — тихо произнесла я, продолжая разглядывать пальцы. — А за сегодняшнюю ночь пролила столько слез, сколько не проливала за последний десяток лет.

Петр вытащил из кармана жилетки белый платок и молча протянул мне. Я посмотрела на платок, затем подняла взгляд на него. В голове образовалась пустота, но стало легче. В самом деле легче.

— Спасибо, — я улыбнулась, платок брать не стала. — Я думаю, Виктору повезло с отцом. Однажды он это поймет.

— Надеюсь, — Петр грустно улыбнулся.

Я взяла в руки чашку и отпила молока, которое из-за меда казалось горьковатым:

— Что там с оружием и людьми? — я немного успокоилась и потому решила поговорить о делах.

— Оружие готово и ждёт, люди тоже, — Петр тоже отпил. — Бог связывался с вами? Он должен был сообщить, где наша цель.

— Пока нет, — я покачала головой. — Видимо, он пока не выяснил, как найти эхо Гхаттота.

Я вздохнула. Было бы неплохо взять с собой Влада. Мы с ним отлично работаем вместе. Но если попрошу у него помощь как у союзника, он будет считать, что я вернулась. Но я не вернусь. Я допила молоко и встала:

— Мне придется оставить вас, я устала.

— Конечно, Вероника. Идите.

Прошло две недели с того момента, как я покинула Влада. Я находилась в парке у фонтана. Сегодня утром явился Кайрадж и предложил заглянуть сюда в этот час, сообщив, что я по его мнению увижу тут нечто важное для себя. Вокруг высились зеленые деревья. Дело близилось к вечеру, и солнце постепенно наливалось закатным багрянцем. В фонтане не было ничего примечательного: четыре рыбины, стоящие на хвостах спинами друг к другу, изо рта которых льется вода.

Я оторвала взгляд от фонтана и огляделась на зелень и вымощенные камнем дорожки. Вокруг бродили гуляющие парочки и более крупные компании. На их фоне я, сидящая здесь в одиночестве, была белой вороной. И кого я тут вообще жду? Кайрадж сказал, если эти таинственные они не изменят планы, то будут тут. А что если изменили? Предупредил ли бы меня об этом мой бог? Я уже собралась позвать Кайраджа, как мой блуждающий по сторонам взгляд действительно наткнулся на тех, кого я ждала. Я уверена в том, что это были они, потому что иначе и быть не могло. Мой бывший муж Николай и моя бывшая новая подруга Кристина с сыном Григорием. Они шли по дорожке в дальней от меня части парка, держась чинно под руки, словно пара. Мальчик со скучающим видом шел рядом. Меня они не видели, не замечали, по крайней мере пока. Я замерла, наблюдая за ними. Не прячась, но и не стараясь привлечь к себе внимание. Они о чем-то общались, отсюда слышно не было. Кристина смеялась, мой бывший благоверный улыбался. Хм, а благоверный ли? Во мне

сплелись непонимание, ревность и зарождающаяся злость, заставляя меня не шевелиться, как хищника, поджидающего свою жертву. Они подходили все ближе. Внезапно Кристина остановилась, повернулась к Николаю, поправила на нем пиджак. Так по-свойски, словно она была его женой. И словно мне в угоду, лучик солнца блеснул на драгоценном камушке. Кольцо. А у Николая тоже? Минутку, я погибла всего пару недель назад, у мужа должен быть траур! Какие кольца? Какая помолвка? Я должна узнать. Просто обязана.

Я встала и решительно направилась к ним, все еще стоящим и о чем-то мило воркующим. Маленький Александр заметил меня первым, но ничего не сказал взрослым. Какой воспитанный, ведь в разговор старших влезать нельзя. Все верно, малыш. Я просто подойду поближе.

— ...надо держаться увереннее, любимый, — говорила Кристина с улыбкой моему бывшему мужу. — В зале суда вокруг тебя волки, и надо понимать, что ты такой же, как они. Ничуть не хуже.

— Конечно, родная, — с улыбкой ответил Николай.

Один — гад, вторая — змеюка подколотная. Они нашли друг друга. Николай и Кристина заметили меня только когда я остановилась совсем рядом.

— Здравствуй, мой дорогой любимый муж, — я остановилась прямо перед ним.

Они повернулись на меня и уставились, как на привидение. Что ж, для них оно так и было. Я опустила взгляд, на его пальце тоже было кольцо. Николай побледнел, я ощутила от него страх. Кристина находилась в шоке, но начинала медленно загораться злостью.

— Я не успела умереть, любимый, а ты себе уже шлюху нашел? — спросила я самым приторным голосом, на который только была способна.

Не надо было даже касаться его, чтобы прочесть мысли и эмоции, которые сейчас полыхали. Да, он изменял мне. И уже давно. С ней. И сейчас он молился богу, потому что очень меня боялся.

— Так ты прикидывалась мертвой?! — наконец вышла из ступора Кристина и замахнулась на меня веером.

Ну все, стерва, сейчас ты у меня получишь. Не надо меня выводить из себя и чужих мужей из-под носа красть. Я ловко увернулась, отклонив голову, и лишь вскинула в ее сторону руку. С пальцев сорвались искры молний, и она свалилась на спину без сознания, немного даже отлетев от меня. О как интересно, похоже, становление эхом для меня бесследно не прошло. Маленький Григорий с изумлением, в таком же шоке, смотрел на происходящее. А вот Николай испугался окончательно, он впал в панику. Неужели я так страшно сейчас выгляжу? Я перевела на него взгляд. В воздухе запахло озоном, как после грозы, краски начали выцветать. Да, бойся меня, жалкий человечиска.

— Вероника, это не то, что ты думаешь, — залепетал он.

— Изменщик! — я схватила его за пиджак обеими руками и дернула на себя, приближаясь нос к носу. — Как ты посмел трахаться с ней за моей спиной!

— Нет... Нет, отпусти!

В его глазах была паника. Я читала его мысли, как открытую книгу. Он боялся меня. Все годы вместе он боялся меня, особенно в постели. Словно нутром небезосновательно чуял, что я опасна. И еще он хотел детей, которых я ему так и не дала. Хотел обычной жизни обычного семьянина. И это сподвигло его искать другую. Попросить у меня развода он тоже боялся. Этот страх преследовал его рядом со мной все время. Я внушала ему ужас. В какой-то момент он заметил, что я далеко не слабая беззащитная женщина, и вот тогда он

испугался. Он сам не знает, как понял это, но рядом со мной он всегда ощущал себя газелью рядом с голодным львом. Что ж, в этом он не был не прав. И я настроила с ним связь, как-то само легко получилось.

— Разве можно было вести себя, как трусливая тварь? — спросила я мысленно, глядя ему прямо в глаза.

Он испуганно замотал головой и вслух произнес, заикаясь от испуга:

— Н-не... — он сам не знал, что хотел сказать.

— Да, я в твоей голове, — мысленно произнесла я. — И если захочу, прямо сейчас выжгу твой разум, и если выживешь, до конца жизни останешься слабоумным тупицей. И никто мне не помешает, потому что никто не поймет, что происходит. Ты — тряпка, жалкий червяк, которого мне так и хочется растоптать. Я ведь искренне хотела быть твоей женой. Я была верна тебе. Да, я опасна, но я слушалась тебя. А ты меня боялся. Ты так и не принял меня, а ведь мог получить себе в пользование верного пса в моем лице. Но ты предал меня.

Я набрала в легкие воздух:

— Предал! — это слово я крикнула ему вслух и продолжила уже вслух, но тише. — Я заставлю тебя умирать долго и мучительно. Ты будешь видеть кошмары, будешь жить в своих страхах и испытывать несуществующую боль, пока не начнешь умолять меня убить тебя. Именно так я убивала их. Тех, кто посмел меня разозлить.

— Не надо, Вероника... — пролепетал он. — Не надо, пожалуйста. Я не хотел ничего плохого. Не хотел. Я бы сказал. Да уже собирался тебе все сказать, но ты погибла. Я искренне скорбел о тебе.

Мне в затылок болезненно ударился камень.

— А ну отпусти его! — мальчишеский голос раздался сзади.

Не отпуская Николая, я обернулась. Маленький Григорий стоял на расстоянии нескольких шагов от меня с камнями в руках, замахнувшись очередным.

— Да я ж тебя прихлопну, мальчишка, — грозно сказала я ему.

— А я тебя не боюсь! — крикнул он. — Отпусти Николая Валерьевича!

— Гриша, не лезь! — громко крикнул ему Николай.

— Вот видишь, — обратилась я к мужу по связи, не оборачиваясь. — Ему всего семь лет, а он уже не боится.

— Он не понимает. Просто не понимает, Вероника, — залепетал снова мой бывший.

Я выпустила в него электрический разряд, и он без сознания свалился на землю, а я повернулась к мальчишке, краем сознания отметив, что моя новая способность пускать молнии из пальцев, весьма удобна.

— Отпустила, — я усмехнулась. — Теперь иди и забери их у меня, если не боишься.

Мальчишка недовольно поджал губы и снова швырнул в меня камень. Я ловко поймала его, поднесла к глазам. Наверное для него это был увесистый булыжник. Но для меня это был всего лишь крупный камень. Я снова вернула взгляд к Григорию. Мир в серых красках немного колебался, будто я была во сне. Отбросив в сторону камень, я бросилась к мальчишке. Тот дернулся бежать, но не успел, я схватила его, сразу парализовала и приподняла за одежду, склонившись нос к носу. Он смотрел на меня и ничего не мог сказать, но в его эмоциях не было страха. Лишь злость и упрямая решимость. Это из-за него муж бросил меня. Хотел сына. Хотел заботиться о нем. Это он виноват, Григорий. Серый выцветший мир искажался, словно в горячем мареве. Одно правильное движение — и мальчик умрет, месть свершится. Я убью их всех. Всю гребаную семейку. Да! Сначала я

заставлю каждого из них страдать, а потом убью.

Я мысленно облизнулась в предвкушении, и уже потянулась к разуму мальчишки, как поймала себя на своей же мысли. Я искренне хотела убить ребенка. Это отрезвило. Нет, правда, я чуть не убила его. Но он всего лишь ребенок. Как я могла такое делать и думать? Я заколебалась. Что-то внутри меня кричало УБЕЙ!. И я всегда следовала этому крику, потому что когда делала это, получала истинное наслаждение, нечто очень глубокое, такое, что ощущала только в постели с братом. Но сейчас внутри меня сопротивлялось что-то другое. Что-то, чему если последовать, тоже будет приятно, но это напоминало не о брате, а о Михаиле. Другое удовольствие... И прямо сейчас на меня смотрел мальчик семи лет, мальчик, который бросился защищать мать. Как когда-то Влад бросился спасти свою сестру...

— Прости... — шепнула я мальчишке. — За твою смелость они останутся жить, я не убью их... Но ты никому не должен рассказывать, что здесь случилось. Меня не существует.

Стыд за содеянное смыл с моей души гнев и ярость. Мир подернулся пеленой красок: цвета возвращались медленно и неохотно. Я поставила мальчика на землю, отпустила его, позволив двигаться. Но он не побежал, как я предполагала.

— Кто вы? — тихо спросил он, пристально глядя на меня и не трогаясь с места.

— Чудовище, — апатично отозвалась я и не соврала, ибо так оно и было.

Я развернулась и ушла от него. Просто ушла.

Я бродила по городу около часа, прежде чем набрела на небольшое ничем не примечательное кафе. Заказала себе чашку чая с лимоном и кусок яблочного пирога. К этому моменту мир уже почти обрел краски, а мной владела апатия. Как же так? Что это было там такое? Я хотела убить ребенка, ни в чем неповинного, если подумать. Более того, я не просто хотела, я остановилась буквально в самый последний момент. Раньше мне не приходилось сталкиваться с необходимостью убивать детей, только спасать. Впрочем, я всегда считала себя способной на всё. Действительно на всё, особенно если Влад прикажет. Но смогла ли бы я убить ребенка? Не знаю. Вряд ли. А Влад бы такого никогда не приказал, скорее уж сам бросился бы спасать. Я сидела, крутя в пальцах чашку с остывшим чаем. Нетронутый пирог лежал рядом на блюде. Похоже, я более сумасшедшая, чем сама полагала.

Я отпила холодный чай. Чашка тихо звякнула о блюде, когда я ставила ее обратно. Вокруг было тихо, посетителей в кафе немного. Я всегда была совершенно уверена в себе и своих действиях. Всегда знала, где добро, а где нет. Но сейчас я не была уверена ни в чем. Может я и насчет Михаила не права была? Даже Влад говорил мне об этом. Это он, Михаил просто изменился. Да и на кого мне тогда ориентироваться, если не на брата? У меня больше никого нет. А сама я запуталась в том, где истина.

Мир изменился: размылся, потемнел. В дверном проеме появилась безликая нечеткая фигура.

— Вероника, — поздоровался бог.

— Здравствуй, Кайрадж.

Настроения общаться с ним не было, но он наверняка по делу, так что я осталась сидеть, лишь оперлась рукой на стол рядом с чашкой в ожидании его слов.

— Опять скорбишь. Я помогу. Отвлеку. Я нашел цель. Уничтожь эхо, и я довершу

начатое. Нанесу удар по Гхатготу и расскажу правила, чтобы ты могла стать богом.

Ого, так цель близка. Ближе, чем мне казалось. Скоро все кончится. Я вздохнула:

— И где же он?

— Укажу, когда будете готовы. Помни, люди не убьют эхо. Он силен. Только ты сможешь. Либо найди больше людей. Не несколько десятков, а несколько тысяч. Петр не нужен. Не боец.

— Ясно... Кайрадж, спасибо тебе. За все.

— Не понимаю. Сделка — понятно. Благодарность — непонятно.

Ого, да он все человеческие чувства пытается понять, но не может. Он понимает то, что логично по его мнению, а чувства ему непонятны. Он все меряет сделками? Но тогда что он подразумевал, когда говорил о дружбе между нами? Неужели он и дружбу рассматривает как вид сделки? Удивительно.

— Знаешь, ты принес мне особое знание, о вариуме. За это я помогу тебе понять, что такое чувства. На самом деле это не сложно, просто наблюдай за людьми. А если что-то будет непонятно, можешь задавать вопросы, и я отвечу.

— Согласен.

Его фигура растворилась, а мир снова посветлел. Я вздохнула, машинально взяла чашку со стола и поднесла к губам, но обнаружила, что та пуста. Я меланхолично покрутила ее в пальцах, поставила обратно на блюде. Ищу себе кого-то, о ком можно заботиться. Вот теперь за бога взялась. Это вызвало у меня нервный смех, и я хмыкнула. Сейчас я казалась себе маленькой потерянной девочкой. Я запустила пальцы в волосы и встряхнула их. Нельзя раскисать. Скоро будет дело. А ведь кроме этого дела, у меня не осталось ничего, но оно ведет меня. Оно не дает мне сложить руки. Кажется, теперь я понимаю Влада. Не понимала раньше, но понимаю сейчас. Одиночество можно заглушить желанием спасти мир, спасти людей. Вот только... у него ведь всегда была я. Почему он ощущал себя одиноким? Непонятно... Да и стоит ли вообще об этом думать? Он мне никто и, похоже, никогда кем-то и не был...

И тут я вспомнила: Мысли, — говорил Кайрадж. И он прав, я должна понять почему. Даже если эта информация мне не пригодится, надо мыслить, чтобы развиваться. Я нервно постучала ноготками по столу. Почему же Влад ощущал себя одиноким, если у него всегда была я? Ну что ж, для начала, помню, я вообще-то была против. Он сделал это со мной против воли, и потом... Стыдился? Сожалел? Раскаивался? Звучит как бред, но если вспомнить его поведение, это похоже на правду. А значит я для него — вечное напоминание об ошибке. Ведь до этого он и правда любил меня, свою сестру. А потом он остуился, и получил чудовище в моем лице. Сумасшедшее чудовище, которое нужно укротить и держать на коротком поводке. А значит, он никогда не любил меня. Только жалел... От этой мысли стало больно. Так больно, словно я снова стала источником для темных сил брата. Только теперь не тело, а душа. Я ведь любила его. Правда любила. Даже после того, как он меня изнасиловал, я ненавидела его, но и любила тоже. Поэтому не бросила. Пыталась заботиться о нем. Верила, что он справится со своей тьмой. И я потеряла веру только теперь, когда решила покинуть его...

Но минуточку, что-то не сходится. Я резко встала, осененная догадкой. В голове снова мелькнула боль. Влад ведь справился со своей тьмой. Он справился за эти десять лет. Именно поэтому я смогла уйти. Он не смог удержать меня потому, что справился. Это я осталась прежней, а он изменился. Он больше не такой, каким был, он стал... нормальным?

А значит я... осталась сумасшедшей. Зараженной черной кровью. Не сумевшей справиться с тьмой внутри. И это я все время тянула его во тьму, а не он меня...

От этой мысли захотелось пойти и убить себя. Вот так просто. Пойти и... да мало ли способов умереть? В самом деле, здесь Влад тоже прав, бороться за жизнь незачем. Ни единой причины. Стать богом? Спасти людей? Да зачем? Кому это нужно? Пошло оно все к дьяволу.

Оказывается, за этими размышлениями я уже покинула заведение и шла по улице. Шла в сторону дома Петра. Зачем я иду туда? По привычке, наверное. На душе было глухо и пусто. Я зашла, переобулась, прошла до своей комнаты, сбросила всю одежду и легла спать. Просто спать. Хотелось не просыпаться никогда, и сон сморил меня так быстро, будто я очень устала. Снились кошмары. Я спала, словно в полубреду, не имея возможности ни проснуться, ни уснуть более глубоким сном.

Отражение в зеркале. Синие глаза во тьме. Я знаю, что будет дальше, и не хочу этого. Но мою душу обвивает черное щупальце. Я кричу, сопротивляюсь. Тщетно. Тьма окутывает, не позволяя говорить. Я барахтаюсь, пытаюсь выбраться. Она душит меня. Тьма вцепилась мне в горло, словно пальцы. Я не могу дышать. Страшно. Но мне почти все равно. Почти — потому что инстинкт выживания заставляет меня все еще сражаться за жизнь. Бороться с тем, чего я даже не вижу. Тьма обхватила меня поверх рук, сковывая движения, и я застонала, сопротивляясь из последних сил.

— Ника!.. Проснись! Да проснись же ты! — хлесткая пощечина привела меня в чувство.

Я вдохнула воздух так, словно только что чуть не утонула. Но не успела даже сообразить, что происходит, как меня, обнаженную, обхватили поверх рук и обняли.

— Все хорошо, солнце, — Михаил сидел на коленях на кровати передо мной и прижимал к себе, грубая ткань его одежды очень хорошо ощущалась кожей. — Не переживай, все уже хорошо. Хочешь молока с медом?

О боже, эти родные слова... Буря эмоций буквально сметала мой разум. Я молчала, пытаюсь справиться с собой, потому что к горлу снова подступил комок. Я не могла даже пошевелиться. И он неверно понял меня, прижал к себе крепче, стал говорить тише:

— Не прогоняй меня, Ника. Не можешь видеть меня таким — убей, и я останусь с тобой как призрак. Только не прогоняй. Я не могу без тебя. Думал, что смогу, но ошибался.

Его подбородок лежал у меня на плече у основания шеи. Я не видела его лица, лишь слышала слова, отзывающиеся его дыханием около уха, но мне было и не надо. Это был он, Михаил. Не знаю, что нашло на меня, когда я поднимала на него нож. Хотя почему же, если подумать, то знаю. Тьма безумия. Я глубоко вдохнула, чтобы не разреветься, хватит уже слез за эти дни. Он все еще сидел, крепко сжимая меня. Молчал. А я через его плечо смотрела на окно. Оттуда выглядывали первые лучи восходящего солнца, как будто это он, Михаил, принес с собой свет дня. В их свете колебались пылинки. Стояла тишина, и лишь синхронное частое дыхание двух людей в одной комнате нарушало ее.

— Ника... — тихо произнес он. — Сделай хоть что-нибудь. Либо убей, либо обними.

А ведь и правда, он буквально излучал напряжение в ожидании моего ответа, и я ощущала это, несмотря на то, что он агент первой волны. А это значит, что эмоция очень сильна. Мелькнула мысль, что прежний он не стал бы выражать свои мысли в такой ультимативной форме, а просто ждал бы, но... все мы стали другими. И нам не дано вернуться.

— Я люблю тебя, Михаил, — мои ладони легли ему на спину поверх жилетки.

Он глубоко и немного судорожно вздохнул, напряжение отпускало его. Его щетина проехала мне по нежной коже у основания шеи, а затем там оказались его губы.

— Ника... — его горячее дыхание и эти знакомые интонации нарастающего возбуждения обожгли мне шею.

Так знакомо. Так привычно. Приятно и тепло. Он всегда заботился обо мне по-своему. Не так, как Влад, совсем иначе. И я люблю его. Кем бы он ни был. Он — мой Михаил. Я прикрыла глаза и улыбка тронула мои губы.

Его поцелуи поднялись вверх по шее, а зубы прикусили ухо. Я плавно повернула голову, открывая больший доступ к шее. Его пальцы проскользили по моей прямой спине, словно он пытался прижать меня к себе еще ближе, затем соскользнули вниз к бедрам. Ласковые прикосновения к коже... как же давно я ощущала это последний раз. Влад обычно бывал груб и резок, и я отвыкла от таких нежных касаний. Я буквально таяла под его ладонями. Из моей груди сам собой вырвался тихий стон удовольствия.

— Я почти забыла твои прикосновения... — прошептала я. — Пожалуйста, напомни мне. Я сделаю ради этого все, только скажи.

Он вздохнул, и его губы теплым дыханием скользнули к моему уху:

— Ника, солнце, не надо. Я не он и совершил ошибку, пытаясь им стать. Я просто подарю тебе все, что захочешь. Мы так давно не были вместе, что ты забыла, как это бывает не с ним, я напомню.

Его губы ласковыми касаниями процеловали линию от подбородка до моих губ, а я не смела открыть глаза, словно сказка кончится, если я это сделаю.

— Я не требую от тебя подчиняться, — продолжал он между поцелуями. — Не требую ничего. Просто хочу видеть тебя счастливой, это принесет удовольствие и мне.

Его поцелуи сместились от подбородка ниже по шее, а пальцы легли мне под затылок, подушечками закопавшись в волосы, и я с удовольствием последовала предложению и откинула голову назад в его ладонь.

— Я хочу снова слышать твой смех. Видеть, как пляшет счастье и озорство в твоих глазах. Хочу возродить те искры света, которые почти угасли.

Я ногтями вцепилась в его рубашку, потянула на себя. Он понял мою молчаливую просьбу. Михаил хорошо меня знал: я не любила быть без одежды, когда он одет. И он отстранился, взялся за рубашку и жилетку, и одним быстрым движением стянул это все с себя, отбросил в сторону, оставшись сидеть с обнаженным торсом и в мятых штанах, которые, впрочем, ничуть его не портили. Он снова потянулся ко мне, но я за запястья прижала его ладони к его же коленям. Сама же откинулась назад, разглядывая его. Он сидел на кровати на согнутых коленях, расставив их в стороны и сведя пятки вместе. Ладони смиренно лежали на ногах, как я и положила, но глаза смотрели на меня с жадностью, а в его эмоциях сражались похоть, жажда оберегать и защищать и ликование оттого, что я не оттолкнула его, что он может снова быть со мной, и поверх этого накладывалась тревога, не оттолкну ли я его снова прямо сейчас. Его новое тело ничуть не хуже предыдущего, да и очень на него похоже. Подтянутый, высокий, более худой, чем Влад, но это его не портило, скорее наоборот. Волосы небрежно торчат во все стороны, но в этом есть что-то милое, с его прической и в старом теле всегда творились странные вещи, он всегда выглядел как будто немного растрепанным.

— Снимай, — я кивнула на штаны, — и садись назад.

— Решила меня помучить? — улыбнулся он, но просьбу выполнил.

Однако вместо того, чтобы вернуться в прежнее положение передо мной, он схватил сдвинутое в сторону одеяло и мерцнул. Я не успела ничего сообразить, как он уже набросил его на меня, быстро закутал и, повалив на кровать, начал расцеловывать мне все лицо.

— Требую... поцелую... за каждый день... без тебя... — говорил он между поцелуями.

Его возня меня щекотала и смешила, с одной стороны немного сбивая желание, но с другой вызывая целый ворох воспоминаний. Мы почти всегда занимались с ним сексом со смехом, как будто несерьезно, но на самом деле просто получая дополнительный позитив. Вот и сейчас я с предвкушением ожидала продолжения. Ожидала, когда же я ухвачусь и за его нотку возбуждения, впитаю и отдамся на ее милость, полностью растворяясь в этом чувстве, подхватывая его, разделяя с ним. Полная противоположность Влада. И мне не хочется кусаться и царапаться в исступлении. Мне хочется смеяться и дарить радость и тепло, делить с ним счастье и удовольствие. И я засмеялась искренне и беззаботно. Его зубы тут же прихватили меня за нижнюю губу.

— Наконец-то ты смеешься, — произнес он с улыбкой и жадно впился в мои губы.

Я чуть не захлебнулась его поцелуем и отстранилась, чтобы хохотнуть, распираемая удовольствием. Жажда жизни вернулась. В душе воцарилось веселое радостное счастье. Я жадно впилась в его губы, высвободила из одеяла руки и вцепилась пальцам в его плечи, прогулялась до волос, схватилась за них, прочертила ногтями дорожку по его шее к лопаткам.

— Михаил, я хочу тебя, — я продолжила его целовать, прижимая к себе.

Он перекатился, усаживая меня сверху себе на живот, и я оперлась ладонями на его торс, слегка пошевелила пальцами, наслаждаясь прикосновениями, и улыбнулась, внимательно его разглядывая.

— А ты меня хочешь?

— Конечно нет, — хмыкнул он, хотя его достоинство, касающееся моей задницы, недвусмысленно намекало об обратном.

— Ого, да ты еще и врун, — я тоже хмыкнула и склонилась к нему, пальцами коснувшись сосков, но тут же убрав.

Легкие возбуждающие прикосновения — частый атрибут наших постельных игр. Его руки уже скользили по моим ногам и бедрам, а глаза неотрывно смотрели на меня.

— Я и забыл, как люблю твои ножки, — с улыбкой произнес Михаил, продолжая поглаживать.

— Я тоже забыла, как ты их любишь, — я усмехнулась и ноготком мягко царапнула его по кончику носа. — А кто в этом виноват, а? Кто тебя просил умирать? Я такого приказа не давала.

— Сегодня в тебе проснулась любительница покомандовать? — уточнил он.

— Самую малость, — улыбка не желала уходить с моего лица.

Он приподнялся, опираясь на одну ладонь, а вторая придержала меня за спину, когда его губы обхватили мою грудь, лаская ее. Я откинула голову назад, прикрывая глаза от удовольствия, а пальцы мои сами скользнули ему в волосы. Рассветные лучи освещали комнату, не оставляя в ней темных мест. Давно забытые, воспоминания внезапно полезли в голову, будто только что им дали зеленый свет. То же поведение, но не та мягкость волос под пальцами. Однако губы на моей груди, пальцы на моей спине — прикосновения все те же, знакомые настолько, что от этого больно. Я задышала чаще от смеси эмоций

возбуждения и воспоминаний как хороших, так и плохих. Я думала, что никогда больше не увижу его. Никогда не смогу ощутить, как он обнимает и целует меня. Сама не знаю, как я тогда смогла это пережить. И я любила его. Всегда любила, и люблю до сих пор. И сейчас как никогда ясно я осознала важную вещь. С тех пор, как он вернулся, я все время боялась поверить в это, потому что если бы это внезапно оказалась неправдой, я не смогла бы пережить осознание его смерти во второй раз. Помню, что мне всегда твердил брат: лучше любить и потерять, чем не любить вовсе. Я никогда не соглашалась с ним, потому что терять слишком больно. Но сейчас мне было так хорошо, что я сдалась. Я приняла тот факт, что Михаил жив. Он снова со мной. Мой любимый Михаил. Только мой, и всегда им будет. Светлая сторона моей жизни. И я позволила себе сложить оружие. Я просто хочу любить и быть любимой. И он любит меня. И хочет меня.

Его возбуждение витало в воздухе, сводя меня с ума. Я не смеялась, но на душе было тепло. Я постанывала от приятных прикосновений и его ласк. Сама не знаю, когда я успела оказаться на животе. Его губы целовали мои плечи, спину, шею. Он что-то шептал мне, не знаю что именно, а вот в его эмоциях была любовь и страсть. В отличие от Влада, он всегда разгорался медленно, но и так же медленно потухал. И меня он каким-то чудом умел зажигать тоже медленно. Его пальцы держали меня за бедра, и он покусывал кожу, которая стала очень чувствительной и буквально ныла от каждого касания, жажда еще. Это не было мощной волной, сметающей все и быстро уходящей, как случалось с Владом. Это медленно нарастающая буря.

— Я скучал, — его шепот горячим дыханием опалил мое ухо. — Так сильно, как только может тот, кто осознает, что никогда больше не коснется того, что видит, как бы сильно он ни хотел.

Он обхватил меня ладонями за пояс, с наслаждением провел по коже, вызвав у меня очередной вздох, а затем прижался к моей спине всем обнаженным телом.

— Тянешь, как всегда, — произнесла я мурлыкающим, но недовольным тоном.

— Непередаваемое удовольствие, — шепнул он мне, и его пальцы скользнули, убирая прядь моих волос за ухо.

Я перевернулась в его руках и осталась лежать лицом к нему, вытянув руки над головой. Он опустил взгляд на мое тело. Возбуждение захлестнуло его окончательно и он, вздохнув почти со стоном, будто пытался сопротивляться и не мог, опустился губами к моей груди, обхватив сосок губами. Его пальцы скользнули по моему телу, остановившись между ног ровно там, где мне и хотелось. И он стал ласкать меня, заставляя стонать и извиваться под ним. Все это действовало на него как изрядная доля афродизиака, порождая эмоции, которые в свою очередь влияли на меня точно так же, заставляя стонать от наслаждения еще громче. Такой приятный замкнутый круг. И мне хотелось большего, но он медлил, и я каждый раз в такие моменты ненавидела его за это. Не хочу останавливаться, не хочу говорить и думать. Просто сделай это, черт тебя дери. И Михаил словно догадался. А может просто знал меня слишком хорошо. Он на несколько секунд оставил мою грудь в покое, а затем я ощутила, как он входит в меня. Медленно, будто растягивает удовольствие. Совсем не так, как Влад, который чаще всего делал это резко и сильно. Михаил как будто хотел, чтобы я ощутила его в полной мере и запомнила каждую секунду происходящего. И у него получалось. Какое-то изощренное удовольствие было в том, чтобы делать это медленно. Не хуже и не лучше, чем с Владом. Просто иначе. Мы оба тихо стонали почти в унисон, и казалось, он будет входить в меня вечно. Эти долгие секунды, растянувшиеся в часы,

кончились, и Михаил замер во мне, а я обняла его за шею, прильнув всем телом, тяжело дыша и пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями: как своими, так и его. Он во мне. Наконец-то. Привычно приятно. Одна его ладонь придерживала меня за спину, второй он опирался на кровать. В голове было приятно-мутно, словно я находилась под воздействием наркотиков.

— Я люблю тебя, Ника... Солнце мое... — шептал он мне с тяжелым дыханием, а его рука скользила мне по щеке и подбородку. — Я не оставлю тебя... Ты никогда не будешь одна... Ты думаешь, что сильная, но я знаю, что одна ты не выживешь. Просто не захочешь выживать.

Он стал медленно покрывать поцелуями мое лицо. Ладони ласково гладили меня по спине, плечам. Он начал двигаться во мне, и стало не до разговоров. Комнату наполнили мои стоны, которые он быстро заглушил поцелуем. Меня захлестнуло удовольствие такое сильное, что казалось, оно разорвет меня на части. Сладкая страсть. Его ускоряющиеся движения. Пляска наших с ним эмоций. Его влажная кожа под пальцами. Агония удовольствия, которую я выразила в своем последнем стоне, вместе с Михаилом получая столь долгожданную разрядку. А после я с удовольствием обмякла в его руках. Он улегся рядом со мной и, повернув меня на бок, крепко прижал к себе — одной ладонью за талию, а второй за затылок — уткнул мой нос себе в шею. И я с удовольствием снова прикрыла глаза, вжимаясь в него всем телом. Умиротворение. Вот чего мне всегда не хватало рядом с братом. Он словно опасный зверь, который хоть и спрятал клыки, в любой момент мог перегрызть глотку. А Михаил — не менее опасный, но все-таки мой домашний зверь, который никогда не поднимет на меня лапу, а скорее уж отгрызет ее себе. И мне было так хорошо и спокойно с ним рядом, что я сама не поняла, в какой момент уснула.

Стук в дверь разбудил меня, заставив вздрогнуть. Михаил крепче прижал меня к себе:

— Чш-ш-ш, все хорошо, Ника, — негромко произнес он, помолчал секунду, а затем уточнил. — Мне уйти? Не хочешь, чтобы меня видели?

— А я думала, это был сон, — я улыбнулась. — Побоялась, что стоит мне проснуться, и тебя не окажется рядом.

— Глупая, — он улыбнулся и коснулся моих губ своими.

Стук повторился, и вместе с ним послышался голос Петра:

— Вероника! Мне жаль вас будить, но это необходимо. Позвольте войти?

— Нет! Ждите, я сейчас! — крикнула я в ответ и ласково провела Михаилу по щеке, произнеся уже тише. — Вставай, родной. Одевайся. Сейчас будем знакомиться.

Я оперлась на кровать, приподнимаясь, но он обхватил меня и повалил назад, начал целовать лицо:

— Ну, еще пара минут у нас есть. Пара десятков.

Я снова засмеялась от счастья и начала несерьезно отбиваться:

— Ну хватит, успеешь еще. А нас ждут.

Он хмыкнул, расцеловал мне лицо и наконец поднялся. Оделись мы быстро, и к выходу из комнаты я подошла первая, остановилась перед дверью. Петр будет ошарашен, любопытно взглянуть на его лицо. Я усмехнулась и махнула ему рукой Михаилу, чтобы он подошел ко мне, и когда он это сделал, открыла дверь.

Петр нервно бродил по коридору туда-сюда, заложив руки за спину. Одет как всегда — с иголки, но с выверенной долей неряшливости: темные штаны, светлая рубашка, темная жилетка. Когда я вышла, он выпрямился и уже открыл рот, чтобы начать речь, но следом за

мной сразу вышел Михаил, и Петр рот захлопнул, настороженно разглядывая нового гостя, а затем перевел взгляд на меня, ожидая ответов на все невысказанные вопросы.

— Петр, знакомьтесь. Наш новый союзник — Михаил Зверев. Ранее был моим напарником и носил позывной Призрак. Позднее был убит и оставался со мной в качестве призрака, а ныне воскрешен благодаря Кайраджу.

После моей тирады выражение лица Петра изменилось, и стало видно, что вопросов у него появилось больше, чем он получил ответов.

— Михаил, это Петр Купцов. Наш союзник в борьбе с Гхаттитами и преданный слугитель Кайраджа.

— Кгм... Очень приятно, господин Зверев, — Петр быстро взял себя в руки и протянул руку.

— Взаимно, — Михаил пожал протянутую руку. — Можете общаться с Вероникой, я вас не отвлекаю.

— Михаил мое доверенное лицо, и ему можно сообщать все то же, что и мне. Так что за спешка, Петр? У вас такой вид, будто у нас проблемы.

— Видите ли, Вероника. Внизу вас ожидает весьма высокопоставленная личность. И он вряд ли любит ждать.

— Кто?

— Сергей Климов. Один из сенаторов, приближенная к государю личность. Он пришел ко мне и потребовал встречи с вами. Господин Климов ожидает в гостиной. И я бы не стал заставлять его ждать сверх необходимого.

Я подошла и положила ладонь ему на плечо.

— Не паникуйте, Петр. Я разберусь. А вы, будьте любезны, помогите Михаилу с одеждой. С момента его воскрешения у нас не было возможности с этим разобраться.

— Э... да, конечно. Идемте, господин Зверев.

Петр развернулся и направился по коридору, но мой спутник остался стоять.

— Я тебе там точно не нужен? — уточнил Михаил.

Я повернулась к нему и поправила на нем жилетку:

— Видишь ли, люди вроде господина Климова весьма трепетно относятся к лишним личностям, когда им надо поговорить с кем-то. Ты помешаешь. И еще я желаю, чтобы ты искупался и переоделся. Отныне ты остаешься со мной, — я наконец отпустила его жилетку. — А теперь иди.

С этим Михаил спорить не стал, и оставив его на Петра, я спустилась вниз к новому гостю. Он сидел на диванчике нахмурившись и косился в окно на улицу. Рассвет уже наступил, и солнце заливало гостиную с сидящим в ней человеком в одежде канца. На вид ему было лет пятьдесят. Упитанный, с брюшком и залысиной. Услышав шаги, он обернулся и, увидев меня, встал, расплылся в неприятной улыбке политика.

— Госпожа Эхо? — уточнил он, но ответа дожидаться не стал. — Не имел чести быть вам представленным, однако собираюсь это недоразумение устранить. Позвольте отрекомендоваться. Сергей Климов, весьма влиятельный человек в нашем городе, крайне заинтересованный в успешном исходе нашего общего с вами дела. Очень жаль, что наш с вами общий знакомый, если вы понимаете о чем я, не имеет возможности пообщаться с нами лично. Однако я безмерно рад приветствовать вас как его представителя.

— Сколько лишних слов, господин Климов, — я с ответной улыбкой протянула ему руку для поцелуя, и он взял, но почти не коснулся ее губами. — Уверю вас, во всей этой

словесной тираде нет необходимости. Рада знакомству. Можете называть меня по имени. Вероника Князева. Я вижу, что основная цель вашего визита не знакомство. Это прискорбно, но разумно. Я люблю разумных людей. Однако прошу вас не тратить лишнего времени и переходить сразу к делу. Зачем вы здесь?

Я расправила платье и села. Только после этого правила этикета позволяли сесть и ему, чем он немедленно воспользовался.

— А вы деловой человек, госпожа. Удивительно для женщины, не поймите меня неправильно...

— Ближе к делу, — перебила я его, подняв ладонь.

Ему это не понравилось, но он не считал необходимым говорить об этом.

— Видите ли, госпожа, я обеспокоен последними событиями. Об инциденте молчат и будут молчать, однако люди вроде меня в происходящее посвящены, и нам это не нравится.

— Вы о чем вообще? — как меня бесят люди, кто ходят вокруг да около вместо того, чтобы сказать напрямик.

— Совсем недавно в течение одной ночи погибло несколько весьма влиятельных людей. Двое сенаторов и один областной судья. Имена их вряд ли вам о чем-то скажут, да и к делу они имеют отношение весьма косвенное... — он помолчал, но увидев на моем лице непонимание вкупе с вежливым ожиданием, он все-таки расщедрился на подробности. — Видите ли, на месте их смерти был найден прах, а дело передано в особый отдел его императорского высочества. Полагаю, не вам мне объяснять, что это значит. Эти сенаторы были вампирами. Кто-то убил их в течение одной ночи, причем Отдел утверждает, что никакого отношения к этим убийствам не имеет.

— Вы боитесь. Но я не вижу проблемы, вы ведь не вампир.

— Проблема в третьей жертве, госпожа. Он был человеком. И кто знает, какие способы выявления вампиров у этих неизвестных убийц. А что если они проверяют посмертно, если вы понимаете, о чем я?

— Ищете защиты?

— Зрите в корень, госпожа. Я ведь могу рассчитывать на поддержку бога?

— Минутку, я поговорю с ним, — я прикрыла глаза, делая очень сосредоточенный вид.

Конечно на самом деле это было совершенно не нужно, даже времени столько не требовалось, в чем я уже не раз убеждалась, но человеку нужно было маленькое представление, чтобы он поверил. Чтобы проникся.

— Кайрадж! — я позвала своего бога.

Мир вокруг привычно смазался и потемнел, а сидящий передо мной сенатор пропал. Фигура Кайраджа появилась позади меня около дивана.

— Вероника, — он поприветствовал меня, и я ощутила теплоту, даже некий душевный подъем, как будто он улыбнулся.

— Что за убийства, о которых говорит этот человек? Это ведь мой брат убивает порождения Зоога, верно?

— Да.

— А судья — это вообще моя жертва, муж Светланы?

— Да.

— Господину Климову что-то или кто-то угрожает?

— Не проверял. Он ценен, но не слишком. Если умрет, есть другие.

— Понятно. Можешь идти.

Я ожидала, что мир вернется в прежнее состояние, но нет, Кайрадж остался.

— Они разделились. Агенты второй волны и эхо Гхаттота. Не могу понять план, Гхаттот скрывает их. Надо срочно наносить удар. Гхаттот что-то подозревает. Ты отделишься. Отдай войско Петру. Ты пойдешь против эхо.

Опять он тараторит — именно этим словом лучше всего было называть то, что он делает, когда пытается сказать сразу слишком многое. И так, Гхаттот разделяет свои силы на две равноценные части. Одна многочисленна, но каждая единица слаба. Вторая часть — всего несколько человек, но они сильны. Эх, Влад бы пригодился, в команде мы вдвоем сильны как никто... Ладно, обойдусь Призраком и пойду за эхом Гхаттота, а Петр надавит массой на вторую группу, чтобы они не пришли на помощь к эхо.

— Хорошо, Кайрадж. Когда?

— Сегодня вечером. Будьте готовы. Я назову две точки.

Он растворился, вернув в мир краски и вот эту не самую приятную рожу сенатора, которую я снова созерцала перед собой на диване. Что там сказал Кайрадж? Нам наплевать на его судьбу? Я посидела с закрытыми глазами для пущего вида еще секунд десять, а потом глубоко вдохнула и открыла глаза.

— Конечно, господин Климов, — я расплылась в улыбке. — Кайрадж присмотрит за вами. Вы крайне ценный человек, и мы обеспечим вашу безопасность. Только не лезьте на рожон сами, от глупости мы не лечим и не спасаем. А теперь, если позволите...

Я встала, всем видом показывая, что у меня много дел.

— Конечно-конечно, — сенатор расплылся в ответной улыбке и вскочил с дивана. — Больше вас не задерживаю, обещанные средства уже переведены на счет господина Купцова. Если вдруг какие-то проблемы — обращайтесь, всегда буду рад помочь.

Когда уже он уйдет? Климов раздражал своим словоблудием. Он болтал все время, пока одевался и покидал дом. И только закрыв за ним дверь, я смогла глубоко вздохнуть.

— Петр! — я отвернулась от двери и быстро зашагала к лестнице на второй этаж, где находилась его комната. — Петр! Михаил! У меня важные новости!

Пришло время готовиться. Вот только к чему именно? Тревога не покидала меня. На улице багрянцем занимался закат. Я стояла перед окном в своей комнате. Михаил стоял позади меня и обнимал, прижимая к себе. Его губы касались моих волос.

— Не переживай так, Ника. Мы справимся.

Я вздохнула. Конечно справимся. Всегда справлялись. Вот только однажды он уже умер, и я не хочу этого снова.

— Ника, мне надо тебе кое-что сказать.

— Звучит так, словно ты хочешь сообщить о разводе или женитьбе, — я не удержалась от смешка.

Он улыбнулся, поцеловал меня в макушку и отошел. Это вызвало удивление, и я повернулась. Из кармана он вытащил три до боли знакомых флакончика.

— Черная кровь? Откуда ты ее взял?.. Впрочем, неважно. Может ты забыл, но нам с тобой она бесполезна в силу слабости, а для Петра вообще яд, — я вздохнула. — Не выкидывай, конечно. Однажды заглянешь к Владу и передашь ребятам, им пригодится.

— Это концентрированная версия, Ника. Специально для агентов первой волны, — он

протянул флакончики мне. — Думаю, они тебе пригодятся сегодня.

Драгоценность! Я забрала и покрутила их в пальцах.

— Но откуда ты это достал? Ты же не химик.

— Я был в плену у Ордена, и они меня допрашивали. Сделали специально для меня, чтобы не умер во время допросов.

Они причиняли ему боль! Мучили! Да я убью их. Мысль была на удивление спокойной. Разберусь с Гхаттотом, а потом убью их. Внезапно меня встряхнули. Я очнулась от мыслей и встретила взглядом с Михаилом.

— Ника! Я зову, а ты не отвечаешь. Опять ушла в свои мысли. Успокойся. Они мне не успели ничего сделать.

— Расскажи мне все, — потребовала я.

Он погладил меня по волосам и отпустил. Отошел, немного нервничая, и начал свой рассказ...

Рассказ Михаила

Я покинул дом в несколько мерцаний и только попав за угол ближайшего дома, прижался к нему и прислушался в ожидании погони, затем осторожно выглянул. Она не пошла за мной. Я выждал еще несколько минут в ожидании удара, ибо кто знает, какие еще у нее появились способности, но ничего не последовало. Тишина, только где-то вдалеке кучер понукает лошадь да слышится гул пустеющих ночных улиц. Я просто опустил на землю и сел, опираясь на стену, не зная что теперь делать. Она смотрела на меня, будто на чужого. Ее кожа была слишком бледной, а в глазах виднелись черные кровяные прожилки, словно она была под действием черной крови. А может так оно и было. Возвращение способностей окончательно свело ее с ума. Бедная Ника... Моя любимая несчастная Ника... За что ей все это... Ни я не смог ее уберечь, ни Влад не смог удержать.

Стоит ли мне подождать и вернуться? Я задумался. Нет, ничего не выйдет. Она не может причинить боль тем, кого любит, а мне спокойно вогнала в спину нож, значит считает меня чужим. Если вернусь, она прикончит меня. И куда мне теперь идти? Не знаю. Без разницы. Напиться что ли...

Я поднялся, сунул руки в карманы и поплелся по улице. Темнота скрывала ранение и кровь у меня на спине. Я шатался бесцельно, пока не набрел на какой-то кабак, уже закрытый к этому моменту. Проникнуть внутрь было несложно — просто мерцнул сквозь окно по призрачной привычке. Ни единого звука, даже стекло осталось целым. Найти на кухне в погребе запасы водки, вина и пива тоже оказалось несложно. Рядом еще и какие-то съестные припасы имелись — рыба, вяленое мясо, какие-то соленья, хлеб. Надеюсь, спиртное поможет мне унять боль в душе.

К утру я успел опустошить немало запасов, и как раз допивал бутылку, как услышал возню снаружи. Похоже, хозяин заведения явился. Мысли текли очень тяжело, и пьяный мозг не сразу сообразил, что пора сматываться. Мерцать было опасно, на пути могла оказаться стена, пришлось вылезать пешком. Стоило мне высунуться из подвала, как меня в буквальном смысле вытащили оттуда за грудки. Хозяин заведения оказался весьма крепким и сильным мужичком.

— Хрена ли ты лысого тут забыл?! — закричал он.

Я пьяно поморгал. Ситуация нехорошая, надо валить. Мысли меня подводили, опьяненный мозг думал плохо. Можно было бы ударить его головой, освободиться, но не в нынешнем состоянии. Ну же, мысли, шевелитесь активнее. Пока я думал, висая в руках противника, тот додумал свои мысли быстрее. Он откинул меня в сторону и наподдал ногой в бок. Больно. Еще и рана на спине открылась.

— Лежать, тварь. Я тебя сейчас за хищение имущества в полицию сдам, ублюдох!

Однако боль заставила меня протрезветь, и я начал подниматься на четвереньки. В бок прилетел очередной удар.

— Лежать, кому сказал!

— Боже! — женский голос.

К нам на кухню заглянула женщина, по виду его жена. Она стояла, сжав в руках передник и в шоке смотрела на меня и залитый кровью пол.

— Ты его убить что ли решил! Окстись!

— Да не я это! Он уже был ранен! Давай бегом полицию зови, не стой, как курица!

Женщина убежала, а я приподнялся на локтях и мотнул головой. Опынение быстро улетучивалось.

— Встанешь — добавку получишь! — пообещал мужчина.

Вставать я не стал. Покосился в дверной проем, который он перекрывал, и мерцнул ему за спину, затем, пока он не успел опомниться, на улицу, а потом и на соседний дом, скрываясь из поля зрения. Вслед мне донеслась испуганная брань мужчины. Я сел прямо там, на крыше, оперевшись на трубу. Спина и бок болели. А ведь когда я был мертв, никакой боли не было. Кажется. Я очень смутно помнил, что было тогда и как провел все эти послесмертные годы. Все словно в тумане, но я хорошо помнил информацию. Я помнил все, что делал с Никой ее брат. Помнил все, что она делала с его женщинами. Я помнил, хотя очень хотелось забыть. Единственной отдушиной в этих воспоминаниях было ее со мной общение. И потом, когда она потеряла дар и перестала общаться, я подумал, что отныне у нее станет все хорошо. Но нет, Отдел вернул ее, и я злился на них за это.

С той крыши я ушел еще днем, когда спина перестала так сильно ныть. Полиция к владельцу кабака приходила, но отследить меня было невозможно. Когда я мерцал, ничто не могло указать направление, если не видеть, куда я смотрел. Так началось мое бродяжничество, иначе это и назвать нельзя. Но с тех пор я был осторожнее. Напивался по ночам в разных кабаках, но все же следил за тем, чтобы к утру более или менее протрезветь. Следы я конечно оставлял, но поди поймай призрака — бесполезно, как ловить ветер в поле. К тому же эта возня помогала не думать о том, что теперь я окончательно потерял Нику. И она осталась в руках брата, что тоже не добавляло мне радости.

Спиртное лишь ненадолго заглушало боль тела и души. Я не считал дни, перемещаясь по кабакам, потому что мне было все равно. Казалось, жизнь кончена. Я даже стал в них путаться: где я уже был, где не был. В конце концов я понял, что мой предел наступил. И я напился очень сильно, надеясь попросту отравиться этой горькой гадостью. В ту ночь я как раз попал на кабак, в котором нашел самопальный самогон. Я пил всю ночь, и к утру уснул.

Проснулся я в странном месте. Помещение под землей, совершенно пустое, если не считать голых выложенных камнем стен и стула, на котором я сидел. Холодно. По лицу растекались капли воды, с помощью которой меня разбудили. Запястья и щиколотки ремнями прикручены к стулу. В дальней части помещения в стену вбит гвоздь, на котором висит ловец снов — круглый, в перьях. Он чем-то привлек мое внимание, я не понял чем. Прямо передо мной стоял мужчина в одежде канца с пустой кружкой.

— Здравствуйте, господин Зверев. Приятно видеть вас в сознании.

Он обошел меня со спины. Я повернулся за ним следом, насколько мог, и заметил в дальней части комнаты табуретку, на которой стоял небольшой закрытый ящик, рядом с которым мужчина поставил пустую кружку.

— Что вам нужно? — я решил начать с простого вопроса.

Я в любой момент могу захватить его тело, но сначала нужно выяснить, кто он и где я. Мужчина вернулся и встал передо мной, указал вбок, на ловец снов.

— Просто чтобы вы понимали расстановку сил, господин Зверев, этот артефакт не позволит вам пользоваться способностями. Так что смиритесь с тем, что вопросы здесь задаю я.

Вот теперь я забеспокоился и конечно же сразу попробовал захватить его тело. Ничего не вышло. Вот черт, влип.

— Ну задавайте тогда, чего резину тянете.

И зачем я огрызаюсь? Никогда при жизни так себя не вел.

— Вы живы, а значит Вероника Князева и ее брат точно живы. Где они?

Ого, да это вампирский прихвостень. Нет уж, до Ники они не доберутся. Не через меня. Как же я сглупил, попавшись к ним в лапы...

— Скажите, а по какой причине вы прислуживаете падали? Или вы сам один из них?

О, на этот раз ехидство пришлось к месту. Если мой собеседник и разозлился, то ничем этого не показал. Вот только следом за этим мне в нос прилетело его колено. Больно. Я стиснул зубы и смог не застонать. Влад в свое время был для меня отличной тренировкой. Вот там была действительно адская боль, эта по сравнению с ней — укусы осы. Неприятно, но пережить легко. Сразу следом за этим перед моим носом с его пальцев соскользнуло четыре знакомых флакончика и повисли на цепочке, позвякивая друг об друга.

— Уверен, вы знаете, что это такое, господин Зверев. Сделано специально для вас. Я буду допрашивать вас так, как мне заблагорассудится, а этот напиток поможет сделать так, чтобы вы не погибли.

Он схватил меня второй рукой за подбородок и поднял, заставляя смотреть в глаза.

— За вашей спиной в ящике много очень неприятных для вас инструментов, так что в ваших же интересах не заставляйте меня их доставать. Итак, повторяю вопрос. Где Вероника Князева?

Наверное стоило просто промолчать, но я не удержался и плюнул в него скопившейся во рту кровавой слюной.

— Что ж, — он выпрямился и стер кровь с лица. — Не хотите по-хорошему, будет плохо.

Он схватил меня за челюсть и запрокинул голову, влил содержимое одного из флакончиков. По вкусу и правда черная кровь, такая же, как раньше. Закружилась голова, раны заболели, но боль стала быстро уходить, а раны — зарастать. Даже в голове как-то прояснилось. Нет, они не получают Нику. Ничего не скажу. Я чувствую, где она, и всегда смогу ее найти, но они меня это сделать не заставят. Я свесил голову совсем низко. Уж лучше умереть. Просто и безболезненно они не дадут мне это сделать, значит потерплю. Похоже, моя судьба — быть призраком, а не живым. Да что это я, я ведь и так уже давно мертв, а это просто тело, к которому меня, пусть и очень искусно, но лишь привязали. Надо просто уйти отсюда. Уйти и вернуться к ней. Она не прогонит своего призрака.

Мужчина тем временем уже стоял передо мной. В его руках были щипцы для дробления пальцев. Я поднял на него лицо и встал. Взлетел над тем местом, где сидел. Ничего сложного для призрака и так же привычно, как и последние двадцать лет. Я полагал, что покинул тело, но мужчина удивленно проследил за мной, немного взлетевшим, взглядом. Веревки, ранее державшие мои руки, опали на стул. Одежда, что была на мне, проскользнула сквозь ныне бесплотное тело и тоже упала. Мужчина, надо отдать ему должное, быстро сориентировался и, размахнувшись, врезал мне по челюсти. Точнее, собирался, но удар прошел насквозь. Я взмахнул рукой, отправляя его в полет привычным жестом. Мужчина ударился головой о стену и упал на пол, потерял сознание. Он не вампир, вампир бы от такого простого удара не отключился.

А я теперь, значит, могу становиться бесплотным. Ну надо же... Ладно, потом подумаю над этим. Сейчас я могу даже сквозь стены ходить, и это хорошо. Первое, что я сделал, это на всякий случай сломал ловец снов, ну а дальше, одевшись и забрав драгоценные

флаконики, благодаря своим способностям покинул помещение...

К моменту окончания его рассказа я уже стояла в объятиях. Ладони покоились у него на груди, а подбородок — на плече. Михаил поглаживал меня по волосам, и от этого было уютно.

— Знаешь, оказывается это место было в стенах Отдела. Видимо, после твоей отставки у Отдела больше не нашлось возможностей безболезненно добывать информацию, и они возродили старые традиции. Хотя может быть это вампиры постарались и создали новую традицию. Не знаю.

А ведь и правда, пока я работала на Отдел, бывала почти на всех допросах. Конечно, в суде добытую мной из мыслей информацию использовать было нельзя, но чаще всего я узнавала достаточно подробностей, чтобы преступника можно было припереть к стенке официально, найдя дополнительные улики по моим наводкам. При этом совершенно не требовалось пытаться людей, все было вполне гуманно.

— ...Потом я решил вернуться к тебе. Подумал, если захочешь меня убить, то и черт с ним, все равно не могу без тебя. Заодно принесу флакончики с черной кровью. Можешь себе представить, как я удивился, поняв, что не ощущаю тебя, когда подошел к дому госпожи Пламеневой.

Его пальцы скользнули мне в волосы и немного помассировали голову, от чего захотелось урчать от удовольствия.

— И тогда я отправился тебя искать. Много времени это не заняло, я тебя чувствую, перемещаюсь быстро, и так я оказался здесь. Увидел, как тревожно ты спишь, и сразу вспомнил, как это бывало раньше, когда тебя мучили кошмары о Владе. Ты не просыпалась, когда я тормозил тебя, и пришлось шлепнуть по щеке посильнее, чтобы разбудить. Надеюсь, зла на меня за это не держишь.

— Все хорошо, — я с удовольствием прикрыла глаза. — Только не оставляй меня одну.

— Из-за меня они теперь знают, что ты жива, — сокрушенно произнес он. — Мне жаль.

— Не бери в голову, они и так знают, тел наших на месте взрыва не было. Мой брат с ними разберется. Они теперь — его забота. А мы с тобой займемся гхаттитами.

— Это для этого вы разделились? — он отстранил меня, чтобы посмотреть в глаза.

— Нет, — я улыбнулась, зная, что эта новость его обрадует. — Я ушла от него насовсем. Сама.

Я не стала сообщать подробности, они ему ни к чему. По крайней мере сейчас.

— Наконец-то! — Михаил шумно выдохнул и снова сжал меня в объятиях. — Я очень рад, Ника. Очень. Так давно этого ждал, и наконец дождался.

Его восторг захватил и меня. И я закусила нижнюю губу, стараясь, чтобы не заметил озорство в моих глазах. Я приняла серьезный вид и отстранилась.

— Покажи мне свою новую способность.

— Это какую? — он удивился моей резкой смене настроения.

— Становиться бесплотным во плоти. Давай, прямо сейчас. Мы тут одни, никто не зайдет.

Михаил несколько опешил от моего напора, но возражать не стал, сделал шаг назад и стал слегка прозрачным, немного приподнялся над полом. Вся его одежда свалилась горкой

ему прямо в ноги. Я задумчиво осмотрела его, ныне обнаженного, с головы до ног.

— Отличный способ тебя раздевать...

Сказать начало фразы серьезно я еще смогла, но к концу не выдержала и хохотнула, и мой призрак наконец понял, что я просто развлекаюсь.

— Бандитка! — он бросился на меня, подхватил, повалил на кровать и начал расцеловывать лицо и шею.

Такая привычная приятная возня. Сначала я смеялась, а потом, как обычно с ним и бывало, все переросло в секс. Я была счастлива, что он вернулся ко мне. Счастлива как никогда.

Мы с Михаилом стояли перед крупным двухэтажным зданием в дальней части города, в нищем квартале. Здание было под стать окружающему унылому месту: грязное, с отбитыми боками и показавшимися под штукатуркой камнями. Оделись мы специально под это задание — наряд заказали у портных, — одежда своим удобством была очень похожа на то, что мы носили, работая на Отдел. В подвале этого дома находилась наша цель — эхо Гхаттота. Мы не стали брать с собой никого, работать вместе было привычнее. Памятуя обе наши прошлые встречи с эхо, было не по себе как мне, так и ему. К тому же я слишком привыкла к тому, что рядом Влад, и он командует отрядом. Что думал по этому поводу Михаил, я понять не могла, эмоция не была сильной, так что, наверное, ему было все равно. Впрочем, в тех случаях, когда Влада рядом не оказывалось, руководство брала на себя я, так что сейчас вопроса, кто будет главным, не возникало.

Знали мы про нашего противника не так уж много, только то, что рассказал Кайрадж, но этого я посчитала достаточным. Наш противник находился в подвале этого здания под охраной агента второй волны, которого Кайрадж назвал Псарем, имея в виду, что у того в подчинении какие-то странные собаки. Эхо собирался провести особый ритуал, который сильно волновал Кайраджа. Если он это сделает, наша война с Гхаттотом сильно осложнится. Кайрадж предупредил, что ничего конкретного он увидеть не смог — Гхаттот скрывает свое эхо, поэтому точно не знает, какие у противника есть возможности, однако противник совсем не человек и далеко не прост. Как я. Поэтому мы с Михаилом решили не разделяться и прикрывать друг другу спину. Связь мы уже настроили, и сейчас следовало решиться мне. Я взглянула на башенные часы, которые было видно даже отсюда. Петр должен был напасть на противника ровно в шесть, и в это же время должны были начать и мы здесь, чтобы никто из них не мог поспешить второму на помощь. Противник разделился, оставив большую часть своих сил в другом месте, чтобы отвлечь внимание от места, где на самом деле будет происходить ритуал, но бога так просто не обманешь, и Кайрадж вызнал все их планы.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, морально приготовившись. Этот противник будет посложнее всех, кого мы встречали раньше.

— Пора, — произнесла я в связь, и пошла вперед, доставая оружие.

Впереди меня мерцнул Михаил и первым скользнул в здание. Дверь в подвал, по заверениям Кайраджа, находилась внутри дома. Мы условились, что в проемы Михаил всегда входит первым, потому что в случае проблем он всегда сможет мерцнуть, а я вхожу следом, если нет шума. Проблем не наблюдалось, так что я подошла к двери и тоже вошла внутрь.

Здесь, в грязном подъезде, тускло горела лампочка под потолком. Налево от входа вела лестница на верхние этажи и прямо под этой лестницей находилась дверь в подвал. Михаил, увидев, что я вошла, открыл ее и нырнул туда.

— Пока тихо, — сообщил он в связь, впрочем это я видела его глазами и без него.

— Слишком тихо. Будь осторожнее.

— Они вряд ли ждут нападения.

— Но и нас всего двое.

Михаил вошел в темный коридор. Совершенно темный, свет здесь отсутствовал напрочь. Единственное, что осветило ему дорогу, это тусклые лучи, которые появились, когда входила я, но дверь пришлось закрыть. Во-первых, это могло привлечь лишнее внимание, если бы наш противник вышел в этот коридор, а во-вторых, когда глаз видит свет, тьму ему принять сложнее. Скользнула мысль, что со мной было что-то похожее. Пока Михаил был жив, я как будто очень четко разделяла их с братом, а потом, оставшись без него во тьме, приняла ее, научилась в ней жить.

Вместе с закрытой дверью нас окутала плотная тьма. Мы знали внутреннее устройство таких домов: дверь в самый низ находилась в конце этого коридора, а здесь вдоль стены проходили трубы, поэтому обдумывать куда идти не приходилось. Касаясь пальцами стены, мы шли вперед.

Когда ничего не видно, в голову лезут самые разные мысли, а мозг отмечает все подряд. Тихий шорох шагов по камню. Неровности штукатурки под пальцами. Дыхания не слышно — заглушается шагами. Запах мокрой псины. Фу. Да еще и усиливается. Стоп, Кайрадж же сказал Псарь! И вместе с этим я ощутила вспышку агрессии

— Назад! — крикнула я в связь, и Михаил, не раздумывая, мерцнул, уходя со своего места.

Я к этому моменту как раз вскинула руку и спустила с пальцев мощный разряд электричества. Вспышка света от моей молнии, на секунду осветила весь коридор. В том месте, где только что был Михаил, сомкнулись клыки странного существа, похожего на собаку. Всего лишь мгновение я видела его, но мне очень захотелось больше никогда этого не видеть. Человеческое обросшее редкой шерстью лицо с вытянутой пастью. Моя молния ударила в него, отбросив назад. В этот момент я порадовалась, что разряды с моих пальцев, как и любая другая молния, расширились в дальней своей части, потому что вместе с этой тушей они сбили и вторую, которая прыгала следом и метилась уже явно в меня. Обе псины с грохотом отлетели назад, сбив своими тушами еще двух. Молния не была тихой, так что план подкрасться мы только что провалили. Ну что ж, значит, идем напролом:

— Не вылезай! — приказала я в связь, а сама вскинула руки.

С пальцев сорвались ветвистые молнии, заполняя перед собой все пространство. Однако как же быстро я при этом слабею. Всего пять секунд разряда, а у меня закружилась голова. Я не целилась, знала, что впереди друзей нет. За эти секунды я отбросила к дальней двери и пожгла шесть псин и даже успела их рассмотреть. Лучше бы никогда не видела. Эти чудовища были людьми, но сильно искаженными. Усохшие почти до состояния мумий, обнаженные, обросшие редкой шерстью по всей туше. Деформированные конечности, вытянутая в пасть челюсть. А сейчас они еще и сбились в одну кучу — воняющую паленой шерстью и жженым мясом. Отвратительный запах. Я вдруг поняла, что меня тошнит и голова кружится. То ли от запаха, то ли слишком много сил молнии потратили. Пол ушел из-под ног, но Михаил быстро подхватил меня.

— Как ты? — встревоженно спросил он, прижимая меня к себе. — Стоять можешь?

Я вдруг поняла, что спросил он вслух. Связи не было.

— Я в норме, — сказала я, пытаясь отдышаться. — В норме. Идем. Нас заметили, ты ведь понимаешь. А я не стеклянная, не разобьюсь. Отпусти.

Дверь, которую завалили трупы псин, попытались открыть, и не смогли. Фас! — послышался крик с той стороны двери, и следом за этим в дверь начали ломиться — псы бросались на нее изнутри. Нам обоим было ясно, что дверь не выдержит дольше нескольких секунд. Я вскинула руку, готовясь снова ударить, когда сюда ворвутся, но ее за запястье перехватил Михаил, говоря этим жестом, что мне не нужно так поступать, у него есть план. Нам не потребовалась связь, чтобы молча пообщаться. Я кивнула, соглашаясь, и примерно в этот же момент в коридор ввалилась, пропахав пол, псина, выбившая дверь, и прямо над ней в прыжке в нашу сторону взметнулись еще две, на большее количество просто не хватало места в ширину. Все это виделось как темные тени на фоне светлого дверного проема. Следом за ними в проеме появился мужской силуэт. Михаил буквально швырнул меня на пол позади себя, и раздался выстрел как раз в тот момент, когда он мерцнул. Он появился прямо рядом с силуэтом, задвинул ему в челюсть локтем, сбив с ног. Обзор мне загородили черные тени псин, которые в прыжке как раз сейчас падали на меня с явным намерением перегрызть глотку. Я уже вскинула руку в их сторону, когда их просто сшибло дальше через меня, ударив в противоположную стену. Судя по хрусту переломанных костей, Михаил постарался. Мужчина около него шевельнулся, а изнутри комнаты на него набросились еще псы. Михаил мерцнул и пропал из проема, похоже, переместившись в другую часть комнаты, поскольку собаки, пробуксовав, бросились туда, но почти сразу их отшвырнуло назад, на этого человека. Да, подойти к себе Михаил не даст. Мужчина упал, а затем я снова услышала его голос:

— Лежать!

Все псы, а их оставалось около восьми, моментально легли на пол, рыча в ту сторону, где был Михаил. Мужчина встал, оперся рукой на проем и заглянул ко мне:

— Ника, это я, не убивай, он нам пригодится, — он вошел в проем и, сжимая в руке пистолет, направился ко мне.

На всякий случай я проанализировала ситуацию, решая, не блеф ли это со стороны агента второй волны, а это был явно он, но нет, вроде все в порядке. Он подошел и присел на корточки около меня, стал говорить тише:

— Там еще одна дверь. Я побуду пока в этом теле, псы нам пригодятся. Идти можешь?

— Да могу я, могу, — я нахмурилась и встала, даже на стенку опираться не потребовалось.

Голова уже не кружилась, в норму я более или менее пришла. В следующий раз надо быть осторожнее с молниями. Но кто же знал... Вообще могла бы и заранее попробовать, возмутилась я сама на себя, но сейчас явно было не время для самобичевания.

— Иди за мной, но не лезь вперед, — Михаил направился в комнату.

Войдя за ним в светлое помещение я зажмурилась, привыкая к свету. Заметила тело Михаила, оно лежало в дальнем углу. Собаки зарычали на меня, но псарь-Михаил прикрикнул на них, и те притихли. Наконец я смогла их получше рассмотреть. Бедные люди, мне стало их жаль. Я подошла к одному из них и присела на корточки, разглядывая. Псарь-Михаил остановился и покосился на меня:

— Хочешь, чтобы тебе руку откусили? — зашипел он на меня. — Я не уверен, как они

себя поведут. Отойди от них.

— Подожди, — так же тихо сказала я. — Посмотри, это измененные люди. Не пойму, над ними опыты что ли проводили?

Михаил в теле псаля присел рядом со мной, разглядывая это создание. Заостренные уши, черные глаза с испещренными черной кровью белками, однако глаза человеческие. Череп, челюсть и нос частично искажены под пасть.

— Смотри, у них кожа бледная, — вдруг заметила я и сразу сообразила. — Да это же прислужники Гхаттота! Значит, этот агент второй волны, тело которого ты сейчас занимаешь, использует гхаттитов как расходный материал для таких вот собак.

— Ника, сейчас это уже неважно, мы убьем этого псаля, и он перестанет делать таких созданий. Идем. Здесь был шум, который явно слышали, надо торопиться, — он встал. — Я попробую заболтать всех, кто там есть, и подойти поближе к цели, может удастся обойтись простыми средствами и без риска.

Он помахал пистолетом, показывая, что за простое средство он имеет в виду, и снова направился к дальней двери.

— Ко мне! — приказал он, и все восемь псин последовали за ним.

За дверью оказалась еще одна лестница, упирающаяся в очередную дверь, но на этот раз еще на ярус ниже, причем видно, что вот этот проход сделали недавно. Никто не озаботился здесь тем, чтобы укрепить земляные стены, да и каменные ступеньки были сделаны кое-как, так что казалось, будто все это сейчас рухнет прямо мне на голову.

У последней двери псаля-Михаил притормозил и покосился на меня, приложил палец к губам, запрещая мне говорить и вообще издавать звуки. Затем жестом указал оставаться тут. Я кивнула. Жду тут, пока не посчитаю, что нужно вмешаться.

Он открыл дверь и вошел, псы последовали за ним. Отсюда было мало что видно, я стояла на ступеньках так, чтобы мои ноги в проем видно не было, так что единственное, что я поняла, так это то, что внутри свет был только от свеч.

— Что там случилось? — спросил изнутри хриплый надтреснутый старческий голос. — И что ты здесь делаешь? Пшел вон.

— Уточнить зашел, все ли в порядке, — Михаил в теле псаля, судя по голосу, приближался к старику.

— А ну стой, шлюхин сын! Ты чуть руну не задел со своими псами! Вон пошел, кому говорю!

— Но...

— Я здесь главный! Я! — старик перебил Михаила. — Не смей мне перечить, сучий потрох!

— Фас!

Да, пожалуй, это самое разумное в данной ситуации. Я через ступеньку соскочила вниз в проем и влетела внутрь как раз чтобы увидеть, как тьма, взметнувшаяся со всех сторон, разорвала на куски всех псов, а псаля-Михаила подбросила к потолку и, обвинившись вокруг него, оставила там висеть. После того, что иногда делал с телами брат, я была привычна к подобным вещам, однако даже мне стало не по себе от этого кровавого хаоса.

И вот тут-то я поняла, какую огромную ошибку совершила, ворвавшись в это помещение. Комната была похожа на большой погреб. Земляные стены не были укреплены, и прямо сейчас от удара тела о потолок оттуда посыпалась земля. Все вокруг забрызгано кровью убитых человекопсов. В самом центре на небольшом столе лежала обнаженная

мертвая женщина. На ее теле на животе вырезана какая-то руна. Под моими ногами солью вырисована такая же, но огромная, во всю комнату. Противник здесь был один — мужчина с абсолютно бледной кожей, сквозь которую видно черные вены, он выглядел так же, как Влад, когда отдается своей тьме и использует силы на полную. Он выглядел как старик, хотя ему вряд ли было больше тридцати. Седые неухоженные волосы паклями свисали ему на плечи. И самой большой проблемой этой комнаты была тьма. Та самая тьма, которой пользовался Влад и которую никогда не боялась одна лишь я, потому что знала, что против меня он никогда ее не использует. Тьма клубилась во всех углах комнаты как под потолком, так и у пола.

Гхаттит как раз смотрел вверх, когда я ворвалась, но сейчас повернулся на меня, и мы встретились взглядами. Мы признали друг друга. Два эхо. Два представителя разных богов. Клянусь, встретиться мы просто на улице, мы и там бы друг друга узнали. Он сразу все понял, и тьма моментально бросилась в мою сторону, даже отпустив тело. Псаря, впрочем, это уже не спасло, ему попросту переломило шею. Времени думать не было, и поэтому мои действия были интуитивны. Я не двинулась с места так же, как и он, от меня лишь во все стороны разошлась вспышка электричества. Недолгая, просто вспышка, которая развеяла тьму и обрубила все эти щупальца, которые бросились на меня. Не знала, что я так умею, и похоже, мне сегодня еще предстоит многое о себе узнать. А иначе я умру.

Я обратилась к своему богу, чтобы перейти в то странное измерение и дать себе небольшую передышку, а также переместиться, но к сожалению ничего не получилось. Видимо, присутствие гхаттита каким-то образом это блокировало, а может, мой бог затаился, забрав у меня эту способность. Как бы там ни было, на этой попытке я потеряла драгоценные секунды, и тьма ухватила за меня, чтобы разорвать. Я снова вспыхнула электричеством, чтобы освободиться, и у меня опять начала кружиться голова. А вот это уже плохо.

Я схватилась за пистолет, висящий на поясе. Собак было много, против них я бы не успела им воспользоваться, но здесь гхаттит один. И судя по всему, он весьма неповоротлив. Тьма снова бросилась на меня, и вместе с этим прогремел мой выстрел. Потом еще и еще. Тьма замерла на месте, гхаттит начал оседать, а рядом со мной мерцнул, появляясь, Михаил. Я, не разобравшись, чуть не пустила пулю в лоб и ему, направила на него оружие:

— Эй, это я. Я. Все хорошо, — он покосился на упавшего мужчину, заливающего пол своей кровью. — Пока я приходил в себя, ты, вижу, справилась и сама.

— Слишком просто, — я снова перевела оружие на гхаттита.

— О чем ты?

— Я говорю, это было слишком просто. Кайрадж говорил, что он крайне опасен, а он умер, как обычный человек. Что-то не так.

И тут мы оба поняли, что не так. Из тела гхаттита вырвалась темная дымка. На секунду мне даже показалось, что она образовала смеющийся череп, а затем бросилась в нашу сторону. Я вскинула руку, чтобы снова ударить молнией, но она не причинила темному духу вреда, он просто пролетел насквозь, попутно отшвырнув меня в сторону, и влетел в тело Михаила. Удар по мне был такой сильный, что весь воздух из легких вышибло, и наверное, будь здесь каменная стена, мне бы кости переломало, но земля немного смягчила удар. Я свалилась на пол, с ужасом понимая, почему темный дух не обратил на меня внимание. Да потому что я не могла ему ничего сделать, и похоже, единственным его противником здесь остался Михаил. Я не могу потерять его вот так! Но что я могу сделать, как помочь?

Я позволила себе несколько секунд полежать, чтобы начать хоть как-то дышать, и, прокашлявшись, поднялась. Михаил лежал на полу словно без сознания, и вокруг стояла тишина, как будто все было в порядке. Я бросилась к нему, пытаюсь отдышаться, свалилась рядом на колени, схватила за руку, попыталась достучаться до разума. Но увы, он был агентом первой волны, и я не могла с ним ничего сделать. Темный дух, который ныне тоже находился в этом теле, был эхом Гхаттота, и в его разум я проникнуть также не могла, как и в любого агента первой волны. Единственное, что я смогла ощутить, это их борьбу. Битву двух призраков. Двух неживых. Мелькнула мысль, что будь здесь Влад, он легко разобрался бы с эхом Гхаттота, стоило лишь тому превратиться в духа. Он бы просто поглотил его. Но Влада здесь не было.

Не зная чем помочь, я бросилась к жертвенному столу. Выдернула из мертвой женщины нож, перечеркнула клинком на ней руны, ломая ее, затем раскидала соль, нарушая целостность руны на полу. Но что делать дальше — совершенно не представляла. Может убить это тело? Просто убить. Но тогда я точно лишусь Михаила, и он снова станет призраком, а гарантии гибели духа гхаттита это не даст. Если прямо сейчас победит дух, то мне все равно придется его убить. На этой мысли я снова бросилась к нему, чтобы выхватить пистолет из его рук, чтобы не умереть глупо — от выстрела, если вдруг Михаил проиграет бой с этим духом. Но я не успела. Пистолет отлетел в сторону. Я не успела сообразить что происходит, как стол с жертвенным телом отшвырнуло к стене. Пистолет, лежавший около тела пса, выстрелил. Он был направлен в мою сторону, но все же недостаточно точно, так что выстрел промахнулся, а пистолет отдачей отшвырнуло к другой стене. В комнате начал твориться настоящий ад. Куски тел разорванных собаколюдей хаотично стали отлетать в стороны. Нож из моей руки выбило будто от сильного удара. Я дернулась к выходу, но меня сшибло с ног. Отлетевший ранее в сторону нож сейчас полетел в мою сторону и прямо на полпути оказался сбит вбок. Похоже, гхаттит пытается меня убить, а Михаил защищает. Будь я на его месте, уже давно вопила бы на саму себя уходить и не мешать сражаться. Поэтому я воспользовалась появившейся секундой времени, очень быстро вылетела из помещения на лестницу и захлопнула за собой дверь. Подумала захватить с собой все оружие, но боюсь, пока я его собирала бы, меня там точно бы прикончили. Хорошо, что гхаттит не догадался, что убив меня, он избавится от Михаила. Вот она, мощь знаний.

Я стояла, прижавшись к двери спиной и руками, опираясь на нее. Самое гадкое ощущение — это когда не знаешь, чем можешь помочь. Бессилие. Гадкое, отвратительное бессилие, которое я так ненавижу еще с того раза, когда брат изнасиловал меня. Почему сила никогда не оказывается на моей стороне? Сейчас и сюда я, эхо Кайраджа, пришла сражаться с эхом Гхаттота, а в итоге за меня бьется Михаил. Даже среди всех агентов первой волны я была самой слабой из-за своих способностей. Все они умели что-то более мощное, более губительное, но не я. Мне всегда не хватало силы. Как никогда раньше, именно сейчас я понимала Виктора с его желанием стать сильнее. Не знаю, какие на это были причины у него, а у меня такая причина одна. Не хочу, чтобы страдали те, кто дорог мне. Вот зачем мне сила. Вот зачем мне возможность убивать. Возможность дать отпор.

Изнутри некоторое время слышался шум ударов, выстрелы, а затем раздался жуткий загробный вой. Я слышала такой лишь несколько раз, когда Влад работал с духами. Без понятия, что он значит, однако внутри все стихло. В этой тишине я слишком хорошо слышала, как кровь стучит в висках. И кто же победил? Я взялась покрепче за свой пистолет, распахнула дверь и, быстро найдя Михаила взглядом, наставила на него оружие, фокусируюсь

только на нем и стараясь не обращать внимание на тот кровавый ад, в который превратилась комната, будто здесь тайфун прошел. Михаил лежал на животе в неестественной позе в дальнем углу комнаты. Руки закинута за спину, лицом уткнулся в угол между стеной и полом вдоль этой самой стены.

— Михаил? — неуверенно позвала я его, а затем смягчила голос. — Родной?

Неужели он умер? Судя по всему, темного духа нет, а значит он как минимум победил. Но выжил ли сам? Сердце нервно дернулось. Оказывается, я уже поверила, что он жив, а к хорошему быстро привыкаешь. Я не вынесу второй его смерти, когда только обрела своего любимого вновь. Я медленно подходила к нему, не опуская оружие. Хорошо, что здесь все земляное, кровь быстро впиталась, да и не очень-то ее видно в тусклой полутьме редких горящих свечей, спрятанных за стеклами в стене.

Я наконец подошла к телу Михаила и остановилась рядом с ним, не спуская с него пистолет и напряженно вглядываясь в него.

— Михаил? — снова позвала я, но он не ответил.

Может это дух гхаттита прикидывается? Да нет, если бы остался дух, он бы уже себя проявил. Эти парни не слишком сообразительны. Я наконец опустила пистолет и присела на корточки. Повернула его на спину за плечо. Кажется, он не дышал, но верить в его смерть я не хотела. Потрясла за плечо, а потом, впад в истерику, с размаху ударила его по щеке.

— Да приди ты в себя!

Это сработало. Он дернулся, хрипло закашлялся и повернулся на бок, почти на живот, рукой опираясь на пол. Меня отпустило, и я расслабленно выдохнула. Живой. Я погладила его по волосам, в которые набилась влажная от крови земля. Теперь пальцы будут в крови, но и черт с ними, в первый раз что ли.

— Михаил... — я провела пальцами ему по щеке. — Как ты?

— Ника, — в его голосе слышалось облегчение. — Я в порядке. Дай минутку, немного приду в себя и буду готов идти.

Он опустил лоб на землю, тяжело дыша.

— Ты справился. Молодец. Ты убил само эхо бога. Сейчас Кайрадж должен нанести и свой удар по Гхаттоту. И все кончится. Понимаешь? Мы сделали это! — я прижала его к себе за плечи и затылок, продолжая поглаживать. — Когда дух на тебя налетел, я испугалась за тебя. Ты ведь всего лишь мой маленький призрак.

— Я уже давно большой призрак, — хмыкнул он и, продолжая опираться на пол одной рукой, второй обнял меня и погладил по спине. — Но все еще твой.

Мы так просидели молча и почти неподвижно еще несколько минут. Каждый приходил в себя после пережитого, а потом я сама не заметила, как нашла его губы, начиная поцелуй. Приятный полумрак вокруг, и мы одни. Наши враги мертвы, а мы живы, и все успокоилось. И я хочу его. Прямо сейчас и здесь, на месте гибели наших врагов. Михаил обнял меня ладонями за лицо, мягко прерывая поцелуй:

— Тише, Ника, тише. Очнись. Не здесь же. Не среди крови и трупов.

Я поморгала, огляделась. Вот черт, в самом деле, что это я. Видимо, опять мое безумие проявило себя. Интересно, а стал бы на его месте Влад меня останавливать?.. Вряд ли.

По возвращении домой узнали последние новости от Петра. Наемники успешно провели

нападение и убили хоть и не всех, но многих гхаттитов, благо они на тот момент были в одном месте. Вот так мы за одну ночь сумели убить двух зайцев. После всех пережитых волнений у меня осталось только два желания: смыть с себя всю грязь и уснуть рядом с Михаилом. Прямо сейчас я реализовывала первое: расслабленно возлежала в крупной ванной. Из света здесь были только свечи в дальних частях комнаты, яркий свет включать не хотелось. Хотелось выбросить из головы все лишние мысли, и поэтому я лежала, закрыв глаза, и думала о Михаиле. О том, как приятно касаться его тела. Как он обнимает меня, как целует... А почему бы, собственно, и не затащить его к себе? Эх, жаль, что я уже разделась и лежу в воде, так не хочется вылезать... Ощутила на своих губах чужие губы и дернулась, схватившись пальцами за края ванной, раскрыла глаза. Михаил нависал надо мной, стоя сбоку, совершенно без одежды, и лишь немного приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, куда делись мои губы, а затем снова сомкнул веки и опять поймал мои губы своими, ласково касаясь их поцелуями. Он делал это так, словно это влекло его, не давая думать ни о чем больше. Одна его рука опиралась на край ванной, а вторая соскользнула в воду и легла мне на бедро, прошлась по нему, по ребрам, остановилась на груди. Я прикрыла глаза от удовольствия — вода смягчала касания, и они казались почти невесомыми. Я почти сразу оказалась захвачена в его эмоции, поддавалась им, отныне так же, как и он, буквально сходя с ума от желания продолжать эти ласки. Это не было лавиной чувств, как с Владом, это медленно, но неуклонно нарастающее влечение. Я отстранилась от его губ плавно, откинула голову назад на край ванной. Он подыграл мне: поцелуи опустились к подбородку, затем к шее, которую я открыла, рука погладила живот и вновь вернулась к груди, начала играть с соском.

— Как ты вошел? — тихо прошептала я, нежась под его ласками. — Я не услышала.

— Я призрак, — выдохнул он ответ без особого желания продолжать разговор.

Его вторая ладонь опустилась мне ко второй груди, а первая скользнула под водой по животу к ноге и продолжила скользить дальше. Поддаваясь его действию, я согнула ногу, и колено оказалось над водой. Его губы оставили мою шею и переметнулись на плечо, даря непередаваемое удовольствие. Ладонь поглаживала бедро и ногу до колена. Он слегка покусывал мне плечо. Вторая рука ласкала грудь. Для него сейчас я была драгоценностью, от которой невозможно ни убрать руки, ни отвести взгляд. Сквозь его эмоции пробивалось восхищение, смешанное с желанием. Оно шло волнами, но сглаженными в отличие от Влада, у которого все было ярче и быстрее, вспыхивало, снося все преграды, моментально превращая ангела в чудовище. Нет, Михаил был другим. Он получал удовольствие от каждой секунды, проведенной со мной, от каждого касания и слова.

Удовольствие эмоциональное, моральное и физическое сплеталось во мне в тугой узел. Не открывая глаз, я потянулась к нему, обхватила влажными руками, заставляя его губы вернуться к моим, и он повиновался, вернув вторую ладонь к моей груди. Я уже хотела, чтобы он оказался внутри. Влад любил меня помучить, доводя до агрессивного желания, и я не хотела этого с Михаилом. Я обняла его, привставая, подаваясь ему навстречу, зажимая его ладони между нами. Хочу его. Хочу прямо сейчас. Я хотела сказать ему это, но не смогла, из груди вырвался лишь стон. Я жадно впивалась в его губы, пальцы судорожно сжимались от желания. Неожиданно он начал отстраняться, но я лишь крепче сжала пальцы, яростно сопротивляясь. Его губы смогли лишь немного отступить от моих.

— Не-ет, — простонала я, в голове мутилось от желания. — Пожалуйста, делай со мной, что хочешь, только...

— Я не он, Ника, — Михаил перебил меня, его голос звучал тихо. — Тише, родная. Ты слишком долго была с ним. Я не он.

— Что?.. — сейчас до меня с трудом доходил смысл его слов.

— Спрячь коготки, Сцилла.

Я наконец открыла глаза и поняла, что он улыбается, но как-то напряженно. Следом сразу поймала себя на том, что пальцы напряжены до предела, а ногти безжалостно впиваются ему в спину. Да что со мной?! Я аккуратно расслабила пальцы, вытаскивая из него ногти.

— Прости...

Я отвела взгляд и начала стыдливо отворачиваться, но он перехватил меня за подбородок и коснулся моих губ своими.

— Не бойся себя, не бойся потерять контроль, — прошептал он мне в губы. — Я рядом и всегда смогу остановить тебя, как сейчас. Только не возвращайся к нему. Он и так слишком долго затаскивал тебя к себе во тьму, пока я не мог ничего с этим поделать. Забудь о нем. Больше он над тобой не властен.

Он наверняка почувствовал, как задрожали мои губы от горечи, вызванной его словами.

— Это не он, родной. Это я. Я такая.

— Это он сделал тебя такой.

— Влад такой же пленник черной крови, как и я.

— Опять защищаешь его? Я не понимаю, почему ты любишь его после всего, что он сделал? За что ты его любишь?

Его вздох и слова отдались у меня горечью на языке.

— Не за что-то, а вопреки всему, — я положила ладонь ему на щеку. — Забудь о Владе. Прямо сейчас я хочу тебя. И ты не посмеешь мне отказать.

Он хмыкнул и вытащил меня из воды, подняв на руки.

— С удовольствием не посмею, солнце.

Он повернулся к стене и опустил меня на пол. Конечно я знала, чего он хочет и как. Я обхватила его ногами, когда он руками и грудью прижал меня к стене, жадно целуя, и вошел. Горячие губы, горячие руки: наши тела сплелись в привычном танце. Я не царапалась, но подушечки пальцев крепко сжимали его плечи. Михаил прав — он не Влад, а эти желания продиктованы слишком долгим общением с братцем. Все это не помешало мне ощутить полноценный оргазм вместе с ним, а затем устало обвиснуть в объятиях его рук.

Один шаг до бога

Его одежду мы подобрали перед дверью ванной, сквозь которую он проник ко мне. Выходила из ванной я с довольной улыбкой наевшегося сметаны кота. Жизнь хороша. Гхаттот уничтожен, вот-вот должен явиться Кайрадж и сделать меня богом. Кстати, интересно, где он. Я остановилась прямо в гостиной, куда выводила дверь из ванной комнаты, и позвала своего бога.

— Кайрадж!

Я ожидала, что мир как обычно потемнеет, но бога не было, в ответ лишь тишина.

— Что-то случилось? — шедший рядом Михаил конечно заинтересовался, с чего я вдруг остановилась посередине гостиной.

— Он не отзывается, — обеспокоенно произнесла я.

— Кто?

— Кайрадж. Почему он не отзывается? — конечно Михаил не мог знать ответа, но не спросить то, что крутится в голове, я не могла.

В голову закралась крамольная мысль, что он меня попросту надул, и никаким богом я не стану, но я решила не пороть горячку и сначала достучаться до него.

— Кайрадж! — произнесла я вслух, а затем сжала кулаки и крикнула мысленно так сильно, как только сумела, вложив в это ментальный импульс, какой только смогла. — Ка-а-айра-а-адж!

Сила импульса, похоже, свое дело сделала, поскольку мир заколебался. Но все было непривычно. Все потемнело, но вдобавок стало искажаться, словно я стояла над огнем и жар колебал воздух. Более того, граница Пустоты, обычно отсутствующая в помещении, сейчас была видна, скрывая потолок и дальние части коридора. Кайрадж появился прямо передо мной, я даже отшатнулась. Темная фигура его была неровной и колыхалась, словно протуберанцы на солнце или электрические разряды по поверхности.

— Вероника... — он поздоровался со мной, но было ощущение, что он общается с трудом.

— Что случилось? — я была поражена.

— Надо скрыться. Гхаттот не ушел. Я был обнаружен.

Сейчас я почти не понимала его. Как будто раньше он тратил свои силы на то, чтобы что-то мне объяснить, а сейчас не мог. И он, поняв мое замешательство, решил пояснить:

— Второе эхо. Я нанес удар, но Гхаттот был готов. Я поврежден.

Ох, ну и дела. Я сложила головоломку его слов. Когда погибло эхо Гхаттота, Кайрадж сумел найти бога и нанести удар, как и собирался, но у Гхаттота обнаружилось второе эхо, а значит он остался и, судя по всему, нанес ответный удар. Теперь Кайрадж не просто ранен, а еще и раскрыл себя Гхаттоту.

— Ты же говорил, что Гхаттот — животное! — я разнервничалась. — Говорил, что ты умнее, что обхитришь его!

— Инстинкт выживания. Не учел. Не заметил второе эхо. Помогите, — слова звучали безэмоционально, но я готова была поклясться, что он умолял, а не приказывал.

— Я? Как? Ты, очевидно, шутишь. Я просто человек, что я богу сделаю?

— Мало времени, Гхаттот может обнаружить. Скроюсь. Останешься за меня. После

смерти эхо осталась сила, ее хватит. Станешь богом, найдешь второе эхо. Не убивай, жди моего возвращения. Уйду далеко, не докричишься, жди. Гхаттот должен поверить, что я ушел навсегда.

Я не поняла, имел ли он последней фразой в виду умер или именно ушел навсегда, но наверное, для него это были схожие понятия. И как я должна была искать второе эхо Гхаттота, интересно? А пока я раздумывала, его тень бросилась на меня, словно потревоженный дух. Он сделал это так резко, что я отшатнулась. И когда фигура полностью в меня вошла, мир так же резко обрел краски и посветлел до своего нормального состояния. Я осталась стоять на несколько шагов позади того места, где была раньше, и озадаченно покрутила головой.

— Вероника? — Михаил повернулся. — Опять эта твоя способность мгновенно перемещаться...

Он замолчал, ожидая ответа, а я перевела на него расфокусированный взгляд. Почему-то никак не удавалось сосредоточиться и понять, о чем же он мне говорит. В ушах шумело, а мир вокруг норовил броситься мне под ноги, кружилась голова. Меня пошатнуло, и Михаил сразу подхватил меня, прижал к себе, придерживая за спину:

— Солнце, что с тобой?

— Кайрадж... Сказал, сделает меня... богом... голоса...

Мир буквально взорвался тысячей голосов в моей голове. Я застонала, схватилась за Михаила, уткнулась в него лбом, словно он мог заглушить голоса в моей голове. В то же время в помещении появился Петр, но я этого почти не заметила.

— Что с ней? — голос Петра с трудом прорывался сквозь мутнеющее сознание.

— Не знаю. Она говорила с Кайраджем. Я отнесу ее в комнату.

Мои ноги оторвались от пола, а мир продолжал кружиться перед глазами, и я зажмурилась, пытаюсь остановить эту карусель. Через некоторое время меня заботливо уложили на мягкую кровать, но стоило Михаилу попытаться убрать от меня руки, как я невидяще вцепилась в них и, слегка задыхаясь от шума в голове, проговорила:

— Не уходи.

— Я здесь, солнце, здесь. Как ты?

Отвечать я не посчитала нужным, поскольку все остатки сил ушли на предыдущие слова. Рядом с ним было легче. Он сел рядом со мной и приподнял меня, обняв, словно держал меня на руках, хотя ноги мои оставались на кровати. Я и раньше любила так сидеть, и он помнил это. Что с ним, что с братом у меня были какие-то свои воспоминания и привычки. И я с удовольствием окуналась в них. Сейчас он мягко поглаживал меня по волосам, отчего я действительно успокаивалась, расслаблялась, и как ни удивительно, но голоса медленно стихали. Не знаю, сколько времени я так провела, но голоса притихли. И хотя голова все еще немного кружилась, по крайней мере теперь я могла хоть немного сосредоточиться. И я выбрала один голос, прислушалась к нему.

— Мам, да я недолго погуляю. Ну пожа-а-алуйста.

Я не видела глазами, но точно знала, что это мальчик девяти лет по имени Иван. Что он стоит в небольшой квартирке и уговаривает мать отпустить его к друзьям. Я переключила внимание на другой голос.

— Принеси белье, оно развешено на заднем дворе, — а это какая-то женщина шестидесяти семи лет, раздающая указания невестке.

— Еще один труп, и опять вампир, и снова у власти! Вы издеваетесь?! Какой-то

неизвестный убийца уничтожает порождения Зоога, вы понимаете это? Уничтожает тех, кого должен был изничтожать Отдел, коим ныне заведуете вы, госпожа Златова! — некий сенатор, который лично ведет беседу с Ольгой и буквально брызжет слюной от негодования.

Меня пронзил восторг. Так вот как Кайрадж искал. И вот почему он не мог меня слышать: среди всех этих шумов до него было просто не докричаться. А потом, видимо, мой голос стал для него громче. И вот как я должна найти новое эхо Гхаттота — с помощью этой способности. Вот что значит быть богом. Интересно, а другие мои способности тоже подверглись изменениям? Смогу ли я теперь влиять на Михаила или Влада? Наверняка, ведь они всего лишь люди. За всеми этими размышлениями я отвлеклась и упустила нить, которая вела меня к Ольге. Досадно. Кстати об Ольге. Я ей все еще помню и свой дом, и свою мирную жизнь, и Михаила. Надо будет навестить ее на досуге. Я злорадно ухмыльнулась.

— Солнце? Тебе лучше? И не вздумай увиливать, — Михаил чмокнул меня в нос. — Я знаю эту твою улыбку. Рассказывай, что задумала.

— Я отомщу и за себя, и за тебя, — я открыла глаза. — И ты мне поможешь.

— Ника, — он осуждающе посмотрел на меня. — Не надо.

— А я не спрашиваю.

Я перехватила его лицо и впиалась в его губы, наслаждаясь. Он мой, всегда им был и всегда будет. Мой любимый Михаил. И мне от этого невероятно хорошо. Я отпустила его губы довольно быстро и улыбнулась, поглаживая кончиками пальцев по щеке.

— Кайрадж не обманул, я стала богом, родной. Я как будто слышу все и вижу все. Только надо знать куда смотреть. Надо разобраться с этой возможностью.

Разбиралась я с ней долго. Почти неделя ушла на то, чтобы я привыкла и научилась блокировать и фильтровать поступающую ко мне информацию, а дальше я тренировалась на брате, наблюдая за ним в свободное от поисков эха время. За полтора месяца наблюдений он, продолжая свои постельные приключения с Анной, сумел затащить в постель Ольгу. Наверное, рассчитывал, что раз они подруги детства, то ему и тройничок с ними перепасть может. Не перепал. Зато все это подбросило дров в огонь моей ненависти к Ольге. С вампирами Влад разобрался, и его восстановили в должности, а Никита и Виктор вполне официально воскресили. Я ожидала визита Виктора, но жажды общаться с отцом у него так и не возникло, а про то, что я здесь, он не знал. Последние дни я следила в основном за Ольгой, выясняя, где и как она обычно проводит своё время, и обнаружила, что это ее дом.

Выяснить, где живет Ольга оказалось проще, чем казалось. Через Петра это получилось быстрее, чем через попытку воспользоваться божественными силами. У нее был весьма неплохой особняк. Немного меньше, чем у Петра, но более роскошный. Хотя с учетом ее работы вряд ли у нее было время наслаждаться им. Впрочем, самое важное о ней я знала. Это ее привычки. Она не была для меня серьезным противником, так что самым главным было застать ее врасплох, ну а дальше можно было спокойно развлекаться. Надеюсь, Михаил не начнет ныть над ухом, чтобы не мучила человека, а просто милосердно убила. Пфф, как будто она была милосердна ко мне, когда принимала решение вернуть меня в Отдел и подкупить мною брата, или к Михаилу, когда решила рискнуть его жизнью и засадить в

тело, используя при этом безруких некромантов, только ради того, чтобы шантажировать меня. А кроме того... Влад посмел переспать с ней. До Анны я еще доберусь, но позже. С ней сложнее, поскольку Влад прекрасно знает, что я однажды явлюсь за ней, и наверняка находится с ней рядом. Жалко ему ее, видите ли. Ну ничего, пока он опекает Анну, я доберусь до Ольги. Влад не может быть в нескольких местах одновременно. Именно так я раньше всегда и вылавливала его пассий. В общем, за Ольгой водится достаточно грешков, чтобы я явилась по ее душу. Сцилла не прощает обидчиков, она перегрызает им глотки.

Город уже погрузился во мрак ночи, когда мы с моим призраком подошли к улице, где стоял ее дом, и остановились в небольшом темном переулке. Конечно мы не приблизились прямо к дому, действовать решили иначе. Зайдем с крыши, чтобы не подходить с земли и следов не оставить. Михаил спокойно может меня пролевитировать до нужного места совершенно бесшумно. Дело в том, что по вечерам Ольга любила заседать в кресле перед камином с важными бумагами и бутылкой вина, там-то я и собиралась ее поймать. Я бы справилась и сама, но с Михаилом было еще надежнее, так что в успехе предприятия я не сомневалась, и настроение было весьма радужным. Я уже предвкушала, как окуну ее в бездну кошмара, как она ответит за все содеянное. Я — Сцилла, и готова плотоядно облизываться.

Как и предполагалось по плану, с помощью Михаила мы взлетели на ближайшую крышу. Я даже не потрудилась переодеться в удобную одежду, и потому была одета в платье, в конце концов у меня сегодня праздник мести. Мы прошлись до края, и Михаил уже собрался соскользнуть по воздуху в сторону нужного дома, чтобы проверить, что Ольга на своем привычном месте, как я схватила его за рукав.

— Стой. Связь, — напомнила я с улыбкой, которую ну никак не удавалось стереть с лица.

Михаил улыбнулся в ответ и потянулся ко мне, ожидая, что как обычно коснусь его лбом, а я взяла его лицо в руки и поцеловала. Жадно, страстно, захватывая его в свои эмоции, в злорадное удовольствие и порожденное этим возбуждение. Его руки легли мне на пояс и спину, крепко прижимая к нему, похоже, он и сам этого не заметил. Мы стояли на краю, обдуваемые теплым летним ветром. Мои волнистые черные волосы развевались, и даже пришлось одной рукой прижать их, чтобы не мешали целоваться и не лезли между губ. Наконец я первая отстранилась и усмехнулась: Михаил продолжал тянуться за моими губами, пришлось даже приложить к ним палец, чтобы привести его в себя.

— Мне не нужно прикосновение, чтобы настроить связь, ведь я бог, — сообщила я ему в уже настроенную связь.

— Обманщица, — улыбнулся он.

Я не дала ему больше ничего сказать, толкнула с края спиной вперед. Он растерялся лишь на секунду, начал падать, но потом взлевитировал и завис передо мной:

— Еще и негодяйка, — хмыкнул он.

И вместе с этим словом меня в спину подпихнуло, и я была вынуждена свалиться к нему в объятия, успев при этом пустить в связь секундную эмоцию рефлекторной паники. Он крепко прижал меня к себе и чмокнул в лоб.

— Ах ты мелкий хулиганистый призрак, — наигранно возмутилась я. — Поставь меня немедленно на место!

Он лишь крепче прижал меня к себе и шепнул на ухо:

— А если нет? Что сделаешь?

От его голоса у меня по телу жар пробежал, и я вцепилась в него крепче:

— Отложу визит к Ольге на пару часов, а мы с тобой займемся любовью прямо на этой крыше.

— Заманчиво, — Михаил снова хмыкнул и все-таки позволил мне наконец встать обратно на край. — Не свались, пока я проверяю Ольгу.

Я с улыбкой кивнула и просто села на край, свесив ноги и глядя, как бывший призрак мчится в сторону нужного дома. Улицы давно были темными, и фонари не горели, поэтому его темный силуэт на фоне звездного неба казался ненастоящим. Будто он и не жив вовсе, а все еще призрак, только не прозрачный, как раньше, а тень. Впрочем, с учетом изменений его характера, может так оно и было? Не удержался мой призрак на свету, потемнел. Может даже именно я тому виной...

— Камин горит, шторы задернуты, — сообщил он в связь то, что я и так увидела бы, если бы не ушла в свои невеселые размышления. — Соседняя комната, гостевая, похоже, пуста. Готов тебя перенести. Готова?

— Да, — я встала и расправила платье. — Неси. Зайдем через нее, как и планировали.

Удивительное ощущение — меня будто ветром подхватило, хотя никакого ветра и в помине не было. Под бдительным взглядом Михаила меня несло в его сторону. Я летела! Надо будет при случае поразвлекаться так: полетать над ночным городом вместе с ним. Остановилась я прямо перед темным закрытым окном второго этажа спиной к Михаилу, и он обнял меня, поцеловал за ухом. Похоже, он так же, как и я, не воспринимал это дело как серьезное. Продолжая прижимать меня спиной к себе одной рукой, второй он провел по стеклу и следуя его пальцам, задвижка у окна открылась, позволяя нам попасть внутрь.

— Только после вас, — хмыкнул Михаил, указывая на окно ладонью.

Я лишь улыбнулась в ответ, распахнула створки и влезла внутрь, мой спутник последовал моему примеру. Свет конечно же включать не стали. У самой двери я остановилась, повернулась и схватила Михаила за одежду, дернула на себя, а сама прижалась к двери спиной. Чтобы не удариться об меня, он уперся ладонями на дверь у моих плечей. Склонился надо мной и коснулся лбом моего, улыбнулся:

— Прямо здесь? Думаю, это не лучшая идея.

— У меня к тебе просьба, — я приняла смущенный вид, опустила взгляд к своим пальцам и нервно затеребила его жилетку. — Я бы хотела поразвлекаться с Ольгой без тебя. А ты мог бы постоять снаружи комнаты, посторожить на случай слуг или непредвиденных гостей...

Я поправила на нем жилетку так, словно действительно заботилась о его внешнем виде, но глаза на него так и не подняла.

— Да ты никак задумала сотворить с ней что-то и впрямь ужасное... — он пару секунд помолчал, а потом догадался. — Он что, и Ольгу затащил в постель?

Вот паршивец! Знает меня слишком хорошо. Ну вот, сейчас начнет канючить, чтобы я не игралась с жертвой перед смертью. И вслед своим мыслям я недовольно скривилась.

— Ты ведь знаешь, почему я это делаю, — зашипела я на него.

— К сожалению, знаю, — он взял мое лицо в ладони, заставляя смотреть себе в глаза. — Но тебе это не нужно, солнце. Пойми ты...

— Нет, это ты пойми! — я положила ладони поверх его пальцев, будто желала убрать их со своего лица. — Мой братец имеет отвратительную привычку. Стоит ему поймать какую-нибудь дрянь, как он начинает защищать ее и оберегать. Я убиваю их, потому что хочу, чтобы он страдал. От невозможности спасти их. От полного бессилия, как когда-то от этого

страдала я в его руках. Он сломал мне жизнь, и я никогда не дам ему забыть об этом.

— Нет, Ника. Ты давно уже простила его. И как бы ни было мне жаль, ты любишь его. И это не месть, а ревность. Самая обычная ревность.

— Пусть ревность, — согласилась я. — Но не такая, как ты думаешь. Все эти шлюхи делят с ним постель по собственной воле, а не по принуждению. Они слышат от него люблю. Он целует их и ласкает. И только ко мне он относится иначе. Он не оставил мне выбора в том, быть с ним или нет. Поцелуи для меня — событие, из ряда вон выходящее. А уж про слова я вообще молчу. Он попросту не считает нужным мне их говорить.

— Вероника, родная, каждый из нас любит по-своему. Это прозвучит грубо, но я не могу не сказать. Да, он их трахает. Но и только. А тебя он любит.

— Не понимаю, какого дьявола ты на его стороне?!

— Я на твоей стороне, — он выделил слово твоей.

— Все, к псам тебя! Жди меня снаружи комнаты, — приказала я, разрывая связь, чтобы не наговорить туда лишних глупостей.

Ну все, он меня выбесил и теперь-то я уж точно на Ольге отыграюсь. Михаил понял это по моему взгляду и вздохнул, неодобрительно покачал головой, но возражать не стал. Вот и ладненько. Я открыла дверь и вышла из темной комнаты в не менее темный коридор, прошла до соседней двери и остановилась перед ней, расплылась в довольной предвкушающей ухмылке. Я не прощаю обидчиков, Ольга. Не надо было дергать Сциллу за хвост, это вам не домашний песик. Михаил также покинул комнату и встал рядом, расслабленно оперся спиной около двери и, скрестив руки, покосился на меня, то ли ожидая, что я передумаю, то ли что войду. Отлично.

Я распахнула дверь в ее комнату. Помещение было средних размеров, здесь помещалось кресло, столик рядом с ним, рабочий стол в дальнем углу с еще одним креслом и несколько шкафов с книгами и какими-то бумагами около ныне зашторенного окна. Вокруг стоял полумрак, разгоняемый лишь огнем камина, и в нем было не разглядеть содержимое шкафов — какие-то книги. Меня полумрак давно не смущал, я привыкла к темноте. Кресло стояло спинкой ко входу, и Ольгу видно не было, одна только ее рука лежала на подлокотнике. Рука в привычной одежде канца — рукав белой рубашки окрашивался пляшущими язычками пламени. Я вошла довольно шумно, да и двери открывались не беззвучно, однако Ольга не пошевелилась. Она там жива вообще? Кольнуло разочарование. Если мертва, то у меня отняли игрушку. Впрочем, если так, я найду убийцу и отыграюсь на нем. Хотя минутку, пальцы пошевелились, значит живая. Однако я успела сделать лишь шаг, раздумывая, что же все-таки не так.

— Здравствуй, Вероника, — голос брата ввел меня в ступор, а уже через секунду — в ярость.

— И давно ты тут? — я осталась стоять, судорожно сжимая пальцы в кулаки и разжимая обратно, пытаюсь справиться с гневом, из-за которого даже мир вокруг потемнел и частично выцвел.

— Третий вечер. Ты не торопилась. Иди сюда, у меня для тебя кое-что есть.

Он оторвал спину от кресла и потянулся вперед, к столику, что стоял перед ним. Ноги сами заставили меня выйти из темноты и подойти к свету огня. Опять этот его тон, которому так сложно сопротивляться, и это ощущение рассинхронизации с самой собой... Стоило оказаться рядом, как он одной рукой сгреб меня за талию и заставил сесть к себе на колени, а второй поднес мне стакан, взятый со стола.

Яблочный сок. Теплая рука на поясе. Губы у виска. И он рядом — такой родной и близкий. Оказывается, я очень сильно по нему скучала... Я выдохнула от избытка чувств и взяла в руки стакан, расслабленно привалившись к нему боком. Мир снова принял привычные цвета.

— Ненавижу тебя, — тихо пробормотала я, кусая нижнюю губу.

— Я соскучился, — это прозвучало, как обвинение.

В детстве мы не всегда сидели в разных креслах, когда он читал мне. Иногда я забиралась к нему на колени и сидела прямо как сейчас. Было невероятно хорошо — сидеть с ним вот так. Губы задумчиво мазнули мне по виску, а ладонь погладила по волосам. Привычный приятный жест. Я поймала себя на том, что так никогда не делали ни отец, ни мать, а полюбила я этот жест из-за него. От воспоминаний захотелось разреветься. Как в одном человеке могут жить одновременно ангел и чудовище?.. Впрочем я и сама не лучше.

— Я убила эхо Гхаттота, — негромко произнесла я и отхлебнула сок. — Точнее, мы с Михаилом.

— Я знаю, был там после вас.

Огонь тихо потрескивал поленьями в камине. Влад не смотрел на меня, он приподнял подбородок и оперся им о мою макушку, глядя на огонь и обняв меня крепче.

— Кровавую баню там устроила не ты, полагаю?

— Не я. И не Михаил. Гхаттит, — я помолчала. — Как ты нашел то место?

— Я теперь официальный агент Отдела. Мы впятером с Анной, Ольгой и двумя твоими подопечными выявили всех вампиров и раскрыли их шпионов в Отделе. Знаешь, без твоих способностей это было значительно сложнее, чем обычно. Я ведь не могу без тебя использовать и свои возможности. Не хотелось бы в приступе безумия убить своих союзников и уничтожить город.

Я поставила полупустой стакан на стол и улеглась поудобнее боком, опираясь на его плечо, и разглядывала стоячий воротник и открытую полоску груди у расстегнутой на пару пуговиц рубашки. Влад тем временем продолжал:

— Вампиров в сенате убили всех, кого успели, остальные сбежали, но их осталось мало, не уйдут. Государь лично поблагодарил Ольгу за отличную службу на благо государства, а мы с тобой получили амнистию. Наше родовое поместье нам вернули, и я сейчас живу там.

— У тебя все получилось. Завидую...

Я нервно затеребила пуговичку на его белом воротнике и пожаловалась:

— А у меня не получилось. Эхо Гхаттота умер, Кайрадж нанес по богу удар, но к сожалению, у Гхаттота нашлось второе эхо. И я до сих пор не могу его найти! Кайрадж сделал меня богом и ушел уже два месяца назад, а я все еще не нашла своего главного врага, — я снова нервно закусил губу и потянула на себя его воротник, уткнулась носом в шею. — Может тебе что-то известно про него?

— Не ищи его, — вздохнул Влад и снова крепче прижал меня.

Странные интонации скользнули в его голосе. Нотки, которых и не заметишь, если не знаешь моего брата. Что-то не так... О чем он думает? Благодаря своему новому божественному дару я могла ощущать эмоции и мысли даже у агентов первой волны. Я коснулась губами его кожи на шее в недопоцелуе, скрывая свои намерения, и бесцеремонно полезла в его мысли. Ничего. Стена. Будто я и не бог вовсе. Но почему? Что происходит? Догадка о причине, единственно верная, поразила меня, и я резко дернулась, высвобождаясь из его объятий. Наконец взглянула ему в глаза. И когда он также перевел взгляд на меня,

узнала эхо. Второе... нет, основное эхо Гхаттота.

Он надавил мне на плечо, силой уложив назад в свои объятия, но меня пронзила паника от очередной вспышки ощущения беспомощности в его руках, и я забарахталась, пытаюсь высвободиться. Он разжал хватку, и я вскочила, пытаюсь справиться с подступающей истерикой:

— Не ты ли говорил мне, что не надо связываться с богами? — я начала отступать к камину, становясь для него все более темным силуэтом на фоне жаркого пламени. — Не ты ли считал, что миру не нужны боги?.. Михаил!

Последнее слово я выкрикнула вместе с эмоциональным импульсом, направленным Михаилу. Тот буквально вломился внутрь, потому что в выплеснувшейся от меня эмоции сквозила истерика. Бывший призрак мерцнул ко мне прямо от входа и сразу оценил ситуацию, заметив Влада, вот только замешкался, потому что не понял, от кого или чего меня надо спасать. Брат по-прежнему сидел в кресле, и с появлением Михаила лишь напряженно сжал подлокотники, не совершая угрожающих действий. А после начал говорить мне:

— Он стал звать меня уже давно. Весь первый год, до твоей неудачной попытки меня вытащить, я сопротивлялся его зову. Когда меня перевезли, я ждал тебя еще три года, но потом понял, что ты не придешь. Тогда мне стал наплевать на свою жизнь, и я решил, что его зов — отличная возможность лишиться его главного последователя. Став им, я попросту ничего не мог сделать из того, что он требовал, да и не собирался, как бы сильно он ни требовал. Ценой вечной борьбы я нейтрализовал Гхаттота. Я тогда не знал, что он может получить себе второе эхо, но даже так вторым значительно слабее меня, потому что он вторичен.

— Влад... Пока ты жив, Гхаттот не уйдет.

— Ты сильно усложнила мне задачу. Ты сглупила в своем желании стать богом, и теперь пока жива ты, у мира все равно есть бог. Я никогда не хотел твоей смерти, ты сама себя подставила по собственной глупости.

Он поднялся с кресла, сделал пару шагов ко мне, и я малодушно попятилась от него и от камина. Михаил сделал шаг вперед, закрывая меня собой. Шок был настолько велик, что я просто не знала, что делать. Сражаться с Владом? Это какая-то глупая шутка, так не может быть. Не может все быть настолько плохо. Я не могу поднять на него руку. Да и он, похоже, не собирается меня убивать, по крайней мере сейчас.

— Вероника. Иди ко мне, — снова приказные нотки в голосе, и я еле устояла, чтобы не шагнуть к нему. — Мы придумаем что-нибудь. Останься со мной.

— Не слушай его, — Михаил не обернулся на меня, но одну руку поднял, явно собираясь меня остановить, если мне вздумается идти. — Ты не обязана его слушаться, помнишь?

Я опустила взгляд на свои ладони. Пальцы дрожали. Я отступала назад к окну, в темноту, подальше от черного, на фоне огня, силуэта с синим глазами. С такими же синими, как у меня, глазами. Такими же черными волосами. Такого же безумного. Я уронила лицо в ладони, ощутила, как дрожат пальцы. Влад пошел в мою сторону, но Михаил встал на его пути. Мой бедный призрак. Между Сциллой и Харибдой.

— Забери меня отсюда, Михаил. Забери меня! — я с трудом осознавала происходящее, и мне казалось, что я это выкрикнула, но на самом деле лишь прошептала.

— Стой, Влад! Мы просто уйдем. Если любишь ее, остановись.

Это был голос Михаила, но что он говорит? Не понимаю. В голове зашумело. От шока

потеряла концентрацию, перестала закрываться, и в моей голове снова зашумели тысячи голосов. Я перестала воспринимать действительность.

— Забери меня! Забери! — мой голос из панического сменился на умоляющий. — Прошу...

Кажется, я начала падать. Меня подхватили на руки. Интересно, это Влад или Михаил? Кто бы он ни был, он просто понес меня, пешком и без суеты, не побежал, а просто пошел. Кажется, все-таки Влад. Только у него такие стальные нервы. Надеюсь, не на жертвенник понес... Мое сознание помутилось окончательно. Слишком много информации приходило ко мне от голосов. Да и знать, что будет дальше, не слишком хотелось: кто бы меня ни нес, судьба незавидна. Потому что впереди ждет битва, и кто бы из нас с Владом ни победил, проиграют оба.

Когда я открыла глаза, то уже лежала в кровати: раздетая, под одеялом, в объятиях Михаила. Он тоже спал без одежды. Мне нравилось прижиматься спиной к его груди. Я никогда не рассказывала ему почему. Не могла же я сказать, что из-за Влада, который любил засыпать со мной именно так, даря мне тем самым ощущение защищенности. Может Михаил прав, и я в самом деле люблю брата? Ну конечно он прав, просто я не хотела это признавать. Я действительно давным давно простила Влада. Я не хочу его терять. Мне тяжело без него. Но и без Михаила мне тяжело. Они нужны мне оба.

И что теперь делать со всем этим? Влад бы хотел, чтобы я все-таки освободила мир от богов. Но единственный выход — это тот путь, по которому я иду. Богом буду я, потому что на самом деле бог должен быть, иначе все равно придет другой. Для этого мне придется убить Влада. Я его знаю. Он не хочет умирать, но если это единственный шанс достичь цели всей его жизни, он сделает это. Да он уже и пытался, просто не смог. Придется ему помочь. Я не хочу этого, и совершенно не представляю, как смогу сделать. Но ради него же самого, ради его же цели — я должна. У меня просто нет выбора, потому что он бы этого хотел. Щеки защекотало от беззвучных слез. Чтобы не разбудить Михаила, я пошевелилась совсем немного, просто закрыла ладонями лицо, но он все-таки проснулся. А может и не спал уже.

— Ника...

В его голосе сквозило сочувствие. Он все понимал. И я поняла, что не могу больше держать это в себе. Я всхлипнула, повернулась к нему лицом, и разревелась.

— Я не смогу, Михаил... — говорила я между всхлипываниями. — Не смогу... Ты абсолютно прав, я люблю его... Я не смогу... Но я должна... Не знаю, что мне делать... Что бы сделал ты на моем месте?..

Он молчал и просто прижимал меня к себе. Я проревела около десяти минут, прежде чем начала успокаиваться. Все-таки рядом с Михаилом было хорошо, и я понемногу расслаблялась. Все закончилось тихими всхлипываниями, после которых в голове наступило какое-то отупение. Мысли шевелились вяло и нехотя. Мне не хотелось принимать решение. В основном потому, что оно и так было очевидно. Влад придется убить. Он умрет в любом случае. Даже если убьет меня, он найдет способ убить и себя, чтобы избавить мир от последнего бога. И еще я знала: ради своей цели, ради великой идеи он готов на многое. Почти на все. Он не будет хотеть этого делать, но меня он убьет. Да, потом оплачет и будет страдать, но убьет. Таким образом мне в любом случае грозит смерть от его руки. Принять

решение пойти против брата было значительно легче, пока я считала, что ненавижу его.

С улицы сквозь шторы пытались пробиться солнечные лучи. Уже день?

— Который час?

— Около полудня. Что решила?

— Да что тут можно решить, — я вздохнула. — Будто выбор есть. Если я пошлю к чертям Кайраджа, Гхаттот победит, и все останется как было. А вот если богом буду я, то больше ни один бог к нам не явится. Это единственный шанс все закончить. Нужно только дождаться Кай...

Я не договорила, потому что мир вокруг привычно потемнел.

— Вероника.

Приветственный голос Кайраджа сейчас был тем, что я меньше всего хотела услышать, ведь пока его нет, я не пойду против Влада.

— Ты нашла эхо. Но позволила ему, а через него и Гхаттоту, найти тебя. Гхаттот активировался. Надо действовать. Я не успел восстановиться полностью, но справлюсь. Новых эхо у Гхаттота нет. Он тоже поврежден, не стал бы тратить силы. Убей эхо, и я нанесу удар.

— Это же Влад! Кайрадж, я не хочу его убивать! Мне нужен другой способ.

— Его жизнь держит Гхаттота здесь. Иначе никак.

— А Михаил? Он тоже агент первой волны, не случится ли с ним того же? Не придет ли Гхаттот к нему?

— Гхаттот не видит его. Он умер — связь порвалась. Иди и нанеси последний удар. И каждый из нас получит то, чего хочет.

— Неужели нет другого способа? — спросила я, но Кайрадж ушел, а мир снова посветлел; очевидно, другого способа нет.

— Ника? — Михаил все еще обнимал меня и очень встревоженно на меня смотрел. — Ты замолчала на полуслове. Ты в порядке?

— Кайрадж приходил, — я вздохнула и уткнулась носом ему в шею. — Влад надо убить.

Он лишь молча погладил меня по голове, да больше мне сейчас было и не нужно.

Я стояла перед своим родовым поместьем. На город медленно опускались сумерки, словно это я принесла с собой ночь. Сделать это я должна была одна, так что Михаила рядом не было. Уговаривать его остаться пришлось очень долго, подействовал лишь аргумент, что если Влад возьмет его под контроль, Михаил сам причинит мне вред и помешает. Против Влада Михаил сейчас не боец, как бы ни хорохорился. Мой брат обладает способностями, которые касаются не только трупов, но и душ. Злая темная магия. И за прошедшие десять лет его дар вырос не только в силу возраста, но и потому что он стал эхом нашего главного врага. И именно мне предстоит положить этому конец. Все это началось в нашем доме со смертью родителей, здесь же и закончится.

Я подошла к дверям. Когда-то здесь целовал меня Леонид, первый мужчина в моей жизни. Теперь-то я понимала, почему Влад тогда избил его. Не только за то, что он причинил мне боль. За то, что тот покусился на его собственность, на меня. И как не убил только? Может потому, что тогда еще в нем не было черной крови. Хотя если подумать, я

отравила свою однокурсницу, когда во мне тоже еще не было черной крови. Я потянулась к дверной ручке. Потянула за дверь. Открыто. Влад ждет меня. Что ж, логично.

Я шагнула внутрь и после маленького узкого коридорчика между двумя дверьми сразу оказалась в гостиной. Мне в висок уперся пистолет.

— Не поворачивайся. Не шевелись, — голос Никиты — последнее, что я ожидала услышать. — Не делай лишних движений. Я не хочу спускать курок.

— Вам не стоило приходить, уважаемая Сцилла, — голос Виктора с той же стороны.

Мне не нужно было поворачиваться, чтобы ощущать их эмоции. Виктор тих и спокоен, как стена. В эмоциях Никиты я улавливала решимость. Злость на меня за то, что я оказалась его противником, я ведь ему серьезно нравилась. Он действительно не хочет меня убивать, но понимает, что должен. Он явно заставлял себя решиться, а я обдумывала, стоит ли его спровоцировать или действовать иначе. В конце концов пистолет для меня опасен, я хоть и обладаю божественными силами, но смертна. За меня все решил Виктор. Он, продолжая лениво крутить в руках трость, неожиданно ударил Никиту ею в висок. Безглазый лев набалдашника точно попал в цель, и Никита попросту свалился без сознания, выронив оружие. Я с удивлением повернулась на Виктора. Тот усмехнулся, а затем церемонно поклонился, указывая на гостиную ладонью.

— Прошу, уважаемая, проходите. И простите моего нерадивого глупого друга за его поступок. Уверяю, он хотел как лучше, не убивайте его.

Я усмехнулась в ответ:

— Никогда не сомневалась в наличии у тебя ума.

— Это еще не все, — Виктор вытащил монетку из вариума и покрутил в пальцах, а затем легонько подбросил ее, и та зависла над его указательным пальцем. — Я понял ее, Сцилла. Это было крайне занимательно, благодарю вас. С удовольствием продолжил бы обучение у вас. Надеюсь, я могу на это рассчитывать?

На этот раз мой смешок был горьким.

— Виктор, ты ведь знаешь, зачем я здесь. Сегодня погибнет один из нас: либо я, либо мой брат.

— О, вы выживете. Иначе вы не были бы Сциллой, Вероника.

Я не стала с ним спорить. Он видел во мне беспринципную стерву. Возможно, именно это во мне ему нравилось. Но он не понимал самой важной вещи...

— Ты не видишь главного, Виктор. Считай это самым важным уроком. Не любая цель оправдывает средства. Однажды ты поймешь, — когда полюбишь, вот чего я не стала договаривать.

Его брови поднялись. В эмоциях скользнуло удивление:

— Звучит так, словно вы пришли сюда не убить врага. Зачем тогда?

— Где он? — я проигнорировала его вопрос.

— Здесь, — Влад отозвался со стороны лестницы.

Он стоял внизу, боком прислонившись к перилам, скрестив руки, и наблюдал за нами. Привычная поза. Привычная одежда. И наш дом, каким я его помнила. Я словно вернулась на двадцать лет назад. Наконец я обратила внимание на мольберт в углу и краски. Холст был чист, краски свежие, брат собирался рисовать, но похоже, не смог. Что ж, я его понимаю, сейчас и я бы не смогла сыграть на пианино. Не потому что разучилась, а потому что настроения не было. Поддаваясь внезапному порыву, я направилась к мольберту. Провела пальцами по маслу. И почему я зацепила только красный и черный цвета? Повернулась к

Владу. Он отстранился от стены, опустил руки, пристально глядя на меня:

— Виктор, покинь нас.

— Он останется, — возразила я.

Влад промолчал, продолжая неотрывно следить за мной. Я подошла и потянулась измазанной в краске рукой к его лицу. Мы оба знали, что должно произойти сегодня, и оба не желали этого, оттягивали момент, как могли. Брат не пошевелился, остался стоять, позволяя моим пальцам скользить по своей щеке, оставляя на ней красно-черные полосы. У тебя по всему лицу черная краска, — сказал он мне когда-то очень давно, глядя на мои черные слезы. И мы прочитали в глазах друг друга это воспоминание, одно на двоих.

Влад ничего не сказал, он резко схватился за мое лицо, пальцы вцепились в подбородок, отчего я слегка вздрогнула, но отшатнуться не успела, он жадно впился в мои губы поцелуем. О Викторе он то ли забыл, то ли ему было наплевать. Я схватилась за его рубашку, размазав масло и по ней. Впрочем, скоро на его рубашке появятся новые красные пятна, и это будет не краска. Влад наконец отпустил мои губы, оставив меня жадно глотать воздух.

— Раздевайся, — произнес он, пристально глядя в глаза.

Воспоминания нахлынули разом. Я слышала это слово в этом доме тысячи раз. Я ненавидела его за это слово, боялась и любила. Каждый раз реагировала по-разному. Он говорил это в каждой из комнат. И здесь, в гостиной, тоже. Я закусила нижнюю губу, чтобы удержаться и не выполнить требование. Сопротивляться было сложно, да и не хотелось.

— Я здесь не за этим, — произнесла я почти жалобно.

Его пальцы скользнули мне по лицу и взяли его в ладони. Он изучал меня взглядом:

— Пришла убить меня? Ну так убей, — его спокойный приятный голос резал мне по нервам.

У меня задрожали губы, и слезы полились сами собой, отчего его пальцы сразу стали мокрыми:

— Я не знала, что это будет так сложно!

— Ну что ты реवेशь, как обиженный ребенок, — пожурил он, стирая большими пальцами влагу с моих щек и не выпуская лица из рук.

Когда я в детстве разбила коленку, он вел себя точно так же. Так же стирал слезы, тем же тоном успокаивал. И я задыхалась от безысходности ситуации.

— Ты не сопротивляешься! — кажется, я действительно обижалась на него за то, что он не давал мне повода начать, а сама я не могла.

— Ну ты еще ничего и не делаешь, — усмехнулся он.

И где-то в этот момент я смирилась с тем, о чем думала всю дорогу сюда: я не смогу убить его. Я не он, не могу даже ради целого мира убить того, кто мне так дорог. Он смог бы. Мучился бы, страдал, но сделал бы. А я не могу. Я проиграла. Гхаттот победил. Значит надо убрать хотя бы Кайраджа. И я знала, что делать. Умереть, ведь я все еще его эхо. Стало легче, я наконец-то приняла решение.

Кажется, что-то изменилось в моем взгляде, а может просто слезы перестали течь, потому что Влад разом напрягся, и его пальцы замерли. Он вглядывался мне в глаза, пытался понять, о чем я думаю. Я медленно подняла пальцы обеих рук, будто собиралась взять его за лицо. Очень даже угрожающий жест от той, что может влиять на разум прикосновением и выпускать электричество из пальцев, и он это понял. По его телу мгновенно за клубилась тьма. Он разжал пальцы, отпуская мое лицо, чтобы не касаться меня:

— Не шевелись, — угрожающе приказал он, и что-то такое было в его голосе, что я

замерла.

Покосившись вбок, я заметила, что расходящаяся от него тьма щупальцами зависла над моей шеей. Коснись я его — умру. У меня на губах расплылась ухмылка. Он должен думать, что я на самом деле сражаюсь, и я собиралась это делать. Влада надо довести до состояния боевого ража, в котором он сначала будет реагировать на угрозу, а только потом думать. Так проще всего заставить его меня убить. Для этого нужно убедить его в том, что я серьезна. Интересно, нанесет ли он сейчас мне удар или блефует? Нет, не нанесет, пока рано. И я вцепилась пальцами в него, сразу пуская мощный электрический разряд. Его с силой швырнуло спиной в стену лестницы, у которой он стоял, а я попятилась назад. Покосилась в сторону Виктора, но тот предусмотрительно не вмешивался, однако внимательно наблюдал за нами, оставаясь рядом с Никитой, полагаю, на случай, если тот придет в себя. Влад устоял на ногах лишь благодаря стене, с которой прямо сейчас осыпалась штукатурка. Он тряхнул головой, провел ладонью по лицу, размазав краску, и перевел взгляд на меня.

— Я убью тебя, — спокойно сказал он. — Так что либо ты защищаешься, либо погибнешь, и твой призрак отправится с тобой.

Он раскинул руки, и тьма раскинулась во все стороны. Оплела окна, двери, перекрывая проходы, будто очерчивая границы поля боя. Я окинула взглядом стремительно темнеющее помещение. Виктора и Никиту тьма обошла, оставив снаружи и скрыв с моих глаз. И теперь от Влада стала расходиться мгла — тьма, покрывающая все вокруг внутри этих границ. В свое время я долго привыкала различать виды его тьмы. Сейчас здесь ее было две. Сквозь одну он мог перемещаться. Вторая слушалась его, словно щупальца. Я перестала видеть его лицо и даже не знала, где он, однако лишь хмыкнула:

— И это все, на что ты способен?! — крикнула я в темноту. — Ну давай, удиви меня чем-нибудь! Потому что мне есть, чем тебя удивить!

Его силуэт мелькнул и появился совсем рядом со мной, и примерно в то же время я ударила вспышкой молнии, разогнав мглу рядом с собой и осветив брата. Только так ему можно было нанести урон, и я ногтями врезала ему по лицу, оставив на его черно-красной от масла щеке крупные рваные раны, словно это были не человеческие ногти, а когти огромного чудовища. Ого, да у меня новая способность? Влад отшатнулся и замер на расстоянии пары метров. Провел ладонью по щеке, не отрывая от меня глаз, а затем бросил взгляд на окровавленную руку.

— Я не собиралась возвращаться за тобой в твою тюрьму, Влад, — я намеренно была по большому. — Потому что я сумела упрятать тебя, чудовище, за решетку. И если бы не Отдел, я бы не пришла. Потому что таким, как ты, не место среди людей. А сейчас для меня ты еще и досадная помеха, жалкая шавка Гхаттота. Не станет тебя — и я приберу к рукам этот мир!

Не знаю, какие из моих слов его задели, но от него повеяло злостью. Я в ответ рассмеялась. Знал бы кто, чего мне это стоило. Мрак снова бросился на меня, а Влад пропал с того места, где был. Началась наша с ним пляска в темноте. Мои молнии вспыхивали, разгоняя его тьму. Мрак наступал, подавляя свет молний. Брат все-таки сумел задеть меня несколько раз, и я пересчитала собой пару стен, чудом не сломав руку. Но и я сумела задеть его, немного поджарив и нанеся несколько ран от когтей, но уже более серьезных: бок и спина.

Если сложить наш обмен любезностями, пока что побеждала я, и меня это совершенно не устраивало. К тому же силы мои кончались, молнии слишком много их тратили, несмотря даже на то, что я не поддерживала их постоянно, а лишь была вспышками. И если я потеряю

все силы, он сумеет остановиться, что тоже было мне не на руку. Пора переходить к серьезным угрозам. Пистолет Никиты подойдет. Последний удар меня о стену пришелся рядом с мольбертом, что дало мне возможность сориентироваться в пространстве, и я бросилась туда, где находился Виктор. Помню, Влад не стал трогать это место.

Кажется, мой замысел братец понял, так что к моменту, когда я, искрясь электричеством, подскочила туда, обнаружила сразу несколько вещей. Во-первых, ни Виктора, ни Никиты там уже не было, похоже, он все-таки вытащил своего друга из-под нашего огня. Во-вторых, тьма и мгла уже заполнили это место. А в-третьих, одно из щупалец уже схватилось за оружие. Я метнула в него молнию, перехватила пистолет и наугад пальнула в темноту. Разумеется, мимо. Я пригляделась, выискивая передвижения брата. По обрывкам его эмоций я могла его передвижения различать, несмотря на то, что тьма казалась непроглядной. Еще пара выстрелов ушла в никуда, а затем я пропустила удар, свалилась на спину, и оружие оказалось выбито из рук. Тьма обхватила мои запястья, прижимая к полу, а надо мной вырос силуэт с направленным на меня пистолетом и раздался выстрел. Уворачиваться от выстрела я не собиралась и уже ожидала, как все кончится, однако пуля лишь выбила искры рядом с моим лицом. Но Влад не промахивается. Никогда. И уж тем более не из револьвера. Холодное дуло прислонилось к моему лбу, а тень брата нависла надо мной.

— Назови мне хоть одну причину не убивать тебя, — голос слышался буквально отовсюду, как бывало всегда в такой мгле.

Если не убил сразу, то и не убьет, и причин не надо, уж я-то его знаю. И тут в голове сложились два и два. Да ведь пистолет там лежал очень давно, и в отличие от брата, я в этой мгле не вижу. Ему достаточно было взять его и пристрелить меня, я бы и не поняла ничего. А все, что он делал — лишь играл со мной, пытаюсь прогнать. Вот и сейчас просто пугает. От этого стало смешно. Невероятно смешно. Может просто истерика началась, не знаю, но я расхохоталась. Он мог убить меня в любой момент. Нет, правда. Но так же, как и я, не смог поднять на меня руку.

— Тряпка... — сообщила я ему, всхлипывая от слез смеха. — Ты просто... тряпка, братец...

Его пальцы вцепились мне в шею, дыхание перехватило, и я подавилась смехом. Мои раскинутые в стороны запястья удерживали щупальца тьмы. Привычные пальцы знакомо сжимали горло. Я могла поклясться, что в непроглядной тьме вижу его синие глаза.

— Ты убьешь меня, Вероника, но лишь когда я прикажу.

Его приятный голос сейчас слегка хрипел, и в нем я слышала и ощущала ту самую мощь, которой никогда не могла сопротивляться. От нее меня пробрало дрожью и парализовало нервы. Это возбуждало. Его пальцы сжались сильнее, лишая меня кислорода. Я хотела вцепиться в его руку, но запястья удерживались тьмой, оставалось лишь жадно глотать остатки воздуха. А ведь у меня еще были силы на то, чтобы как минимум шарахнуть молнией. Но я не могла использовать это против него, потому что не хотела, мне было на удивление хорошо. Он сильнее, он имеет право делать со мной все, и мне это нравится. Брат склонился к задыхающейся мне, и его выбившиеся из хвоста волосы защекотали мне щеки.

— Ты будешь делать то, что я прикажу. Всегда, когда прикажу. Ровно так, как прикажу. И не посмеешь ослушаться. Это понятно?

— Да... — прохрипела я.

Каждый раз, когда я в таких случаях говорила да, меня охватывало блаженство

вперемешку с возбуждением, и я готова была соглашаться с ним еще тысячу раз. Я словно впадала в транс.

— Держи, — он вложил мне в правую руку пистолет, и тьма оставила мои запястья в покое, а его хватка на шее ослабла, возвращая мне воздух. — Направь на меня. Возьмись крепче. Да, вот так. А теперь нажми на курок.

Мои пальцы задрожали. Дуло у его лба заходило ходуном.

— Ну же! — голос закричал на меня отовсюду. — ЖМИ!

Этот окрик стал последней каплей. Я быстро, чтобы Влад не успел ничего сделать, перехватила пистолет, развернув на себя, и выстрелила. Он все-таки успел среагировать — выбил оружие, не позволив ранить саму себя, а затем перехватил его и приставил к своей голове.

— Я не могу себя убить! Ты понимаешь это?!

С каждым словом он ежесекундно нажимал на курок. Осечка. Осечка. Осечка.

— Ты должна сделать это, Вероника, я не могу сам!

Щелк. Щелк. Щелк. Щелк.

— Должна! — в его голосе сплелись злость и мольба.

Вот еще! Вздумал убить себя моими руками?! Я ударила по револьверу, выбив его из рук, и заорала от злости:

— Я никому ничего не должна!

— Не будь малодушной! Делай то, зачем пришла!

— К черту тебя! И Гхаттота твоего к черту! И Кайраджа туда же! Я не могу убить того, кого люблю!

— Я тебя изнасиловал! Ты меня ненавидишь! Если не убьешь меня, я снова сделаю это с тобой!

Я не видела его лица в этой крошечной тьме, которая кричала на меня со всех сторон, но готова поклясться, что его синие глаза потемнели. Пистолет ударился мне в бок, выброшенный тьмой. Пальцы схватились за мою одежду и вместе с темными щупальцами просто порвали ее, оставив меня совершенно обнаженной лежать на ее остатках. /Книг/о/люб./нет/ Он вошел без предупреждения, вырвав из меня стон удовольствия. Я уже давно была возбуждена, и сейчас в порыве эмоций застонала в голос. Его пальцы вцепились в мою шею снова, а голос наконец-то начал исходить именно от него:

— Ты... должна... меня... убить... — говорил он по слову с толчком, словно толчками закреплял каждое сказанное им слово.

Влад хочет, чтобы я его убила, потому что понимает, что один из нас все равно умрет, и он не хочет, чтобы это была я.

— Люблю... — выдохнула я, закончив это очередным стоном.

Мгла начинала понемногу рассеиваться, только щупальца тьмы пока еще колебались вокруг, однако обзор уже не загоразживали, и я увидела своего противника и любовника. Снять с себя одежду брат не потрудился, лишь спустил штаны, одной рукой опирался на пол около меня, а второй сдавливал шею. И я сходила с ума от удовольствия. Паркет под моими ногтями покрывался глубокими бороздами, словно я царапала его огромными когтями. Я стонала, а может шипела, не знаю. Брат давно приручил меня, и мне это нравилось. И с каждым очередным движением во мне он снова и снова доказывал это. И я, словно выпустив на волю внутреннего зверя, отбросила все мысли, просто наслаждаясь происходящим. Моя реакция возбуждала его, и я ощущала это, ловила эти эмоции, и наслаждалась ими,

возбуждаясь еще сильнее. И наконец я закончила, издав протяжный стон, и вместе с этим Влад ударился в меня последний раз, получая свою порцию удовольствия. Он оперся по обеим сторонам от моей головы, тяжело дыша, и склонил влажный лоб к моему плечу. А я вдруг поняла, как мне стало легко. Мне было тяжело без Влада так же, как когда-то без Михаила. С последним мне хотелось ласки и нежности, я испытывала самые положительные чувства, как любой нормальный человек, а с первым — агрессия и ярость, и с ним я могла выпустить на свободу это чудовище, что жило во мне, освободиться от него хотя бы ненадолго.

Я запустила пальцы в его волосы и погладила, расслабленно оставаясь лежать. Потолок. Родной потолок родного дома. Сколько раз я видела его вот так, лежа на полу. И причиной всему этому — Влад. Как и сейчас. Кажется, все вернулось на круги своя. Только мы изменились.

— Что нам делать, Влад? — тихо прошептала я, продолжая копошиться в его волосах.

— Придумаем что-нибудь, — ответил он и приподнялся с меня, заглянул мне в глаза с усмешкой. — Сымпровизирую, как обычно.

Я грустно улыбнулась, а он натянул штаны и поднял меня на руки. Я зашевелилась, пытаюсь сползти, но его недовольный голос меня остановил:

— Не дергайся, — произнес он тоном, не терпящим возражений, и я чуть глаза не закатила: ну конечно, как же еще, прежний Влад вернулся. — Пол холодный, ты не будешь по нему босиком ходить.

— Влад, я не болею с тех пор, как приняла черную кровь, — возразила я, но дергаться перестала, пусть несет, так и быть.

Уже через полчаса я сидела в своей любимой комнате в своем кресле, завернувшись в домашний халат брата. Он прекрасно помнил, что я люблю это место, и подготовил его для меня. Огонь жевал поленья, с удовольствием ими потрескивая. В руке у меня был стакан с яблочным соком, и я сидела в кресле, поджав ноги и опираясь на подлокотник. Влад не сидел в соседнем кресле, как мне бы хотелось, а стоял и смотрел в окно. Шторы были раздвинуты, но с улицы в дом попадала только темнота. Темные тучи над городом не давали ни единого шанса луне и звездам показать себя.

Я задумчиво наблюдала за братом. Ситуация безвыходная, и как бы он ни любил говорить, что третий путь есть всегда, сейчас он не прав. Размышления прервал звонок в дверь. И кого там принесло? Влад отвернулся от окна, бросил на меня взгляд и направился к выходу. Это все тоже было очень привычно. Он не сказал ни слова, однако я все поняла. Сиди здесь, ты раздета, — вот что он имел в виду. А еще глубже, за этими словами, стояло я не жду гостей, так что там может быть опасно, и вместе с этим — я убью каждого, кто увидит тебя без одежды. И он знал, что я понимала все, что он собирался донести. Тем не менее, как только он вышел, я тихо выскользнула следом, на ходу затягивая халат поясом, чтобы не распахнулся. Кто это там к нему заявился? Анна? Или, может, Ольга? Кто сегодня пойдет мне на корм? Я мстительно усмехнулась, скрываясь за углом, разделявшим меня и лестницу на первый этаж, с которой было видно вход в дом. К моему удивлению в дом шагнул Виктор.

— Я заметил, что здесь все стихло, — произнес Виктор, опуская трость на пол и складывая на нее ладони, — потому посчитал своим долгом проверить лично, как все закончилось.

Брат смерил его взглядом, а затем, не поворачиваясь, громко произнес:

— Вероника, хватит прятаться. Иди сюда, к тебе пришли.

Я закусила нижнюю губу. Иногда, вот как сейчас, мне кажется, что знает он меня слишком хорошо. Может даже лучше, чем я сама. И я спокойно вышла из-за угла и начала спускаться по лестнице.

— Я не... — начал возражать Виктор, но брат прервал его, подняв руку.

— Не нужно считать меня идиотом. Надеялся, что она меня убьет, и пришел проверить, — он чуть нахмурился, а голос стал угрожающим. — Ты ее не получишь.

— Влад, хватить пугать малыша, — я с улыбкой подошла и посмотрела на Виктора. — А где Никита?

Он прогулялся взглядом по мне с головы до ног, затем, будто опомнившись, бросил опасливый взгляд на Влада. Но тот в данный момент уходил, повернувшись спиной, и ничего не заметил.

— Я отправил его к врачам Отдела, чтобы избежать для всех нас лишних неприятностей, — продолжил Виктор. — Вряд ли его отпустят раньше завтрашнего утра.

— Хорошо. А теперь ответь, почему он хотел меня убить?

— О... — на секунду Виктор стушевался, но быстро взял себя в руки. — Не злитесь на него, прошу. Он всегда был романтиком и считал себя борцом за справедливость. Осознание того, что вы оказались главным врагом, стало для него буквально концом света. Вы нравитесь ему, Вероника, так что поверьте, ему было очень больно поднимать на вас оружие. Я просто не успел его вразумить до вашего прихода.

Стало грустно, и я вздохнула. Что ж, это не первая и не последняя потеря в моей жизни. И почему до сих пор я не привыкла к этой боли?

— У меня к тебе есть просьба. Тебе нужно прямо сейчас заглянуть к своему отцу.

— Зачем? — удивлению Виктора не было предела.

— Найдешь там Михаила. Скажешь ему, что я жива... Впрочем, это он и так знает. Скажи, я остаюсь здесь, пусть приходит.

— При чем тут мой отец?

Виктор был напряжен и озадачен. Он явно не был доволен, что его отец оказался в это впутан. Ого, да мальчик оказывается о нем по-своему заботится. Странная семейка. Хотя не мне об этом говорить.

— Я жила все это время у него. Он помогал мне и, между прочим, многое сделал.

— Что ж... — Виктор был озадачен. — Как пожелаете. А что вы с господином Князевым теперь будете делать? Как будете убивать богов?

Хороший вопрос, на который у меня нет ответа.

— Виктор, — я проигнорировала его слова, — и поговори со своим отцом. Вам много есть что обсудить. Наладь с ним отношения.

— Это несколько невежливо — лезть в чужой монастырь со своими указами, — недовольно отозвался мой собеседник.

— Ну так не провоцируй меня на это. Просто выполни мою просьбу, вот и все.

— Исключительно из уважения к вам, — Виктор кивнул в вежливом согласии. — В таком случае позвольте откланяться и выполнять ваше поручение.

Разозлился и обиделся. Ну как ребенок, честное слово. Но это уже неважно, им с отцом давно было пора поговорить. Ну что ж, шанс Петру я дала. Надеюсь, воспользуется. Когда за Виктором закрылась дверь, я сразу услышала в спину вопрос брата:

— Давно он в курсе?

Мне не нужно было уточнений, чтобы понять, что Влад спрашивает о наших с ним отношениях. Так и не повернувшись, я ответила:

— Давно. Я ему рассказала, когда он признался в своем интересе ко мне, — самозабвенно солгала я, прикрывая Виктора. — Понадеялась на то, что он разумный человек и не станет подставляться тебе под горячую руку.

Влад ничего не ответил, я лишь услышала, как он встал с диванчика и подошел ко мне. Его ладони легли мне на плечи в обманчивом спокойствии, и внутри меня все сжалось, однако внешне это никак не отразилось, я просто осталась стоять. Неужели каким-то образом брат догадался, что Виктор видел меня без одежды? Убьет же.

— Любопытно, Вероника, ты лжешь мне, но я не понимаю в чем, — его голос раздавался рядом с ухом, и по коже побежали мурашки — то ли от дыхания, то ли от интонаций. — Будь любезна, никогда так не делай, ты ведь знаешь, как я не люблю это.

Он развернул меня к себе лицом, и пристально посмотрел в глаза. Изощренная попытка молчанием, которую я никогда не могла выдержать. Вот и сейчас, глядя ему в глаза, дико захотелось сказать всю правду. Я готова была пощечину себе вlepить, лишь бы не поддаться на этот гипнотизирующий страхом взгляд.

— Ты спала с ним? — он пристально смотрел мне в глаза.

— Нет, — ответила я, глядя ему в глаза, с трудом заставляя голос и все свое тело не дрожать. — Мне холодно. Пол холодный, отпусти.

Он вздохнул, а затем быстро подхватил меня и перекинул через плечо.

— Влад! Какого черта?! — возмутилась я, опираясь ладонями ему на спину. — Поставь меня немедленно!

— Не дергайся, — он шлепнул меня по заднице поверх халата и понес назад к камину.

Я почла своим долгом и правда не дергаться, вследствие чего была благополучно доставлена в любимое кресло.

— Твоя одежда прибудет завтра, — сообщил брат, отходя от меня.

— Какая одежда?

— Я решил, что однажды ты захочешь вернуться домой, и заказал ее для тебя заранее у местного портного. Размеры твои я прекрасно помню.

Он присел на корточки у почти потухшего камина и поправил недогоревшие поленья кочергой, подняв маленькое облако искр и пепла. Все это было так похоже на мою жизнь. Усилиями Отдела Влад ворвался в мою жизнь и начал ворошить в душе те почти угасшие чувства, остатки которых там тлели. И эти чувства — любовь, ревность, боль, обида, да много каких еще — снова полыхнули во мне с его возвращением точно так же, как сейчас на моих глазах разгорался камин. Вот только долго ли осталось этим почти сгоревшим поленьям? Я перевела взгляд на брата. Его спина в рубашке казалась темной на фоне огня, но лицо было ярко освещено танцующими язычками пламени. Он — монета с двумя сторонами, светлой и темной. И почему-то именно сейчас я поняла, как сильно он устал. В его душе такие же поленья, и только я, сама того не понимая, шевелю их, давая жизнь его огню. Только из-за меня он все еще что-то делает. И если бы я умерла сегодня, он бы этой смерти тоже не пережил.

— Вероника!

Я вздрогнула от звука голоса Михаила. Оказывается, я задремала.

— А? Что? — я сонно потерла глаза.

Он стоял рядом с моим креслом и смотрел на меня. Брат, похоже, где-то здесь, иначе

Михаил бы уже давно поцеловал или обнял бы меня. Они с Владом в присутствии друг друга сохраняли в отношении меня молчаливый нейтралитет, не провоцируя друг друга. Впрочем, Влад, бывало, преступал это правило.

— Что произошло? Вы помирились? Придумали другой способ? Ты вообще здесь по своей воле? А то я знаю его методы, — он поднял голову и покосился мне за спину, где, очевидно, находился Влад.

Брат его словесный выпад привычно проигнорировал и отвечать не стал.

— Да, все в порядке, — я вздохнула. — Просто я не смогла. И он не смог.

— И что теперь будем делать?

— Да чтоб вас всех разодрало! Я слышу этот вопрос за сегодня уже в десятый раз. Не знаю я, что делать. Влад у нас тут самый умный, вот пусть он и решает.

— Ладно тебе, не злись, — Михаил улыбнулся и поцеловал меня в висок. — Просто хотел узнать, какие у нас дальше планы.

— Да никаких, — я снова вздохнула. — Не знаю. У меня скоро будут неприятности. К Владу-то Гхаттот не является, а вот ко мне Кайрадж придет, когда поймет, что удар он нанести по Гхаттоту не может, и вот тогда у него возникнут вопросы.

— Боги не люди, — отозвался Влад. — Мы умнее и хитрее. Придумаем что-нибудь.

— Это твой бог не человек, — снова огрызнулась я. — А мой — очень даже почти человек. Он скрывался от Гхаттота, хитрил и вообще, он умеет думать! Мыслит, понимаешь? Он...

Я замолчала, ощутив себя, как гончая, которая напала на след. Мыслить. Надо мыслить. В этом ключ. Бога можно победить его же оружием. Даже не так. Только его оружием и можно его победить. Только бог может прогнать бога.

Животные понимали лишь силу, поэтому против них нужна была только сила. Кайрадж — бог разума и мышления. Против него надо действовать его же оружием, и кому как не эхо, знать, как одержать над ним верх.

— Что-то придумала? — уточнил Михаил, внимательно взглядываясь мне в глаза, сидя передо мной на корточках и положив ладони мне на колени.

— Руки от нее убери, — прокомментировал Влад его действия.

— Я не пытаюсь ее соблазнить, — огрызнулся Михаил, искоса посмотрев на него. — Успокойся, Влад.

— А вот я была бы не против, если бы пытался, — я с усмешкой уставилась ему в глаза.

— Вероника! — недовольно рыкнул Влад из своего кресла.

— Нет, Ника, я на ваши с братом игры не веду, — отозвался с улыбкой бывший призрак.

Михаил начал убирать с меня руки, однако я ощутила, как он провел по ногам поверх халата ладонями, затем скользнул ниже к лодыжкам и остановил пальцы только там. Его страсть к ножкам мне была давно известна. Вот только дразнить Влада было бы не нужно. Ни к чему это. Я покосилась в сторону брата. Он пристально смотрел на нас.

— Раньше я был другим, Влад, — Михаил не отрывал от своего соперника взгляда, а меня не выпускал из пальцев. — Мягче. Теперь думаю, что надо было сразу выбивать ее из твоих черных щупалец. Увы, то время прошло, и я опоздал. Теперь буду жалеть об этом все свое посмертное существование. Но раз уж мне дали второй шанс, глупо им не воспользоваться, как считаешь?

— Э... — он что, собирается устроить здесь драку? — Михаил, не надо. Не провоцируй

его!

Влад пристально смотрел на него. Огонь камина отражался в его глазах и отплясывал там танец адского пламени. Долго молчал, затем произнес:

— Тебе не под силу меня убить, так что не провоцируй, потому что у тебя получится. И в отличие от битвы с Вероникой, с тобой я не остановлюсь, когда будет шанс нанести смертельный удар.

— Не смей! — я зашипела, вцепившись в ворот рубашки Михаила, и встряхнула его, чтобы заставить обратить на себя внимание. — Не смей устраивать тут. Не сейчас. Ты верно сказал: уже поздно. Все так, как есть. Хочешь сделать это ради меня? Так я сама скажу тебе, что для этого лучше сделать. Просто будь со мной рядом, вот и все.

Михаил долго пристально смотрел мне в глаза, а затем все-таки отвел взгляд и опустил голову, вздохнул.

— Хорошо, как скажешь.

— Мне надо подумать, так что отнеси меня в мою комнату, заодно я покажу тебе твою.

В этой просьбе ничего странного не было, Михаил прекрасно знал, что я люблю, когда меня носят на руках. Брат тоже знал, но для него это было сложно, как будто каждый раз, когда он поднимал меня на руки, это было какое-то признание, крайне важное и потому так сложно ему дающееся. Я не обижалась: у каждого из нас есть то, что нам сложно делать, даже если всем остальным эти вещи кажутся очень простыми.

— Вероника...

Что это я слышу в голосе моего бога? Неужели упрек? Где я? Ничего не вижу. Ну конечно, я же сплю.

— Ты не убила его.

— Но и он меня не убил. Ничья, Кайрадж.

— Невозможно. Либо победа, либо проигрыш.

— Это может там у вас, у богов, невозможно. А у нас все возможно. И пример ты видишь перед глазами. Победили мы с тобой или проиграли? А я тебе скажу: ни то ни другое. Мой брат любит говорить, что всегда есть третий путь.

— Не победа, значит проигрыш — для обоих. Плохо. Я мог прогнать Гхаттота. Ты не справилась. Я недоволен.

— Кайрадж, я не могу убить брата, — откровенно призналась я. — Да и никто не сможет, силенок не хватит. Но я придумаю что-нибудь.

— Ты — мое эхо. Друг. У тебя неделя. Потом Гхаттот начнет укрепляться. Будет сложнее.

Снова он стал вмещать в малое количество слов много смысла. Голова у меня, как раньше, не заболела, однако я терялась в оттенках смыслов его слов. Например, я только сейчас поняла, что друг в его случае имеет странное значение. Как будто в его лексиконе такого слова попросту нет, и он взял наиболее близкое по значению к тому, что пытался сказать. Крупное вложение — вот что значило его друг. Я — его эхо, его вложение сил, единственная в своем роде и его самая крупная ставка. Чистая логика и расчет. А дружбы или любви для него не существует.

— Убей эхо Гхаттота. Не можешь — разорви связь иным образом.

О, а это уже интересно.

— А такие способы есть?

— В каждом мире свои правила. Да или нет. Не думал. Убить проще. Правильнее.

Итак, он не знает. Следует по пути наименьшего сопротивления: проще значит правильнее. Не согласна, но в одном он прав: надо подумать. Ведь даже он не отрицает возможности оторвать Гхаттота от этого мира, не убивая его эхо.

— Желаешь, чтобы твой брат жил?

— Конечно. Ты ведь обещал мне его жизнь, помнишь? Не смей его убивать.

— Помню. Иди к нему. Смерть рядом.

О чем это он?! С этой мыслью я подскочила на кровати, моментально проснувшись. Дома я спала без одежды, поэтому сейчас выскочила из комнаты, прямо на ходу натягивая на себя развевающийся от скорости халат. Брат должен был спать у себя в комнате, и я ворвалась именно туда, с грохотом распахнув дверь:

— Влад!

Вместе с краями моего халата, взметнувшимися от быстрого бега, в комнату ворвался свет из коридора, и то, что я увидела, на мгновение ввергло меня в ступор. Нож, удерживаемый Михаилом, уже опускался на шею спящего брата. Спасти его можно было только остановив время, ведь у меня было не больше секунды, и я перешла в измерение Кайраджа, мир вокруг померк.

Ругаясь сквозь зубы, я решительным шагом направилась туда, где стоял Михаил. Вот же призрачный засранец. Дорвался до возможности убить Влада — и сразу попытался это сделать. А ведь раньше, в его нормальной первой жизни, он так и не решился на это. Да уж, стал другим человеком, тоже мне, черт его знает, чего от него еще ждать. Да и братец хорош! Расслабился. Подставился. Оба бараны!

Я схватила книгу с комода и подставила ее в нужное место под клинок. Мир обрел прежние краски, и все стало происходить одновременно. Нож, скрежетнув по книге, по инерции соскользнул и порезал мне палец. Книга, получив толчок от ножа, ударила Влада по щеке. Он к этому моменту уже почти проснулся и поэтому сразу скатился к противоположной от нас с Михаилом стороне кровати. Я схватилась за кровоточащую руку и уже открыла было рот, чтобы отчитать бывшего призрака, но он и звука не дал произнести. С его легкой подачи, причем без всякого видимого движения рук с его стороны, меня отшвырнуло в сторону открытой двери и вынесло в коридор, где меня уже догнало его предупреждение:

— Не лезь!

Дверь захлопнулась вместе с этими словами, словно восклицательный знак в конце предложения. Ну уж нет, они там что, охренели оба?! Впрочем, разбудив брата, я дала ему шанс выжить, вот только случится это теперь ценой жизни Михаила, а мне они нужны живые оба. Я рванулась к двери и ударила по ней ладонью, выпуская мощный разряд молний. Дерево не ожидало такой наглости и разлетелось в щепки. Нет двери — нет проблемы. Внутри стояла крошечная тьма — мгла Влада, и судя по звукам, раздававшимся в самых разных частях комнаты, они упражнялись во взаимном мерцании. Влад обладал этой способностью в своей тьме, а Михаил и так это умел. Очень специфичные догонялки, смешанные с прятками, в игре, где ставка — жизнь. Стоит остановиться Михаилу, и Влад поймает его душу в тиски своей тьмы, ухватится, и тогда тот уже не сможет сопротивляться. Стоит остановиться Владу — Михаил нанесет удар, причем в отличие от меня, слепой в этой тьме, призрак, похоже, чуял, где кто находится

— А ну прекратить немедленно! — рывкнула я, глядя на клубы темноты.

Я не рисковала рассеивать тьму своими молниями, это сделало бы Влада уязвимым и дало Михаилу преимущество, а в том, что я его сейчас остановлю, я уверена не была. Если я войду, меня они не тронут, в этом я была уверена, но что я буду там делать? Они мерцают, как сумасшедшие. За меня все решил Михаил. Я услышала звон разбитого окна и грохот выломанной оконной рамы. Похоже, он решил вырваться из опасной для него тьмы, при этом не посмел выскользнуть через дверь, чтобы Влад меня случайно не задел, пытаясь его убить. А может просто чтобы не выглядело, будто он прячется за мою спину.

— Прекратите рушить мой дом! — вне себя заорала я.

Вот теперь я действительно разозлилась, и решительно шагнула в темноту. Расположение мебели в комнате брата я помнила, и потому напрямик направилась к разбитому окну, тем более, направление указывал еще и ворвавшийся внутрь ветер сквозняка, мчащегося из окна в лишенный двери проем.

Я успела сделать всего пару шагов, как меня обняла рука брата, а сам он прижался к моей спине.

— Стой...

Его загробный шепот, которым он всегда говорил, находясь в своей мгле, вызвал у меня россыпь мурашек. Всегда в таких случаях хотелось поежиться. Его горячее дыхание скользило по шее, и шепот эхом доносился отовсюду, причем судя по дыханию, которое не сбивалось, он в самом деле не произносил этого вслух.

— Успокой щенка, иначе это сделаю я. Он зарвался, — звучал шепот весьма зловеще. — Думает, раз я терпел его столько лет ради тебя, потерплю еще? Десять лет взаперти терпения мне не прибавили!

Его вторая рука перехватила меня за горло спереди, тогда как сам он по-прежнему прижимался сзади.

— Ты моя!

Кажется, эти два слова в меня шепотом выкрикнула вся тьма в комнате. Его пальцы сжались, а я вцепилась ногтями в его руку.

— Влад, — всхрипнула я, ощущая предательское возбуждение от привычного жеста. — Пусти.

Он плавно разжал пальцы, скользя ими по моей коже, словно чудовище, медленно уползающее обратно в свою нору, но при этом продолжающее скалиться из темноты.

— Убери тьму от окна, и я его успокою, — смирно произнесла я. — Просто мне нужно к окну. Я уговорю его.

Рука, обнимавшая меня за пояс, скользнула вверх, нырнула под халат и легла на грудь. Пальцы ее сильно сдавили, а я закусила губу. Нет-нет-нет, никакого возбуждения. С Владом станется поймать меня прямо у него на глазах, вот уж чего Михаил точно не выдержит и безрассудно рванется сюда.

— Влад, не надо... — жалобно проблеяла я, ощущая, как под его пальцами, ласкающими грудь, начинаю быстро проваливаться в омут желаний.

Я издала тихий стон, сразу закусив губу снова, чтобы не застонать громче и не рассказать этим Михаилу, что тут происходит. Влад сам все прервал, подтолкнув меня под задницу вперед.

— Успокоишь его — получишь продолжение, — сообщил он, и я потеряла ощущение его позади себя, он отошел.

И это прозвучало крайне заманчиво, но я усилием воли взяла себя в руки. Запахнув

халат и получше его завязав, я подошла к окну, и тьма услужливо расступилась. Я аккуратно оперлась пальцами на оконную раму, стараясь не порезаться об осколки и не вогнать занозу. С левой руки стекала кровь еще от ножа, но я почти не ощущала жжения боли. Михаил находился в зоне видимости. Он висел в воздухе со стороны нашего внутреннего двора чуть поодаль от окна на том же уровне второго этажа и размышлял, что делать.

— Михаил! — я перебросила ноги через окно. — Лови меня, иначе упаду!

Я спрыгнула вниз, не дожидаясь ответа, и не ошиблась, упасть он мне не дал, и я взмыла в воздух, подхваченная невидимой силой.

— Ника! — он был недоволен моим поступком, но все-таки подтащил меня к себе по воздуху и подхватил на руки. — Опять лезешь, куда не просят.

— Не трогай моего брата.

Он недовольно скривился:

— Ненавижу его. И всегда ненавидел, — он вздохнул. — Он причинил тебе столько боли, но ты все равно любишь и защищаешь его, причем по собственной воле. Даже когда он впервые изнасиловал тебя, ты уже наутро у меня дома потребовала не трогать его. Я люблю тебя и любил всегда, всегда был на твоей стороне, и ты чуть не убила меня своими руками, прогнав из своей жизни. Я принимаю это, но мне не понять этого никогда.

Я закусила губу. Стало стыдно.

— Я тебя тоже люблю, — я мягко опустила ему ладонь на щеку. — Но тебя, а не кого-то другого. Я думала, это не ты. И... не знаю, что на меня нашло. Показалось, я потеряла тебя, и хотелось мести. А Влад... Это же все черная кровь, ты же понимаешь. Она сводит с ума. Она...

Я хотела сказать она заставляет нас впадать в безумие, и у меня в голове мелькнула важная мысль. Михаил никогда не сходил с ума. Он тем временем стал медленно опускаться на землю:

— Иди в дом, замерзнешь в одном халате, здесь прохладно.

Я проигнорировала его слова.

— Михаил, ты хоть раз в жизни впадал в безумие? — я смотрела на него очень серьезно.

— Нет, солнце. Хотя пару раз был близок к этому.

— Почему? Тебя из него выводила я, как и Влада, когда мы делили постель?

— Мне достаточно твоего присутствия и смеха, твоего счастья, лишь бы ты была рядом, делить постель — не самое главное. Почему ты спрашиваешь именно сейчас? — он подошел к двери, и та открылась перед нами, ведомая его незримыми силами. — Никогда раньше не интересовалась.

— Раньше я была уверена, что знаю ответ, но теперь нет. Пока ты был один, ты напропалую использовал свои силы налево и направо, и не впал в безумие. Почему?

— Это имеет значение?

— Да любая мелочь может иметь значение! — с этими словами мы вошли в дом.

Где-то на границе осознания опять крутилась важная мысль. Благодаря Кайраджу, я успела запомнить это ощущение, когда вот-вот осознаешь нечто грандиозное, и оно совсем рядом, только руку протяни. Надо только суметь задать правильный вопрос. Сейчас главная задача — забрать Влада у Гхаттота, но как? Кайрадж не знает, но полагает, что это возможно. Минуточку, а почему он не сказал мне сразу? Почему Кайрадж умолчал о том, что есть шанс не убивать брата, хотя это так важно для меня? Почему узнав о моем бывшем муже, он сразу прибежал, чтобы показать мне его измену, а когда дело коснулось Влада, он всеми силами старался не дать мне шанс его спасти? Хотя нет, глупости, он ведь сообщил мне о том, что Михаил хочет его убить. Хотя стоп, сообщил, да поздно, я вон даже руку из-за этого порезала, пытаюсь спасти брата. Мог бы сказать и раньше. Ему нужна смерть Влада, но почему? Только потому, что он — эхо Гхаттота? Ну все, я ему сейчас все выскажу.

— Кайрадж! — конечно я звала его не вслух.

Мир потемнел, и передо мной темной объемной тенью появился бог. Я не дала ему сказать ни слова:

— Как ты посмел! Ты хотел убить моего брата!

— Одна из сторон твоей души ненавидит его и боится, — Кайрадж не стал отпираться. — Я наблюдал за людьми. Когда это доходит до предела, они убивают того, кто вызывает в них это чувство, если могут.

— То есть ты считаешь, что делал мне хорошо?!

— Близкие заботятся друг о друге. Ты близка мне. Я долго думал, кто ты мне, и понял. Сестра.

— Я не сестра тебе, мы вообще не родственники!

— Но ведь не жена и не любовница тоже, — он удивился. — Тогда у людей нет слова, которое могло бы сказать, кто ты мне.

— Думаешь, можешь увести меня от темы?! Нет, Кайрадж! Не смей больше пытаться убить моего брата или моего призрака, это ясно?

— Да... — в его эмоциях скользнул стыд.

Я удивилась. На него действительно подействовало, что я на него ругалась. Я даже на секунду замолчала в удивлении от этого осознания.

— Я пытался заботиться, почему это плохо? — уточнил он.

— Надо было спросить, что мне нужно, а не делать вот так.

— Люди часто не знают, чего хотят на самом деле.

— Ну уж убивать из заботы точно нельзя!

— Но ты так делала, я видел, ты заботилась о своей подруге Светлане. Думал, так можно, правильно.

— Я плохой человек, Кайрадж, с меня пример брать не надо.

— Ты обещала меня учить, и я учусь.

— Ну так слушай, что я тебе говорю!

— Человек — это то, что он делает, а не о чем говорит.

— Да не надо брать с меня пример! Худшего примера ты и придумать не мог!

— Я не выбирал. Ты звала меня, и я пришел.

Последних его слов я не поняла вообще. Он говорил о каком-то очень далёком времени, не о том, что происходит сейчас. И слово звала имело смысл скорее уж бессознательного зова.

— Я не понимаю...

Он помолчал несколько секунд, словно размышлял над чем-то.

— Я хочу заботиться о тебе. Но видимо, неверно понимаю смысл слова забота. Скажи, что мне сделать, чтобы тебе было хорошо.

— Найди способ забрать Влада у Гхаттота, не убивая его.

Он снова помолчал, размышляя, а затем продолжил, но явно нехотя.

— Сделай его своим эхо. Но тогда ты окажешься в опасности. Я бы не хотел. Лучше убить его.

— В какой опасности? Влад меня не тронет.

— Когда он станет твоим эхо, ты станешь богом, это последний шаг. Став богом, моим эхо ты быть перестанешь, и только ты останешься богом, у которого есть эхо. А значит именно тебе придется нанести удар по Гхаттоту. Но ты не была рождена богом, и это для тебя может быть опасно.

— Не смей решать за меня, — я почти прорычала это. — Как мне сделать Влада своим эхо?

— Не знаю. У каждого бога по-разному, — я слышала печаль в его словах. — Ты должна понять сама. Ты знаешь все сама, просто подумай, задай себе вопрос. Ответ всплывет сам собой.

— А как это было у тебя?

— Сначала много мелких сделок, а затем — крупная, на убийство эхо.

Так вот зачем ему нужны были все эти порванные занавески и одноглазые львы. Как ловко он меня провел. А ведь он мог бы сделать меня своим эхо и не спросив согласия. Может и я смогу? Но ведь даже Гхаттот спрашивал у Влада. Не заставлял, а предлагал.

— Можно ли сделать эхо против воли?

— Нет. Вариум бога надо принять сознательно, потому что вариум взаимодействует не с телом, и ничего не случится без сознательного вмешательства. Нельзя обойти правила, но можно обхитрить человека. Я мог бы сделать тебя своим эхо без твоего желания, — ответил он снова на вопрос, который я подразумевала, но не задала, — но не было нужды. Ты хотела стать богом, а это значит принять в себя много вариума. Стать эхо — лишь шаг на этом пути. Последний шаг — научиться самой создавать вариум. Только так и можно сделать своё эхо. Настроить связь с помощью вариант ты сможешь. Но ты человек, а значит, тебе нужен ритуал. Какой — я не знаю, но знаешь ты. Позови меня, когда соберись наносить удар по Гхаттоту, возможно, я смогу помочь.

А ведь это будет для него опасно, помогать мне, ведь у него не будет эха...

— Спасибо, Кайрадж. А теперь иди. И не подвергай больше опасности ни Михаила, ни Влада.

Бог кивнул и растворился, а мир снова обрел краски.

Ночь. Кромешная тьма. Я аккуратно поставила на кровать одно колено, затем другое, стараясь не разбудить брата. Плавно опустила ладонями поверх одеяла по бокам от его ног. Лунные лучи скользили по обнаженным изгибам моих округлостей. Других источников света в комнате не было. Выгнув спину, я по-кошачьи кралась к его лицу, ступая лапами по одеялу, нависая над Владом всем телом. В моих зубах болталась веревка. Я прекрасно знала

все, что испытывает брат, когда увидит все это, и находилась в предвкушении его эмоций, которые были мне сейчас так нужны. Что-то внутри меня тянулось к нему, жаждало получить то, что он захочет мне дать. Когда я сделала так в прошлый раз, он смутился. Я и забыла, что мой братец умеет смущаться, и что на самом деле этого очень легко добиться.

Основная моя цель сегодня — обман. Надеюсь, он не догадается, надеюсь, у него недостаточно информации. Когда он поддастся, когда переспит со мной, он станет моим эхо. Это мой способ делать эхо, мой способ настроить связь. Надо соблюсти только два условия. Он должен в начале узнать, что станет эхом, а я должна в конце захотеть сделать его своим эхом. Таковы правила мира.

Я наконец добралась до лица, и наши взгляды встретились. Конечно он уже проснулся. Не отрывая взгляда, я приоткрыла рот и выронила веревку ему на грудь. В его эмоциях вспыхнуло смущение. Он помнил, как я сделала это в прошлый раз, и тогда я произнесла Сделай со мной все, что захочешь. Я тогда хотела добиться того, чтобы он перевозбудился без присутствия ревности и набросился на меня голодным зверем, но эффект оказался прямо противоположным. Он смутился, хотя и очень порадовался, и ляпнул первое, что пришло ему в голову: Что ты делаешь? Этот тупой для такой ситуации вопрос означал крайнюю степень уязвимости и смущения. Конечно он прекрасно понимал, что я делаю. И сейчас, глядя ему в глаза и ощущая себя стервой, я выронила ему на грудь веревку так же, как тогда, и произнесла слова, не так давно сказанные мне Кайраджем:

— Стань моим эхо.

Я думала, это собьет его с толку, но нет. Степень смущения его была так велика, что он не заметил издевательства в моем поступке, и повторил то же, что сделал в прошлый раз, ляпнул глупость:

— Таких больших ошейников не делают.

Я усмехнулась. Это ли не власть. И вдруг поймала себя на мысли, что забыла самое главное в нашем с ним прошлом. Он лишь давал мне то, чего хотела я. Это не он владел мной, а наоборот, всегда сам принадлежал мне. Это я вцепилась в него чудовищными когтями и держала рядом с собой, не давая свободно дышать. Я убивала не всех его женщин, а лишь тех, к кому он испытывал чувства, потому что на самом деле он мой и ничей больше. Мечь была лишь прикрытием страха, что однажды ради одной из них он бросит меня, оставит одну. И каждый раз, когда я хотя бы на миг представляла себе эту ситуацию, я буквально всей кожей ощущала, как безумие начинало обволакивать разум и требовать убийств.

Его теплые пальцы легли мне на плечи. Оказывается, я застыла над ним каменным изваянием, погрузившись в свои мысли.

— Вероника, — позвал он. — Я не хочу, чтобы ты становилась богом.

Только сейчас я обратила внимание, что в его эмоциях скользит страх, который он тщательно прячет. Страх, что придется меня убить, потому что богам здесь не место. Он знал, что сможет, знал, что будет обязан, и не хотел этого. Неужели догадался, зачем я здесь? В таких ситуациях логика отказывает ему, и если догадался, мой план рухнет, он просто не станет со мной спать.

— Я пришла, потому что соскучилась, — отчасти правда, лгать нельзя, заметит.

Он долго смотрел мне в глаза, но так ничего и не ответил. Ладонь прошла по моим волосам: он то ли гладил меня, то ли боялся коснуться. Я повернула лицо так, чтобы щека улеглась в его ладонь, и прикрыла глаза, наслаждаясь прикосновениями.

— Я люблю тебя. Я вспомнила, Влад. Люблю и хочу, — я опустила к его груди и носом подтолкнула веревку. — Сделай со мной все, что захочешь.

Его пальцы коснулись моей груди, а затем ладонь жадно и даже немного больно схватилась за нее. Его шепот раздался совсем рядом с ухом:

— Я ведь в самом деле могу сделать с тобой все, что захочу, ты понимаешь это?

Я прикрыла глаза и задрожала то ли от возбуждения, то ли от нервов, и выдохнула:

— Сделай. Прошу.

Он впился в мои губы. Целовался он всегда жадно, и так он целовался только со мной. Его пальцы сильнее вцепились в грудь, сжали так, что стало больно, но это уже давно была привычная боль. И сквозь все это я ощутила нечто непривычное, медленно начинали завязываться узелки. Между ним и мной закреплялась связь. За всеми этими ощущениями я словно вываливалась из реальности на короткие промежутки времени. Вот он вжимает меня в кровать и целует. А вот уже ударил спиной в стену и заставил обхватить себя ногами. Он не успел войти, последний узелок завязался, и он вздрогнул. Почувствовал наконец. Он замер и посмотрел прямо мне в глаза.

— Ника...

В его голосе не было злости или ярости, была только печаль и укоризна, словно я маленькая девочка, которая в очередной раз совершила очень большую глупость. Я улыбнулась, крепче прижала его к себе, зажатая между ним и стеной, и чмокнула его в губы.

— Не переживай, я все сделаю и вернусь. Прогоню всех, понимаешь? Это то, ради чего ты жил все это время. Мы наконец сделаем это. Вместе. Пойми уже!

— Ты не понимаешь, что творишь... — он отпустил меня и отошел с видом человека, у которого только что рухнул мир.

— Я быстро, Влад. Только прогоню их и вернусь. Честное слово. Я быстро, вот увидишь!

С этими словами я перешла в Пустоту. Кайрадж был прав, я осознавала, что делать и как, как только задавалась этим вопросом. Как увидеть то, что сбоку от тебя? Просто повернуть голову. Как прогнать Гхаттота? Просто найти и нанести удар. Как его найти? Просто позвать.

— Гхаттот!

Он не был чем-то зримым, я вообще не могла сказать, что я знаю что-то вижу, но я точно ощущала. Это огромная темная туча, которая обратила на меня внимание и неуклюже повернулась, чтобы посмотреть на меня, эдакую пишущую мелочь. Если сравнивать объемы, Кайрадж по сравнению с ним — как ребенок рядом с горой.

Мой зов услышал и Кайрадж, я ощутила его появление рядом:

— Ты все-таки решилась... — на этот раз он не здоровался со мной по имени, а сразу начал с главного.

— Я много на что решилась, — отозвалась я и недолго думая нанесла удар.

У меня был всего один шанс выбить Гхаттота из мира, и все удалось! У него больше не было эхо, и я ощутила, как эта огромная туша, словно слизень, прилипший к стене, нехотя отделяется от поверхности мира под мощью прошедшего удара. Я почувствовала и от него удар в ответ. Ощущение было таким, словно меня сбил поезд, и я улетела бы с рельс, если бы не Влад. Связь с ним удержала меня, как веревка, не дав улететь от мира в сторону, туда, куда сейчас уносило Гхаттота. И я снова коснулась мира, обняла его, как если бы обнимала глобус.

— Молодец, Вероника, — Кайрадж улыбнулся. — Теперь твоя задача уговорить Петра

Купцова стать моим эхо.

— Нет, — я ласково погладила свой мир. — Теперь ты уходишь.

И не дав ему ничего сказать, я нанесла второй удар, на этот раз по нему. Он не был таким же огромным, как Гхаттот, и ощущение его прикосновения к миру пропало почти сразу. Теперь только я обнимала свой мир. Такой мягкий. Такой приятный на ощупь. И отсюда, из Пустоты, я слышала голоса. Много голосов. Это все были люди. Мои люди моего мира.

Теперь вы не принадлежите им, другом богам. Вы делаете это все во имя меня! Я — Ника, новый бог! И во имя меня вы будете творить добрые дела. Ведь в этом нет ничего плохого. Совершите во имя меня поступок, от которого кому-то, кроме вас, будет хорошо, и я дарую вам своё благословение. Поклоняйтесь мне!

Я в самом деле говорила с ними, ласково шептала им это. Весь мир, все живое и неживое пропитано вариумом, и благодаря ему они слышат шепот на границе осознания, который пока не понимают, но уже знают имя своего бога. Они все — мои дети.

— Вероника! — голос брата я услышала очень хорошо. — Вернись немедленно!

— Ника! — голос Михаила звучал тише и как-то иначе, но все равно хорошо, словно на фоне общего шёпота только они говорили вслух, а Влад — еще и громко.

Ну нет, здесь так интересно и приятно! Немного позже. Однако внимание на них я все же обратила. И удивилась. Они уже не были людьми, оба полубоги, им не хватало лишь осознания и эхо. И благодаря этому они могли преодолевать некоторые законы мира. Да они могли бы стать богами, как я. Ладно, скажу им об этом потом, хотя вряд ли захотят, в этом вопросе Михаил всегда был на стороне Влада. Я погладила каждого из них, влив еще немного вариума. Мои любимые...

— Во имя тебя, Ника! Я помирился с отцом во имя тебя, — голос Виктора звучал четко, хотя и тихо.

Так вот как я слышу своих последователей. И конечно первым услышавшим меня и пошедшим за мной был Виктор. Что ж, это хорошо, молодец, Виктор. Я коснулась его и погладила. Немного вариума, вот моя награда, делай с ним что хочешь, уж ты-то точно найдешь ему применение...

— Я не в настроении. Если ты здесь не для того, чтобы предложить мне решение, а ты здесь не для этого, лучше уходи.

Произнося это, Владислав не повернулся, продолжая стоять перед окном спиной ко мне, словно тем самым выражал пренебрежение. Я достаточно хорошо и давно знал его, чтобы понимать, что он всего лишь скрывает свою боль. Ту же, что разъедала и меня. Ника, мое любимое солнышко, не справилась. Проиграла, поддалась соблазну и теперь стала врагом, потому что стала настоящим богом.

Вокруг стояла крошечная тьма, но мне она не мешала. Я не видел, но с некоторых пор ощущал все вокруг, так я умел, когда был призраком. В камине тлели угли — остатки бывшего огня. Я ощущал себя точно таким же: потухшим, воспоминанием. Этот огонь уже не раздуть, хотя Ника и старалась. Я и сам старался, хотя бы ради нее. Но так же, как и она, свою войну я проиграл.

— Я здесь именно для этого. Чтобы предложить решение.

Я прошел к одному из двух кресел перед камином и повернул его так, чтобы сидя в нем, смотреть на своего давнего врага. Владислав повернул голову в мою сторону. Его лица видно не было, но готов поспорить, что он заинтересовался.

— Ты знаешь, я всегда поддерживал твою сторону в вопросах богов. Так же, как и ты, я служил Отделу во благо людей.

— Знаю, — теперь он повернулся ко мне всем телом, хотя и остался стоять на месте.

— Еще я знаю, что ты думаешь. Она предала тебя. Предала твои идеалы и все, во что ты верил.

— Скажи мне что-то, о чем я не в курсе, — огрызнулся Владислав.

— Мне так же, как и тебе, больно осознавать, какой путь выбрала Ника.

— Неужели? Верный пес не разделяет мнение своей хозяйки? Я поражен, — сарказм в его словах — очередное прикрытие боли души.

— Я знаю, как с ней справиться, не убивая, — я решил не тянуть и сразу выложить свой главный козырь.

— Рассказывай, — немедленно потребовал Владислав.

Ну конечно, над этим вопросом каждый из нас независимо друг от друга ломал голову все эти месяцы ее отсутствия. Я секунду помолчал, решая с чего начать, потому что объяснить нужно было много.

— Я призрак, Владислав. Впрочем, это тебе и так известно. Но сейчас я говорю об этом в более широком смысле. Я мертв. И я все еще мертв. Это тело... — я развел руки в стороны. Его не существует. Понимаешь меня?

— Я уже давно кроме тел вижу еще и души. Твоя душа за время пребывания в этом теле поглотила его, сделав таким же полуматериальным, как и она сама. Так что ничего нового ты не сообщил. Дальше, — потребовал продолжения он.

— Отлично. Значит объяснить будет проще, чем я думал. Я могу сделать почти то же, что сделал с эхом Гхаттота. Меня не существует здесь, я сам по себе — словно некое дополнительное пространство, именно так я перемещаюсь. И я затащил эхо Гхаттота в себя, а потом потерял ключ от этой двери. Так он потерял связь со своим телом окончательно и

умер. Вероника не умрет, я не убью ее.

— Зато умрешь ты, — да уж, он всегда был догадлив.

— Владислав, мне и так недолго осталось. Я не говорил Нике, но иногда я ощущаю, что не существую. Иногда теряюсь в пространстве, всего лишь моргнув, и оказываюсь в другой части города. Я... истончаюсь. Словно дым, который скоро развеется. Я люблю ее, люблю всей душой, которая у меня еще осталась. Но я также понимаю, что ее не должно быть здесь, среди людей, как и меня. Тем более, после моей смерти она наверняка натворит бед, и если в прошлый раз в безумии после моей смерти она убила десяток людей, на этот раз все будет намного хуже. Послушай меня, Владислав, я бы сделал все сам, но не могу. И потому мне приходится просить тебя о помощи. Ты разделяешь мои взгляды, так что поможешь, я уверен, — я встал с кресла. — От тебя потребуется немного. Всего лишь подтолкнуть ее.

— Хочешь отправить ее в тюрьму, где она проведет вечность в одиночестве, — он не спрашивал, понял и сам.

— Я сам стану ее тюрьмой. Она не будет одна.

— Это ты так думаешь. Тебя не станет, будет лишь тюрьма.

— Решай.

Он долго смотрел на меня, прежде чем кивнуть.

Ты не останешься одна

Голоса. Много голосов. Вы все знаете имя своего бога. Это чувство чудесно. Каждый их поступок во имя меня — будто маленький оргазм. Исступление удовольствия. Они говорят о том, что сделали кому-то хорошо во имя меня. Я отзываюсь и даю дар некоторым из них. Каждый такой раз — величайшее удовольствие. Да! Еще! Я хочу еще! Совершайте благие дела во имя меня. Именно этого я и хотела. И Влад хотел бы того же. И Михаил. Я другой бог, хороший. Я даю дар лишь тем, кто заслужил. Тем, кто совершил благое дело. Кто принес немного радости в этот мир.

— Я накормил бездомного во имя тебя!

— Я извинился перед обиженным во имя тебя!

— Я вытащил друга из беды во имя тебя!

Да! Да! Так много голосов...

— Вероника! — голос брата был слышен четко. — Вернись к нам.

Подожди, братик, подожди. Здесь еще столько голосов. И каждый поступок — удовольствие. Я ведь даю дар не всем, только тем, чьи голоса громче других. Они совершили много поступков, много людей порадовали.

— Ника, солнце, отзовись, пожалуйста, — голос Михаила почти такой же громкий, как у брата.

Конечно, любимый, я скоро. Еще парочку поступков. Еще пара голосов. Пара даров. Я слышу вас обоих. Слышу. Дайте мне еще пару минут.

— Вероника!

Голос брата не оставлял меня, жужжал над ухом, словно назойливая муха. Я отмахивалась, сколько могла, но в конце концов не выдержала. Он начал бесить. Неужели так сложно оставить меня в покое хотя бы на несколько минут! И я, разозлившись, все-таки ответила на его зов, полная решимости обругать его и вернуться сюда, в Пустоту, где мне так хорошо.

Я ухватилась за его зов и эмоции. Мир начал обретать очертания. Я начала видеть, не только слышать и ощущать. Сначала очертания были нечеткими, искаженными, но довольно быстро пришли в норму. Я стояла в нашем доме в темноте его спальни. Опять следуя его голосу я пришла во тьму.

— Вероника...

В голосе брата послышалась непонятная мне смесь эмоций: удивление смешанное с облегчением. Он схватил меня и прижал к себе будто после долгой разлуки. Затем так же быстро отпустил, схватил за лицо и заставил смотреть себе в глаза:

— Вероника, не смей больше так делать! Никогда больше не смей так делать! Иначе я не знаю, что с тобой за это сделаю, — в его голосе звучала угроза, но не настоящая, он просто беспокоился.

— Как? — пыл ругаться у меня поутих, сменившись удивлением. — Что с тобой? О, кстати, ты не представляешь, что было! Я настоящий бог, Влад! У меня даже последователи есть! И они делают добрые дела во имя меня! Мы справились! Это именно то, чего мы хотели!

На радостях я сама схватила его за лицо и чмокнула в нос, однако выражение на его

лице оставалось таким же хмурым, и я, продолжая смотреть ему в глаза, медленно убрала улыбку и насупилась.

— Ну хватит хмуриться уже! — ну вот, все настроение мне испортил. — Мы всё сделали, мы справились! Теперь все будет хорошо! Кстати, а где Михаил?

Я попыталась оглядеться по сторонам, но брат не позволил.

— Вероника, сколько, по-твоему, ты отсутствовала?

— Ну... Несколько часов. Хотя нет, наверное пару дней, — я перебрала воспоминания поступков, которые совершали во имя меня люди, и наконец неуверенно посмотрела на брата, — Что, неделю?

— Полгода, Вероника. Тебя не было полгода.

— Сколько? — переспросила я, хотя и так прекрасно все расслышала. — Мне казалось, что я там была совсем недолго... А где Михаил?

— Здесь, — отозвался его голос из-за спины, и вместе с этим с его легкой руки в комнате загорелся свет, он всегда приносил свет в мою жизнь.

Я невольно сощурилась, пока глаза привыкали. Влад отпустил меня, а Михаил подошел и остановился рядом.

— Я соскучился, Ника, — он повернул меня к себе и обнял.

Я расплылась в улыбке. Я люблю каждого из них, и в их объятиях так хорошо, почти как поступки моих последователей во имя меня. Я обняла и его в ответ. Мы стояли так несколько секунд, пока в голове не появилось гадкое ощущение, что что-то не так. Мысли, — говорил мне Кайрадж, и как только я это вспомнила, сразу поняла, что именно не так. Михаил обнимал меня, крепко прижимая к себе, а Влад не возражал. Нет, серьезно, он стоял здесь и смотрел на все это молча. Это совсем не в его духе. Я ведь принадлежу ему, так почему он молчит?

— Подожди, — я отстранила от себя Михаила за плечи и повернулась к брату, внимательно разглядывая его. — Что случилось?

Тот вздохнул и кивнул стоящему позади меня Михаилу. Неужели они все-таки договорились насчет меня, пока я отсутствовала? Так ведь это же отличные новости! Если они перестанут рычать друг на друга, то я стану самым счастливым человеком в мире.

— Рассказывайте, что вы задумали. Сюрприз, да? — я радостно расплылась в улыбке.

— Ты говоришь, Вероника, люди совершают добрые поступки во имя тебя, — брат мрачно смотрел мне в глаза, скрестив руки на груди.

Нет, все-таки что-то не так. Но что?

— Конечно, — я ощущала желание оправдаться, — но я знала, что ты расстроишься, если я буду давать дар всем подряд, поэтому даю лишь самым ярким, самым громким голосам. Тем, кто совершил что-то крупное, или множество мелких поступков, которые принесли радость многим людям.

— Я расскажу тебе короткую историю. Один человек во имя тебя убил государя. Его смерти многие порадовались, но не потому, что он был плохой правитель, а потому что у него было много врагов. И ты дала убийце дар. С ним он пришел в тюрьму, убил множество охранников и освободил заключенных. Они были очень рады, и его дар усилился. Мы ловили его несколько месяцев и потеряли больше десятка людей, прежде чем смогли хотя бы прикончить, потому что поймать живым его было попросту невозможно.

Я стояла в шоке, не зная, что сказать. Да и что тут скажешь? В голову совершенно не приходила мысль о таком повороте дел. Влад грубо схватил меня за платье и приблизился к

лицу.

— Они убивают во имя тебя, Вероника. Они пытаются во имя тебя. Ты предала все, во что я верил. Ты сама стала богом, переметнулась на сторону врага и создаешь себе последователей!

Я смотрела в его глаза. Ожидала там злость, а нашла боль. Это я ее причинила, и я вдруг поняла, как же мне самой от этого больно.

— Я не хотела... — вот и все, что я смогла выдавить из себя.

И я не просто смотрела в его глаза. Кажется, что заглядывая в них, я видела его душу. Внезапно Влад дернул меня на себя и впился в губы. Жадно и целеустремленно, как всегда. По комнате прогулялся ветер. Интересно, откуда? Я бы не обратила внимание, но он был сильным. Я с трудом вырвалась из пальцев брата и обернулась. Михаил стоял, раскинув руки, полупрозрачным силуэтом, словно он был в призрачной форме, ненастоящий, бестелесный. Разозлился на поцелуй Влада? Заревновал?

— Не злись, — попросила я, он любит меня, он поймет.

— Не злюсь, — ответил он с улыбкой.

И с голосом было все не так. Он прошелестел сухим ветром, несущим осенние листья. Михаил искажился, словно был лишь изображением, картинкой.

— Что ты делаешь? — я испугалась.

Брат обнял меня сзади поверх рук, прижимая к себе:

— Не бойся Вероника, так надо. Мы договорились. Дай ему пару минут.

— Вы в самом деле договорились? Ради меня? — я улыбнулась.

В его руках было хорошо. Я не понимала, что делает Михаил, но раз договорились, значит все в порядке. Поэтому я просто смотрела, стоя в объятиях такого близкого и родного человека. Он защитит меня, что бы ни случилось. Он любит меня, хоть и по-своему. Он никогда меня не бросит. Я наконец вспомнила все, что было между нами. Много хорошего. Все мы делали ошибки, делали друг другу больно, но нам было хорошо вместе. Каждый любит по-своему. И у меня всегда был Михаил, который всегда рядом, всегда поможет, если я захочу. Словно безмолвный вечный защитник. Но что он делает сейчас?

Его тело искажилось окончательно, потеряло очертания формы человека и все это стало похоже на круглое плоское зеркало. Он был источником сильного ветра. Занавески колыхались, как сумасшедшие. Даже мое платье стремилось сорваться и улететь.

— Что происходит? — мне пришлось кричать, чтобы за шумом ветра брат услышал.

— Я покажу. Идем.

Влад ответил так же громко, перехватил меня за запястье и потащил к Михаилу. Или, точнее, к тому месту где тот только что был. Я пошла, но в душе шевелилось странное ощущение. Михаил далеко. Не умер, но далеко. Словно здесь и не здесь одновременно. И стремительно отдаляется.

— Куда Михаил ушел? — я остановилась около самого круга и повернулась на брата.

Он сам повернулся ко мне и снова обнял поверх рук, крепко прижал, словно я собиралась вырваться:

— Ты не останешься одна.

С этими словами он оттолкнулся от пола, и мы вместе упали в это зеркало.

Меня обнимают. Меня любят. Засыпать вот так очень приятно.

На секунду показалось, что сквозь сон я услышала голос своего бога:

— Я понял, чего ты хочешь, и скрылся, как когда-то скрылся от Гхаттота. Спи. Я

присмотрю за этим миром. Не трону людей, эхо не будет. Богов не будет. А если придет новый, разбужу. И я наконец подобрал правильное слово. Понял, кто ты мне. Спи, мама.

И я уснула с улыбкой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net